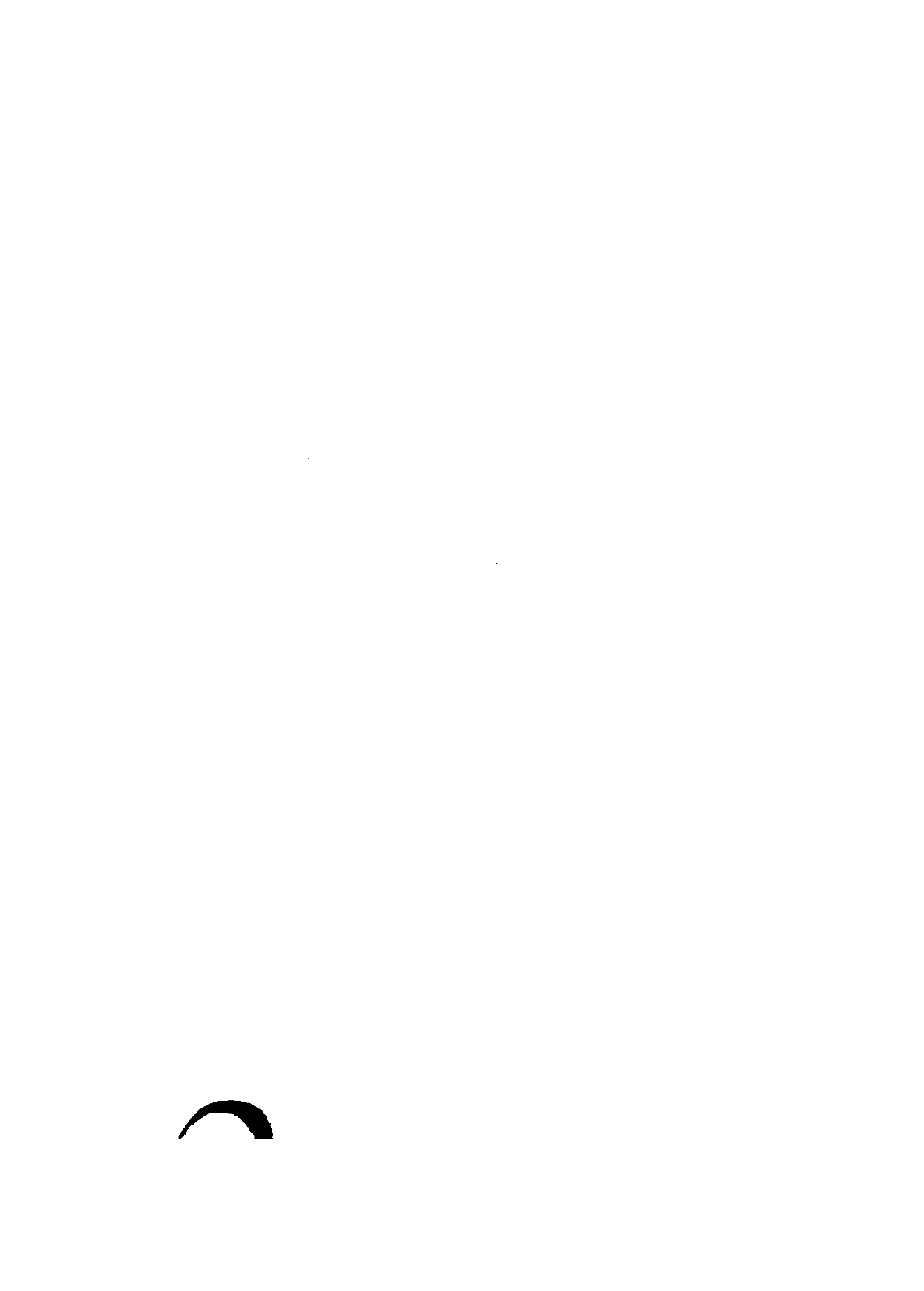

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ

ХЕМНИЦЕРЪ.

Род. 5 Января 1745 ум. 20 Марта 1784 года

СОЧИНЕНІЯ И ПИСЬМА

ХЕМНИЦЕРА

ПО ПОДЛИННЫМЪ ЕГО РУКОПИСЯМЪ,

СЪ БІОГРАФИЧЕСКОЮ СТАТЬЕЮ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

Я. ГРОТА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Къ тексту приложены: портретъ Хемницера и снимки съ его почерка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. остр., 9 лин. № 12.)

1873.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Петербургъ, октябрь 1873 г.

Непремѣнный Секретарь *К. Веселовскій.*

Басни Хемницера, нѣкогда перепечатывавшіяся по нѣскольку разъ въ годъ, давно уже исчезли изъ книжной торговли.

Неожиданная находка рукописей знаменитаго баснописца, вызванныхъ на свѣтъ академическимъ изданіемъ Державина, подала поводъ предпринять и изданіе сочиненій Хемницера.

Въ рукописяхъ, доставленныхъ намъ И. С. Капнистомъ и Г. П. Надхинымъ, баснописецъ является новымъ человѣкомъ, чрезвычайно живымъ, чуткимъ и просвѣщеннымъ; мы видимъ Хемницера посреди его вседневной жизни, въ тѣсномъ пріятельскомъ кругу, непринужденно высказывающимъ все, что у него на душѣ; мы узнаемъ его помышленія, планы и надежды. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этихъ рукописей обнаружилось, что его басни, при посмертномъ ихъ изданіи, были произвольно передѣланы его друзьями. Поэтому одною изъ главныхъ заботъ нашихъ было возстановить подлинный ихъ текстъ, и въ басняхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Хемницера, дать потомству самого Хемницера, а не друзей его и первыхъ издателей. Въ его рукописяхъ мы могли прослѣдить весь

ходъ постепеннаго развитія почти каждой пьесы, и таким образомъ пріобрѣли довольно полный матеріалъ для исторіи большей части замѣчательныхъ, хотя и не многочисленныхъ, трудовъ его; а извѣстно, что въ отношеніи къ нашимъ стариннымъ писателямъ такое историческое изученіе ихъ произведеній возможно только въ видѣ рѣдкаго исключенія. Кромѣ того, мы нашли въ автографахъ Хемницера нѣсколько неизвѣстныхъ доселѣ сочиненій его, которыя хотя по художественному достоинству ничего не прибавляютъ къ его славѣ, но имѣютъ значеніе для характеристики времени и для ближайшаго знакомства съ личностью самого автора. Эти труды нынѣ въ первый разъ являются въ нашемъ изданіи, куда вошли также когда-то напечатанные, но потомъ забытые опыты Хемницера, любопытные, при всей слабости ихъ, для историка литературы.

Принося здѣсь глубокую признательность нашу лицамъ, сообщившимъ намъ рукописные источники для этого изданія, мы въ то же время считаемъ пріятнымъ долгомъ заявить, что первымъ указаніемъ на записную книжку Хемницера мы обязаны М. П. Погодину, къ отысканію же ея и полученію оказали намъ любезное содѣйствіе В. А. Бильбасовъ и М. И. Семевскій.

Наконецъ, не можемъ умолчать и о радушной помощи, какую мы, при собираніи разныхъ свѣдѣній и библіографическихъ матеріаловъ, встрѣтили со стороны Н. С. Тихонравова, М. Н. Лонгинова, П. Н. Петрова и Г. Н. Геннади.

Наше изданіе знаменательно совпадаетъ съ **столѣтнимъ юбилеемъ Горнаго Института.** И. И. Хемницеръ, какъ и отецъ его, отличался свѣдѣніями въ минералогіи, и въ первое время существованія Горнаго училища былъ однимъ изъ полезнѣйшихъ членовъ учрежденнаго при немъ ученаго собранія, трудился надъ переводомъ ми-

нералогическихъ сочиненій и надъ составленіемъ горнаго словаря. Главный участникъ въ основаніи Горнаго училища, Соймоновъ, высоко цѣнилъ даровитаго сослуживца и любилъ его, какъ самаго близкаго человѣка. Считаемъ за особенную честь привѣтствовать настоящимъ изданіемъ отъ имени Академіи Наукъ вступленіе дорогого Хемницеру учрежденія во второе столѣтіе своей достославной дѣятельности, и приводимъ, въ заключеніе, слова́ этого писателя изъ посвятительнаго письма его къ Соймонову:

„Лестно для патріота видѣть счастливые успѣхи, коими награждены труды ваши, стремящіеся къ доведенію въ совершенство горнаго въ Россіи производства, такой части, которая составляетъ вещественнѣйшее каждаго государства богатство и первыя онаго силы въ войнѣ и мирѣ“.

12 Октября 1873.

Я. Гротъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Басни и сказки съ варіантами и примѣчаніями:

Первые напечатанные труды Хемницера:

Изъ неизданныхъ опытовъ Хемницера:

Изъ записной книжки Хемницера:

Къ исторіи критической оцѣнки Хемницера:

*

Подлинникомъ приложенной къ книгѣ литографіи, работы художника Брезе, служилъ принадлежащій Академіи Наукъ портретъ масляными красками. При изготовленіи ея былъ отчасти принятъ въ соображеніе и другой, по видимому, подлинный портретъ баснописца, составляющій собственность Н. С. Никитина, но къ сожалѣнію сдѣлавшійся намъ извѣстнымъ только тогда, когда работа г. Брезе была уже почти окончена.

Къ снимкамъ съ почерка Хемницера присоединяемъ такой же снимокъ съ одной изъ басенъ, переписанныхъ и исправленныхъ рукою Капниста, какъ наглядный образчикъ его пріемовъ при окончательной редакціи этихъ басенъ.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ

ИВАНѢ ИВАНОВИЧѢ ХЕМНИЦЕРѢ

ПО НОВЫМЪ РУКОПИСНЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Въ русской литературѣ 18-го столѣтія имя Хемницера занимаетъ довольно видное мѣсто. Онъ прожилъ менѣе 40 лѣтъ, пріобрѣлъ извѣстность только небольшимъ сборникомъ басенъ, и однакожъ его право на вниманіе потомства признается безспорнымъ. Недалеко еще то время, когда басни его безпрестанно вновь издавались то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, и въ самомъ дѣлѣ, при всей безыскуственности своей формы и простотѣ построенія, онѣ обличаютъ столько ума, здраваго смысла и знанія свѣта, что невольно располагаютъ читателя въ пользу автора.

Все, что мы до сихъ поръ знали о Хемницерѣ, умершемъ въ 1784 году, основывалось на краткихъ очеркахъ его біографіи. Достовѣрнѣйшій изъ нихъ напечатанъ при первомъ посмертномъ изданіи басенъ Хемницера (1799), вѣроятно другомъ его Николаемъ Александровичемъ Львовымъ[1]; другой, пополненный немногими лишь свѣдѣніями, — при позднѣйшемъ изданіи тѣхъ же басенъ (1838) извѣстнымъ археологомъ Сахаровымъ, и третій — въ Словарѣ Бантышъ-Каменскаго (1847), который большею

---

[1] Этотъ очеркъ перепечатывается вслѣдъ за настоящею статьею.

частью повторяетъ не всегда вѣрныя извѣстія Сахарова[1], а иногда прибавляетъ и новыя: здѣсь, между прочимъ, въ первый разъ названъ М. Ѳ. Соймоновъ, какъ начальникъ Хемницера по горному вѣдомству и какъ лицо, съ которымъ онъ путешествовалъ по Европѣ.

Эти три очерка знакомятъ насъ только съ общимъ ходомъ службы Хемницера и съ нѣкоторыми чертами его природы, отличавшейся крайнимъ простодушіемъ и разсѣянностію. Въ недавнее время, изъ рукописей Державина выяснились, болѣе прежняго, близкія отношенія Хемницера къ литературному кружку, въ которомъ рядомъ съ знаменитымъ лирикомъ стояли Львовъ и Капнистъ[2]. Скудость современныхъ біографическихъ извѣстій о нашемъ баснописцѣ происходила конечно не отъ недостатка свѣдѣній, какими располагалъ Львовъ, а отъ понятій эпохи, когда у насъ еще рѣдко кто дорожилъ точностью фактовъ и подробностями, составляющими основу литературной и общественной исторіи. Другою причиною была близость времени, къ которому принадлежалъ Хемницеръ: казалось неудобнымъ называть нѣкоторыя лица и передавать частности изъ ихъ жизни. Такъ въ помѣщаемомъ ниже первоначальномъ очеркѣ не поименованы ни Безбородко, ни Бакунинъ, несмотря на ихъ значеніе въ судьбѣ баснописца. Впрочемъ, впослѣдствіи Капнистъ задумалъ-было написать болѣе обстоятельную біографію Хемницера, и для того взялъ у Львова собранные съ этою цѣлію матеріялы; но намѣреніе это осталось неисполненнымъ. Недавно одинъ изъ внуковъ автора *Ябеды*, Иванъ Семеновичъ Капнистъ, передалъ въ распоряженіе наше подлинныя рукописи Хемницера и нѣкоторыя другія, относящіяся къ нему бумаги. Хотя онѣ по всей вѣроятности сохранились не

---

[1] Такъ Бантышъ-Каменскій, со словъ Сахарова (см. ниже), увѣряетъ, будто отецъ Хемницера умеръ задолго до сына, тогда какъ онъ пережилъ последняго.

[2] Біографическія свѣдѣнія объ этихъ лицахъ см. въ *Сочиненіяхъ Державина* по Указателямъ, приложеннымъ къ IV, V и VI томамъ академическаго изданія.

совсѣмъ въ полномъ видѣ и хотя разрѣшаютъ далеко не всѣ вопросы, возникающіе при ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, тѣмъ не менѣе онѣ проливаютъ новый свѣтъ на его жизнь и характеръ. Къ нимъ присоединилась впослѣдствіи еще записная книжка Хемницера, отыскавшаяся у внучатной племянницы его Натальи Петровны Никитиной и сообщенная намъ Григ. Прокоф. Надхинымъ: главное содержаніе этого важнаго документа составляютъ собственноручныя дорожныя замѣтки, писанныя Хемницеромъ во время двукратнаго пребыванія его внѣ Россіи.

Извѣстно, что отецъ Хемницера выѣхалъ изъ Саксоніи и былъ напослѣдокъ инспекторомъ петербургскаго сухопутнаго госпиталя [1]. Мы узнаемъ теперь, что онъ занималъ передъ тѣмъ должность военнаго штабъ-лѣкаря. По желанію друзей своего сына, онъ, послѣ смерти его, составилъ на нѣмецкомъ языкѣ біографическую о немъ записку, въ которой особенно драгоцѣнны извѣстія о дѣтствѣ и воспитаніи талантливаго баснописца. Эта рукопись дошла до насъ въ подлинникѣ; она писана неразборчивымъ, нетвердымъ почеркомъ и притомъ очень неправильно. Изъ нея прежде всего оказывается, что Хемницеръ родился не въ Петербургѣ, какъ говоритъ Бантышъ Каменскій, и не въ 1744 году, какъ думали до сихъ поръ, а въ Астраханской губерніи 5 января 1745. Мѣсторожденіемъ его была Енотаевская крѣпость (нынѣ уѣздный городъ Енотаевскъ), основанная за три передъ тѣмъ года на Волгѣ, въ 141 верстѣ отъ Астрахани. Уже

---

[1] При миніатюрномъ изданіи басенъ Хемницера, которое Сахаровъ напечаталъ въ своей типографіи, въ самомъ началѣ біографическаго очерка сказано слѣдующее: «Въ царствованіе Петра Великаго переселился въ С. Петербургъ саксонскій уроженецъ Іоганнъ Хемницеръ. Русскіе радушно приняли заѣзжаго гостя, полюбили его какъ врача и знатока въ горнозаводскихъ дѣлахъ и опредѣлили на службу. Хемницеръ служилъ намъ вѣрою и правдою, жилъ скромно и утѣшался двумя дочерьми». Къ сожалѣнію, Сахаровымъ не указано, откуда почерпнуты эти свѣдѣнія. Вообще же очеркъ его, какъ и напечатанный позднѣе Бантышъ-Каменскимъ, носитъ большею частью характеръ произвольнаго распространенія и украшенія извѣстныхъ прежде обстоятельствъ, не прибавляя къ нимъ почти ничего существеннаго.

на 3-мъ мѣсяцѣ отъ рожденія пришлось ему странствовать с родителями по степямъ и побывать въ Кизлярѣ; однакожъ лѣтомъ того же года они поселились въ Астрахани. Только что ребенокъ началъ говорить, мать и отецъ стали играя знакомить его съ азбукой, и онъ непримѣтно выучился читать и писать. Игрушекъ онъ никогда не любилъ, ломалъ и бросалъ ихъ; но его занимало набивать горшки землею и садить въ нихъ растенія; другою забавой его было пускать бумажные змѣи. До лакомствъ онъ также былъ неохотникъ, и предпочиталъ имъ черный хлѣбъ. Замѣчая въ немъ большую любознательность при тихомъ, меланхолическомъ нравѣ, отецъ принялся давать ему уроки въ нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, и выучилъ его первымъ правиламъ ариѳметики; а потомъ отдалъ его къ жившему въ Астрахани пастору Нейбауэру, который скоро оцѣнилъ его способности и сознавался, что Хемницеръ, на шестомъ году попавъ уже въ синтаксическій классъ, опередилъ собственнаго его девятилѣтняго сына. На публичныхъ дѣтскихъ упражненіяхъ отецъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, какъ онъ бойко отвѣчалъ и отыскивалъ въ книгахъ пройденныя мѣста. Желая съ пользою употребить и остальные свободные часы его, отецъ пріискалъ человѣка, который бы выучилъ его читать и писать по-русски; вскорѣ послѣ того знакомый инженерный офицеръ вызвался преподавать ему ариѳметику и геометрію; но, прибавляетъ біографъ своего сына, я замѣтилъ, что на этихъ урокахъ многое упускалось, кромѣ того, что́ самъ ученикъ непремѣнно старался узнать. Вообще, въ тѣхъ мѣстахъ еще не было учебныхъ заведеній; мальчикъ по собственной охотѣ читалъ или рисовалъ. Не знаю, какимъ образомъ онъ дошелъ до того, что послѣ прусской кампаніи могъ копировать планы».... На досугѣ онъ давалъ уроки своимъ маленькимъ сестрамъ.

Въ 1755 году отецъ рѣшился оставить постылый для него край. Мать съ тремя дѣтьми предприняла далекое путешествіе въ Петербургъ. Сыну шелъ тогда 11-й годъ. Въ дорогѣ разъ ночью онъ чуть не пропалъ: въ темнотѣ, отошедши отъ повозки, онъ заблудился-было въ степи; калмыцкій конвой потерялъ его

и насилу ужъ потомъ онъ какъ-то отыскался. Поселясь въ Петербургѣ, мать отдала его опять къ школьному учителю; отецъ, по прибытіи туда на другой годъ, помѣстилъ его къ учителю латинскаго языка при врачебномъ училищѣ[1]; у этого же преподавателя молодой Хемницеръ учился исторіи и географіи. Здѣсь онъ по собственному влеченію сблизился съ самыми дѣльными и свѣдущими товарищами и узналъ отъ нихъ всю остеологію, такъ что въ подробности могъ описать человѣческій остовъ. Такова была подготовка, полученная Хемницеромъ къ медицинскому поприщу, къ которому отецъ назначалъ его. Но къ прискорбію старика случилось, что уже на 13-мъ году отъ роду сынъ, послушавшись какихъ-то постороннихъ людей, вздумалъ искать счастія въ военной службѣ: онъ поступилъ въ солдаты пѣхотнаго Нотебургскаго полка[2]. «Можно представить себѣ, говоритъ отецъ, каково было положеніе юноши при такомъ суровомъ образѣ жизни, безъ покровительства и помощи, при большой чувствительности и благородствѣ души. Офицеръ, который сулилъ ему золотыя горы, оказался обманщикомъ и злодѣемъ. Но зато, продолжаетъ біографъ: полковникъ, вовсе не знакомый мнѣ человѣкъ, полюбилъ парня, принялъ въ немъ участіе и сталъ его повышать, хотя названный гонитель и тутъ старался вредить ему».

Въ томъ же 1757 году, по случаю семилѣтней войны, отцу пришлось, въ званіи штабъ-лѣкаря, отправиться съ арміею въ Пруссію, и онъ совершенно потерялъ сына изъ виду. Долгое время онъ тщетно справлялся о немъ; наконецъ, въ 1759, находясь въ Эльбингѣ при раненыхъ, онъ узналъ, что Нотебургскій полкъ стоитъ въ Кёнигсбергѣ. Тогда онъ написалъ къ полковнику Боль-

---

[1] При военномъ госпиталѣ, учрежденномъ Петромъ Великимъ, возникло мало по малу врачебное училище, первое начало основаннаго въ 1783 г. медико-хирургическаго института. (Въ 1720 г. учреждена была медицинская канцелярія; позднѣе совѣтъ изъ докторовъ; въ 1754 г. были вызваны изъ духовныхъ семинарій студенты для обученія медицинѣ и хирургіи въ казенныхъ госпиталяхъ. *П. С. З.* VI, 3.811; VIII, 5.620; XIV, 10.196).

[2] Нотебургъ или, вѣрнѣе, Нётеборгъ (Nöteborg) — шведское названіе Орѣховца, переименованнаго Петромъ В. въ Шлюссельбургъ.

швангу, прося отпустить къ нему молодаго Хемницера, который вскорѣ и обрадовалъ отца своимъ пріѣздомъ. «Я долженъ, говоритъ отецъ, искренно похвалить его скромность въ отношеніи къ его гонителю, о поступкахъ котораго я имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія отъ офицеровъ. Когда я заводилъ о томъ рѣчь, онъ только отвѣчалъ: «И, батюшка, слава Богу, что я опять съ вами!» — Полковникъ, напротивъ того, не могъ нахвалиться имъ»... Этими словами, къ сожалѣнію, кончается біографическая записка отца, которая, при всемъ своемъ неискусномъ изложеніи, дышитъ любовью къ сыну. «Поистинѣ, приписано на поляхъ, я не припомню, чтобы онъ въ дѣтствѣ поведеніемъ своимъ когда-нибудь прогнѣвилъ насъ. За одно только я часто на него сердился»... За этимъ разсказанъ какой-то часто повторявшійся случай смѣшливости Хемницера; но по неразборчивости рукописи трудно понять, въ чемъ именно состояло дѣло.

О родителяхъ и вообще родныхъ баснописца намъ извѣстно теперь слѣдующее. Отецъ его, Johann Adam Chemnitzer, родомъ изъ Фрейберга, умеръ въ апрѣлѣ 1789 года въ Петербургѣ, проживъ 73 года 9 мѣсяцевъ и 17 дней (погребенъ 25-го апрѣля); слѣдовательно онъ родился въ первой половинѣ іюля 1715 года. Жена его, Софья, родилась въ Кенигсбергѣ въ 1721 году, а умерла въ Петербургѣ 68-ти лѣтъ 23-го сентября 1789; за Іоанна Адама Хемнитцера вышла она въ 1742 году и имѣла отъ него трехъ сыновей и четырехъ дочерей, изъ которыхъ, ко времени смерти матери, въ живыхъ оставалась только одна, Марья Ивановна. Эта послѣдняя родилась въ 1749 году и была замужемъ за докторомъ Егоромъ Карловичемъ Валеріаномъ, д. ст. сов., членомъ медицинскаго совѣта, главнымъ врачемъ с. петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя и врачебнымъ инспекторомъ спб. порта; она умерла въ декабрѣ 1819 года, проживъ 70 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ (погребена 21 декабря)[1].

---

[1] За эти свѣдѣнія обязанъ я П. Н. Петрову, выписавшему ихъ изъ архива здѣшней лютеранской церкви св. Анны. Въ церковной книгѣ отецъ Хемницера названъ штабсъ-хирургомъ при сухопутномъ госпиталѣ. О немъ во-

Возвратимся къ извѣстіямъ объ И. И. Хемницерѣ. Въ военной службѣ пробылъ онъ двѣнадцать лѣтъ; о внѣшнемъ ходѣ ея даетъ намъ понятіе сохранившійся въ подлинникѣ аттестатъ, выданный ему 18 сентября 1769 года, когда онъ былъ поручикомъ Копорскаго пѣхотнаго полка. Въ этой бумагѣ, подписанной полковникомъ Кокошкинымъ, показано ему 27 лѣтъ, т. е. тремя годами болѣе чѣмъ сколько было ему на самомъ дѣлѣ: это объясняется раннимъ поступленіемъ его въ дѣйствительную военную службу, когда, вѣроятно, сочтено было нужнымъ скрыть его настоящій возрастъ. Изъ аттестата видно, что онъ зачисленъ въ армію 27-го іюня 1757 года, 12-ти лѣтъ отъ роду. Затѣмъ начинается быстрое его производство, благодаря доброму расположенію полковника: въ томъ же году, 24 августа, онъ повышенъ въ капралы; 14 сентября, въ подпрапорщики; 12 ноября, въ сержанты. Незадолго до воцаренія Екатерины II, именно 12 мая 1762 года, онъ назначенъ въ адъютанты къ генералъ-майору Остерману, а въ 1766-мъ 1-го января произведенъ въ поручики. Въ графѣ: «Гдѣ былъ въ походѣ и у дѣла противъ непріятеля на какое время» отмѣчено: «Въ 1759 году въ Помераніи, Бранденбургіи, Шлезіи и Саксоніи, а на баталіи не бывалъ». (Слѣдовательно извѣстіе, что онъ участвовалъ и въ турецкомъ походѣ, оказывается невѣрнымъ). Далѣе означено, что онъ «нынѣ (т. е. 1769) находится при главнокомандующемъ арміею генералъ-аншефѣ князѣ Александрѣ Михайловичѣ Голицынѣ для случающихся курьерскихъ посылокъ». Наконецъ, послѣдняя графа гласитъ: «Въ посылаемыхъ по командѣ спискахъ показывался въ должности званія своего прилеженъ и никакихъ пороковъ не имѣетъ, почему въ силѣ указа государственной военной коллегіи прошлаго 1756 года къ повышенію чина достоинъ».

Къ сожалѣнію, за все время пребыванія его въ военной служ-

все не упомянуто въ сочиненіи Рихтера *Исторія медицины въ Россіи*. Замѣтимъ, что и баснописецъ нашъ долго писалъ свою фамилію *Хемнитцеръ*. Отецъ его въ одной собственноручной замѣткѣ называетъ своего зятя Jegor Karpowitsch Wallerian.

бѣ мы не имѣемъ никакихъ другихъ біографическихъ о немъ свѣдѣній; знаемъ только, что эта служба такъ же мало удовлетворяла его, какъ и занятія медицинскими науками, и что онъ послѣ сравнивалъ военное поприще съ анатомическимъ театромъ, отъ котораго бѣжалъ. Аттестатъ 1769 г., откуда мы заимствовали приведенныя подробности, былъ выданъ ему вѣроятно по случаю оставленія военной службы. Вскорѣ мы видимъ его *гиттенфервальтеромъ* горнаго вѣдомства. Для полученія этой должности нужны были конечно два условія, именно: хотя нѣкоторая спеціальная подготовка, и потомъ, вниманіе начальника горной части. Можно догадываться, что по происхожденію отца его изъ саксонскаго города Фрейберга, любовь къ минералогіи была наслѣдственною въ родѣ Хемницера. Горнымъ вѣдомствомъ завѣдывалъ тогда Мих. Ѳед. Соймоновъ, сынъ столь извѣстнаго петровскаго адмирала и впослѣдствіи сибирскаго губернатора. Съ Соймоновымъ былъ въ родствѣ Н. А. Львовъ[1], который повидимому и участвовалъ въ доставленіи новой службы своему другу. Въ свѣдѣніяхъ Сахарова есть указаніе, что Соймоновъ былъ благодѣтелемъ отца Хемницера.

Изъ арміи нашъ баснописецъ поступилъ прямо въ горное вѣдомство. О новой его дѣятельности я тщетно надѣялся найти какія-либо данныя въ архивахъ горнаго департамента и горнаго института. Ни въ томъ, ни въ другомъ за это время не оказалось никакихъ свѣдѣній. Таково, къ прискорбію изслѣдователей, состояніе большей части нашихъ архивовъ. Въ 1830 году издано было составленное Д. Соколовымъ «Историческое и статистическое описаніе горнаго кадетскаго корпуса»; но и здѣсь о Хемницерѣ упомянуто лишь мимоходомъ. Изъ этого описанія, какъ и изъ Полнаго собранія законовъ, мы узнаемъ только, что горное училище возникло вслѣдствіе просьбы башкирскихъ рудопромышленниковъ учредить при бергъ-коллегіи заведеніе для воспитанія горнозаводчиковъ, при чемъ просители предлагали небольшое пожертвованіе

---

[1] См. біографію Львова въ *Москвитянинѣ* 1855, № 6, стр. 181, гдѣ М. Ѳ. Соймоновъ названъ его ближнимъ родственникомъ.

процентовъ съ добываемой ими руды[1]. Это было около 1771 года. Между тѣмъ управленіе бергъ-коллегіею поручено было оберъ-прокурору сената Соймонову (который вслѣдъ за тѣмъ назначенъ сенаторомъ), и по его-то плану въ 1773 г. основано было горное училище. Онъ сдѣлался первымъ директоромъ новаго заведенія, помѣщавшагося въ зданіяхъ нынѣшняго горнаго института, купленныхъ у графа Петра Бор. Шереметева. Этотъ Соймоновъ, Мих. Ѳед., котораго не надо смѣшивать съ двоюроднымъ братомъ его, Петромъ Александровичемъ[2], былъ впослѣдствіи главнымъ попечителемъ опекунскаго совѣта въ Москвѣ и умеръ тамъ въ 1804 году. Въ немъ Хемницеръ нашелъ не только добраго начальника, но и покровителя. Съ учрежденіемъ въ 1774 году *ученаго собранія* при училищѣ, въ числѣ членовъ этой коллегіи является и *маркшейдеръ Хемницеръ*. Черезъ два года (въ концѣ 1776 г.) Соймоновъ, для поправленія здоровья, предпринимаетъ путешествіе за границу и беретъ съ собою Хемницера. Они употребили около года на посѣщеніе Германіи, Голландіи и Франціи. Съ ними вмѣстѣ отправился въ чужіе края и Н. А. Львовъ, который жилъ въ домѣ Соймонова[3]. Въ упомянутой выше записной книжкѣ Хемницера сохранился между прочимъ дорожный дневникъ, веденный имъ за границею. Этотъ поденный журналъ, въ которомъ нашъ авторъ отмѣчалъ все что онъ видѣлъ, будетъ напечатанъ нами особо; здѣсь же скажемъ только, что проѣхавъ довольно быстро Германію, черезъ Дрезденъ, Лейпцигъ, Франкфуртъ на Майнѣ и Кёльнъ, путешественники прибыли въ голландскій городъ Нимвегенъ. Побывавъ потомъ въ Лейденѣ, Амстердамѣ, Роттердамѣ, Антверпенѣ и Брюсселѣ, они направились во Фран-

---

[1] П. С. З. XIX, 14.048, окт. 21-го 1773 г.

[2] Позднѣе (1784—1792) П. А. Соймоновъ былъ также директоромъ горнаго училища, а въ 1794 г. въ эту должность вступилъ вторично Михаилъ Ѳедоровичъ и оставался въ ней, кажется, до 1800. (*Историч. опис.* Соколова, стр. 20—23).

[3] П. Н. Петровъ нашелъ въ сенатскихъ указахъ свѣдѣніе, что Хемницеръ въ этотъ отпускъ былъ уволенъ съ Соймоновымъ 26 октября 1776 г. (Сен. Арх., кн. 139, высоч. пов. л. 377).

цію и пріѣхали въ Парижъ 19 февраля н. ст. 1777-го года. Тамъ они прожили около трехъ мѣсяцевъ, осматривали всѣ примѣчательности какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ, были угощаемы русскимъ посланникомъ княземъ Ив. Серг. Барятинскимъ и И. И. Шуваловымъ; Хемницеръ съ Львовымъ особенно усердно посѣщали концерты и театры, восхищаясь произведеніями Корнеля, Расина, Вольтера и игрою Лекена, Ларива, мадамъ Вестрисъ и др. Въ серединѣ мая путешественники опять поѣхали въ Голландію, откуда черезъ Аахенъ 11-го іюня прибыли въ Спа. Здѣсь Соймоновъ остановился надолго для пользованія минеральными водами, и журналъ Хемницера на это время прерывается. Львовъ изъ Спа отправился одинъ въ Россію; Хемницеръ же съ Соймоновымъ пробыли тутъ до 10-го сентября. Остальной ихъ путь шелъ черезъ Дюссельдорфъ, Кёльнъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Эрфуртъ, Лейпцигъ, Берлинъ, Кёнигсбергъ и Мемель; 9-ое октября ст. ст. 1777 было днемъ ихъ возвращенія въ Петербургъ. Дневникъ переѣздовъ по Германіи былъ веденъ Хемницеромъ коротко на нѣмецкомъ языкѣ; замѣтки же о Франціи и Голландіи, иногда очень подробныя, писаны по-русски и любопытны между прочимъ какъ образчикъ тогдашней письменной рѣчи. Къ сожалѣнію, онѣ мало говорятъ о личныхъ впечатлѣніяхъ пишущаго, о его встрѣчахъ, сношеніяхъ и т. п.

Имя Львова такъ тѣсно связано съ біографіею Хемницера, что мы должны остановиться на этомъ лицѣ. Хотя Львовъ и не пріобрѣлъ большой извѣстности какъ писатель, однакожъ онъ игралъ значительную роль въ тогдашней литературѣ, не только по своему положенію въ свѣтѣ, которое давало ему возможность поддерживать своихъ друзей-писателей, но и по вліянію на эстетическую сторону ихъ трудовъ. Львовъ началъ свою службу очень скромно въ Измайловскомъ полку; но, благодаря своимъ дарованіямъ и связямъ, онъ по возвращеніи изъ-за границы занялъ мало по малу видное мѣсто въ иностранной коллегіи, или точнѣе, въ почтовомъ управленіи, которое тогда входило въ составъ ея.

Этимъ онъ былъ обязанъ своему сближенію съ Бакунинымъ, а потомъ и съ Безбородкой. Петръ Васильевичъ Бакунинъ пріобрѣлъ большой вѣсъ еще въ то время, когда дипломатическими дѣлами завѣдывалъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ, а вице-канцлеромъ былъ графъ Остерманъ, человѣкъ весьма честный, но безъ особеннаго вліянія. Бакунинъ пользовался расположеніемъ Панина, былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Потемкину и къ кабинетнымъ секретарямъ императрицы, снискалъ милость и довѣріе самой Екатерины II. Онъ былъ даровитъ, предпріимчивъ и трудолюбивъ; иностранныя посольства наперерывъ старались привлечь его на свою сторону, но это посчастливилось особенно англичанину Гаррису (Мальмсбёри)[1]. Значеніе Бакунина еще усилилось при Безбородкѣ, у котораго онъ былъ правою рукою. Львовъ жилъ сперва у Бакунина, а потомъ, переселясь къ Безбородкѣ, сдѣлался у него домашнимъ человѣкомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ между прочимъ подлинныя письма къ нему знаменитаго министра, писанныя въ самомъ дружескомъ тонѣ. Пламенный любитель всѣхъ отраслей искусства и знатокъ во многихъ изъ нихъ, — поэтъ, живописецъ, архитекторъ, механикъ, а отчасти и музыкантъ, Львовъ, въ этотъ вѣкъ изысканной роскоши и прихоти, былъ человѣкомъ особенно сподручнымъ для вельможи, неистощимаго въ заботахъ о возможно-великолѣпной и изящной обстановкѣ своего дома. По своимъ познаніямъ и опытности онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ловкимъ исполнителемъ служебныхъ порученій своего начальника. Составляя планы общественныхъ зданій, онъ обратилъ на себя вниманіе Екатерины II. Въ то же время Львовъ писалъ стихи, издавалъ лѣтописи и пѣсни, и принадлежалъ къ кругу лучшихъ литераторовъ того времени; сблизившись съ Капнистомъ, какъ кажется, еще въ Измайловской школѣ, гдѣ оба они учились, онъ черезъ него, вѣроятно, сошелся и съ Державинымъ, а черезъ Державина съ сослуживцами его по сенату, Хра-

---

[1] E. Herrmann. Geschichte des Russs. Staates. Ergänz. Band, стр. 612 (Донесеніе саксонскаго посланника Сакена). Бакунинъ умеръ въ маѣ 1786 (*Соч. Держ.* т. V, стр. 494).

повицкимъ и Александромъ Семеновичемъ Хвостовымъ, который извѣстенъ своимъ сатирическимъ талантомъ. Въ этомъ даровитомъ кругу Львовъ былъ опять общимъ совѣтникомъ; друзья-писатели показывали ему свои новыя произведенія и прислушивались къ тонкимъ замѣчаніямъ русскаго Шапелля, какъ его иногда называли. Онъ выражалъ весьма своеобразные для того времени литературные взгляды, указывалъ на недостатки у Ломоносова[1], выше всего ставилъ простоту и естественность, понималъ уже цѣну народнаго языка и сказочныхъ преданій для поэзіи. Такое расположеніе должно было установить особенную симпатію между нимъ и Хемницеромъ. Можно кажется навѣрное полагать, что знакомство ихъ началось вскорѣ послѣ 1770 года, когда было напечатано первое извѣстное стихотвореніе Хемницера, весьма плохая ода на взятіе турецкой крѣпости Журжи[2]. Въ 1774 году онъ напечаталъ стихотворный переводъ героиды Дорá «Письмо Барнвеля къ Труману изъ темницы»[3] и уже посвятилъ этотъ трудъ Львову, котораго тутъ же называетъ «любезнымъ другомъ».

По возвращеніи изъ путешествія по Европѣ Хемницеръ какъ будто переродился, полюбилъ общество и съ новымъ жаромъ предался литературнымъ занятіямъ. Державинъ свидѣтельствуетъ, что ему, отчасти, онъ былъ обязанъ за разумные совѣты, съ помощію которыхъ могъ около 1779 года вступить на путь самостоятельнаго творчества. Все показываетъ, какъ неутомимо Хемницеръ работалъ надъ самимъ собою. Ученое собраніе при горномъ училищѣ, считавшее его въ числѣ своихъ членовъ, нá-

---

[1] Въ своей *Богатырской пѣсни Добрыня* онъ говоритъ объ «увѣчьяхъ», которыя Ломоносовъ наносилъ языку; вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ Львовъ называетъ его «богатыремъ русской словесности», «сыномъ усилія, который трудности пересиливалъ дарованіемъ сверхъестественнымъ» (*Другъ Просвѣщенія* 1804 г., ч. III, стр. 201).

[2] По Словарю Новикова, еще въ 1769 году была напечатана другая ода Хемницера, но она неизвѣстна; то же должно сказать и о приписываемой ему Новиковымъ неизданной трагедіи въ трехъ дѣйствіяхъ *Бланка*.

[3] Библіографическая рѣдкость, которой не оказалось ни въ одной изъ петербургскихъ библіотекъ. Н. С. Тихонравовъ обязательно доставилъ мнѣ принадлежащій ему экземпляръ ея.

чало свою дѣятельность еще въ 1774 году. Къ сожалѣнію, оно не просуществовало и пяти лѣтъ, но участіе Хемницера въ трудахъ его не осталось безслѣднымъ. Въ 1778 напечаталъ онъ свой переводъ, или, по словамъ Львова, передѣлку минералогическаго сочиненія нашего академика Лемана, подъ заглавіемъ «Кобальтословіе или описаніе красильнаго кобальта»; а вслѣдъ за тѣмъ появились два переводные труда, по той же наукѣ, другихъ лицъ, предварительно просмотрѣнные и исправленные Хемницеромъ, который въ это время носилъ уже званіе *оберъ-бергмейстера*. Въ одной изъ названныхъ книгъ упомянуто о принадлежавшей ему коллекціи минераловъ. — Стараясь такимъ образомъ распространять въ Россіи горныя свѣдѣнія, ученое собраніе предприняло съ этою же цѣлью и составленіе горнаго словаря, котораго, по показанію Соколова, уже написано было семь книгъ. Къ этому-то труду, безъ сомнѣнія, относится найденная въ бумагахъ Хемницера черновая замѣтка его, въ которой онъ говоритъ о необходимости перелагать иностранные научные термины на русскій языкъ, хотя бы новыя наименованія сначала и принимались неохотно.

«Если бы, говоритъ онъ, сіе несчастное предразсужденіе оставалось всегда господствующимъ, то никакой языкъ не былъ бы вычищенъ и не дошелъ бы до совершенства... Россійскій языкъ, надо всѣми прочими языками возвышающійся основаніемъ своимъ, всѣ къ сооруженію превосходнѣйшаго зданія части содержитъ и требуетъ только, чтобы таковыя собрать, и тогда сооруженіе совершится такое, которое конечно красотою своею состязаться можетъ съ другими. Учрежденное при горномъ училищѣ собраніе, трудящееся о переложеніи иностранныхъ горныхъ названій на россійскій языкъ, будетъ если не производить новыя слова, то по крайней мѣрѣ пріискивать дѣйствительно прибывающія [1], но кои по несчастію, все еще будучи разсѣяны, странствуютъ въ неизвѣстности, собирать ихъ и ставить на мѣсто иностранныхъ».

Но Хемницеръ, ни по своему воспитанію, ни по своимъ литера-

---

[1] Т. е. вновь образуемыя въ разныхъ мѣстахъ вслѣдствіе потребности.

турнымъ связямъ, ни наконецъ по роду своихъ способностей, не могъ ограничиться одною ученою дѣятельностью. Вскорѣ послѣ его минералогическаго труда появилось въ Петербургѣ первое собраніе его басенъ, небольшая книжка подъ заглавіемъ «Басни и сказки NN», безъ означенія года изданія. Сахаровъ, а съ его словъ и Бантышъ-Каменскій, разсказываютъ, что до напечатанія этихъ басенъ Львовъ первый узналъ о нихъ и вмѣстѣ съ Капнистомъ долго уговаривалъ автора не скрывать отъ публики сочиненій, которыми онъ долженъ гордиться. Хемницеръ возражалъ, что слишкомъ явные въ нихъ намеки на современность могутъ повредить его службѣ, и что надобно прежде многое передѣлать. Наконецъ однакожъ онъ согласился и издалъ свои басни (какъ самъ онъ показываетъ, въ 1779 году [1]), только не выставляя своего имени и взявъ съ друзей обѣщаніе не выдавать его.

Между тѣмъ въ управленіи горнаго училища готовились перемѣны. По учрежденію о губерніяхъ бергъ-коллегія упразднялась, а училище поступало въ вѣдѣніе казенной палаты. Вѣроятно, предстоявшія преобразованія и побудили Соймонова еще въ 1781 г. отказаться, подъ предлогомъ болѣзни, отъ своей должности, а вслѣдъ за нимъ вышелъ въ отставку и Хемницеръ. Но не имѣя никакого состоянія, онъ вынужденъ былъ въ скоромъ времени искать новой службы. Есть довольно распространенное преданіе (въ первый разъ напечатанное Сахаровымъ и повторенное Бантышъ-Каменскимъ), будто княгиня Дашкова доставила ему мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ; для насъ теперь несомнѣнно, что онъ обязанъ былъ этимъ назначеніемъ другу своему Львову, которому очень легко было заинтересовать въ пользу его графа Безбородко. Въ началѣ іюня 1782 года Хемницеръ выѣхалъ изъ Петербурга и прожилъ года полтора въ Смирнѣ, а въ мартѣ 1784-го умеръ въ далекомъ азіатскомъ городѣ, жертвою унынія и тѣлесныхъ недуговъ. Объ этой послѣдней и самой печальной эпохѣ жизни бѣднаго писателя мы получаемъ теперь самыя об-

[1] А не въ 1778, какъ до сихъ поръ показывали всѣ біографы Хемницера и какъ означалось во всѣхъ библіографическихъ пособіяхъ.

стоятельныя свѣдѣнія изъ двухъ источниковъ: вопервыхъ, изъ записной его книжки, а вовторыхъ, изъ сохранившагося собранія писемъ его къ Львову, писанныхъ частью съ дороги, частью изъ самой Смирны. Въ нихъ веселость непринужденной пріятельской бесѣды часто смѣняется тяжелою грустью при обращеніи мыслей къ новому, уединенному положенію на чужбинѣ. Хотя эти письма и помѣщаются цѣликомъ въ настоящемъ изданіи, считаю нелишнимъ, для характеристики автора, теперь же познакомить читателя съ нѣкоторыми сторонами ихъ содержанія.

Чтобы вполнѣ понять ихъ, необходимо напередъ точнѣе обозначить отношенія между обоими переписывавшимися. Почти въ каждомъ письмѣ Хемницеръ съ особеннымъ участіемъ говоритъ о какомъ-то неназываемомъ имъ другѣ Львова. Онъ посылаетъ этому лицу поклоны, ждетъ отъ него отвѣтовъ, получаетъ подарки. Въ позднѣйшихъ письмахъ становится яснымъ, что этотъ другъ — женщина. Кто же именно? Это была та самая Марья Алексѣевна Дьякова, которой Хемницеръ посвятилъ свои басни и которая, прочитавъ ихъ, отвѣчала стихами же:

По языку и мыслямъ я узнала,
Кто басни новыя и сказки сочинялъ:
Ихъ Истина располагала,
Природа разсказала,
Хемницеръ написалъ [1].

На Вас. островѣ, въ 3-й линіи, жилъ въ своемъ домѣ сенатскій оберъ-прокуроръ Алексѣй Аѳан. Дьяковъ. У него были три дочери-красавицы, которыя впослѣдствіи вышли замужъ за трехъ друзей-литераторовъ, Львова, Капниста и Державина. Старшая изъ нихъ, сдѣлавшаяся женою Капниста, получила образованіе въ Смольномъ монастырѣ; другія двѣ воспитывались дома. Дьяковъ былъ вхожъ во многіе знатные дома, и дочери его блистали на самыхъ аристократическихъ петербургскихъ вечерахъ, напримѣръ

[1] Напечатано, съ пропускомъ имени Хемницера, подъ заглавіемъ *Эпиграмма*, безъ подписи, въ *Спб. Вѣстникѣ* за ноябрь 1779 г., стр. 360.

у Льва Ал. Нарышкина. Доступность этого круга Дьякову объясняется тѣмъ, что онъ находился въ свойствѣ съ Бакуниными: онъ былъ женатъ на княжнѣ Мышецкой, родная сестра которой была замужемъ за Мих. Вас. Бакунинымъ, братомъ уже извѣстнаго намъ дипломата. Львовъ, пользовавшійся расположеніемъ послѣдняго, познакомился съ Дьяковыми, влюбился въ одну изъ сестеръ, Марью Алексѣевну, и около 1780 года обвѣнчался съ нею тайно, противъ воли своихъ и ея родителей[1]. Тотчасъ послѣ свадьбы молодая возвратилась въ отцовскій домъ, и бракъ ихъ долго оставался непризнаннымъ. Въ это время, если вѣрить одному преданію, и Хемницеръ, не зная тайны своего друга, сдѣлалъ будто бы предложеніе Марьѣ Алексѣевнѣ. Несмотря на то, его отношенія къ обоимъ супругамъ остались самыя дружескія. Такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Львову онъ говоритъ: «Письмо отъ твоего друга, которое ко мнѣ писано было, я еще не получилъ. Попроси его пожалуйста, чтобъ онъ меня не забывалъ: онъ тебя послушается. Вспомни ему обѣщаніе его, которое онъ мнѣ далъ, ходя по Васильевскому мосту, который на Петербургскую сторону, когда онъ говорилъ что письмами своими (*воз*)награждать будетъ тѣ, которыя я за твоими недосугами получать отъ тебя иногда не буду, чего бы однакожъ я также не желалъ. Говоря съ вами объ васъ, мнѣ веселѣе стало» и т. д. Въ другой разъ Хемницеръ, въ особой припискѣ, благодаритъ Марью Ал. за присланную ему на шляпу петлицу, которую онъ сбирается обновить на свадьбѣ шведскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при Портѣ. Наконецъ, незадолго передъ смертью онъ радуется, узнавъ, что другъ Николая Александровича уже можетъ безъ страха подписываться *Львовою*.

Первое письмо писано изъ Херсона, на пути въ Константинополь. Отправясь изъ Петербурга въ ночь съ 6-го на 7-е іюня, Хемницеръ прожилъ въ Москвѣ нѣсколько дней у М. Ѳ. Соймонова; 18-го числа поѣхалъ онъ черезъ Серпуховъ на Тулу, Курскъ

---

[1] Она род. 1753 г., ум. 1807; Львовъ род. 1751, ум. 1803.

и Сорочинцы, потомъ заѣзжалъ въ деревню Капниста Обуховку (Миргородскаго уѣзда), куда его давно приглашали, и провелъ тамъ нѣсколько дней съ братомъ поэта Петромъ Вас., а отъѣзжая, получилъ для прислуги двороваго мальчика, — помощь, которую онъ принялъ съ большою благодарностью. Самъ поэтъ находился въ то время въ Петербургѣ, гдѣ искалъ себѣ мѣста, и вскорѣ, благодаря Львову, былъ опредѣленъ контролеромъ при почтамтѣ. Херсонъ былъ основанъ Потемкинымъ только за три года передъ тѣмъ, и нашъ путешественникъ не можетъ надивиться быстрому возрастанію и украшенію города. Здѣсь онъ принужденъ былъ пробыть болѣе двухъ недѣль въ ожиданіи яхты, назначенной для доставленія его въ Константинополь, той самой, которая незадолго до того отвозила туда и новаго русскаго посланника, Булгакова. Съ грустью и тягостными предчувствіями сѣлъ на нее литераторъ-консулъ: «Представляю себѣ, пишетъ онъ, что скоро не увижу я берега моего отечества, — и всѣхъ тѣхъ, которые мнѣ жизнь пріятною дѣлали, долженъ буду воображать какъ будто не на одномъ уже мірѣ со мною». Въ Константинополѣ онъ нашелъ письмо отъ Львова, несказанно его обрадовавшее. Тяжелъ былъ переѣздъ изъ Херсона: «Мнѣ дало знать Черное море! Еще и теперь ноги на силу поддерживаютъ. Съ 21 іюля по 5 августа все качало, и послѣдніе соки изъ хрипучаго дерева выкачало». Къ Булгакову новый его подчиненный явился съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Державина, который такъ отзывался о Хемницерѣ: «Хотя своими добродѣтелями и любезнымъ поведеніемъ онъ несумнѣнно пріобрѣтетъ благоволеніе и пріязнь вашу, но на первый однако случай, предваряя о его свойствахъ, скажу вамъ: Се истинный Израиль, въ немъ же льсти нѣтъ»[1]. Посланникъ принялъ Хемницера дружелюбно, перевелъ его съ яхты къ себѣ на житье и сказалъ, что «все, чего онъ ни пожелаетъ, къ его услугамъ». Въ Константинополѣ былъ тогда постъ *рамазанъ*, и

[1] *Сочиненія Державина*, т. V, стр. 838. — Изреченіе, употребленное Державинымъ, заимствовано изъ словъ Спасителя къ Наѳанаилу: «Се воистину Израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣсть» (Іоан. I, 47).

надо было дождаться его окончанія, т. е. прожить весь августъ, чтобы получить отъ Порты указъ о новоназначенномъ въ Смирну консулѣ.

Константинополь своимъ мѣстоположеніемъ и южною природою сильно поразилъ воображеніе впечатлительнаго Хемницера. «Каналъ цареградскій! восклицаетъ онъ: что это за видъ! Домъ Якова Ивановича, или лучше сказать садъ, что за садъ! Считаютъ его первымъ мѣстомъ здѣсь, гдѣ каждое мѣсто первымъ почесться можетъ» (п. III). Большая часть слѣдующаго письма наполнена описаніемъ турецкой столицы. Нашъ путешественникъ поѣхалъ осматривать ее вечеромъ, чтобы увидѣть хваленое освѣщеніе по случаю рамазана. Онъ отправился изъ Буюкъ-дере водой съ двумя спутниками, знавшими турецкій языкъ. Азіятская иллюминація показалась однакожъ очень бѣдною петербургскому жителю временъ Екатерины. Въ 10-мъ часу вечера они высадились на берегъ и зашли въ кофейню, гдѣ очутились посреди многочисленной толпы турокъ, потому что весь день отъ восхода до заката солнца магометане, въ рамазанъ, не пьютъ и не ѣдятъ. Тутъ Хемницеръ вспоминаетъ парижскій café du Palais royal, такъ какъ онъ и вообще часто обращается къ воспоминаніямъ своего заграничнаго путешествія. На другой день онъ осматривалъ между прочимъ Софійскую церковь, откуда турецкіе сторожа, несмотря на взятыя деньги, старались поскорѣе выпроводить любопытныхъ гяуровъ. Описывая достопримѣчательности города и его страшную нечистоту, валяющуюся по узкимъ улицамъ падаль и сотни живыхъ кошекъ, которыя собираются на заборахъ, гдѣ ихъ кормятъ потрохами, Хемницеръ замѣчаетъ, что ходя по Константинополю цѣлый день, онъ былъ болѣе всего пораженъ, когда «двое турокъ, разсуждая о чемъ-то, отъ искренняго сердца разсмѣялись; и вотъ, прибавляетъ онъ, первый смѣхъ или первая наружная веселость души, которую я, видѣвъ не одну тысячу людей, по лицу и по подобію такъ называемыхъ, встрѣтить случай имѣлъ». Во время пребыванія его въ Константинополѣ пожаръ истребилъ большую часть города. Народъ приписалъ его Русскимъ, которые

этимъ способомъ будто бы хотѣли отвлечь вниманіе Турціи отъ Крыма. Замѣтимъ, что въ то самое время усиліями Потемкина и Булгакова подготовлялось присоединеніе Таврическаго полуострова къ Россіи. Порученіе Хемницеру важнаго поста на Востокѣ въ такую критическую минуту служитъ явнымъ доказательствомъ довѣрія, какимъ онъ пользовался.

Въ Константинополѣ, какъ уже и въ Херсонѣ, его сильно тревожили двѣ заботы: съ одной стороны, онъ по разсказамъ о Смирнѣ убѣдился, что ему тамъ придется играть роль высшаго дипломатическаго чиновника, къ которой онъ ни по своимъ привычкамъ, ни по характеру не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія; съ другой стороны, вопросъ о размѣрѣ будущаго его содержанія еще не былъ рѣшенъ, и онъ не зналъ, отъ кого будетъ получать свое жалованье. «Всѣ говорятъ, замѣчаетъ онъ, что мѣсто прекрасное, только всѣ говорятъ также, что моего званія люди живутъ совершенно на ногѣ цареградскихъ министровъ, если не пышнѣе. Признаюсь тебѣ, что это мнѣ мало покою даетъ.... Знаешь ли ты, что я уже самъ примѣчаю, что я на себя не похожу.... Нѣтъ, ужъ не написалъ бы ты теперь такого письма, въ которомъ бы ты меня небеснымъ Иваномъ назвалъ. — Предчувствую, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, что по разнымъ обстоятельствамъ разсуждая, житье мое тамъ не продолжится, самъ знаешь для чего». О своемъ матеріальномъ положеніи въ Смирнѣ надѣялся онъ узнать отъ Булгакова; но посолъ отозвался, что жалованья дать ему не можетъ и что оно будетъ идти чрезъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго[1]. «Неужели спрашиваетъ Хемницеръ, его сіятельство не соблаговолитъ мнѣ его доставлять безъ всякаго моего претерпѣнія?... я право думалъ, что корпусъ дипломатическій отъ своего алтаря питается» (п. II, III и IV).

---

[1] Въ записной книжкѣ Хемницера находимъ слѣдующую отмѣтку: «Жалованья въ треть за вычетомъ на гошпиталь доводится мнѣ 659 р. 99¾ коп., а полнаго 666 р. 66¾ коп.» Что эта отмѣтка относится къ консульской должности его, можно заключить изъ другой за нею слѣдующей: «Ближайшая дорога въ Херсонъ изъ Курска на Суржу, Сумы, Миргородъ, Гадечь, Сорочинцы, Херсонъ».

Наконецъ, 20 сентября 1782 года, Хемницеръ пріѣхалъ въ Смирну. По тогдашнему значенію Россіи, возвеличенной недавними побѣдами и миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи, прибытіе русскаго консула было здѣсь событіемъ. Когда онъ въ первый разъ съѣхалъ съ яхты на берегъ, вся набережная была покрыта народомъ, собравшимся смотрѣть его. «Согрѣшилъ я тутъ, пишетъ онъ, что вспомнилъ о собственныхъ стихахъ:

По улицамъ смотрѣть зеленаго осла
Кипитъ народу безъ числа.

«Мой пріѣздъ сюда всю тревогу здѣшняго народа о предстоящей, по мнѣнію ихъ, войнѣ въ ничто обратилъ, и сколько до меня слухи доходятъ, то и прочіе консулы будто бы подъ моею подпорою жить здѣсь нынѣ думаютъ надежнѣе. Какова Россія!» (п. VI). Въ другой разъ такъ охарактеризовано политическое величіе Екатерининской монархіи: «Многіе, въ нашемъ отечествѣ живучи, не чувствуютъ своего блаженства столько, сколько чувствовать должны. Здѣсь-то прямо видѣть можно, что́ мы есть, видя зависть, кипящую безпрестанно въ толпѣ иноплеменныхъ» (п. VII).

Проведя 8 дней на яхтѣ, Хемницеръ поселился въ домѣ, нанятомъ имъ за 750 піастровъ ежегодно, съ платою впередъ. По коммиссіи изъ Константинополя, ему заказано было въ гостиницѣ нѣсколько комнатъ, но онъ, по званію своему, счелъ неприличнымъ жить «въ трактирѣ». Теперь начались для него мелочныя хозяйственныя хлопоты: надобно было обзаводиться всѣмъ домашнимъ скарбомъ до послѣдней бездѣлицы и часто платить дороже обыкновеннаго, удовлетворяя жадности продавцовъ. Между тѣмъ ему не присылали суммы въ 600 руб., назначенной ему на наемъ дома, на янычаръ и канцелярію, а доставили только скудную часть содержанія. Жалуясь на это и прося Львова поправить дѣло, Хемницеръ ужасается сдѣланныхъ имъ уже и еще предстоящихъ расходовъ: «Ты же знаешь, что я не расточителенъ. Подарки, янычары и вся визитная исторія изъ моихъ родныхъ денежекъ шло. Что то впредь будетъ, а теперь радости право немного».

Скоро мы видимъ его уже посреди должностныхъ занятій. «Консульскія (дѣла), разсказываетъ онъ, по маленьку идутъ да идутъ; книги заведены, проѣзжающія и отъѣзжающія суда съ ихъ экипажами и манифестами вписываются безъ запущенія.... Ссоры да споры судимы и разрѣшаемы безъ волокитства и пр. и пр.». Въ то же время, его тревожитъ одно сомнѣніе, разрѣшить которое было бы важно для его благосостоянія: «Всѣ консулы, сколько ихъ ни есть, на жалованьи и не на жалованьи, берутъ консульскія деньги, по 3 со ста съ вывозимыхъ и привозимыхъ товаровъ... и вотъ доходъ, который ихъ жить здѣсь заставляетъ и позволяетъ. Мнѣ, въ инструкціи, о томъ ни отказано, ни приказано, и я право не знаю, чтó мнѣ дѣлать... Спроси объ этомъ пожалуй П. В. (Бакунина) или А. А. (Безбородко) и дай мнѣ коли можно съ первою почтою знать. Если для переду на что надѣяться можно, такъ это вотъ на что, а иначе будетъ vivre du jour à la journée и то съ превеликою нуждою». — Съ хлопотами по должности являются и непріятности и затрудненія, неизбѣжныя при разноплеменномъ и разнохарактерномъ населеніи края. «Издавна водворилось здѣсь своевольство всякой такой сволочи» (т. е. безпаспортныхъ матросовъ на судахъ), «чему больше всего виною здѣшнихъ судей правосудіе, состоящее въ удовлетвореніи смотря по деньгамъ, и потому почти всякой день Франки рѣжутъ Турокъ, а Турки Франковъ, а иногда и Франки между собой рѣжутся, и всѣ откупаются, кто можетъ и хочетъ» (п. VII). Или: «Турки мои теперь кажется присмирѣли. Впрочемъ однако здѣсь вообще не такъ смирно, какъ ты думаешь. Рѣжутъ и рѣжутся всякій день, и всякій почти день весь корпусъ драгомановъ предстоитъ здѣшнему кадію съ воплемъ на таковое его худое здѣшнимъ городомъ управленіе... передъ моимъ сюда пріѣздомъ Рагузейцы съ Славянами перерѣзались; мщеніе за мщеніе, и наконецъ сдѣлавшись война общею, Славяне всѣ бросились было къ Рагузейскому консулу въ домъ, который по счастью успѣлъ спастись въ домѣ голландскаго консула, гдѣ высидѣлъ 2 недѣли карантину, пока все утихло, а то быть на ножахъ. Между моими такой генеральной

баталіи кажется быть не уповательно, приказаніе дано строгое навсегда къ предупрежденію подобнаго» (п. IX). По поводу одного разбоя, въ которомъ участвовалъ русскій подданный, Хемницеръ принялъ законныя мѣры взысканія; но между тѣмъ русскаго безъ суда повѣсили, а прочіе трое, венеціанцы, по взятіи съ нихъ выкупа были освобождены. Нашъ консулъ немедленно донесъ о такомъ беззаконіи министерству. Онъ является энергическимъ заступникомъ русскихъ интересовъ, отвращаетъ всякія несправедливости въ отношеніи къ православнымъ, заботится о построеніи греческой и русской церкви, собираетъ свѣдѣнія о цѣнахъ товаровъ, служащихъ предметомъ ввоза и вывоза.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ пишетъ (п. XI), что сначала Турки пробовали поступать съ нимъ такъ же нагло, какъ съ другими консулами, хотѣли «сдѣлать его оброчнымъ крестьяниномъ», но это имъ не удалось. «Теперь, прибавляетъ онъ, мой кади другимъ тономъ говоритъ. Когда нашего матроса вѣшать сбирался, говорилъ драгоманамъ: приходите сюда съ карманами, набитыми венеціанскими цекинами, а теперь своимъ Туркамъ говоритъ: Читайте указы отъ Порты присланные о Русскихъ и у васъ сердце выскочитъ.... Нѣтъ, послѣ принужденія заставить ихъ подписать миръ на барабанѣ, не кстати было бы умаливáть ихъ... Нѣтъ, нѣтъ, думалъ я, а этому не бывать: первая брань лучше послѣдней; эта брань однако изъ крупныхъ была. Теперь, что называется, и торгъ даже нашъ происходитъ почти безданно, безпошлинно. Вотъ каковъ характеръ здѣшнихъ людей: отъ одной крайности въ другую... Только и твердятъ, что *Московъ*, т. е. Русскихъ, трогать не надобно». За повѣшеннаго русскаго матроса смирнскій губернаторъ былъ вызванъ въ Константинополь на слѣдствіе, и визирь обѣщалъ Булгакову сдѣлать Россіи удовлетвореніе. «Если, заключаетъ Хемницеръ, случится, что губернатору «либо голову отрубятъ, или его задавятъ, то хоть верхомъ на здѣшнихъ Турокъ садись». Разсказавъ еще другой случай, въ которомъ по жалобѣ русскаго консула на обиду, причиненную нашему матросу, по всѣмъ улицамъ были поставлены янычарскіе

пикеты, Хемницеръ замѣчаетъ: «Такимъ образомъ имя Россійское защитою служитъ теперь и прочимъ». Кади, желая задобрить строгаго консула, прислалъ ему въ подарокъ ковры и платки, вышитые женщинами, но получилъ ихъ обратно съ благодарностью какъ бы за доставленіе случая подивиться прекрасной работѣ.

Читая въ письмахъ Хемницера эти извѣстія о его дѣятельности въ Смирнѣ, мы не узнаемъ того простодушнаго и разсѣяннаго человѣка, какимъ его описываютъ намъ во время петербургской его жизни и заграничнаго путешествія. Такъ Львовъ разсказываетъ, что при представленіи Вольтерова «Танкреда» въ Парижѣ, когда на сцену вышелъ знаменитый актеръ Лекенъ (Lekain), Хемницеръ, сидя въ партерѣ, до того забылся, что всталъ и низко поклонился, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе всего театра. «Высокій ростъ его, замѣчаетъ при этомъ Львовъ, мнѣ никогда не былъ такъ примѣтенъ». На счетъ его наружности прибавлю, что по семейному преданію Львовыхъ, онъ былъ очень дуренъ собою. Въ доказательство тому служитъ сохранившееся у Вѣры Ник. Воейковой (дочери Львова) изящное бюро, на которомъ означенъ 1776 годъ, съ силуэтомъ Хемницера; передъ изображеніемъ пирамиды представлено три амура; одинъ изъ нихъ, держа въ рукахъ силуэтъ, подаетъ его другому; этотъ, увидѣвъ образину, падаетъ отъ испуга, а третій сбирается бѣжать.

Тонъ смирнскихъ писемъ показываетъ совершенную непринужденность въ отношеніяхъ обоихъ друзей; видно, что между ними смѣхъ, шутки, остроты были дѣломъ обыкновеннымъ; въ письмахъ мѣстами встрѣчаются такія выходки, которыя, не бывъ предназначены для печати, могутъ конечно не удовлетворять нашему вкусу и чувству изящнаго, но драгоцѣнны какъ невольный отпечатокъ души изучаемаго человѣка. Иногда пріятели побуждаютъ другъ друга къ добру и благоразумію. Желаніе, чтобъ Львовъ всегда остался тѣмъ же, заставляетъ Хемницера однажды сказать: «Объ одномъ тебя прошу: Бога ради не теряй, если когда и въ высшемъ степени министра будешь, ту привѣтливость

и развязность души, которую ты имѣешь. Тебѣ сказывать нечего, сколь полезно это для себя, и для людей пріятно. Куда какъ скверно быть букою!» (п. IV). Хемницеръ благодаритъ Львова за доставленіе его басенъ въ парижскую королевскую библіотеку и за присылку медали на открытіе памятника Петру Великому. Вообще Львовъ является добрымъ геніемъ скромнаго баснописца, и въ письмахъ послѣдняго постоянно звучитъ струна чистосердечной и почтительной благодарности къ вліятельному, хотя и младшему другу. Его посредству Хемницеръ былъ обязанъ и вниманіемъ обоихъ высшихъ представителей министерства иностранныхъ дѣлъ; не разъ онъ радуется извѣстію, что донесенія и письма его приняты благосклонно Безбородкой и Бакунинымъ. Въ одной французской припискѣ онъ говоритъ: Que l'on m'aime, qu'on me salue, voilà une des plus grandes consolations pour moi, outre celle que vous me donnez, vous» (п. VII). Львовъ однажды спрашивалъ его, зачѣмъ онъ въ письмахъ къ графу Воронцову и къ другимъ высокопоставленнымъ лицамъ иногда не позволитъ себѣ одной изъ тѣхъ забавныхъ шутокъ, въ которыхъ онъ считался мастеромъ. «Другъ мой, отвѣчалъ Хемницеръ, ты знаешь, что я только Я съ друзьями быть могу; а гдѣ не друзья мои, тамъ ужъ отъ меня толку не жди: гдѣ каждое слово на вѣски класть надобно, тутъ, самъ ты знаешь, шутить неловко: да ничего и на умъ не припадетъ. Вотъ къ Петру Васильевичу да и къ Александру Андреевичу пишучи, можетъ быть и вздумаю пошутить или, лучше сказать, буду писать какъ думаю, т. е. просто. П. В. тебя и меня знаетъ коротко, а Ал. Анд. тебя одного знаетъ коротко, а что тебя коротко знаетъ, мнѣ и легче» (п. X). Въ другомъ письмѣ (XV) онъ такъ обрисовываетъ ту же сторону характера своего: «Несчастіе мое (если это несчастіемъ назвать можно), что я податься на знакомства никакъ не могу, если поводовъ къ заключенію дружбы не предвижу. А здѣсь (т. е. въ Смирнѣ) головы, сердца и души что говорить!»—Послѣ этихъ сердечныхъ признаній будемъ ли по нынѣшнему судить Хемницера за то, что онъ, слѣдуя нравамъ своего времени, посылалъ гостинцы не только Львову, но и тѣмъ лицамъ,

отъ которыхъ зависѣло его положеніе, и всячески старался имъ угождать. Такъ онъ, проѣзжая черезъ Тверь, отыскалъ домъ сестры и зятя новаго своего начальника, Булгакова, былъ у нихъ, привезъ ему отъ нихъ письма; въ Москвѣ былъ у отца его, отъ котораго также привезъ письма и посылки. Во всѣхъ такихъ угожденіяхъ онъ былъ вѣроятно лишь исполнителемъ совѣтовъ Львова, которому писалъ въ другой разъ: «Къ графу Александру Романовичу послалъ бы что нибудь, да не знаю что, кромѣ развѣ вина какого, другаго путнаго ничего нѣтъ» (п. X). «Къ Петру Вас. и Ал. Ан. послалъ я каждому по боченку смирнскаго мушкату: только и нашелъ путнаго» (п. VI).

Въ отношеніи къ различнымъ народностямъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло въ Смирнѣ, онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе Туркамъ передъ Греками и Армянами: «Турокъ, по крайней мѣрѣ, чтó сказалъ, то и сдѣлалъ, разумѣется Турокъ не франкизованный. Греки же сегодня придутъ тебѣ сказать то, а завтра другое: только безпрестанныя попытки, не удастся ли обмануть: когда увидятъ что нѣтъ, ничего и не дѣлаютъ. Словомъ тебѣ сказать, что каждое ихъ дыханіе обманъ и весь воздухъ зараженъ обманомъ» (п. VI — VIII). Съ такимъ же презрѣніемъ отзывается онъ о Французахъ, которые въ Средиземномъ морѣ старались сманивать русскихъ матросовъ на свои суда. Неблагопріятное мнѣніе о Французахъ не мѣшало однакожъ Хемницеру любить ихъ языкъ, который онъ, кажется, усвоилъ себѣ самоучкою, такъ же какъ и итальянскій: на томъ и другомъ въ письмахъ его попадаются цѣлыя тирады, написанныя довольно правильно, и въ одномъ мѣстѣ онъ выражаетъ свою радость, что путешествіе доставляетъ ему случай усовершенствоваться въ итальянскомъ языкѣ. Само собою разумѣется, что литературная производительность его въ новой, хлопотливой должности почти совсѣмъ прекратилась. На просьбу Львова прислать новыхъ басенъ онъ восклицаетъ: «Кто въ Туречинѣ басни пишетъ?» однакожъ сознается, что «есть малая толика ихъ, но ни одной еще не удалось отдѣлать, да и духу не было». Замѣтимъ что 2-е изданіе басенъ

Хемницера было отпечатано незадолго передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга.

Между тѣмъ житье въ Смирнѣ становилось ему все болѣе и болѣе невыносимо. Одиночество страшно тяготило его и онъ часто вспоминалъ, чтó писалъ ему Капнистъ, узнавъ о его намѣреніи ѣхать въ Смирну: «Да подумалъ ли ты хорошенько, чтó ты сдѣлалъ! Да ты таки безъ друзей тамъ съ ума сойдешь!» Нельзя безъ грустнаго чувства читать жалобъ Хемницера на свое положеніе: «Надобно вообразить, говоритъ онъ еще въ ноябрѣ 1783 г., (каково) скрыть въ себѣ самомъ все что думаешь. Одинъ дома, одинъ внѣ дома, одинъ вездѣ» (п. VII). Въ началѣ слѣдующаго года онъ пишетъ опять: «Представь... когда изъ христіанской, т. е. нравственной земли, оставя друзей, родныхъ, отечество, вдругъ увидитъ себя человѣкъ посреди неизвѣстной ему земли, обитаемой — говорятъ — людьми, которыхъ не находитъ, одинъ безъ друга, безъ родного. Долженъ вступить въ новую и никогда ему извѣстной не бывшую перспективу должности и дѣлъ. Скажешь не разъ: гдѣ я? что я? скажите мнѣ, кто нибудь! Никто не отвѣчаетъ. А если какой нибудь голосъ гдѣ и отдастся, такъ этотъ голосъ такой, отъ котораго больше съ дороги сбиться, нежели настоящій путь свой продолжать можно. Снести боль, когда она есть, не охнувъ ни разу, кажется, и ты не потребуешь, даромъ что ты на бумагѣ превеликій моралистъ стоикъ» (п. X).

Послѣднее письмо писано Хемницеромъ 29 февраля, ровно за три недѣли передъ смертью его. Разсказывая о вынесенной имъ тяжкой болѣзни, онъ сознается, что жизнь смирнская ему «не въ сутерпъ» и что кромѣ отечества и самаго Петербурга для него нѣтъ спасенія. «Представь себѣ, прибавляетъ онъ, только это одно положеніе для человѣка, который чувствуетъ и можетъ быть больше нежели бы хотѣлъ, что бы его безпрестаннымъ сего рода огнемъ не сожигало; проглотить все то чего бы, въ разсужденіи нынѣшнихъ для Россіи радостныхъ дней, русской же душѣ сообщено было и каждой бы разъ новое въ твоей душѣ восхищеніе

произвело и ее бы радовало. — Вмѣсто того зри и виждь: вотъ зміи шипящіе, а ты молчи: глотай, все глотай» (п. XV).

Наконецъ онъ мечтаетъ объ отставкѣ, о пенсіи: «Вотъ тебѣ, другъ мой, чтó на душѣ у меня. Теперь потяну еще, пока сможется. Хлѣбъ мой насущной, я знаю, будетъ оченъ маленькими ломтями рѣзанъ, да была бы только душа сытѣе. Ну, полно. Прости». Таковы были послѣднія слова, посланныя имъ другу изъ добровольнаго, далекаго изгнанія. Онъ умеръ 20 марта 1784 года, не сдѣлавъ многаго, чтó конечно могъ бы сдѣлать при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Незадолго передъ смертію, именно 24 февраля, онъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи. По словамъ Бантышъ-Каменскаго, останки Хемницера были перевезены въ Россію и преданы землѣ въ Николаевѣ; но достовѣрность этого извѣстія сомнительна, такъ какъ Николаевъ началъ возникать только въ 1788 году, послѣ взятія Очакова, а городомъ сдѣлался еще двумя годами позже. Впрочемъ, по свѣдѣнію, доставленному намъ М. Ѳ. Шугуровымъ изъ Николаева, мѣстные старожилы слышали, что Хемницеръ былъ погребенъ тамъ на общемъ кладбищѣ. Въ первомъ посмертномъ изданіи его басенъ, изображенъ надгробный его памятникъ и подъ рисункомъ читается эпитафія, написанная Хемницеромъ самому себѣ, которая, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, была вырѣзана на гробницѣ:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился,
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Въ ранней кончинѣ Хемницера мы видимъ печальный примѣръ суетности человѣческихъ разсчетовъ. Онъ оставлялъ Россію съ мыслію обезпечить себѣ честнымъ образомъ безбѣдное состояніе. Онъ мечталъ, какъ будетъ употреблять нажитыя деньги на пользу общества, и шутя говорилъ: «если кто-нибудь захочетъ подрядить Хвостова[1] писать пасквили на хорошихъ писателей, напр. на Фонъ-Визина, я заплачу ему вдвое, чтобъ онъ этого не дѣлалъ».

[1] Александра Семеновича, написавшаго извѣстное *Посланіе творцу посланія* (Фонъ-Визину, какъ автору «посланія къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ»). См. князя Вяземскаго *Фонъ-Визинъ*, Приложенія, стр. 380.

Замѣтка такого содержанія написана имъ сперва по-французски, а потомъ переложена въ русскіе стихи. Довольно многочисленные автографы его представляютъ любопытное дополненіе къ его баснямъ. Мы можемъ прослѣдить здѣсь процессъ ихъ сочиненія. У Хемницера водились записныя тетрадки, куда онъ постепенно вносилъ зарождавшіеся у него планы басенъ, излагая ихъ сначала прозою въ самой краткой формѣ. Многіе изъ такихъ плановъ впослѣдствіи имъ выполнены, другіе остались только въ первоначальномъ видѣ Далѣе, онъ записывалъ являвшіяся ему отдѣльныя мысли, то въ прозѣ, то въ стихахъ, отмѣчая при нихъ, что онѣ могутъ пригодиться для такой-то басни или сатиры. Такъ напр. къ извѣстной баснѣ его *Метафизикъ* сначала было придумано такое заключеніе, отдѣльно занесенное: «Не знаю, вовсе ли его отецъ тамъ оставилъ, да думаю что нѣтъ. А только еслибы такихъ вралей всѣхъ засадить въ ямы, то много бы ямъ надобно было». Иногда попадаются одинъ или нѣсколько стиховъ, предназначенныхъ для какой-нибудь басни. Для варіантовъ къ баснямъ эти рукописи могутъ дать обильные матеріалы. Есть тутъ и нѣсколько не напечатанныхъ еще басенъ, можетъ-быть писанныхъ въ Смирнѣ; онѣ любопытны, но имъ недостаетъ окончательной отдѣлки. Иногда записывались мысли практическаго значенія, напр. слѣдующее «правило главное въ сочиненіи:

«Нужнѣй всего, чтобы прежде нежели писать о чемъ-нибудь начнешь, расположеніе твое сдѣлано было хорошее. Расположеніе въ сочиненіи подобно первому начертанію живописной картины: естьли первое начертаніе лица дурно, то сколько бы живописецъ послѣ чертъ хорошихъ ни положилъ, лицо все будетъ не то, которому быть должно: стихи или частныя мысли сами собою сколь прекрасны ни будь, при худомъ расположеніи все будутъ дурны».

Въ числѣ сохранившихся тетрадей Хемницера одна, писанная его же рукой, носитъ заглавіе: «Выписка изъ писемъ Эйлеровыхъ о разныхъ физическихъ и философическихъ матеріяхъ». Это перечень содержанія 1-й части извѣстной книги Эйлера, изданной

въ русскомъ переводѣ Румовскаго отъ 1768 до 1774 года: свидѣтельство любознательности нашего писателя и того вниманія, съ какимъ онъ пополнялъ свое образованіе чтеніемъ.

Кромѣ указанныхъ уже стиховъ, противъ Ал. Хвостова направлено нѣсколько рукописныхъ эпиграммъ Хемницера, обвиняющихъ его въ двоедушіи и въ томъ, что онъ сталъ бранить стихи Львова, когда не имѣлъ въ немъ болѣе надобности. Предметомъ насмѣшекъ служитъ также плохой писатель, Рубанъ, прославившійся своими стихами на памятникъ Петру Великому. Есть и другія эпиграммы, въ которыхъ мишенью служатъ особенно корыстолюбіе и взяточничество.

Изъ остальныхъ ненапечатанныхъ опытовъ Хемницера въ стихахъ нельзя умолчать о двухъ довольно обширныхъ сатирахъ, написанныхъ на худыхъ *судей* и на *подьячихъ*. Очевидно, что къ этому роду сочиненій увлекъ Хемницера примѣръ не только предшественника его, Сумарокова, но и современника, Капниста, котораго сатира, напечатанная въ *Спб. Вѣстникѣ* 1780 года, имѣла большой успѣхъ, хотя и накликала ему вражду осмѣянныхъ имъ литературныхъ посредственностей. Сатиры Хемницера, къ сожалѣнію, вовсе не отдѣланы; это не болѣе какъ черновыя редакціи, любопытныя между прочимъ тѣмъ, что знакомятъ насъ съ пріемами его при сочиненіи стиховъ. Тѣ стихи, которыми онъ не былъ доволенъ, писались по нѣскольку разъ сряду, разумѣется каждый разъ съ измѣненіями, и такимъ образомъ авторъ предоставлялъ себѣ при дальнѣйшей отдѣлкѣ выборъ того или другаго варіанта.

Вопросъ, почему онъ посвятилъ себя преимущественно баснѣ, разрѣшается очень просто, съ одной стороны характеромъ его ума, наблюдательнаго, обогащеннаго опытами жизни, склоннаго къ положительнымъ выводамъ; а съ другой тѣмъ, что именно въ то время басня раздѣляла съ одой господство въ мірѣ поэзіи; благодаря блестящему успѣху Лафонтена и своей обманчивой легкости, басня пустила корни во всѣхъ европейскихъ литературахъ, и рѣдкій стихотворецъ не былъ хотя отчасти баснописцемъ.

Впрочемъ и Хемницеръ сперва заплатилъ дань общему лирическому увлеченію эпохи, и въ то время когда его ровесникъ Державинъ еще только настраивалъ свою громозвучную лиру, въ 1770 году, Хемницеръ напечаталъ оду на побѣду надъ Турками при Журжѣ, слабое подражаніе Ломоносову, любопытное между прочимъ и по недостаткамъ языка, надъ трудностями котораго авторъ впослѣдствіи такъ мастерски восторжествовалъ. Это тѣмъ болѣе удивительно въ Хемницерѣ, что въ семействѣ своемъ онъ съ дѣтства могъ слышать только нѣмецкій языкъ и до позднѣйшаго времени не переставалъ писать и на немъ стихи; они сохранились въ его тетрадяхъ, но не представляютъ ничего замѣчательнаго. Между тѣмъ одно изъ главныхъ достоинствъ его русскихъ басенъ составляетъ именно языкъ, поразительный по своей чистотѣ и народному складу. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи военная служба Хемницера, сблизившая его съ народомъ, а потомъ общество литераторовъ — друзей его, Капниста, Державина и особенно Львова, имѣли рѣшительное на него вліяніе. Очарованный образцами художественной басни у Лафонтена и Геллерта, онъ первый въ русской литературѣ понялъ, какое существенное значеніе въ этомъ родѣ поэзіи принадлежитъ простотѣ и естественности разсказа. Надобно вспомнить что онъ съ своими баснями въ первый разъ (1779 г.) выступилъ за цѣлое десятилѣтіе до извѣстности Карамзина и когда еще не было ни Душеньки Богдановича, ни Недоросля Фонъ-Визина. Правда, что уже и прежде языкъ просторѣчія считался принадлежностью басни, но на практикѣ никто не умѣлъ употреблять его надлежащимъ образомъ. Первая книга басенъ Хемницера явилась года черезъ два послѣ смерти Сумарокова, котораго притчи могутъ служить образцомъ безвкусія. Лучше были басни Майкова, опередившія Хемницеровы годами 12-ю, но по достоинству языка послѣднія оставили и ихъ далеко за собою. То же можно сказать о басняхъ Леонтьева и Хераскова, изданныхъ въ 1760-хъ годахъ[1].

---

[1] *Нравоучительныя басни* Хераскова изданы въ 1764 году, а *Басни* Николая Леонтьева, посвященныя императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1766. Леонтьевъ

Было бы слишкомъ много требовать, чтобы Хемницеръ, побѣдивъ трудности языка, въ то же время достигъ и окончательнаго совершенства въ отдѣлкѣ стиха. По крайней мѣрѣ въ отношеніи къ риѳмѣ онъ облегчилъ себѣ трудъ стихосложенія тѣмъ, что большую часть стиховъ заканчивалъ глаголами. Зато у него нигдѣ не видно ни малѣйшей натяжки: теченіе рѣчи совершенно естественно; стихъ ложится подъ перомъ его непринужденно, не подвергаясь искусственной передѣлкѣ. Однообразіе наглагольныхъ риѳмъ, вотъ главный упрекъ, какого заслуживаетъ Хемницеръ со стороны механизма стиховъ. Только изрѣдка появляются у него устарѣлыя формы языка, поэтическія вольности, ошибочныя ударенія и неправильности въ составѣ стиха. Но онъ уже понимаетъ важность народности, и не только выражается народнымъ языкомъ, но любитъ употреблять поговорки и пословицы. Часто встрѣчаются у него, напримѣръ, выраженія въ родѣ слѣдующихъ:

Они и пуще привяжися (*Посвященіе*).
Они никакъ не отставать (*тамъ же*).
Старикъ еще ихъ унимать (*Старикъ и ребята своевольные*).
Такую кашу заварили (*Два сосѣда*).

или стихи, составленные изъ пословицъ:

Лиха бѣда начало (*Строитель*).
Худой миръ лучше доброй ссоры (*Два сосѣда*).
Что многіе умѣютъ мягко стлать,
Да жестко спать (*Дворовая собака*).
И отъ добра добра не ищутъ (*тамъ же*).

Было время, когда нѣкоторые счастливые стихи изъ басенъ Хемницера сами повторялись въ видѣ пословицъ.

Надобно согласиться, что въ отношеніи къ народности онъ не могъ остаться безъ вліянія на Крылова, который уже нашелъ у него готовый типъ настоящей русской басни и отдѣль-

---

напоминаетъ Хемницера обиліемъ наглагольныхъ риѳмъ, но этимъ и ограничивается сходство между обоими баснописцами.

ныя черты того, чему самъ умѣлъ впослѣдствіи дать такое полное развитіе. Отсюда понятно, почему лѣтъ 30 тому назадъ басни Хемницера попали въ число книгъ, развозимыхъ по ярмаркамъ, и сдѣлались предметомъ спекуляціи для досужихъ издателей.

Что касается до содержанія басенъ Хемницера, то прежде всего надобно раздѣлить ихъ на переводныя и оригинальныя. Изъ 91 басни его 5 басенъ переведено имъ изъ Лафонтена, 18 изъ Геллерта, и по одной изъ Вольтера, Дорá и Ножана, всего 26 или, положимъ, даже около 30 басенъ переводныхъ. Остальныя 60, слѣдовательно $^2/_3$ всего количества, оригинальныя. Переводы его вообще довольно близки къ подлинникамъ: правда, онъ не всегда дорожитъ подробностями, жертвуетъ ими для чистоты языка и легкости стиха; но въ общемъ ходѣ разсказа онъ строго держится подлинника.

Въ оригинальныхъ басняхъ Хемницера есть конечно много соотношеній съ современностью; но если уже и въ басняхъ Крылова часто потерянъ ключъ для разъясненія связи ихъ съ дѣйствительностью, то тѣмъ менѣе возможно разгадать тайный смыслъ Хемницеровыхъ. Мѣстами однакожъ можно подмѣтить и въ нихъ намеки на современныя обстоятельства и лица: мы укажемъ при самыхъ басняхъ на нѣкоторые намеки этого рода.

Въ концѣ басенъ Хемницера, начиная съ самаго 1-го ихъ изданія, печатались двѣ подъ общимъ заглавіемъ *Чужія басни*. Всѣ повѣрили, что онѣ написаны не имъ, и одинъ изъ позднѣйшихъ издателей Хемницера, Сахаровъ, даже исключилъ ихъ поэтому изъ собранія басенъ его[1]. Мы напротивъ убѣждены, что онѣ названы *чужими* только потому, что ихъ примѣненіе было слишкомъ ясно для современниковъ и что авторъ хотѣлъ отклонить отъ себя всякую въ томъ отвѣтственность. Въ первоначальномъ изданіи онѣ названы «чужими» только въ оглавленіи, а не въ текстѣ, да и по своему складу и языку онѣ ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ басенъ собранія. Смыслъ одной изъ этихъ *чужихъ* басенъ

[1] Сахаровъ же несправедливо утверждаетъ, будто «Чужія басни» въ первый разъ напечатаны въ изданіи 1799 года.

не подлежитъ сомнѣнію: подъ мартышкою, обойденною при производствѣ, и оберъ-шутомъ, упомянутымъ въ послѣднемъ стихѣ, надобно разумѣть Л. А. Нарышкина. Не такъ ясенъ намекъ, скрывающійся въ другой баснѣ, *Львиный указъ*, заимствованной изъ Лафонтена и разсказывающей про зайца, который, при ссылкѣ всѣхъ рогатыхъ изъ львинаго царства, счелъ нужнымъ также удалиться, опасаясь, чтобы его ушей не приняли за рога. Въ нѣкоторыхъ изъ остальныхъ басенъ замѣтна полемическая подкладка: такова особенно басня *Черви*, направленная противъ плохихъ писателей, раздраженныхъ сатирою Капниста и вооружившихся противъ него за это нападеніе. Къ подтвержденію нашей мысли служитъ то, что эта басня первоначально была напечатана въ *Спб. Вѣстникѣ* 1780 года (сент.), гдѣ, нѣсколько ранѣе, появилась и сатира Капниста. Мы нашли въ бумагахъ Хемницера эту сатиру, его рукой переписанную. Неудивительно, что и самыя выраженныя въ ней мысли иногда отражаются въ басняхъ Хемницера. Капнистъ говоритъ, напримѣръ:

....«тотъ честенъ, такъ глупецъ;
Другой уменъ, такъ плутъ, ханжа, обманщикъ, льстецъ».

или:

«Но сколько тягостно быть честнымъ, каждый знаетъ».

Эта мысль послужила Хемницеру темой для оригинальной басни *Гадатель*; она же развита въ переводѣ изъ Геллерта *Умирающій отецъ*.

Но большая часть мыслей, положенныхъ въ основу басенъ Хемницера, несомнѣнно выработаны имъ самостоятельно среди тяжкихъ опытовъ жизни, доставившихъ ему глубокое пониманіе людей и свѣта. Подъ самой простой, невидной оболочкой мы иногда встрѣчаемъ у него важныя истины, относящіяся не только къ судьбѣ частнаго человѣка, но и къ общественному или государственному быту; таковы басни: *Волчье разсужденье*, *Привязанная собака*, *Лѣстница*, *Лѣнивые и ретивые кони*. Сюда же относятся и нѣкоторыя изъ неизвѣстныхъ доселѣ басенъ его,

между прочимъ притча *Добрый царь*, недавно нами въ первый разъ напечатанная [1].

Вопреки мнѣнію, до сихъ поръ повторявшемуся во всѣхъ его біографіяхъ, современники оцѣнили талантъ Хемницера. Изъ рукописныхъ замѣтокъ его мы узнаемъ, что уже и первое изданіе его басенъ, напечатанное безъ имени автора, нашло въ публикѣ хорошій пріемъ. Это подтверждается и тѣмъ, что черезъ три года понадобилось второе ихъ изданіе; оно было умножено цѣлою книгою новыхъ басенъ, которыя онъ едва ли бы написалъ, еслибъ не встрѣтилъ ободренія въ обществѣ. Послѣ смерти Хемницера, въ бумагахъ его нашлось еще собраніе неизданныхъ басенъ; вмѣстѣ съ прежними онѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, были роскошно напечатаны въ 1799 г. по распоряженію друзей его. Изданіе это украшено виньетами работы Оленина и силуэтомъ автора, сдѣланнымъ вѣроятно первою женою Державина [2]). Въ нынѣшнемъ столѣтіи, особенно въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ, изданія басенъ Хемницера быстро слѣдовали одно за другимъ. Но въ 50-хъ годахъ они прекращаются, и нынѣ мы тщетно стали бы искать ихъ въ книжной торговлѣ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности рѣшилось восполнить этотъ недостатокъ новымъ изданіемъ ихъ съ извлеченіями изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи рукописей. Хемницеръ достоинъ жить въ памяти потомства уже и однѣми своими баснями; но мы позволяемъ себѣ думать, что онъ пріобрѣтаетъ на это еще болѣе права теперь, когда образъ его, какъ человѣка и писателя, яснѣе и полнѣе прежняго возстановляется передъ нами изъ подлинныхъ его бумагъ и переписки.

---

[1] *Русская Старина* 1872 г., книжка 2-я.

[2]) Екатерина Яковлевна, рожденная Бастидонъ, извѣстна была, въ кругу друзей своихъ, искусствомъ въ этомъ дѣлѣ. Кажется, рѣчь идетъ именно о посмертномъ силуэтѣ Хемницера въ письмѣ Львова къ Державинымъ отъ 20 окт. 1786: «Утѣшь тебя такъ сила небесная и земная, премилая наша губернаторша, какъ ты меня силуэтами. Марья Алексѣевна и Иванъ Ивановичъ больше меня обрадовали, нежели Петръ Вас. (*т. е. Бакунинъ, въ то время также ужъ умершій*), которой совсѣмъ не похожъ». (*Соч. Держ.* T. V, стр. 607 и 608).

Онъ является въ нихъ лицомъ замѣчательнымъ и по необыкновеннымъ обстоятельствамъ своей жизни, и по высокой человѣчности, и по горячей любви къ Россіи. Все это въ немъ тѣмъ поразительнѣе, что при полученномъ имъ въ молодости недостаточномъ воспитаніи онъ позднѣйшимъ развитіемъ своимъ былъ обязанъ, какъ и многіе знаменитые дѣятели той эпохи, самому себѣ. Съ оттѣнкомъ спеціальнаго образованія въ такіе годы, когда другіе лишь начинаютъ серьезно учиться, Хемницеръ поступаетъ въ армію рядовымъ и скоро отправляется въ походъ за границу; послѣ того, 30-ти лѣтъ отъ роду, онъ вдругъ становится ученымъ дѣятелемъ горнаго вѣдомства и издателемъ минералогическихъ трудовъ. Затѣмъ, напечатавъ собраніе басенъ, онъ печально умираетъ въ другой части свѣта, но оставляетъ по себѣ имя въ исторіи русской литературы. Ясно сознавая глубокія язвы современнаго общества, онъ иногда удачно затрогиваетъ ихъ въ простодушныхъ по видимому разсказахъ; но ни это горькое сознаніе, ни иностранное происхожденіе не мѣшаютъ ему быть преданнымъ и благодарнымъ сыномъ своего отечества. Можно по всей справедливости назвать Хемницера однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ писателей Екатерининскаго вѣка, или, если угодно, выражаясь по нынѣшнему, — однимъ изъ «передовыхъ людей» этой эпохи.

Я. Гротъ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

напечатанный подъ заглавіемъ «Жизнь сочинителя» при 1-мъ посмертномъ изданіи басенъ Хемницера [1].

1799.

Читая сочиненія Ивана Ивановича Хемницера, и судя по чистотѣ слога, по прямому рускому нарѣчію, по картинамъ, часто изъ обычаевъ простаго народа взятымъ, ни кому конечно не прійдетъ на умъ, что онъ рожденъ былъ отъ чужестранцовъ. Отецъ его, выѣхавшій изъ Саксоніи, провелъ всю жизнь свою въ нашей службѣ, и наконецъ былъ надзирателемъ Санктпетербургскаго сухопутнаго госпиталя. Онъ сдѣлался извѣстнымъ, какъ знаніями въ лѣчебной наукѣ, такъ добротою души и отличнымъ безкорыстіемъ: ибо находясь около 50-ти лѣтъ въ различныхъ должностяхъ, не имѣлъ онъ, къ пропитанію себя въ дряхлой старости ничего, кромѣ жалованья, и женѣ своей, теперь еще живущей [2], оставилъ совершенную нищету. Сіи добрые родители, имѣя съ двумя дочерьми одного только сына, истощили всѣ способы къ доставленію ему хорошаго воспитанія. Одаренный острымъ понятіемъ и памятью, предуспѣлъ онъ скоро въ языкахъ и наукахъ въ общежитіи необходимыхъ; рожденный съ добрымъ сердцемъ, легко заимствовалъ онъ отъ родителей своихъ коренныя добродѣтели, наипаче: простосердечіе, воздержность, безкорыстіе и горячность въ дружбѣ; а наконецъ, съ такими расположе-

[1] Объ этомъ изданіи см. ниже въ спискѣ всѣхъ изданій Хемницера. Печатаемъ «Жизнь сочинителя» безъ всякихъ измѣненій.

[2] Выше сказано, что мать баснописца пережила мужа только 5-ю мѣсяцами; изъ словъ біографа слѣдуетъ заключить одно изъ двухъ: или что эта статья писана въ 1789 году, или что писавшій не зналъ о смерти вдовы.

ніями пущенный въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ на свою волю въ свѣтъ, котораго опасности живо ему изображаемы были, изострилъ онъ всегдашнею осторожностію наблюдательный умъ, причины и дѣйствія вещей испытующій; которому обязаны мы большею частію басенъ и сказокъ его, одной токмо природѣ подражающихъ.

Когда пришелъ въ юношескія лѣта, то отецъ его желалъ, чтобы онъ, по примѣру его, посвятилъ себя лѣчебной наукѣ: — хотя же способность молодаго человѣка обнаруживалась успѣхами въ умозрительныхъ сей науки свѣденіяхъ; но какъ не могъ онъ преодолѣть врожденнаго отвращенія къ анатомическимъ опытамъ, то отецъ его принужденъ былъ записать его въ военную службу. И такъ въ 1757-мъ годѣ, имѣя только 13-ть лѣтъ отъ роду, началъ онъ служить съ унтеръ-офицерскихъ чиновъ; былъ въ Прускихъ и Турецкихъ походахъ; но увидя, какъ самъ часто сказывалъ, что изъ анатомической залы попалъ онъ на обширной Хирургической театръ, перешелъ въ 1769 году изъ Порутчиковъ въ Гитенъ-фервалтеры при Горномъ кадетскомъ корпусѣ. А какъ во всѣхъ званіяхъ старался онъ исполнять долгъ свой со всевозможнымъ раченіемъ и прилѣжностію, то скоро и здѣсь снискалъ довѣренность и любовь начальниковъ своихъ. Въ 1776-мъ годѣ имѣлъ случай сотовариществовать въ чужіе краи одному изъ своихъ благодѣтелей. Проѣзжая Нѣмецкую землю, — находилъ вездѣ трудолюбивыхъ пчелъ; въ Голландіи — видѣлъ только деньги и движущіеся сундуки; во Франціи — нестарѣющуюся легкомысленность. По возвращеніи въ отечество, прилѣпился онъ съ большею ревностію къ словесности Россійской. Въ 1778-мъ годѣ[1] издалъ первыя свои басни; а черезъ три года потомъ, въ другомъ изданіи прибавилъ къ онымъ вторую часть. — Въ 1781-мъ годѣ, когда одинъ изъ главныхъ начальниковъ и благодѣтелей его оставилъ службу, пошелъ и онъ коллежскимъ совѣтникомъ въ отставку. Но какъ окромѣ жалованья ничего къ пропитанію

---

[1] Въ 1779-мъ, какъ упоминаетъ самъ Хемницеръ.

своему не имѣлъ, то принужденъ былъ опредѣлиться генеральнымъ консуломъ въ Смирну. Выгоды, которыя доставляло сіе мѣсто, подавали ему надежду, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ можетъ онъ пріобрѣсть умѣренный достатокъ и обезпечить независимость свою. — Отъѣзжая, прощался онъ съ друзьями своими такъ, какъ будто бы предчувствовалъ, что не увидитъ ихъ больше. — Въ Сентябрѣ 1782-го года прибылъ онъ въ Смирну. Можетъ статься перемѣщеніе изъ холоднаго Сѣвера на знойный Югъ, способствовало къ разстройкѣ здоровья его; но безъ сумнѣнія главнѣйшею тому причиною было удаленіе отъ друзей, которыхъ общество сдѣлалось истинною его стихіею. Погруженъ въ уныніе, долго боролся онъ съ болѣзнями и смертью; но напослѣдокъ истоща силы, скончался 1784-года Марта мѣсяца въ 20 день.

Теперь извѣстны читателямъ скромныя произшествія жизни его. Нравъ и образъ мыслей во всемъ соотвѣтствовали онымъ, съ тою при томъ странностію, что онъ совершенно сходствовалъ ими съ Лафонтеномъ, любимымъ въ басняхъ руководителемъ его и примѣромъ: то же добродушіе, та же слѣпая увѣренность въ друзьяхъ, нерасторопность и всегдашняя разсѣянность мыслей. Въ Парижѣ, напримѣръ: во время представленія трагедіи Танкреда, когда Лекенъ показался, то пораженный величественною осанкою его, онъ всталъ, поклонился, и тогда только примѣтилъ странность поступка своего, какъ весь партеръ захохоталъ.

Нѣкто изъ благодѣтелей его, къ которому имѣлъ онъ великое уваженіе, разсказывалъ ему по утру одно любопытное произшествіе. При концѣ обѣда пришло оно сочинителю на мысль, который забывъ о прошедшемъ, сталъ за ново расказывать повѣстію тому самому, отъ кого оную слышалъ. Нѣкто изъ его друзей далъ ему это примѣтить: онъ встревожился и въ торопливости вмѣсто платка положа въ карманъ салфетку, лишь встали изъ за стола, бросился бѣжать вонъ. Другъ желаетъ остановить его, но безполезно. *Ты меня вѣчно въ дурачества вводишь*, говорилъ онъ ему съ сердцемъ: *естьли бы ты севодни не привезъ меня сюда, то*

бы я не сдѣлалъ этой глупости.—Другъ старается представить ему, что онъ еще большую дѣлаетъ непристойность; но онъ ничего не слушалъ и бѣжалъ вонъ.—Тогда въ догонку совѣтовалъ ему другъ его, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ не уносилъ бѣлья чужаго.—Слова сіи заставили его опомниться на улицѣ: онъ схватился за карманъ, вынулъ салфетку, и растянувъ ее стоялъ въ недоумѣніи и страхѣ, чтобъ впрямъ не быть приличену въ воровствѣ.—Хохотъ хозяина и всѣхъ гостей, стоящихъ на балконѣ, вывелъ его наконецъ изъ сумнѣнія. Сердце его прошло; онъ возвратился и самъ помогалъ пріятелямъ своимъ смѣяться надъ собою[1].

Сіи черты могутъ дать читателямъ нѣкоторое понятіе о странностяхъ его и о всегдашнемъ разсѣяніи мыслей, противорѣчущемъ тонкой замѣчательности,. во многихъ басняхъ обнаруженной. Болѣе распространяться о немъ повѣстію, скромность дружеству не позволяетъ: опасаясь чтобы пріятное ему воспоминовеніе не показалось читателямъ скучнымъ и вниманія ихъ недостойнымъ.

Остается теперь сказать слово о семъ изданіи: къ двумъ прежнимъ книгамъ присовокупляется еще третья, найденная послѣ смерти сочинителя въ его бумагахъ, и первыя книги исправлены по егожъ рукописи.

О достоинствѣ вообще сихъ басенъ и сказокъ, въ сравненіи съ сочиненіями такого же рода, нѣтъ нужды говорить: ибо перо дружествомъ водимое можетъ показаться пристрастнымъ, и читатели одни только имѣютъ право судить о цѣнѣ и о преимуществѣ словесныхъ твореній.

---

[1] См. ниже подлинный, болѣе точный разсказъ Львова объ этомъ случаѣ.

ЗАМѢТКИ ЛЬВОВА

ДЛЯ

БІОГРАФІИ ХЕМНИЦЕРА[1].

I.

Въ Голландіи никакой съ нимъ встрѣчи не было.

Въ Горномъ корпусѣ будучи, перевелъ онъ книгу о цвѣтныхъ камняхъ, перевелъ также или почти написалъ другую подъ названіемъ *Кобалтословіе;* изъ военной службы прямо вступилъ онъ въ горную, а потомъ въ генеральные консулы.

Въ Парижѣ у Вели было двѣ красавицы, только не его. Странствовалъ онъ отсель въ Парижъ, изъ Парижа въ Спа; тамъ имѣлъ онъ сперва литеральное знакомство, а потомъ знакомство съ ученою мадамъ Готаръ[2]; я никакихъ не знаю о семъ подробностей, потому что я въ Спа разлучился съ ними и уѣхалъ въ отечество. Здѣшніе его анекдоты извѣстны тебѣ:

1-е. *Очевидное свидѣтельство*[3].

2-е. Онъ однажды Петру Васильевичу Бакунину за обѣдомъ расказывалъ за новость ту же самую повѣсть, которую отъ него по утру слышалъ, и какъ Петръ Васильевичъ ему сказалъ: что это я тебѣ сказывалъ, братецъ, такъ онъ хорошо поправился, го-

---

[1] Обѣ нижеслѣдующія замѣтки, очевидно, назначены были для Капниста, какъ подтверждаетъ и сдѣланная на оборотѣ второй изъ нихъ надпись. Онѣ писаны почеркомъ неизвѣстнаго лица: первая на почтовомъ листѣ, а другая на цѣломъ листѣ толстой сѣрой бумаги.

[2] Объ этой дамѣ я не могъ найти никакихъ свѣдѣній. Хемницеръ, въ своемъ дорожномъ журналѣ, не называетъ ея въ числѣ лицъ, съ которыми онъ познакомился въ Спа.

[3] Въ чемъ заключался этотъ анекдотъ, мы не знаемъ.

воря: а я думалъ, что я вашему превосходительству. И какъ онъ въ эдакихъ случаяхъ думалъ, что я всегда бываю причиною бѣды, то въ смятеніи оборотясь ко мнѣ, съ сердцемъ говорилъ: тебя, братецъ, не надобно никогда слушать. Я не зналъ, что это значитъ до тѣхъ поръ, покуда онъ, тотчасъ послѣ стола схватя шляпу и положа въ карманъ вмѣсто платка салфетку, бросился бѣжать домой. Я догналъ его въ сѣняхъ и уговаривалъ дождаться кофе, на что онъ мнѣ съ сердцемъ отвѣчалъ: я бы не сдѣлалъ такого дурачества, когда бы не остался обѣдать. — Да, братецъ, ты теперь другое дѣлаешь. — Ужъ я тебя не послушаю. — Я, давъ ему вытти на набережную, можетъ не одумается ли, говорилъ ему, что онъ вмѣсто платка уноситъ салфетку; это его такъ ошаломило, что онъ выхватя салфетку изъ кармана и растяня ее въ рукахъ, стоялъ среди улицы, какъ одеревенѣлой, покуда примѣтилъ, что мы всѣ въ окошкѣ надъ нимъ смѣялись. Тогда začалъ смѣяться и онъ, какъ будто отъ нашего смѣху увѣрился только, что онъ не укралъ салфетку, и съ поличнымъ пришедъ опять въ компанію, былъ ужъ веселъ; но встрѣчному и поперечному расказывалъ свое произшествіе[1].

II.

Анекдоты Ивана Ивановича въ бытность Михайла Федоровича въ чужихъ краяхъ, про которыя ты, я думаю, слыхалъ:

1-е. Когда онъ купилъ кошелекъ и я на немъ написалъ 1748-го года и онъ повѣрилъ, что онъ старъ.

2-е. Въ театрѣ сидя со мною на репрезентаціи Танкредо, когда Лекенъ вышелъ амансировать (?), онъ всталъ и такъ ему поклонился въ забывчивости, что весь театръ обратилъ на себя; высокой ростъ его мнѣ никогда не былъ такъ примѣтенъ.

3-е. Живучи въ Парижѣ цѣлую недѣлю, ходилъ онъ каждое утро стеречь, когда Жанжакъ[2] выдетъ изъ дому своего, и уви-

---

[1] Ср. выше, стр. 38.

[2] Руссо; о времени рожденія и смерти его (1712 — 1778) есть особая замѣтка въ памятной книжкѣ Хемницера.

дѣвъ его одинъ разъ, мнѣ уже покою не было, что я живучи съ нимъ въ одной комнатѣ не видалъ Жанжака по тѣхъ поръ, покуда наконецъ увидя его вмѣстѣ, увѣрилъ я его, что это не Жанжакъ, а учитель графа Строгонова, и по возвращеніи ужъ только въ Спа признался, что это была шутка.

4-е. Въ Парижѣ влюбился онъ въ одну самозванку, графиню Фюстель, и на всѣ мои увѣренія противу знатности ея никакъ не соглашался, покуда не обрала она его и перстнями и пряжками; тогда онъ пришедъ ко мнѣ говорилъ: никакъ и впрямъ она, братецъ, бродяга: теперь ужъ проситъ денегъ у меня, только никакъ этому статься не льзя; она читаетъ Избавленный Іерусалимъ, это очень похоже на ла Фонтенова Варуха: *ce Varouch etoit un grand génie.*

Прочее же все, что здѣсь между нами происходило, тебѣ извѣстно; что же до жизни и до службы его касается, то все ты весьма подробно найдешь въ бумагахъ моихъ, у васъ оставленныхъ. Ту жизнь, которую я писалъ, найти не могу, я тогда ее бросилъ, да какъ ты самъ помнишь она же была написана на листочкѣ, то мало бы къ чему доброму годилась, хотя бы и цѣла была. Писать же самъ ничего я не могу: кромѣ глазной болѣзни я такъ боленъ болѣзнію князя Александра Андреевича, что отъ утра до вечера бываю у него. Глупъ я, это я чувствую, никогда я не умѣлъ разсудкомъ разорвать связь сердечную. Состояніе его меня чрезвычайно безпокоитъ[1].

---

[1] Сахаровъ (см. его изданіе басенъ Хемницера, стр. X) разсказываетъ еще подобный анекдотъ. «Однажды пригласили друзья Хемницера на загородный праздникъ, гдѣ онъ часто съ ними бывалъ. Хемницеръ забылъ объ этой дачѣ. Приходитъ другъ его, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться на званой обѣдъ, и застаетъ въ ужасныхъ хлопотахъ. «Что съ тобою?» говоритъ онъ. — Я обѣщался быть на обѣдѣ, а не успѣлъ взять паспорта; вѣдь безъ этого не пропустятъ насъ за границу. Долго другъ его уговаривалъ, что они ѣдутъ на дачу, которая близъ С. Петербурга, а не за границу. Хемницеръ вышелъ изъ себя, и тогда только повѣрилъ, когда разсказалъ въ подробности всѣ обстоятельства». Этотъ анекдотъ повторенъ и Бантышъ-Каменскимъ.

ЗАПИСКА ОТЦА ХЕМНИЦЕРА[1].

Mein Sohn Johann Chemnitzer ward gebohren den 5ten januar anno 1745 in der Vestung janatavsky an der Wolga ohn weit Astrachan, in dritten Monath seines Alters muste Er schon mit seinen Eltern in der Steppe herum ziehen, bis wir endlich im juny Monath nach Kislar kamen, u. nach gehane endlich wieder zurücke nach Astrachan gekommen sind, so bald als die Sprache sich ein fand, so gab sich so wohl Spilend die Mutter als ich mit ihm ab die Buchstaben kennen zu lernen, und in wahrheit muss ich sagen ich weiss selbsten nicht wie Er hat lesen gelernt und so auch mit dem schreiben, den wegen meine Amtsgeschäfte habe die wenigste Zeit zu hause sein können, doch es so einzurichten gesucht das am Steugen mit ihm und das gleichsam im Spilen, um ja das lernen ihm nicht eckel zu machen. Spil Sachen hatten in seiner zahrten Kindheit keinen sehr groszen eindruck eine kurze Zeit spilte damit, machte solche balde endzwey u. warf es weg, freylich beobachte genau darauf worauf seine neugung am meisten gehen solten, sein libstes vergnügen war wan Er mit Döpffe Erde angefüllet und pflanzen kunte, das zweyte waren mit Dronhen zu Spilen, Naschwerck libte Er gar nicht. Er pflegte es aus zu speien, dagegen grob Brod war sein libstes.

an Gott
gen ist a
legen.

alles du
nen eige
u. Fleis

---

[1] Подлинная писана готическимъ шрифтомъ (кромѣ иностранныхъ именъ, писанныхъ латинскими буквами) на сложенномъ въ четвертку листѣ толстой синеватой бумаги съ приписками на поляхъ. Здѣсь рукопись соообщается въ точности со всѣми ея ореографическими несообразностями. Сохранился и написанный рукою Львова переводъ ея; но Львовъ нѣкоторыхъ мѣстъ не разобралъ и перевелъ ихъ невѣрно, а потому и не печатаю этого перевода, тѣмъ болѣе что все содержаніе рукописи уже передано мною выше въ «Біографическихъ извѣстіяхъ о Хемницерѣ» (стр. 3 — 6).

Ich kunde wohl an ihm mercken das vil gram bey ihm war, es fehlete mir aber an Mitteln und Gelegenheit, da ich ihm nach meinen Kräften im lesen schreiben teutsch Latein im Rechen die ersten Fünff Species bey gebracht, so gab ich Ihm den Hern Pastor Neibauer welcher damahls in Astrachan war ab, welcher mir bey dem Besuch ofte sagte, das Er sehr begreiflich wär u. seinem eigen Sohne weit vorzöge. Er hatte noch nicht völlig 6 Jahre erreichet schon in Syntaxi war, da des Pastor seiner schon im 9ten war, ja wir hatten das vergnügen in der öffentlichen Kinderlehre zu hören das der erste mit andword und Sprüche aufschlagen fertig war, damit auch die übrigen Stunden nicht möchten umsonst verflisen, suchte ich Einen Menschen der ihm die Rusche Sprache das lesen u. schreiben bey bringen solte, nachheer würde ich mit Einem jngeneur officir bekand welcher sich freundschaftlich bezeichte ihm Arickmetick u. Geometri unterweisung zu geben, habe aber bemerck das von seiten der unterweisung sehr viles versäumet, auszer was der lehrling selbst zu lernen sich bestrebte, mit einen Worde es waren damals an den Orten noch keine Schul veranstaltungen, unter deszen schrib Er oder zeichnete vor sich.

Es ereignete sich ein sehr un angenehmer Vorfall mit uns, das mir der Ort ganz verhaszt wurde, Meine libe Frau unter nahm die weite Reise mit ihre drey Kinder nach St. Peterbourg anzutreten mein Sohn war dazu mahl ins 11te Jahr, u. wäre bey nahe unter wegens des nachts von den Kalmüken verlohren gegangen. Er geht von Wagen auf die seite vor Düster im Finstern verirret sich in der Steppe, Leute die Convoy ihm vermisset u. nach dem geschreie Ihm wieder aufsuchen, deren Herze man sich einer Mutter dabey lebendig vor stellen kan, von dem der abwesende Vater nicht das minste davon weis. Er war also von der ganze Reise der Corresponden. um aber immer weiter zu kommen gab ihm die Mutter ohne mir ´hir in Peterb. wieder bey Einem Schulmeister. als ich 1756 hir kam gab ich ihm bey unsern Lateinischen jnformator der hat in historej, Geographie

mit ihm vorgehabt, ganz aus eigen trib, ohne allem anhalten darzu hatt Er sich mit dem besten Camaraten u. wisssenden bekand gemacht, u. gesucht sich bey ihnen einzuschmeicheln das Er die ganze Ostealogia ja die schwersten Knochen mit allen dazu gehörigen bemerckungen recht genau wuste, hir ereignet sich eine Epoche das ich muss verblend gewesen sein. Noth u. Kummer bringet den Menschen öfters zu niedrigen entschlissungen durch starckes Zureden viler versprechung, wurde Er zum Soldaten stand abgegeben, das ich also mit meinen liben würdigen Sohn getrennet war (1757), man stelle sich vor, Ein Jünglin im 13ten Jahre den unter Einer so strengen lebends art komt, gar keinen Schuz noch zuflucht hat, u. vor zichlig von viler empfindung u. edler gesinnug ist, der Oberst Leitanc der Ihm goldene Berge versprochen hatte und mich Teutsch zu sagen betrogen hatte war ein ertz Bösewicht. Der Oberster darjegen, dem ich in meinen leben mit Augen nicht gesehen, gewinnet den Knaben lib nimt sich seiner an u. avanciret ihm da der Bösewicht noch hinderlich sein will, ich in un wissenheit gar keine nachricht von jemanden. bis selbiges im Herbst selbst zur Armee nach Preussen commandirt wurde zoge durch vieles nachfragen endlich nachricht von meinem Sohn ein die aber mehren theils vor mir sehr betrüb waren, 1759 kam das Nosseburssche Regiment wo bey mein Sohn war nach Königsberg ich gab mir alle Mühe an d. H. Oberst Bolschwang zu schreiben u. bath Ihm mit gelegenheit selbigen zu mir abzulassen da ich mit den Blesirten dazu mahl in Elbing stund, worauf ich gleich anword erhilt u. bald darauf die Freude meinen liben Sohn bey mir zu haben. Aufrichtig muss ich seine bescheidenheit in ansehung des Bösewichts betragen jegen ihm, da ich doch von zuverlässigen officiers u. Stab-officiers zur gnüge benachrichtiget war, seine andword war allein diese wan ich davon anfing, i Pappa gottlob das ich wieder bey ihne bin, darjegen d. H. Oberster nicht genug lobes erhebung finden konte.

ПИСЬМА ХЕМНИЦЕРА
къ
НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЛЬВОВУ[1].

I.

Письмо 2-е. **Херсонъ, июля 8 1782 года[2].**

Напередъ все таки у тебя спрошу здоровъ ли ты, даромъ что ты и ето за церемоніалъ считаешь. Le bourru! Да еще таки спрошу здоровы ли и тѣ до которыхъ тебѣ столькожъ нужды сколько и до самово себя[3]. А теперь слушай что я пріѣхалъ сюда

[1] Всѣ эти письма, въ числѣ пятнадцати, сохранились въ подлинникахъ и писаны въ листъ на довольно грубой почтовой бумагѣ, какая въ то время вообще употреблялась. Изъ удерживаемой въ точности орѳографіи перваго письма видно, что съ теоріею языка Хемницеръ, какъ и большая часть тогдашнихъ писателей, былъ мало знакомъ, хотя и писалъ правильнѣе многихъ. То же еще въ большей степени относится къ его познаніямъ во французскомъ языкѣ. Въ дальнѣйшихъ письмахъ исправляются только грубыя орѳографическія ошибки (напр. *людій*), особенности же правописанія остаются неприкосновенными. Всего своеобразнѣе Хемницеръ въ употребленіи большихъ буквъ, которыхъ часто не ставитъ даже и послѣ точки. Кромѣ того, одни и тѣ же слова, особливо въ отношеніи къ буквѣ ѣ, пишетъ онъ различно, такъ что многія ошибки этого рода могутъ считаться случайными, и не было надобности сохранять ихъ въ печати.

[2] Съ лѣвой стороны, вверху страницы, написано: «Письмо 2-е», изъ чего видно, что первое либо не дошло до Львова, либо утратилось послѣ.

На оборотѣ сложеннаго письма адресъ: «Милостивому государю моему Николаю Александровичу Его высокоблагородію Львову. Въ Санктпетербургѣ».

Тамъ же отмѣчено рукою Н. А. Львова (объ отправленныхъ имъ письмахъ): «4-е, Сентября 29 1782. 5-е, по почтѣ Октября 14. 6-е, по почтѣ Ноября 1-го. 9-е, 31 Декабря».

[3] Здѣсь, какъ и далѣе, при другихъ подобныхъ выраженіяхъ, должно разумѣть преимущественно Марью Алексѣевну, рожденную Дьякову, съ которою Львовъ состоялъ въ тайномъ бракѣ.

въ Херсонъ 5 етова месяца, спросилъ Ивана Абрамовича [1] скоро ли ему угодно будетъ меня отправить; онъ отозвался что ето днѣй черезъ 5 быть можетъ, однако я думаю что и еще день другой изъ за етова продолжится. Поѣду я на той же яхтѣ которая отвозила Якова Ивановича [2]. Здесь то нашелъ я уже людѣй которые прямо о Смирнѣ знаютъ, потому что сами тамъ жили, или по крайнѣй мѣрѣ долго бывали. Всѣ говорятъ что мѣсто прекрасное, только всѣ говорятъ также что моево званія люди живутъ совершенно на ногѣ Цареградскихъ Министровъ естьли не пышняе. Признаюсь тебѣ что ето мнѣ мало покою даетъ; хотя я, какъ говорится, сколько спекуляціи ни дѣлаю, однако не вижу еще что будетъ. Можетъ быть, у Якова Ивановича больше узнаю какими способами перевернуться мнѣ можно будетъ. Только знаешъ ли ты что я уже самъ примѣчаю что я на себя не похожу. Je donne la torture à ma tête à force de penser, de combiner, de reflechir autant qu'il est en moi [3]. Странное дѣло, сколько обстоятельства умомъ и духомъ нашимъ поворачивать могутъ! Нѣтъ, ужъ не написалъ бы ты теперь такова письма въ которомъ бы ты меня небеснымъ Иваномъ назвалъ. Теперь скажу тебѣ что въ проѣздѣ моемъ былъ я въ Обуховкѣ и жилъ тамъ съ Петромъ Васильевичемъ [6] дни съ 4. Не знаю самъ ли онъ или по внушенію Вас. Вас. (потому что Вас. Васильевичъ еще въ перьвое время нашей дружбы мнѣ объ етомъ предлагалъ) далъ мнѣ одного изъ дворовыхъ мальчиковъ. Кто бы тому причиною ни былъ, обѣимъ спасибо и тебѣ тутъ же, естьли хочѣшъ. Да и за почтиліона

---

[1] Ганнибала, о которомъ подробнѣе говорится въ дорожныхъ замѣткахъ Хемницера, писанныхъ во время его путешествія въ Смирну. Свѣдѣнія о Ганнибалѣ см. въ Словарѣ Бантышъ-Каменскаго и въ Соч. Пушкина (т. V, изд. Анненкова) «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ».

[2] Булгакова. Онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ къ султану Абдулъ-Гамиду 20 мая 1781 года и вскорѣ отправился въ Константинополь.

[3] Т. е. я подвергаю пыткѣ свою голову, заставляя ее размышлять, соображать, обдумывать, сколько есть у меня силъ.

[4] Капнистомъ, старшимъ братомъ поэта, Василья Васильевича. Петръ В. былъ агрономъ и англоманъ (См. *Соч. Держ.*, Т. II).

тебѣ спасибо же. Ну, ужъ швагеры проклятые; да и почтиліонъ безъ горла сталъ! а мнѣ одному что бы тутъ дѣлать: ето не въ перекладной кибиткѣ скакать. Ну братецъ, Херсонъ, подлинно чудо. Представить нельзя чтобъ въ три года столько сдѣлать можно было. Представь себѣ совершенную степь гдѣ ни прутика не только дому сыскать можно было. Теперь крѣпость, и крѣпость важная такая напримѣръ какіе изъ лутчихъ мы въ Нидерландахъ видѣли. Строеніе въ нѣй по большой части все сдѣлано изъ тѣсаного камня, какой напримѣръ парижской.

Предмѣстіе по (*сю*) сторону города и по другую въ доль Днепра простирается на семь верстъ считая съ поперешникомъ крѣпости; и также по большой части изъ тесаного камня. Корабли на штапеле, прекрасной карантинной домъ, гдѣ мѣсто разбито на кварталы для карантинныхъ, магазейновъ и пр. строенія; и все ето пересѣчено каналами такъ что кварталъ съ кварталомъ никакой коммуникаціи имѣть не можетъ естьли бы иной караульной и хотѣлъ пропустить ково бы не надобно: сады, въ которые каждую лозу и деревцо изъ Малороссіи привесть должно было. Въ протчемъ скажу тебѣ что здесь и музыка изъ полковъ собрана такая какую право слушать можно; однако во время бытности здесь въ Херсонѣ стараніемъ Ивана Абрамовича исправлена.

Теперь хотѣлъ бы я знать что ты дѣлаешъ и что съ тобою дѣлается. Ставь пожалуй на письмахъ своихъ нумера. Василей Васильевичь что? и какъ? Все ето знать бы я хотѣлъ. Скажи ему что по коммисіи отъ Петра Васильевича взыскалъ я въ Херсонѣ деньги, которые Саханской долженъ былъ, я ихъ къ Петру Вас. пересылаю. Гаврилу Романовичу и Катеринѣ Яковлевнѣ[1] кланяйся пожалуй; письмо Гавр. Романовича къ Синельникову[2] ни въ Кременчугѣ ни въ Херсонѣ съ рукъ у меня никакъ нейдетъ. По сю пору не нашелъ еще души кто бы объ немъ гдѣ

---

[1] Державину и первой женѣ его.

[2] Ивану Максимовичу; въ то время онъ былъ управляющимъ Славянскою и Херсонскою провинціями, Херсонскаго пикинернаго полку полковникомъ. Переписку съ нимъ знаменитаго поэта см. въ акад. изданіи *Соч. Державина*, т. V.

онъ зналъ и мнѣ сказать могъ. Прощайте всѣ! Письма ко мнѣ можешъ ты, когда иногда черезъ Царьградъ послать не захочешъ, адресовать на имя здѣшняго Херсонскаго купца Фродинга товарища Фалѣева[1]. Да бишь, о рисункахъ на книжки покорно просимъ[2]. Къ Якову Ивановичу я вчерась писалъ что я уже въ Херсонѣ и рекомендовалъ себя. Приложенное къ батюшкѣ письмо пожалуй сдѣлай милость и отправь съ надежнымъ человѣкомъ.

II.

№ 3. Херсонъ, Іюля 18 1782 года.

Думалъ было я, такъ какъ я тебѣ и писалъ, что отправлюсь дней черезъ 5 или 6 изъ Херсона, однако я еще здѣсь; и еще дней пятокъ отправленіе мое по видимому продолжится. За яхтой, которая меня отвезти должна, надлежало послать въ море, воротить ее, вновь оснастить и тому подобное; а все ето требовало времяни. Я между тѣмъ смотрю все на возрастаніе Херсона, а Смирны не вижу. А сверхъ того предчувствую что, по разнымъ обстоятельствамъ разсуждая, житье мое тамъ не продолжится, самъ знаешь для чево. Я не помню сказалъ ли я тебѣ въ послѣднемъ письмѣ чтобъ письма отъ тебя ко мнѣ адресовать кромѣ Цареградской почты еще и черезъ Херсонъ на имя нашего русскаго купца, товарища Фалѣева Ивана Карловича Фродинга, которой жительство имѣетъ въ Цареградѣ, однако иногда и здѣсь бываетъ, а естьли здѣсь и не случится, то перешлютъ къ нему изъ Херсона изъ канторы Фалѣевой въ Царьградъ.

Ето письмо написано было для запасу когда бы напримѣръ курьеръ отправился отъ сюда; однако какъ ето не случилось, то

---

[1] Михаилъ Леонтьевичъ Фалѣевъ, подрядчикъ, изъ купцовъ возведенный Потемкинымъ въ бригадиры.

[2] Можетъ-быть, рѣчь идетъ о приготовленіи рисунковъ къ баснямъ Хемницера при будущемъ ихъ изданіи. Изъ сочиненій Державина извѣстно, какъ охотно Львовъ занимался подобными иллюстраціями, и впослѣдствіи басни Хемницера, по смерти автора, дѣйствительно были изданы съ виньетами Оленина, въ изобрѣтеніи которыхъ могъ участвовать и Львовъ.

пишу теперь къ тебѣ что я севодни, то есть 21 числа сѣлъ на яхту и пускаюсь въ море, представляя себѣ что скоро не увижу я берега моего отечества и всѣхъ тѣхъ которые мнѣ жизнь пріятною дѣлали долженъ буду воображать какъ будто не на одномъ уже мірѣ со мною. И такъ, прощай Николай Александровичь! а ето прощай скажи всѣмъ кому надобно.

Въ протчемъ, естьли бы когда либо надобно было мнѣ уже не быть въ моемъ мѣстѣ, то о томъ только прошу тебя чтобъ, естьли возможно, доставить мнѣ случай заранѣе о томъ узнать; ты, я чаю, помнишь что мы говорили.

Василій Васильевичь, куда бы мнѣ объ тебѣ знать хотѣлось. Естьли ты еще въ Петербургѣ, то кланяйся Гаврилу Романовичу и Катеринѣ Яковлевнѣ; да отпиши ко мнѣ что нибудь хорошее.

III.

№ 5. Константинополь, 8 Августа 1782 года.

Ты видишь, мой другъ, что я въ Царѣградѣ. Да ето ничево что въ Царѣградѣ. Да то много для меня что я въ немъ нашелъ отъ тебя письмо и словесное о тебѣ извѣстіе. Знаешь какова моя рожа когда не ипохондрическая? такова то она была когда я письмо твое читалъ. Много! много въ немъ доброва: и что ты здоровъ самъ и что твой *другъ* здоровъ, и что Никита Сергѣевичь[1] пожалованъ; да полно ужъ ето ничего не значитъ когда дѣло идетъ о здоровьи. А мнѣ дало знать Черное море! еще и теперь ноги на силу поддерживаютъ. Съ 21 Іюля по 5 Августа все качало и послѣдніе соки изъ хрипучаго дерева выкачало. Теперь кажется что отдыхать начинаю; а особливо твое письмо на большое разстояніе впередъ меня къ здоровью подвинуло: слово (*въ*) слово толчкомъ. Между протчимъ скажу тебѣ не малое спасибо за то что ты меня благодаришь *за дѣльное мое письмо*. Разумѣешь къ чему ето клонитъ? Дѣльное письмо! думалъ ли я что бы мнѣ удалось

---

[1] Аникита Сергѣевичъ Ярцовъ, служившій въ горной экспедиціи совѣтникомъ горныхъ дѣлъ и произведенный въ это время въ коллежскіе совѣтники.

дѣльное письмо написать тогда когда я писалъ ево только по внушенію чувствъ. Куда бы я радъ былъ чтобъ чаще къ тебѣ дѣльные письма писать могъ! Дай то Богъ, другъ мой, что бы всѣ мы другъ друга могли на конецъ видѣть въ состояніи, съ желаніемъ нашимъ сходномъ. Василья Васильевича[1] помѣщеніе я ждалъ нетерпѣливо: очень бы хорошо естьли бы онъ пріѣхавъ въ деревни свои, дѣла и всѣ хлопоты тамошніе о которыхъ мнѣ Петръ Васильевичъ[2] съ превеликою тревогою сказывалъ, на конецъ кончилъ. Петръ Вас. къ тебѣ о томъ, я чаю, писалъ. — Теперь, отъ чувственнаго обращаюсь къ политическому. Пріѣхавъ къ Якову Ивановичу (*Булгакову*), былъ принятъ отъ него довольно дружелюбно. Онъ перевелъ меня на житье съ яхты, которая противъ самого его дома въ Буюкъ-дире[3] остановилась, къ себѣ, и далъ мнѣ покой; и *«все что я пожелаю къ моимъ услугамъ»*. Думаю что недѣли 4 или 5 должно будетъ здѣсь прожить, потому что въ здѣшнемъ царствѣ праздникъ рамазанъ*, которой весь Августъ продолжится; по окончаніи уже его, а не прежде можно будетъ приступить къ истребованію отъ Порты мнѣ по консульству моему указа. По сю пору живу все еще между надежды и отчаянія, не зная что со мною будетъ. Не должность, ни дѣла меня тревожатъ, но протчіе обстоятельства какъ будетъ жить. Повѣрь что голова не мало кружится. Развѣ судьба невидимо каками нибудь чудесами исправитъ, или лутче сказать мою думу и старанія, гдѣ только употребить послѣднее можно будетъ, обратитъ въ пользу. Жалованье должно получать будетъ чрезъ каналъ князя Александръ Алексѣевича ВЯЗЕМСКАГО. Не ужъ ли Его сіятельство не соблаговолитъ мнѣ его доставлять безъ всякого моего претерпѣнія? по крайней мѣрѣ Яковъ Ивановичъ такъ думаетъ, что когда я ево о жалованьи моемъ спрашивалъ,

---

* Рамазанъ почти тоже что наши святки. *Примѣч. Хемн.*

1 Капниста. Онъ въ это время опредѣленъ былъ контролеромъ въ главное почтовое правленіе.

2 Братъ Капниста.

3 Нашъ авторъ пишетъ то «Буюкъ-дере», то «Буюкъ-дире».

онъ говоритъ что онъ мнѣ дать ево не можетъ. Я право думалъ что Корпусъ Дипломатической отъ своего олтаря[1] питается. — О Царѣградѣ скажу тебѣ что ето такое мѣстоположеніе какое можетъ быть въ своемъ родѣ единственное. Каналъ Цареградской! что ето за видъ! Домъ Якова Ивановича, или лутче сказать садъ, что за садъ! Считаютъ ево перьвымъ здѣсь гдѣ каждое мѣсто перьвымъ почесться можетъ, то представь же себѣ что такое быть должно. Между протчимъ скажу тебѣ только то что между кипарисами и кедрами которые кажется росли уже съ начала сотворенія міра, въ саду которой принадлежитъ Якову Ивановичу, выросло въ одномъ мѣстѣ кучкою 14 деревъ лавровыхъ которые всѣ на строевые брусья годятся. Мѣстоположеніе при самомъ каналѣ въ Буюк-дире на горахъ; каждая гора одна отъ другой отдѣляется аллеями прешарокими и безконечными. Видъ всево канала которой почти весь таковъ съ обѣихъ сторонъ описать не можно: а надобно ето чудо видѣть. Правду мнѣ говорилъ Александръ Ивановичь Арсеньевъ[2] которому кланяйся пожалуй естьли увидишь. Въ самомъ Царѣградѣ, ниже у министровъ я еще не былъ, потому что еще быть не когда было. Завтре обѣщалъ Яковъ Ивановичь начало сдѣлать представленіемъ меня здѣшнимъ министрамъ. — Язвы здѣсь теперь нѣтъ; кончилась она только за нѣсколько дней; и была хотя сильна, но весьма коротка. Не задолго передъ пріѣздомъ моимъ былъ черезвычайной пожаръ въ Царѣградѣ: считаютъ до 25000 домовъ, домиковъ и клѣтокъ-домишекъ сгорѣвшихъ; а вчерась былъ другой пожаръ также великой въ другой части города.—Совѣтъ твой, что бы отписать къ Александръ Андрѣевичу[3] и Петру Васильевичу[4] я исполню на будущей почтѣ, въ мѣстѣ съ доношеніемъ въ коллегію. Спасибо тебѣ за нево: и ета статья, что они меня вспоминаютъ, об-

[1] Слово это написано въ замѣнъ зачеркнутаго «источника».
[2] Одинъ изъ сыновей Ивана Мих. Арсеньева, опекуна московскаго воспитательнаго дома, родственника Державину (см. *Соч. Держ.*, Т. III, стр. 502, и въ Т. V переписку).
[3] Безбородкѣ.
[4] Бакунину.

легчаетъ не мало тягостную для меня мрачность мою. Въ протчемъ тебѣ сказать теперь больше нечево. Кланяйся другу своему: я бы и самъ поклонился, да ему отъ тебя поклонъ нужняе моево; да только смотри какъ можно учтивѣе кланяйся, чтобъ я въ отвѣтъ не попалъ. Прости.

Естьли увидишь Гаврилу Романовича и Катерину Яковлевну, то проси ихъ только чтобы они меня не забывали: подъ етимъ кажется все разумѣется: а за письмо Гаврила Романовича къ Якову Ивановичу отъ него благодарить мнѣ велѣно [1].

Мундиръ почтоваго правленія я думаю что присталъ [2].

IV.

№ 6. Буюкъ-дере, или Широкая долина въ 15 верстахъ отъ Царяграда 1782, Августа 10.

Соскучивъ наконецъ сидѣть въ Буюкъ-дере, и не видя Якова Ивановича, хотя и въ одномъ домѣ живемъ, пятой день тому назадъ, потому что онъ по причинѣ лихорадочнаго припадка никово видѣть не желаетъ, такъ какъ то отъ секретаря его слышано, или лутче сказать объявлено, рѣшился я съ помочью одного Алмазнаго мастера италіянца Виченчи которой 18 уже лѣтъ живетъ въ Царѣградѣ и говоритъ совершенно по турецки, да и одѣвается также, и съ секретаремъ посольства [3] ѣхать въ Царьградъ на обыкновенныхъ здѣшнихъ лодкахъ; ето было вчера вечеру; а теперь пишу я къ тебѣ вечеру же пріѣхавъ назадъ отъ туда сей часъ. Намѣреніе мое было то чтобъ Царьградъ видѣть не только днемъ, но и ночью по причинѣ иллюминаціи, о которой столь много кричатъ. Освѣщеніе ето бываетъ только въ нынѣшнее время, то есть въ рамазанъ. Правда, что проѣзжая къ городу по каналу видны и дорогою уже многіе освѣщенія, которые состоятъ въ плошкахъ разставленныхъ по поясу теремовъ мечетныхъ; а въ самомъ городѣ оныхъ теремовъ и больше, и они же огромнѣе, то видъ

---

[1] См. выше, стр. 17.

[2] Т. е. Львову и Капнисту, служившимъ въ этомъ вѣдомствѣ.

[3] Это былъ Ив. Ив. Северинъ.

правда изрядной, однако послѣ нашихъ иллюминацій посредственныхъ, не только отмѣнныхъ, ничево не значатъ. Пріѣхавъ въ городъ, что было въ 10-мъ часу вечеру, вышли мы на берегъ, и зашли въ Кафе (чтобъ странствуя, по просту безъ затѣй, ничего не пропустить) гдѣ подали намъ трубки и по чашкѣ кофею, но безъ сахару, а молока и не спрашивай. Тутъ по среди толпы турокъ, которыми въ нынѣшнее время только по ночамъ кофейные домы набиты бываютъ, по тому что весь день, отъ возхода до захожденія солнца, они ни пьютъ ни ѣдятъ, вспомнилъ я о Café du Palais Royal парижскомъ; однако кофей етотъ не такъ пріятенъ былъ какъ тогдашней Bavaroise. Вышедъ изъ кофейнаго дома, ночевали мы у етова бриліянтшика котораго мы съ собою взяли; и тутъ вспомнилъ я такъже Парижъ или лутче сказать версальскаго surintendant des batiments du Roi[1]. По утру, то есть севодни, перьвое мое стремленіе было видѣть церковь Софейскую. Ты ее знаешь лутче моево, хотя по рисункамъ и по моделямъ, и для тово описывать тебѣ ее не для чево; въ протчемъ я и не въ состояніи ето сдѣлать: глаза мои видѣли бы больше естьли бы твои глаза тутъ случились. Однако мнѣ съ простыми глазами показалась ета церковь сокровищемъ архитектуры и матеріаловъ архитектурныхъ. Колонны, какъ ты знаешь, всѣ verde Antico; а стѣны изъ бѣлаго мрамора. Да такіе турки то не снисходительные, что и не даютъ хорошенько насмотрѣться, а такъ и погоняютъ: вонъ, да вонъ, не смотря что хорошіе денежки за впускъ взяли. Согрѣшилъ я тутъ противъ турокъ; пожелалъ, и пожелалъ то весьма искренно чтобъ ихъ самихъ можно было изъ этой церьквы когда нибудь вытурить. — Al meno questo viaggio m'ha procurato l'occasione di parlar molto italiano; ed in somma, non ne manco essendo qui[2]. Кромѣ Софейской есть еще до трехъ мечетей тоже не малой огромности; но внутри уже на турецкой вкусъ

---

[1] Главнаго интенданта королевскихъ зданій.

[2] Т. е. По крайней мѣрѣ это путешествіе доставило мнѣ случай много говорить по-итальянски; да и вообще я имѣю довольно такихъ случаевъ, находясь здѣсь.

скомканы: въ мѣсто коллонадъ палочки каменные на которыхъ переходы. Окны маленькіе, да и тѣ всѣ въ рѣшеткахъ. Наружная архитектура такая напримѣръ какова de notre Dame à Paris. Тѣмъ только хорошо, что около всей мечети на обходъ довольное пространство мѣста усаженнаго деревьями; а не такъ застроены, какъ напримѣръ парижскіе церьквы St. Roch[1], Notre Dame и проч. Софейская однако участь послѣднихъ имѣетъ. Отдѣлавшись отъ мечетей входили въ перьвой дворъ Сераля: тутъ видѣли съ наружи арсеналъ гдѣ и Магометово знамя хранится, а при входѣ во дворъ (чтобъ не забыть) видѣли двѣ головы возмутившихся въ нѣкоторой провинціи янычаръ, выложенныхъ при манифестѣ, лежащемъ тоже, какъ и головы, на землѣ, придерживаемомъ наложенными на нево камнями: по щастью проходящихъ головы ети выпотрошены, то есть одна только кожа соломою набитая. Потомъ входили въ диванъ везирской, въ большую залу гдѣ собираются всѣ челобитчики: тутъ всѣ департаменты собраны во едино; и мѣсто ето можно напримѣръ съ нашимъ сенатомъ сравнить. Потомъ пошли въ ряды которые довольно узки и темны: то есть преспособны чтобъ среди бѣлаго дня ощупью покупать, и окупиться. Въ Адмиралитетство прошли было нѣсколько, но съ половины дороги насъ воротили. Лѣсъ довольно безпорядочно и безъ призрѣнія разбросанъ: пушки также лежатъ безъ лафетъ, однако множество мѣдныхъ: видѣли и шлюбку Его султанскаго велич. которая довольно богата. Гребцовъ 24. Сонтикъ съ перильцами въ низу, которые прорѣзные и окованы серебряною жестью. Въ верьху булавы, безъ лошадиныхъ хвостовъ, кисти и тому подобное. Наконецъ видѣли подземельной бассеинъ которой весь на сводахъ. Теперь въ немъ воды нѣтъ, а отданъ шелковымъ фабрикантамъ на откупъ, которые въ немъ работаютъ. Сходить въ нево надобно глубиною саженъ до 10 или около. Онъ весь въ сводахъ; верьхняя часть равна съ землею. Своды на столбахъ которыхъ всѣхъ около 900 считаютъ. Воду пускаютъ

[1] St. Roch, святой католической церкви, уроженецъ Монпелье, умершій въ началѣ 14-го столѣтія.

слышать? Вотъ тебѣ примѣрной планъ округа города и опустошенія[1]: не знаемъ еще чѣмъ все ето кончится. Горѣло 61 часъ. Вѣтръ былъ преужасной. Словомъ догорѣло до воды, а то бы можетъ быть еще конца не было. Начался огонь отъ (*a*) и продолжался полосою прямою въ низъ до семи башенъ (*b*). Пуще всево что янычарскіе казармы сгорѣли. Отъ нихъ то, сказываютъ, и больше всѣхъ бѣды ожидаютъ; а ты знаешь что ета сарынь[2] въ здѣшнемъ мѣстѣ значитъ. Людей сгорѣло также весьма много, и по разнымъ слухамъ тысячи двѣ или больше. Тѣ которые въ городѣ были сказываютъ, что народъ на конецъ совершенно отступился и отдалъ огню городъ въ полную власть, изъ отчаянія что тушить способу не было. Такого пожара не запомнятъ, хотя ихъ, какъ извѣстно, не въ рѣдкость здѣсь бываетъ: да и способу нѣтъ чтобъ имъ здѣсь не быть: кажется нарочно для пожаровъ строятся. Султанъ съ муфтіемъ и самой постъ разорвали, и народу, которой тушеніемъ (пока въ силахъ былъ) занимался, пить и ѣсть даже днемъ дозволяли. Пребѣдственное, говорятъ, состояніе! Сказываютъ что и въ Перѣ, гдѣ наши Европейцы живутъ, зажигальщиковъ поймали. Не ужь ли турки подумаютъ что Европейцы ужъ и сами себя поджигать будутъ? —

Со вчерашняго дня я опять Якова Ивановича видѣть начинаю. Судьба ни моего отправленія, ни тѣхъ которые со мною въ дрогоманы даны будутъ еще не рѣшена. Сказывалъ мнѣ Я. Ив. что даетъ онъ Пинія, сына старинного нашего дрогомана, однако отецъ ево проситъ чтобъ ево отъ етова избавить: а въ разсужденіи меня, говорятъ что мнѣ помощи отъ нево не много будетъ: онъ же по-турецки только что говорить и то съ нуждою можетъ, а письмà турецкаго совсѣмъ не знаетъ: по руски ни слова: по италіянски да по французски по нуждѣ говорить только можетъ; письмà также не спрашивай. Равича, которой нашъ точно руской и которой по турецки говоритъ и переводитъ хорошо, всѣ мнѣ реко-

---

[1] См. на приложенномъ снимкѣ это мѣсто подлиннаго письма.
[2] Толпа сволочь.

Снимокъ съ почерка Хемницера.

(Изъ письма къ Н. А. Львову, стр. 58).

Лит. Н. Брезе С. Петербургъ

мендуютъ; теперь не знаю чѣмъ ето кончится: Равичь же другой должности кромѣ почтовой здѣсь не имѣетъ, а здѣсь почтовую должность можно кажется всякому исправить. Яковъ Ив. мнѣ проговаривалъ о Пиніи, но не рѣшительно еще; и для тово я ему о Равичѣ ничево еще не сказывалъ. Естьли до тово дойдетъ, говорить ему буду: въ протчемъ воля его. Я все дѣлалъ что могъ чтобъ ево благосклонность пріобрѣсти, даже не пропуская ничево: напримѣръ въ Твери сыскалъ я домъ сестры ево и зятя, былъ у нихъ, привезъ ему отъ нихъ письма; въ Москвѣ былъ у отца ево и отъ него также привезъ письма и посылки; я уже не говорю о рекомендаціяхъ Александръ Андрѣевича и Петра Васильевича. Увидимъ: теперь еще точнаго ничего сказать ни pour ни contre нельзя; а что я пишу, пишу только тебѣ. До сихъ поръ, какъ выѣхалъ изъ Петербурга, и вообще кромѣ съ собою говорить не могу; такъ я радъ что съ тобою теперь наговорился. За списокъ произведенныхъ и за извѣстіи о публичныхъ милостяхъ челомъ тебѣ; что ты думалъ какъ корабль рисовалъ? онъ очень похожъ; или мнѣ хочется чтобъ онъ похожъ былъ? Теперь и я тебѣ за совѣтъ твой, чтобъ отписать къ Александръ Андрѣевичу и Петру Васильевичу[1], спасибо говорю. Не забудь отписать каково Александръ Андрѣевичь письмо-мое приметъ. Петръ Васильевичь, ты самъ знаешь, давно мнѣ милостивецъ. Боже мой, какъ меня порадовало что они обо мнѣ вспоминаютъ такимъ тономъ какимъ бы я желалъ чтобъ и впредь меня вспоминали! Ты знаешь, братецъ, что сердца пріобрѣтать можетъ не одна только милость просто, а нѣчто и другое: vous me comprenés si vous voulés: Ricordatevi della vostra lettera alla Sovrana, che m'avete mostrato: che avete pensato nel scriverla? ecco il caso[2]. Кланяюсь твоему Другу. Прости. Будьте только здоровы[3].

---

[1] Къ Безбородкѣ и Бакунину.

[2] Т. е. Ты меня поймешь, если захочешь: помнишь ли письмо къ Императрицѣ, которое ты мнѣ показывалъ: что̀ ты думалъ, когда писалъ его? вотъ въ чемъ дѣло.

[3] Послѣ этихъ строкъ въ подлинномъ письмѣ зачеркнуто слѣдующее:

мендуютъ; теперь не знаю чѣмъ ето кончится: Равичь же другой должности кромѣ почтовой здѣсь не имѣетъ, а здѣсь почтовую должность можно кажется всякому исправить. Яковъ Ив. мнѣ проговаривалъ о Пиніи, но не рѣшительно еще; и для тово я ему о Равичѣ ничево еще не сказывалъ. Естьли до тово дойдетъ, говорить ему буду: въ протчемъ воля его. Я все дѣлалъ что могъ чтобъ ево благосклонность пріобрѣсти, даже не пропуская ничево: напримѣръ въ Твери сыскалъ я домъ сестры ево и зятя, былъ у нихъ, привезъ ему отъ нихъ письма; въ Москвѣ былъ у отца ево и отъ него также привезъ письма и посылки; я уже не говорю о рекомендаціяхъ Александръ Андрѣевича и Петра Васильевича. Увидимъ: теперь еще точнаго ничего сказать ни pour ни contre нельзя; а что я пишу, пишу только тебѣ. До сихъ поръ, какъ выѣхалъ изъ Петербурга, и вообще кромѣ съ собою говорить не могу; такъ я радъ что съ тобою теперь наговорился. За списокъ произведенныхъ и за извѣстіи о публичныхъ милостяхъ челомъ тебѣ; что ты думалъ какъ корабль рисовалъ? онъ очень похожъ; или мнѣ хочется чтобъ онъ похожъ былъ? Теперь и я тебѣ за совѣтъ твой, чтобъ отписать къ Александръ Андрѣевичу и Петру Васильевичу[1], спасибо говорю. Не забудь отписать каково Александръ Андрѣевичь письмо-мое приметъ. Петръ Васильевичь, ты самъ знаешь, давно мнѣ милостивецъ. Боже мой, какъ меня порадовало что они обо мнѣ вспоминаютъ такимъ тономъ какимъ бы я желалъ чтобъ и впредь меня вспоминали! Ты знаешь, братецъ, что сердца пріобрѣтать можетъ не одна только милость просто, а нѣчто и другое: vous me comprenés si vous voulés: Ricordatevi della vostra lettera alla Sovrana, che m'avete mostrato: che avete pensato nel scriverla? ecco il caso[2]. Кланяюсь твоему Другу. Прости. Будьте только здоровы[3].

---

[1] Къ Безбородкѣ и Бакунину.

[2] Т. е. Ты меня поймешь, если захочешь: помнишь ли письмо къ Императрицѣ, которое ты мнѣ показывалъ: чтó ты думалъ, когда писалъ его? вотъ въ чемъ дѣло.

[3] Послѣ этихъ строкъ въ подлинномъ письмѣ зачеркнуто слѣдующее:

Послѣ етова получено изъ города точное уже извѣстіе что настоящій новой везирь сдѣланъ.

Пожарной етотъ случай убавитъ еще силы у Порты.... мутна вода....

Вздумалось мнѣ хоть что нибудь изъ Царяграда къ тебѣ послать. Двѣ пары туфелекъ вручи пожалуйста Марьѣ Алексѣевнѣ, естьли ей угодны, а одну пару Александрѣ Алексѣевнѣ [1]. Книжку, естьли ее Брозинъ [2] привезъ, отдай Катеринѣ Яковлевнѣ. Хотѣлъ было я вальтрапъ велѣть также золотомъ на аломъ сафьянѣ вышить для тебя велѣть, до узоръ глупой; и для тово естьли тебѣ надобно, то пришли узоръ и спроси также Александръ Андрѣевича, не угоденъ ли ему такой вальтрапъ или чепракъ.

Къ графу Александръ Романовичу [3] я также по сему случаю писалъ о прибытіи моемъ сюда. Прости.

V.

№ 7. Константинополь, Августа 31, 1782 года.

Другъ мой Николай Александровичь,

Ты видишь что я еще въ Царѣградѣ; но баратъ мой скоро выдетъ, и я не мѣшкавъ поѣду. Теперь пишу я къ тебѣ по прозьбѣ Ивана Ивановича Северина. Она состоитъ въ томъ чтобъ ты ему, по случаю обѣщаннаго ему перемѣщенія ево въ Венецію къ графу Семену Романовичу [4], помогъ въ чемъ можно. Я тебѣ уже въ прошедшемъ письмѣ сказывалъ что я дружбою ево очень доволенъ; и для тово присоединяю я къ ево прозьбѣ и мою; писали къ нему объ етомъ давно уже, и послѣ всѣ замолили, то онъ и

«Сію минуту вошелъ ко мнѣ Иванъ Ивановичь Северинъ, и сказываетъ что везиря смѣнили, и чернь (такъ слухи носятся) грозитъ домъ министровъ въ Перѣ сжечь. Сдѣланъ между тѣмъ ad interim vesir. Протчее ты все и подробнѣе узнаешь изъ реляціи министра».

[1] Женѣ В. В. Капниста.

[2] Впослѣдствіи смотритель и экономъ Смольнаго монастыря, женатый на одной изъ сестеръ Хемницера.

[3] и [4] Воронцовымъ; А. Р. былъ президент. коммерцъ-коллегіи (1773—1794).

боится чтобъ ето не перемѣнили, и онъ бы не былъ принужденъ здѣсь еще остаться; а ему весьма етова не хочется, наскучивъ до крайности Царемъградомъ. Въ протчемъ писать мнѣ теперь нечево. Прости.

Письмо къ Ивану Ивановичу Бушу пожалуй дошли.

VI.

Смирна, Октября дня 1782 года, стараго штиля.

Здравствуй Николай Александровичь.

Подлинно что упіокъ! не только къ бусурманамъ; въ Котелъ упекъ! Мнѣ кажется, что духъ твой предчувствовалъ когда ты писалъ: «право ну не радъ я свѣту — будь и кучеръ и лакей» — что ето ко мнѣ отнести можно будетъ. Хоть всѣ стихи изъ головы вышли, а объ этихъ всякой часъ приходитъ. Словомъ я въ Смирнѣ и вотъ тебѣ всѣ подробности: нѣтъ, читай объ нихъ въ доношеніи, въ коллегію отъ меня писанномъ, также въ письмахъ къ Александръ Андрѣевичу и Петру Васильевичу. А вотъ тебѣ партикулярности: во перьвыхъ скажу тебѣ что 20 числа Сентября пріѣхавъ сюда, жилъ я на яхтѣ по 28, и въ тотъ то день уже, нашедъ самъ домъ въ которомъ по нуждѣ за 750 піастровъ (въ годъ заплатя по здѣшнему обыкновенію напередъ)[1], то есть за стѣны да стрѣлы, жить можно, переѣхалъ. По коммисіи изъ Константинополя наняли было здѣсь въ трактирѣ нѣсколько комнатъ гдѣ бы мнѣ на перьвой случай пристать можно было; но и въ немъ жить, по причинѣ той что ето трактиръ, а я Рос. Имп. двора ген. консулъ, за благо не разсудилъ: просто Ив. Хемн. жилъ бы. Теперь долженъ запасать ложки плошки ведра котлы кадки обои стулья столы завѣсы, на чемъ ѣсть, изъ чево пить, и все приносятъ ко мнѣ что кому по душѣ и по карману, и все долженъ платить дороже нежели что чево стоитъ, да и то все de la drogue. Ко мнѣ же,

[1] Слова, отмѣченныя здѣсь скобками, въ подлинникѣ приписаны надъ строкою.

надобно тебѣ сказать, не знаю по чьей немилости, 600 р. въ годъ на домъ опредѣленной мнѣ суммы, также и на янычаръ и канцелярію и проч. разходы, не прислали; а только перевели одно жалованье за майскую треть, хотя бы слѣдовало мнѣ и на домъ получить сумму въ мѣстѣ съ 600 рублями на янычаръ и канцелярію со дня моего по высочайшему указу опредѣленія къ нынѣшнему моему посту. Естьли же не со дня опредѣленія, то по крайней мѣрѣ со дня даннаго изъ коллегіи къ отъѣзду пашпорта, то есть съ 30 Майя. Пожалуйста, мой другъ, возвыси о семъ громкимъ или какимъ знаешь голосомъ (о чемъ я на сей же почтѣ просилъ и Петра Васильевича, съ Лашкаревымъ было тоже сдѣлали, однако послѣ все выдали)[1] чтобы только меня не обидѣли. Послѣдней срокъ, то есть съ 30 Майя, уже въ самой крайней нуждѣ сбереги; естьли ужъ на то пойдетъ чтобы обижать меня. Цыдула о жалованьи отправлена ко мнѣ за закрѣпою г. Грена: можетъ быть ето и ошибкою сдѣлано.

Представь себѣ что съ самой подошвы, какъ называется, исправиться домомъ въ моемъ мѣстѣ, волосы у меня дыбомъ становятся. Уже 2000 левковъ (а всево ихъ и съ послѣднимъ жалованьемъ 2270) нѣтъ, а еще ни тово ни другова не бывало безъ чево никакъ быть нельзя. Ты же знаешь что я не разточителенъ. Подарки, янычара и вся визитная исторія изъ моихъ родныхъ денежекъ шло. Что то впредь будетъ, а теперь радости право не много. Къ Петру Васильевичу и Алекс. Андрѣевичу послалъ я каждому по боченку Смирн. мушкату: только и нашелъ путнаго. Къ тебѣ или къ другу твоему[2] послать ничево еще не встрѣтилъ. Однако поговори ка ты съ Фалѣевымъ[3] тамъ у васъ въ Петерб. чтобы онъ у себя въ Херсонѣ приказалъ вѣрно и порядочно отсылать къ вамъ, естьли я что пришлю въ кантору Херсонскую. Я правда, съ моей стороны, въ Херсонѣ будучи всѣ предосторожности къ тому взялъ, и мнѣ Фродингъ, купецъ нашъ руской, това-

[1] Слова, отдѣленныя скобками, въ подлинникѣ приписаны съ боку.
[2] Т. е. къ Марьѣ Алексѣевнѣ.
[3] См. выше, стр. 49.

рищъ Фалѣева, и капитанъ Емельяновъ, прикащикъ же Фалѣева, все исполнить обѣщались, къ коимъ я и вино теперь на яхтѣ отправленное адресовалъ; однако все лутче естьли и ты Фалѣеву о томъ поговоришь. Со мною изъ Петерб. письма къ нему въ Херсонъ были, однако я ево въ Херсонѣ не засталъ.

Въ протчемъ[1] скажу тебѣ что письма отъ васъ, а особливо отъ тебя, весьма мною ожидаемы. Только у меня и праздника. Въ городѣ я еще ничево и никово не знаю окромѣ консуловъ и кадія, которой, какъ ты изъ доношенія увидишь, великой учтивецъ. Янычара мои, безполитичные души, меня очень полюбили. Я имъ сдѣлалъ софу, говорю съ ними, и ети добрые люди мнѣ всякаго блага (ето ихъ слова) желаютъ. Сколько я турковъ въ короткое время узнать могъ, то нахожу что етотъ народъ по крайней мѣрѣ что сказалъ то и сдѣлалъ, разумѣется турокъ не франкизованной; а греческая, армянская и протчая животина не животная, такая бестія, какой свѣтъ не производилъ. Хуже Французовъ! съ жидами дѣла у меня еще не было, то есть въ Смирнѣ.

Отпиши пожалуй свои примѣч. да и не свои мнѣ нужныя на доношеніе и что въ немъ писано. Кланяйся своему другу. Прости.

Естьли Вас. Вас. уже у васъ, то и ему кланяйся, а письмо къ нему и къ тебѣ одно и тоже.

Гавр. Ром. и Катеринѣ Яковлевнѣ мой искренной поклонъ. Еще скажу тебѣ что мой пріѣздъ сюда всю тревогу здѣшняго народа о предстоящей по мнѣнію ихъ войны въ ничто обратилъ; и сколько до меня слухи доходятъ, то и протчіе консулы будто бы подъ моею подпорою жить здѣсь нынѣ думаютъ надежнѣе. Какова Россія? При семъ вспомнилъ я тебѣ и то сказать что съѣхавъ въ перьвой разъ съ яхты на берегъ, вся набережная покрыта была народомъ собравшимся смотрѣть меня. Согрѣшилъ я тутъ что вспомнилъ о собственныхъ стихахъ, по улицамъ смотрѣть зеленова осла кипитъ народу безъ числа.

---

[1] Въ подлинникѣ надъ строками, начинающимися отсюда, приписано рукою Львова: «7-е 13 ноября отв. на сіе»; въ концѣ письма тѣмъ же почеркомъ: «8-е 27 нояб.»

VII.

Смирна. Ноября 20, 1782 года.

Письмо твое, другъ мой, отъ 14 Сентября съ протчими письмами и съ книгою отъ Дмитрія Марковича[1] я получилъ. Только у меня и праздника что письма отъ тебя. Въ протчемъ радости еще не много. Не успѣлъ я пріѣхать сюда какъ тотчасъ вышла исторія смертоубійства. На судахъ нашихъ, коихъ капитаны тогда случились дѣтина дѣтины лутче, изъ греко-славяно-рагузейо-венеціянцовъ, перекрещеные въ россійскіе подданные данными имъ въ Херсонѣ и въ Таганрогѣ пашпортами (изключая двухъ, одного француза, а другаго агличанина, которые люди порядочные), набралъ въ матрозы всякой такой же збродъ, но безпашпортной, потому что, какъ сказываютъ капитаны, пашпортныхъ въ здѣшнихъ краяхъ взять негдѣ (что и правда: здѣсь всякой самъ большой). Сверхъ же тово изъ давна водворившееся здѣсь своевольство всякой такой сволочи, чему больше всево виною здѣшнихъ судей правосудіе, состоящее въ удовлетвореніи смотря по деньгамъ, и потому почти всякой день франки рѣжутъ турокъ, а турки франковъ, а иногда и франки между собою рѣжутся, и всѣ откупаются кто можетъ и хочетъ; то и съ нашева одново судна вздумалось четверымъ напасть на турку и зарѣзать ево, какъ то по крайней мѣрѣ засвидѣтельствовали двое турокъ. Изъ сихъ же четверыхъ одинъ имѣлъ пашпортъ что онъ руской, а протчіе не имѣли и родомъ венеціянцы. Можетъ быть симъ героямъ хотѣлось ознаменить пріѣздъ сюда россійскаго консула, однако я таковыхъ праздниковъ не желая роздалъ капитанамъ на италіянскомъ* и греческомъ пункты приличные изъ устава о водоходствѣ, съ прибавленіемъ отъ себя, что впредь, за малѣйшій безпорядокъ отъ матрозовъ, платитъ корабельщикъ штрафу за каждого въ перьвый разъ по 10 піастровъ, въ другой по 20, а въ третій о кара-

---

* На италіянское, должно тебѣ знать, я самъ перевелъ на черно; и велѣлъ поправить на бѣло. *Прим. Хемн.*

[1] Полторацкаго.

бельщикѣ представлено будетъ съ тѣмъ чтобы ево кассировать. Штрафные сіи деньги, сказано, раздать тогда же когда взять ихъ случится по протчимъ рускимъ судамъ которые тогда въ Смирнѣ найдутся. За имѣющаго пашпортъ руского подданного надобно было вступиться и требовать отъ здѣшнихъ судей отсылки ево къ суду въ Царьградъ по капитуляціямъ. Однако они не смотря на то благополучно ево повѣсили; а протчіе трое были, по взятіи за нихъ выкупа 2500 піастровъ, освобождены. Я посылать Дрогомановъ разъ за разомъ къ судьямъ чтобъ они нашего подданного выдали либо мнѣ, либо къ министру отослали; однако не было не только ни слуху ни послушанія; но наконецъ выгнали и дрогомановъ. Главное ихъ въ семъ дѣлѣ неистовство то (которое, естьли только министръ постарается, имъ голову свернуть должно), что они въ противность капитуляціи осудили нашева рускаго не въ присутствіи дрогомановъ рускихъ.

Ты говоришь въ письмѣ своемъ «что желаешь чтобъ побольше у насъ страху было». Естьли тотъ страхъ которой я желаю, такъ мы не видавшись одно думали. Удалось мнѣ однако одному нашему купчишкѣ греку выручить назадъ другую съ нево взятую пошлину, да съ двухъ домовъ, которые запечатали, печати снять. Не смотря на всѣ сіи противности собираю свѣдѣніе о всѣхъ продуктахъ вывозимыхъ здѣшнихъ, и привозимыхъ сюда съ ихъ цѣнами для доставленія къ вамъ.

Собирался было я донести въ коллегію о долгахъ которые Феріери здѣсь оставилъ съ приложеніемъ точныхъ копій съ данныхъ грекамъ векселей, и просить чтобы оные долги, когда бы онъ удовлетвореніе въ своихъ требованіяхъ паче чаянія получать сталъ, остановя у нево переслать сюда для удовольствованія заимодавцевъ; но какъ сумма теперь, прибывая ежедневно, возросла уже до 30000 и болѣе, то ето оставилъ, считая что ему выдачи такой большой не будетъ чтобъ было изъ чево число сіе вычесть. Къ тому здѣсь, не знаю отъ чево, слухи пронеслися что онъ консуломъ въ Салонику опредѣленъ, такъ уповательно денегъ ему не дано.

Но вотъ дѣло которое можетъ быть со временемъ дѣйствіе свое возымѣть можетъ, естьли греки и въ томъ намѣренія не пошатнутся (ибо севодни придутъ тебѣ сказать то, а завтре другое: только безпрестанные попытки не удастся ли обмануть: когда увидятъ что нѣтъ, ничево и не дѣлаютъ). Греческое духовенство здѣшнее заговаривало мнѣ подъ рукою, что какъ у нихъ здѣсь большая церковь сгорѣла, и они, не смотря на всѣ представленія и домогательства, подкрѣпляя ихъ большими суммами, позволенія отъ правительсіва получить на выстройку ея не могли; то хотятъ черезъ меня просить что бы настояніемъ отъ нашего двора у Порты изходатайствовать имъ дозволенія ету церковь опять выстроить. Въ трактатѣ же Кайнарджейскомъ посмотри, и ты увидишь, что по 7, 14, 16 и 17 пункт. не только старую одну поправить, но и новые строить можно. А приступъ мой будетъ къ етому тотъ что. какъ здѣсь теперь открывшаяся рос. ком. часъ отъ часу умножается, и пріѣзжающіе сюда російскіе подданные не имѣютъ своей собственной, такъ какъ въ Царѣградѣ російской министерской въ домѣ и также въ Галатѣ публичной для отправленія службы Божіея церкви, и каковую каждая изъ протчихъ въ Смирнѣ находящихся націй Европейскихъ имѣетъ, то чтобы Порта согласилась оную церковь російскимъ здѣсь пребывающимъ и пріѣзжающимъ подданнымъ выстроить позволить; а греки ужъ тогда ее и выстроятъ. Въ протчемъ дворъ нашъ по трактату и безъ упомянутаго поводу прямо требовать можетъ чтобъ ету церковь выстроить грекамъ здѣшнимъ позволить; но кажется что мнѣ представляя объ етомъ надобно будетъ съ большею справедливостію поступить на сказанной резонъ. Пожалуй, другъ мой, переговори объ етомъ съ Алекс. А. какъ знаешь, и отпиши куда и какъ мнѣ объ етомъ представить, и словомъ какъ за ето должно будетъ съ основательностію взяться.

Теперь кажется по дѣламъ все. Поговоримъ о тебѣ и о твоихъ. 1) Желчь твоя или горечь, хоть бы камень ей на шею. 2) Что комедія скоро развяжется, дай то Богъ: пора[1]. 3) Вас. Василь-

[1] Рѣчь идетъ, вѣроятно, о признаніи женитьбы Львова.

евича я давно уже въ Украйнѣ считалъ. Скажи ему, когда онъ назадъ будетъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ хоть строку отписалъ. 4) Дѣло Алек. Афонасьевича[1], каково ни есть, да хорошо что конецъ ему. 5) За твои совѣты, чтобъ не унывать, не уставать и проч. весьма тебѣ благодарю: они мнѣ право и нужны въ моихъ обстоятельствахъ. Mettre dans mes pas et actions de l'énergie, ma foi, je n'y manque pas autant qu'il est en moi. Que l'on m'aime, qu'on me salue, voilà une des plus grandes consolations pour moi outre celle que vous me donnés vous[2]. Письмо отъ твоего друга, которое ко мнѣ писано было, я еще не получилъ. Попроси ево пожалуйста чтобъ онъ меня не забывалъ: онъ тебя послушается. Вспомни ему обѣщаніе ево которое онъ мнѣ далъ ходя по васильевскому мосту которой на петербургск. сторону, когда онъ говорилъ что письмами своими награждать будетъ тѣ которые я за твоими недосугами получать отъ тебя иногда не буду, чево бы однакожъ я также не желалъ. Говоря съ вами объ васъ мнѣ веселяе стало; а то право, не повѣрите какъ скучно. Надобно вообразить: что одинъ одинехонекъ, не съ кѣмъ слова молвить, а словъ то очень очень много; все что думаешь, скрыть въ себѣ самомъ. Одинъ дома, одинъ внѣ дома, одинъ вездѣ. Ужъ подлинно что «одина персонъ; нѣтъ двукъ, ни тово ни другова нола». Здоровъ ли я? Теперь здѣсь осень, слѣдовательно я и плачу-дань моему рюматизму, которой меня доѣзжаетъ. Chacun a ses chagrins (помнишь актера парижскаго, которой сказавъ ето шляпу о полъ ударитъ?) твоя желчь, а мой Rhumatisme: consolons nous. Однако я бы тебѣ совѣтовалъ пожаловать лѣкарствъ больше не принимать естьли ты ихъ еще все принимать продолжаешь, чтобъ не сдѣлать изъ себя антеки. Ко мнѣ всѣ здѣшніе эскулапы приходили считая сдѣлаться пенсіонерами, однако пускай они съ покоемъ остаются.

---

[1] Дьяковъ, тесть Львова.

[2] Т. е. Распоряжаться и дѣйствовать съ энергіею, объ этомъ я, право, сколько есть силъ, стараюсь. Что меня любятъ, что мнѣ кланяются, вотъ одно изъ величайшихъ для меня утѣшеній, кромѣ того, которое вы мнѣ доставляете. (Это относится конечно къ Безбородкѣ и Бакунину).

Они и вездѣ не колдуны, а здѣсь ты можешь представить каковы. Одинъ изъ нихъ всѣми силами навязалъ на меня еликсиръ бальсамической отъ всѣхъ на свѣтѣ болѣзней имъ самимъ выдуманной, и говоритъ что онъ отвѣчаетъ естьли кто, употребляя етотъ эликсиръ, умретъ: однако я точность ево поручительства испытать не намѣренъ.

Ну, на етотъ разъ немножко отвелъ я душу поговоря съ тобою черезъ письмо. Поцѣлуй своево друга, кланяйся тѣмъ кто обо мнѣ помнитъ. Прости.

VIII.

Смирна, Декабря 18, 1782.

Другое письмо которое ты здѣсь приложеннымъ найдешь дождалось что я отъ тебя еще два, одно отъ 29 Сентября, а другое отъ 14 Октября получилъ, на которые теперь вмѣстѣ отвѣчаю, сказывая тебѣ 1000 разъ спасибо что ты, другъ мой, мнѣ одно то удовольствіе которое я въ твоихъ письмахъ нахожу доставлять стараешься. Книги отъ А. И. Шнезе[1] пришли благополучно съ письмомъ вмѣстѣ, и благодарю тебѣ за нихъ.

Не дорого ли становится почта чтобы иные пакеты не нужные удержать? Естьли не нужное такъ совсѣмъ не пересылай. Въ протчемъ отъ Царяграда до Смирны получаю я таковые пакеты не черезъ почту, а съ кораблями. А отъ Петерб. до Царяграда не мое дѣло: естьли курьеру что взять можно, хорошо, а нѣтъ, такъ и безъ тово обойдется. *Въ протчемъ коли жъ*[2] что нужно, такъ нужны твои и вообще *нашихъ* письма.

Что ты, мой другъ, часъ отъ часу больше занятъ дѣлами становишься, етому я вѣрю. Я не сомнѣваюсь однако чтобъ ето безъ пользы со временемъ быть могло, то есть безъ пользы прочной.

[1] Алексѣй Ивановичъ Шнезе служилъ въ монетномъ департаментѣ (*Соч. Держ.*, Т. V).

[2] Вѣроятно, поговорка Капниста. Эти слова нѣсколько разъ встрѣчаются, подчеркнутыя, въ письмахъ Хемницера.

Съ перемѣною твоего жилища[1] о коей ты пишешь перемѣны будуть можеть быть и другіе. Читая въ письмѣ твоемъ «что черезъ 6 дней положеніе твое въ одномъ перемѣнится должно» ужъ я было приготовлялся ко многому, однако ты же самъ тотъ часъ отвелъ меня отъ вниманія, сказавъ чтобъ я не ждалъ чево нибудь путнаго послѣ огромнаго введенія. Однако и ето право недурно, самъ ты знаешь. То подлинно что мнѣ въ каждомъ изъ вашихъ писемъ кажется надобно превеликіе перемѣны услышать, потому что мнѣ кажется что я съ вами нѣсколько уже лѣтъ разстался. И естьли подумаю что только съ 6 Іюня, такъ самъ не знаю какъ промаячить то время которое еще здѣсь остаться должно будетъ. Что принцъ виртенбергской уборомъ твоимъ дома его доволенъ, етова кажется ожидать тебѣ можно было; и ето таки въ кучку къ благоволенію съ каковымъ твоя выдумка новаго ордена[2] принята была, да и къ другимъ прежнимъ. Здорова ли она? (думалъ, думалъ какъ назвать, да не могъ придумать: все для нея мало)[3]. Естьли бы время хотя для нея остановиться могло! — Многіе въ нашемъ отечествѣ живучи не чувствуютъ своего блаженства столько сколько чувствовать должны. Здѣсь то прямо видѣть можно что мы есть, видя завистъ шипящую безпрепятственно въ толпѣ иноплеменныхъ. Иной изъ политики хоть смѣяться долженъ, однако въ мѣсто слезъ изъ глазъ желчь течетъ.

За протчіе твои публичные новости сказывая тебѣ спасибо, пользоваться тѣмъ не буду чтобы въ Царьградъ нѣкоторые изъ нихъ сообщить что бы не навести на себя завистъ.

Картина которую Иванъ Варфол.[4] изъ супруги своей дѣлаетъ плачевное слѣдствіе когда изъ денегъ женятся и замужъ

---

[1] Т. е. съ перемѣщеніемъ въ домъ Безбородки изъ дома Бакунина; ср. ниже, стр. 76.

[2] Рѣчь идетъ о придуманномъ Львовымъ рисункѣ Владимірскаго ордена (*Соч. Держ.*, Т. I и д.).

[3] Въ подлинникѣ эти слова приписаны внизу страницы.

[4] Якоби, иркутскій генералъ-губернаторъ. Въ *Зап.* Державина (*Соч.* его, Т. VI, стр. 639) подробно разсказана исторія сватовства Якоби въ домѣ кн. Вяземскаго; на комъ онъ послѣ женился, мнѣ неизвѣстно.

выходятъ: желательно было бы чтобъ примѣръ этотъ нѣкоторыхъ такою же болѣзнію страждущихъ вылѣчить могъ.

Выдача полнаго жалованья Алексею Афонасьевичу ты можешь представить что непосредственно меня порадовала.

Увѣдомленіе твое каково письма мои приняты были, и твое за нихъ тихомолкою сказанное спасибо, меня также не равнодушнымъ оставило. Пожалуйста, братъ, не оставляй смотри; а я тебѣ все спасибо говорить стану. Когда же Богъ велитъ свидѣться, калачь тебѣ куплю, а самъ съѣмъ. Доволенъ ли ты тѣмъ?

Тебѣ хочется знать о домашнихъ и штатскихъ моихъ обстоятельствахъ? Домашніе какъ домашніе, и для меня тѣмъ тревожнѣе что я въ нихъ никогда такъ какъ теперь обращаться нужды не находилъ. Консульскіе по маленьку идутъ да идутъ: книги заведены; пріѣзжающіе и отъѣзжающіе суда съ ихъ экипажами и манифестами вписываются безъ *запущенія:* чувствуешь къ чему ето клонитъ. Ссоры да споры судимы и разрѣшаемы безъ волокитства, и пр. и пр. Только проклятой мой дрогоманъ здѣшней грекъ, въ протчемъ перьвой въ Туреціи знатокъ законовъ турецкихъ и крючковъ, да только и перьвая бестія какую свѣтъ производилъ, меня доѣзжаетъ. Я уже не разъ отъ нево въ постелѣ лежалъ. Ты спросишь почему? потому что онъ жить безъ тово не можетъ чтобъ всякое малое дѣло не увеличить и не пересказать такъ, что каждая искра пламенемъ сдѣлаться должна: я ево нынѣ уже повѣрять черезъ Пинія начинаю, и поймалъ ево раза два въ подобныхъ плутняхъ: Enfin l'homme le plus litigieux. Я между тѣмъ стараюсь сыскать другова, однако еще не нашелъ.

На сихъ дняхъ пришло нѣсколько грековъ спрашивать можно ли имъ съ Москвою завести торговлю; а на какомъ основаніи, хотѣли подать письменно. Однако я ихъ послѣ тово не видалъ. Вотъ таковы то они здѣсь всѣ и во всемъ: севодни придутъ къ тебѣ и скажутъ что то и то сдѣлать хотятъ, а завтре опять другое, либо со всѣмъ ничево: словомъ тебѣ сказать что каждое ихъ дыханіе обманъ, и весь воздухъ зараженъ обманомъ. Можетъ быть однако, какъ теперь всѣ тревоги кончились, то есть съ на-

шева краю, что нибудь со временемъ отъ сюда начать вздумаютъ. Корабли, слава Богу, по маленьку приѣзжаютъ: теперь ихъ здѣсь 8. Одинъ въ томъ числѣ отправляется въ Голландію съ большимъ грузомъ хлопчатой бумаги. Что бы мнѣ тебѣ еще сказать? Да, вотъ что: разрѣши пожалуйста мое сомнѣніе. Всѣ консулы, сколько ихъ ни есть на жалованьи и не на жалованьи, берутъ консульскіе деньги по 3 со ста съ вывозимыхъ и привозимыхъ товаровъ, дрогоманскихъ по 1-му со ста, якорныхъ: и вотъ доходъ которой ихъ жить здѣсь заставляетъ и позволяетъ. Мнѣ въ инструкціи о томъ не отказано ни приказано, и я право не знаю что мнѣ дѣлать. Я объ етомъ порядочно, будучи въ Петербургѣ, не зналъ, и слѣдовательно спросить о етомъ не могъ. Указа здѣсь никому изъ нихъ на то нѣтъ; и всѣ ето дѣлаютъ; однако мнѣ бы о етомъ знать партикулярно хотѣлось. Спроси о етомъ пожалуй Петра Васильевича или Алекс. Андр. какъ знаешь и думаешь и дай мнѣ *какъ можно* (скорѣе) *по перьвой почтѣ* знать. Естьли для переду на что понадѣяться можно, такъ ето вотъ на что; а иначе будетъ vivre du jour à la journée, и то съ превеликою нуждою. Еще же скажу тебѣ, чтобъ ты все зналъ, что я стараюсь здѣсь сыскивать и уговаривать ково только можно чтобъ переселиться къ намъ въ Россію[1]; и думаю что съ перьвымъ судномъ которое на сихъ дняхъ въ Херсонъ поѣдетъ отправлю на перьвой случай человѣка съ четыре мужескаго пола. Я о етомъ, какъ скоро ихъ отправлю, отпишу въ коллегію. Здѣсь шатаются также и казаки наши запорожскіе коихъ главная шайка пребываетъ не по далеку отъ Константинополя; однако ихъ уговорить не можно. Не знавъ о ихъ шайкѣ которая въ нѣсколькихъ 1000, я подумалъ было какъ бѣглецовъ отправить ихъ, не спросяся ихъ согласія, однако узнавъ о етомъ, гнѣздо ето трогать разсудилъ не за полезно: ето дѣло особое. — Я и о етомъ однакоже скажу коллегіи, съ тѣмъ что она прикажетъ?

---

[1] Это было въ видахъ правительства, о чемъ свидѣтельствуетъ между прочимъ указъ объ учрежденіи греческаго корпуса (*Соч. Держ.*, Т. VI, стр. 289).

Естьли ты мнѣ о давешнемъ[1] писать станешь, то перешли письмо естьли можно съ курьеромъ чтобъ скоряе дошло до Царяграда, или прямо ко мнѣ (ибо отъ Царяграда до Смирны для рускаго курьера болѣе 4 денъ ѣзды не будетъ: турецкой ѣздитъ только 6 денъ) чтобы скоряе получить. Естьли же и по почтѣ пошлешь, то другова пакета ко мнѣ не прилагай; иначе пакетъ большой; присылаемъ ко мнѣ будучи съ оказіею, продлитъ полученіе письма. Естьли же Брозинъ[2] поѣдетъ, такъ ето будетъ подъ предлогомъ чтобъ со мною повидаться: такъ нѣкоторымъ коситься не для чего. — Ну теперь кажется все. Еще разъ прошу тебя о давешнемъ, какъ можно постарайся прости.

P. S. Естьли меня не забыли Никита Сергѣевичь и Надежда Александровна[3], Михайла Васильевичь и Иванъ Васильевичь Бакунины, Петръ Николаевичь Львовъ, Гаврила Романовичь и Катерина Яковлевна Державины; то прошу тебя имъ поклониться.

Caro mio signore Guaregni[4],

Come si porta la vostra Signoria? Ecco la prima mia domanda. Poi l'altra: come va la vostra Borsa? è comminciata già di fabbricarsi? Avrei grandissimo gusto di sentire di si, come anche per le altre fabbriche del suo genio, i quali sono da fabbricarsi. Per il terzo, bramerei molto moltissimo d'essere sempre in Smirna del numero di vostri amici come lo sono stato riguardato da lei essendo in Pietroburgo. Sperando questo, mi dico

di Vossignoria

Devotissimo ed obligatissimo servitore

Giovanni Chemnizer.

Николай Александровичь, а твой почтовой домъ что?

Приложенное къ батюшкѣ письмо прикажи пожалуйста доставить.

---

[1] Т. е. о консульскихъ деньгахъ, о которыхъ рѣчь идетъ выше въ этомъ письмѣ.

[2] См. выше, стр. 60, прим. 2.

[3] Ярцовъ и жена его, родная сестра Львова.

[4] Правильнѣе Guarenghi, знаменитый архитекторъ, которому поручено было построеніе биржи на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она и теперь находится;

IX.

Смирна, Декабря 31, 1782.

Сказалъ бы я тебѣ здравствуй съ новымъ годомъ; да ты не любишь поздравленій; и такъ нѣтъ тебѣ ничево. А здравствуйте вы, сударыня Марья Алексѣевна! Здравствовать право нужно: етотъ рецептъ между протчимъ хорошъ и для тѣхъ кто на желчь жалуется: перескажите пожалуйте, сударыня, ето Николаю Александровичу: вѣдь онъ все на желчь свою жалуется — или быть ужъ такъ, добро, поговорить самому съ нимъ. Послушай, Николай Александровичь. «Пошелъ, ну!» Да нѣтъ, слушай! не поздравлять тебя; а вотъ что: письмо твое подъ № 6 я получилъ. Тутъ, братъ, какъ хочешь, хоть разсердись, а нельзя не поздравить тебя что Александръ Андрѣевичу Владимира перьваго класса дали. Ты говоришь чтобъ я, получа ету вѣдомость, не плакалъ; я думаю что и ты не печалился.

По повелѣнію что кавалеры и дамы могутъ носить мундиры того намѣстничества гдѣ они деревни свои имѣютъ, паки слава милости царской! каждому христіянину изрещи донженствуетъ, хотя однакоже многіе нехристи въ семъ случаѣ найдутся. Каково то Франціи (не француженкамъ модницамъ) отъ урѣзанія накладокъ? ой французы! Подумаешь, гдѣ ихъ промысловъ нѣтъ. Чѣмъ то теперь они перебивать станутъ: Нѣтъ угла въ свѣтѣ гдѣ бъ животные сіи лоскутами своими не торговали. Когда бы то ихъ самихъ поурѣзать можно было! ето теперь ужъ не о накладкахъ рѣчь.

но въ то время была выведена только гранитная лѣстница (1784). Разныя обстоятельства помѣшали продолженію работъ, и не прежде 1804 года былъ утвержденъ новый планъ архитектора Томона, который въ 1811 году и окончилъ зданіе. Переводъ письма Хемницера: «Любезный г. Гваренги. Какъ ваше здоровье? Вотъ мой первый вопросъ. Другой: какъ идетъ ваша биржа? Начато ли уже строеніе? Очень хотѣлось бы мнѣ услышать, что да, такъ же какъ и о прочихъ произведеніяхъ вашего генія, которыя должны строиться. Въ третьихъ, чрезвычайно желалъ бы я оставаться и въ Смирнѣ въ числѣ вашихъ друзей, какимъ вы считали меня въ Петербургѣ. Надѣясь на это, подписываюсь, м. г., вашимъ преданнѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою».

Однако возвратимся къ накладкамъ: мнѣ ето такъ полюбилось что я самъ про себя хохоталъ какъ сумасшедшей, воображая себѣ нашихъ барынь сударынь. Подлинно, я чаю, какъ ты говоришь, что ета перемѣна больше вякой другой государственной вскружила всѣ неплотно сидящіе на плечахъ головы. Увы! накладки и лоскутки, прощайте. Поминайте какъ звали! Добро, барыни, носитека изъ цѣлого куска красное платье, а не изъ лоскутковъ: ето по благороднѣе; вы можетъ быть о етомъ не размыслили, однако ето право для имяни росiйскаго благородства вашего пристойнѣе. Пускай французы сами лоскутками своими пользуются и облекаются: ихъ такое дѣло.

Марьѣ Алексѣевнѣ вѣрю что перемѣна ета голову не вскружила, хотя бы ты объ этомъ и не сказывалъ. Покорно благодарю васъ, сударыня, что вы обо мнѣ помнить изволите: я же виноватъ передъ вами думая иногда въ ипохондрическихъ моихъ припадкахъ, что вы меня забыли.

Теперь спрошу васъ, долго ли вамъ ко мнѣ писать что вы живете все такъ какъ жили, «ни дать ни взять». Въ протчемъ естьли ето ни дать ни взять хорошо, то пускай до времени такъ и будетъ. Правда, глазъ видитъ, и зубъ иметъ, однако... сами вы лутче меня знаете. Ученова учить нечево; мнѣ бы только монотонiи етой въ письмахъ вашихъ на долго читать не хотѣлось.

Что тебѣ дѣлать съ bibliotheque des Romans? отошли ее пожалуйста къ батюшкѣ или скажи чтобъ по нее прислали, чтобъ твоимъ людямъ и впрямь еще и за нею не таскаться. Скажи мнѣ пожалуйста чьимъ старанiемъ басни мои въ библiотеку французскую королевскую попались? вѣрно ты что нибудь о етомъ Николаю Константиновичу [1] написалъ. Ну, спасибо и за то.

Еще скажи мнѣ, пожалуйста, кому я одолженъ присылкою мнѣ по высочайшему повелѣнiю медали серебряной при письмѣ отъ вице-канц. на случай открытiя монумента [2]? —

Турки мои теперь кажется присмирѣли. Въ протчемъ однако

[1] Хотинскому, служившему при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ.
[2] Петру Великому.

здѣсь вообще не такъ смирно какъ ты думаешь. Рѣжутъ и рѣжутся всякой день*; и всякой почти день весь корпусъ дрогомановъ предстаетъ здѣшнему кадію съ воплемъ на таковое ево худое здѣшнимъ городомъ управленіе. Да ето мелочь. А вотъ что по крупняе. Здѣсь, то и дѣло слухи разносятъ, что изъ нашихъ судовъ поѣхавшихъ на острова захвачено то то, то другое морскими разбойниками. О сю пору ето все было пустое; и все ето стараніе г-дъ французовъ которыхъ здѣсь теперь 40 кораблей купеческихъ съ фрегатомъ военнымъ: имъ надобны люди; и разглашая такіе слухи думаютъ что съ нашихъ судовъ люди сойдутъ, и перейдутъ къ нимъ, что въ самомъ дѣлѣ было и воспослѣдовало, естьли бы я собравъ сейма не уговорилъ скотину ету: въ протчемъ ето и не по одной надобности людей, а по притчинѣ пресильной зависти что наши корабли разъѣзжать стали. Сами французы капитаны наши явно объ етомъ говорятъ и ето знаютъ. Да пускай ихъ; мы таки все будемъ плавать да плавать изъ Чернаго моря въ Средиземное, а изъ Средиземнова въ Черное.

Не пронялись они тѣмъ что здѣсь на мѣстѣ слухи такіе про разбойниковъ разпускали; такъ ужъ своимъ агентамъ съ острововъ писать велѣли къ здѣшнему генеральному ихъ консулу, которой какъ доброй человѣкъ прислалъ ето письмо ко мнѣ. Вотъ какіе штучки они строятъ. Лоскутники! сія послѣдняя вѣдомость черезъ письмо получена здѣсь дни съ три тому назадъ. Не знаю что то окажется. Таковые однакожъ слухи съ самаго моего пріѣзда начались, но о сю пору все были ложные. Я всякую такую вѣдомость однакожъ сообщаю министру, которой мнѣ все отвѣчаетъ что со стороны Порты капитанъ пашѣ смотрѣть и наблю-

* A propos de рѣзать и рѣжутся. Надобно тебѣ сказать до какого градуса ето рѣзаніе здѣсь доходитъ. Передъ моимъ сюда пріѣздомъ, въ самое то время когда я въ Царѣградѣ былъ, рагузейцы съ славянами перерѣзались; мщеніе за мщеніе и наконецъ здѣлавшись война общею, славяне всѣ бросились было къ рагузейскому консулу въ домъ, которой по щастію успѣлъ спастись въ домъ голландского консула, гдѣ высидѣлъ онъ 2 недѣли карантину пока все утихло; а то быть на ножахъ. Между моими такой генеральной баталіи кажется быть не уповательно. Приказаніе дано строгое навсегда, къ предупрежденію подобнаго. (*Приписка Хемницера на поляхъ*).

дать за морскими разбойниками велѣно. Однакожъ какъ бы то ни было, французы, а мы не смотря на васъ, пока моря да корабли будутъ, ѣздить станемъ. Прощай! прощайте, сударыня Марья Алексѣевна!

Поймалъ вора въ горохѣ которой и все тамъ сидитъ, да не сказывается. Къ статѣ ли, братецъ, разчувствоваться о томъ что ты отъ Петра Васильевича переѣзжаешь! все пустое. Каково? Долгъ платежемъ красенъ.

X.

Смирна, Генваря $^{10}/_{21}$ 1783.

Еще и то мое письмо которое я написалъ, и теперь въ мѣстѣ съ симъ отправляю, не ушло, а ужъ опять два письма въ другъ отъ тебя, одно подъ № 7, и другое подъ № 8. Хорошо! спасибо, право! вотъ, ето таки походитъ на дѣло. Однако вотъ отвѣтъ по порядку. На письмо подъ 7-мъ №: Спасибо за припѣвъ зеленому ослу щастія. Кабы да вашими устами медъ пить! — Голосъ мой естьли перемѣнился, въ продолженіи писаннаго тогда письма, изъ жалобнаго съ начала въ меньше унывный, етому быть не мудрено было, да и впредь точнехонько также случиться можетъ. Ты, помнишь, и самъ примѣчаніе ето сдѣлалъ, что я, какъ бы пасмуренъ къ тебѣ когда ни приходилъ, всегда уходилъ веселяе: тоже самое видно со мною происходитъ когда теперь черезъ письма съ тобою говорю. — Что доношеніемъ моимъ довольны были, слава Богу: дай Богъ и впредь угодить! Да только на тебя урода все не угода, даромъ что ты меня обольстить думаешь par la citation de la fable de l'ane verd et ses honneurs: нельзя было мнѣ въ перьвый почти день моего вступленія на смирнскую землю, послать, такъ какъ бы ты требовалъ, свѣдѣнія о здѣшнемъ мѣстѣ, торговлѣ и проч. Гдѣ у тебя голова на етотъ часъ была? C'est à moi de dire à present ce que vous me disiés souvent vous: il faut avoir la tête libre[1].

---

[1] Теперь моя очередь сказать то, что ты часто мнѣ говорилъ: надобно, чтобъ голова была свободна.

На сей почтѣ, естьли докончить ету реляцію успѣю, ее пошлю; а не тогда было посылать. Чтобъ не писать, или, какъ ты говоришь, vous faire grace de citer les paroles turques et leurs lourdes saillies[1], вотъ за ето, такъ очень тебѣ спасибо. Естьли впредь такое донесеніе случится, гдѣ бы такіе глупости, безъ твоего мнѣ поданного теперь благова совѣта, вплестись могли, ихъ уже не будетъ. — Да полно и за все спасибо; не сердись только. Да и не опасайся: писать все буду, о чемъ только писать надобно. — Къ графу Александръ Романовичу[2] послалъ бы что нибудь да не знаю что; кромѣ развѣ вина какова, другова путнова ничево нѣтъ. Совѣтъ твой философической или умной; сравнивая силы наши съ ниткою упругою которую съ лишкомъ тянуть нельзя чтобы не прорвалась, такъ на тебя похожъ! Сколько протчихъ твоихъ дружескихъ совѣтовъ и умныхъ размышленій я при етомъ вспомнилъ!

Новость о которой ты мнѣ пишешь, что состоитъ мундиръ въ коммерческомъ штатѣ, подлинно для меня была радостная. И я, какъ ты, скажу: Аминь издержкамъ лишьнимъ! конечно я графа поблагодарю. Ты говоришь для чево я иногда въ письмахъ моихъ къ симъ господамъ къ статѣ пристойно не подшучу? Другъ мой, ты знаешь что я только я съ друзьями моими быть могу; а гдѣ не друзья мои, тамъ ужъ отъ меня толку не жди: гдѣ каждое слово на вѣски класть надобно, тутъ самъ ты знаешь шутить не ловко: да ничево и на умъ не припадетъ. Вотъ къ Петру Васильевичу да и къ Алекс. Андр. пишучи, можетъ быть, и вздумаю пошутить; или лутче сказать буду писать какъ думаю, то есть просто. Петръ Вас. тебя и меня знаетъ коротко; а Алекс. Андр. тебя одново знаетъ коротко; а что тебя коротко знаетъ, мнѣ и легче. — Vous me comprénes si vous voulés. Traetto.

На письмо подъ № 8. Нѣтъ; еще за образцы по етому жъ письму поблагодарить тебя надобно. А что образца чернымъ —

---

[1] Избавить тебя отъ повторенія того, что говорятъ Турки, и ихъ тяжелыхъ остротъ.

[2] Воронцову.

знаешь чему не прислалъ, въ чемъ ты самъ извиняешся; нѣтъ ничево, можно самому какъ нибудь догадаться.

Ну теперь отвѣтъ на другое письмо отъ 27 Ноября. Однако дай напередъ перо очинить.

Виноватъ, виноватъ, что нумера на моемъ письмѣ нѣтъ; да я счетъ ихъ и совсѣмъ потерялъ. Теперь ужъ настольной право реэстръ держать для нумеровъ стану. — Пріѣхалъ я въ Смирну, чтобъ твое любопытство удовольствовать, 20 Сентября старого штиля. И такъ съ сими письмами считай теперь 3, а перьвое послѣ нихъ будетъ 4-е. Такъ-ли? кажется ладно счелъ. Видишь что я теперь веселъ; а все отъ тово что ты меня рожей назвалъ. — Домашніе мои здоровы? Слава Богу. — За реэстръ пожалованныхъ лентами кавалеровъ много благодаренъ, и есмь доволенъ.— Однако не есмь доволенъ что дѣло Василья Вас. съ племянницею еще о сю пору не разпутано: видать ли етой путаницѣ конецъ.

За освѣдомленіе твое, по причинѣ слѣдуемыхъ мнѣ въ присылку на домъ денегъ, при чемъ тебѣ превеликое ИБО сказали, спасибо тебѣ. Конечно, такъ, безъ *ибо* доказательства по канцел. дѣламъ привесть ни на что нельзя для чево что такъ, а не иначе. Ето «*ибо говорятъ они*», какъ ты пишешь, меня на весь день разсмѣшило. Тутъ много и постороннихъ воображеній столкнулось: представлялъ я себѣ и тово кто ето *ибо* сказалъ: естьли бы ето подъячій былъ, то бы ни чють не смѣшно, а то представь себѣ не подъячева которой сказалъ *ибо* для тово только чтобъ соблюденію формы по ево мнѣнію больше силы придать. — «Не плачь, ты говоришь, а болѣе всево не тужи». Не о чемъ и не для чево ни тово, ни другова дѣлать. А естьли иногда ето и было; то представь что человѣкъ все человѣкъ; а особливо, когда изъ христіянской, то есть нравственной земли, оставя друзей, родныхъ, отечество, вдругъ увидитъ себя человѣкъ посреди неизвѣстной ему земли, обитаемой, говорятъ, людьми которыхъ не находитъ, одинъ безъ друга, безъ роднова; долженъ вступить въ новую и никогда ему извѣстной не бывшую перспективу должности и дѣлъ. Скажешь не разъ: гдѣ я? и что я? скажите мнѣ кто нибудь! Никто

не отвѣчаетъ. А естьли какой нибудь голосъ гдѣ и отдастся, такъ етотъ голосъ такой отъ котораго больше съ дороги сбиться нежели по настоящей путь свой продолжать можно. Снести боль, когда она есть, не охнувъ ни разу, кажется и ты не потребуешь; даромъ что ты на бумагѣ превеликой моралистъ стоикъ. Впротчемъ моральной твой молебенъ съ Акафистомъ я всегда читать стану когда греки обманьщики и протчая животная ипохондрію на меня наведутъ. Тутъ спрошу я: гдѣ я? и что я? а письмо твое мнѣ и дастъ отвѣтъ. Слава Богу, теперь хоть съ письмами посовѣтовать да побесѣдовать можно: а то и ихъ даже не было — то есть съ перьвой ночи.

Vôtre amie, dites vous, a coté de vous, vous interrompt doucement dans vos reflexions amicales que vous me faites, m'assure très sincerement de son attachement pour moi, et m'envoye une gance? Ma foi c'est assés honnête, cela, que vous monsieur et vous mad. dans une (*un*) tête à tête pensés pourtant à un troisième vôtre ami. Ce n'est pas que l'on ne puisse penser à son ami souvant et toujours si l'on veut, mais dans une tête à tête — Que je voudrois vous peindre ces milles de sentiments qui me venoient lisant ceci dans votre lettre! Ah! l'amitié! — à dieu[1].

Такъ, милостивая государыня Марья Алексѣевна; *онъ*, етотъ онъ, много ко мнѣ написалъ между тѣмъ какъ вы, припавши къ нему на ушко и на плечо, возлѣ нево сидѣли, и дожидались: когда онъ писать кончитъ чтобы вамъ начать. Представьте себѣ какой етотъ Николай Александровичь! лавочку у васъ перебилъ! Добро. Дайте мнѣ только ево увидѣть! вы было по обѣщанію своему обо

[1] По принятому правилу, не исправляемъ нѣкоторыхъ варваризмовъ въ этой французской тирадѣ. Вотъ ея переводъ: Твоя подруга, говоришь ты, подлѣ тебя, тихонько прерываетъ тебя въ дружескихъ размышленіяхъ, которыя ты мнѣ посвящаешь, искренно увѣряетъ меня въ своей привязанности ко мнѣ и посылаетъ мнѣ петлицу. Право, съ вашей стороны очень любезно, что вы, м. г., и вы, м. гдрыня, будучи наединѣ другъ съ другомъ, вспоминаете о третьемъ лицѣ, вашемъ пріятелѣ. Конечно, можно думать о своемъ пріятелѣ часто и даже всегда, если угодно; но, будучи наединѣ... Какъ бы я желалъ описать вамъ чувства, которыя тѣснились во мнѣ при чтеніи этихъ строкъ въ вашемъ письмѣ! О дружба! — Прощайте!

всѣхъ вашихъ новостяхъ и между протчимъ и о томъ что до васъ самихъ касаться будетъ писать собрались, а вмѣсто тово онъ самъ (все) обо всемъ етомъ пишетъ. Знаете ли что, сударыня? Перебейте же и вы за то у нево лавочку: не смѣйся же онъ впредь. Пускай ка и онъ къ вамъ на ушко и плечо припадетъ и дожидается когда вы письмо кончите чтобъ ему начать. «Да, разумѣемъ ету хитрость, хочется по два письма вмѣсто одново». Ну вотъ, и весь мой планъ изпорченъ! Такъ, правда; однако будто бы не догадались: зачѣмъ человѣка и впрямь не потѣшить! «Ну хорошо, хорошо; напишемъ».

Про судьбу вашу вы говорите? Дай Богъ только здоровья; а то все будетъ.

Понравилась ли мнѣ петлица которую вы мнѣ прислали! сказать понравилась, съ лишкомъ просто. Лутче ничево не сказать, а поцѣловать вамъ, указавъ на нее, ручку. Она же, сударыня, въ перьвые дни новаго года и ко дню моево рожденія до меня дошла. Кажется и по етому всему она понравиться можетъ, естьли вамъ той причины мало покажется что она, не знаю изъ дому ли Александръ Андрѣевича, гдѣ живетъ Николай Александровичь, или изъ третей линіи изъ дому Алексѣя Афонасьевича, гдѣ живетъ Марья Алексѣевна, ко мнѣ въ Смирну отправясь на моей шляпѣ очутилась.

Сверхъ тово скажу вамъ что етотъ подарокъ на сихъ дняхъ обновкою для меня будетъ на свадьбѣ шведскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при Портѣ, пріѣхавшаго сюда совершить свадьбу, а беретъ онъ дочь здѣшняго голландского консула въ греческомъ платьѣ и въ алмазахъ.

Вотъ, сударыня, какой етой петлицы debut будетъ.

Простите, сударыня!

P. S. Помню что третій годъ съ 8 Ноября. И здѣсь есть одинъ биліаръ естьли не больше; и я хотѣлъ было память етова дня на немъ по тогдашнему праздновать; да товарищей не сыскалъ.

Приложенные незапечатанные письма, естьли хочешь, прочти; а потомъ отправь ихъ пожалуйста.

Письма твои всѣ по номерамъ своимъ порядочно доходятъ, слѣдовательно и съ моими тоже, я думаю, происходитъ. — Да будетъ тебѣ извѣстно и вѣдомо что на сей почтѣ писалъ я также къ Петру Василь., Александръ Андрѣевичу, графу Алекс. Роман. и къ вице канцлеру[1].

XI.

№ 4-й. Поскоряе поставлю чтобы опять не забыть, а число $\frac{18 \text{ Февр.}}{1 \text{ Марта}}$ изъ Смирны 1783.

Естьли ты только за недосугомъ не писалъ, ето ничево: пройдетъ. А сверхъ того недосуги бывая иногда съ хорошимъ слѣдствіемъ, пускай ихъ меня подъ часъ безъ писемъ дѣлаютъ. Ну, а въ протчемъ каково? «Слава Богу, все хорошо»! Ну такъ и я скажу: хорошо. И въ самомъ дѣлѣ лутче нежели было. Турки мои съ часу на часъ глаже становятся. Не знаю что то впредь будетъ, а теперь хоть бы куды. Поборолся я однако съ ними, такъ что чуть было не до чахотки: такіе проклятые! Оңи было и рускаго консула, такъ какъ бывало всѣхъ другихъ, оброчнымъ крестьяниномъ дѣлать, дрогомановъ выгонять, изъ каждой дряни съ поклонами да съ поклонами (какъ напримѣръ посадскіе у насъ ходятъ) къ себѣ приходить заставлять хотѣли; однако нѣтъ, шалуны, ошиблись. Теперь мой кади другимъ тономъ говоритъ: когда нашева матроса вѣшать сбирался, говорилъ дрогоманамъ: приходите сюда съ карманами набитыми цекинами венеціянскими, а теперь своимъ туркамъ говоритъ: читайте указы отъ Порты присланные о рускихъ, и сердце у васъ выскочитъ.

Нѣтъ, послѣ принужденія заставить ихъ подписать миръ на барабанѣ, не къ статѣ было бы умаливать ихъ; а особливо съ перьвой ночи, и зная что они обыкли поклоны принимать отъ протчихъ моего званія господъ. Нѣтъ, нѣтъ, что во что ни станетъ, думалъ я, а етому не бывать. Перьвая брань лутче послѣдней:

[1] Эти три приписки помѣщены на поляхъ подлиннаго письма. Въ концѣ, внизу страницы, отмѣчено рукою Львова: Отвѣчалъ 1-е Марта № 11, Марта 14 — № 12, № 13 Марта 30.

ета брань однако изъ крупныхъ была; теперь что называется и торгъ даже нашъ происходить почти безданно, безпошлинно.. Вотъ каковъ характеръ здѣшнихъ людей. Отъ одной крайности въ другую. Право, видятъ и не видятъ; наши боясь только Бога да стыдясь совѣсти пошлину платятъ, и то только развѣ десятую часть. Только и твердятъ что *Московѣ*, то есть рускихъ трогать не надобно. Одинъ нашъ армѣйской капитанъ Турнавитиновъ (ево въ Петербургѣ знаютъ, даже у насъ въ коллегіи), пріѣхалъ сюда изъ Херсона съ своимъ судномъ, а теперь отправляется туда обратно, мнѣ самъ сказывалъ что онъ заплатилъ пошлины только 30 левковъ въ мѣсто 300, которые бы платить надобно было, показавъ всѣ товары: они все ето, какъ я уже сказывалъ, видятъ да не видятъ. Губернатора здѣшняго повезли въ Царьградъ для поговорки по причинѣ повѣшаннаго матроса, но неизвѣстно еще что съ нимъ будетъ. Здѣсь однакоже пролгали что ему дорогою голову отрубили. Столько то не оспоримо что везиръ обѣщалъ Якову Ивановичу отмѣнное сдѣлать удовольствіе. Естьли ето будетъ что ему либо голову отрубятъ или ево задавятъ, то хоть верьхомъ на здѣшнихъ турокъ садись.

Еще одно. Верьбуютъ нынѣ здѣсь варваресцовъ; а етотъ народъ подлинно что отборной изъ числа всѣхъ изверговъ. Одинъ изъ такихъ матроса нашего на улицѣ атаковалъ пьяной, требуя отъ него чтобы онъ сказался какой онъ націи. Матросъ ничево не отвѣчавъ убѣжалъ отъ него и пришедъ ко мнѣ сказалъ объ етомъ. Я послалъ тотъ часъ къ кадію, которой по всѣмъ почти улицамъ розставилъ янычарскіе пикеты, коихъ до селѣ кромѣ одной патрули въ такіе случаи не бывало. Такимъ образомъ имя россійское защитою служитъ теперь и протчимъ — *а по сему же и протчее разумѣвай*: *кавыка*, *ерокъ*, *двоеточіе*. Ceci c'est une farce que je viens de dire, mais non pas moins vrai, et tous les turcs sont farce, et je suis dans leurs pays. A propos de farce[1].

---

[1] Т. е. То, что я сейчасъ сказалъ, — фарсъ, но тѣмъ не менѣе оно справедливо, и всѣ Турки не что иное какъ фарсъ, да и я въ ихъ землѣ — фарсъ. Кстати, разскажу слѣдующее.

Кадій сыгралъ нынѣ со мною фарсъ что прислалъ ко мнѣ разные ево женщинами вышитые ковры, платки (все золотомъ и шелками, да только разумѣется въ ихъ вкусѣ, а не по твоимъ узорамъ) и протчее въ подарокъ, хотя онъ и сказать велѣлъ чтобъ я ето не счелъ въ подарокъ, а принялъ бы такъ какъ работу ево женщинъ; я все ето и не принялъ въ подарокъ, а какъ работу ево женщинъ отправилъ къ нему обратно съ комплиментомъ что я ево благодарю за учтивость что онъ мнѣ показалъ работу своихъ женщинъ, которой я надивиться довольно не могъ. Не знаю что онъ подумалъ, а я думалъ что подарокъ отъ кадія россійскому консулу долженъ отъ россійскаго консула назадъ къ кадію возвратиться.

Въ протчемъ комюжъ[1] ты усталъ объ турецшинѣ слушать, такъ мы и о другомъ заговоримъ. Перьвое то что спрошу тебя пріѣхалъ ли къ вамъ уже назадъ Вас. Васильевичь? Естьли пріѣхалъ, то скажи ему что я отъ нево весьма охотно письмо читать намѣренъ; а естьли онъ еще полгода ждать меня етова письма заставитъ, то не видать ему отвѣта прежде пока самъ пріѣду. Второе, вы еще старое по старому, или нѣтъ? Что бишь еще? не могу придумать. Прощайте. Вамъ, сударыня Марья Алексѣевна, цѣлую только ручку, не сказавъ вамъ въ етомъ письмѣ ни слова. И вамъ, сударыня Обуховская и протчихъ деревень помѣщица[2], естьли вы опять въ Петербургѣ, цѣлую также ручку чрезъ Николая Александровича или чрезъ Василья Васильевича: какъ приказать вамъ угодно.

Приложенное при семъ письмо отошли пожалуйста съ почтиліономъ, дабы вѣрно дошло по адресу.

Къ домашнимъ моимъ писать мнѣ на сей почтѣ некогда. Естьли ково увидишь изъ нихъ, то скажи имъ что я здоровъ, хотя, между нами сказать, грудь у меня и очень побаливаетъ.

---

[1] См. примѣч. на стр. 68.

[2] Александра Алексѣевна Капнистъ.

XII[1].

Смирна, 2 іюля 1783.

Здравствуйте, сударыня Марья Алексѣевна, съ новопожалованнымъ[2]! Ето я вамъ не пишу, а какъ сумасшедшей вбѣжавъ къ вамъ въ комнату, прокричалъ. Здравствуйте же сударыня — охъ! досадно что всево сказать нельзя! быть сглонуть, пока самъ васъ увижу. А къ тому времени подоспѣетъ можетъ быть и еще что нибудь такое, съ чемъ васъ поздравить, такъ ужъ къ стате. Однако знаете ли вы что я въ превеликихъ трусостяхъ былъ, и теперь еще есть, даромъ что вамъ Николай Александровичь сказывалъ, что не я турокъ боюсь, а турки меня боятся[3]. Ну, да Богъ милостивъ! Только проклятая язва, лишь бы та отстала; а съ турками сладить можно. Землетрясеніе? ну что жъ! бѣжать только въ поле заставляетъ, лишь бы не соснѣ домомъ покрыло. Въ протчемъ какъ же быть! взявшись за гужъ не говори, что не дюжъ: un peu trivial, surtout quand on écrit à une belle, mais pour le coup je ne trouve rien de plus élégant[4] — всѣму то время есть. Пройдетъ, «car tout passe[5]». Извините что я письмомъ моимъ на шалуна похожъ; ну да вѣдь не плакать же стать о томъ что — произвели. Право, сударыня, ажно больно, такъ весело! Не хочу больше и говорить. Простите; да здравствуйте жъ смотрите. Целую вамъ ручку. Хотѣлось бы вамъ[6] чтобъ я нашелъ свою выгоду въ томъ что меня турки бояться? Однако етова то

---

[1] Это письмо въ первый разъ напечатано въ *Сочиненіяхъ Державина* (Т. V, стр. 393). Здѣсь оно воспроизводится совершенно въ томъ же видѣ, безъ всякихъ измѣненій.

[2] Н. А. Львовъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники.

[3] Намекъ на отвѣтъ Фонъ-Визина Булгакову, который, бывъ назначенъ посломъ въ Константинополь, спрашивалъ о содержаніи приготовляемой ему инструкціи. «У насъ, сказалъ Фонъ-Визинъ, ребятъ пугаютъ Турками: надобно сдѣлать, чтобъ самъ султанъ дрожалъ отъ русскаго имени» (*Словарь Бант.-Каменскаго*, М. 1836, т. I, статья «Булгаковъ»).

[4] Т. е. немножко пошло, особливо въ письмѣ къ красавицѣ, но по мнѣ, на этотъ разъ въ высшей степени изящно.

[5] «Все проходитъ».

[6]) Въ подлинной рукописи слово **вамъ** подчеркнуто два раза.

ужъ нѣтъ. Да' Христосъ съ ними! дай Богъ только здорову быть.

Такъ тебя произвели, другъ мой Николай Александровичь? Ну, здравствуй братъ! Кому жъ ты прежде всѣхъ о томъ сказать успѣлъ, пріѣхавъ въ домъ къ Марьи Алексѣевнѣ? Ей самой что ли? или кому ни случилось. Пожалуй, чево доброва; вѣдь ты иногда такая рожа въ такихъ случаяхъ, что ужъ сама на себя не похожа. Отбрани какъ хочешъ, а я ужъ свое взялъ. — Ну слава Богу! по маленьку, по маленьку.

Отпиши же смотри (parceque tu vais présenter à l'Imper. des desseins du chapître de St. Wladimir [1]) что такое и пр. — Не очень у насъ смирно [2] говорятъ у васъ? и у насъ тоже говорятъ. Убѣжища мнѣ искать? Хорошо, естьли успѣю. Здѣсь между протчемъ, всѣ будучи безпокойными слухами [3] заняты, успѣли меня уже иные турками повѣсить, другіе въ части изрубить, и какъ кому разсудилось. А произошло ето, вотъ отъ чево; и все отъ греческой животной. Случился я въ деревнѣ подъ городомъ такъ какъ и всѣ консулы въ деревняхъ близь города живутъ, и пріѣхали вечеру часу въ 8-мъ дрогоманъ съ янычарами ко мнѣ по нѣкоторому дѣлу по которому здѣшніе начальники турецкіе ко мнѣ прислали. Жители той деревни гдѣ я живу, встревожились увидя вечеру пріѣхавшихъ драгомана и янычаръ. Спрашивать у нихъ зачемъ? зачемъ? Дрогоманъ не сказывать такъ какъ и должно, хотя сіе и не секретное дѣло было; они и пуще встревожились; тотъ часъ пошли заключенія, перебѣгать изъ дому въ домъ, и словомъ со мною уже то сдѣлалось что я сказывалъ. Такія до-

---

[1] И въ подлинникѣ «vais» вмѣсто vas («такъ какъ ты вскорѣ представишь императрицѣ рисунки ордена св. Владиміра»). Вѣроятно, это слова́ изъ письма Львова: ему поручено было составить рисунокъ задуманнаго Екатериной новаго ордена (см. *Соч. Держ.*, Т. I, стр. 512).

[2] Друзья въ перепискѣ своей каламбурили именемъ *Смирны*. Такъ и Капнистъ 19 дек. 1782 писалъ Львову изъ Обуховки: «Радуюсь, что нашъ другъ уже въ Смирнѣ; желаю искренно, чтобъ тамъ все смирно было и съ стороны Едикуля и съ стороны чумы». (Едикуль — константинополь ская тюрьма).

[3] Т. е. слухами о новой турецкой войнѣ въ слѣдствіе крымскихъ событій

гадки о себѣ слышать не утѣшно; однако сколько ни былъ я внутренно взбешенъ греческою етою бестіею, но наружно играя политическаго актера предъ всѣми которые мнѣ на другой день о томъ сказывали, хохоталъ, что есть поры мочи. При всемъ томъ однако, о чемъ турки и не думали, теперь въ голову притти имъ можетъ. Словомъ, сочли что пріѣхали мнѣ сказать что всѣ Смирнскіе турки меня ищутъ такъ какъ жиды Христа искали, да только съ тою разницею чтобъ не на крестѣ, а иначе какъ нибудь умереть. Теперь надѣжда есть что сумосбродныя ихъ дѣйствованія сколько нибудь уймутся, потому что съ послѣднимъ курьеромъ къ здѣшнимъ купцамъ кореспонд. ихъ изъ Конст. пишутъ что будто бы совершенная наступаетъ тишина, сколько по всѣму видно, что подтвердило имъ также извѣстіе о заключеніи новаго съ Портою коммерч. трактата (славнаго дѣла!), и такъ я теперь нѣсколько спокойнѣе. О умершихъ, о которыхъ ты пишешь я уже зналъ. — На что ты о Вас. Вас.[1] пишешь, я тебѣ опять тѣмъ же отвѣчаю, что я тебѣ въ послѣднемъ уже письмѣ говорилъ. Дѣло только въ томъ чтобы хлопоты ево домашніе кончаны были, а въ протчемъ воля ево, я самъ себѣ думаю. Однако находя и въ томъ одномъ упражненіи, которымъ онъ занимается, удовольствіе, не думая заняться другимъ, я на ево мѣстѣ будучи, все бы таки считалъ жить въ столичномъ городѣ а не въ деревнѣ, потому что тамъ онъ во всякомъ смыслѣ больше способовъ нашелъ бы исполнить желаемое: объ етомъ я ему уже въ Петербургѣ говорилъ самому. Да только все таки напередъ поставить себя на способную и твердую ногу (по своимъ силамъ) въ разсужденіи домашнихъ обстоятельствъ: ето дѣло все таки перьвое; и онъ и ты, оба вы признаться въ етомъ должны. — Какъ будто нечто новое тебѣ сказалъ! а чево? и самъ отъ тебя же выучился. Словомъ ты съ нимъ не бранись что онъ писать хочетъ, потому

[1] О Капнистѣ, который въ концѣ 1782 г. просилъ Львова выхлопотать ему увольненіе отъ службы при главномъ почтовомъ правленіи и намѣревался жить въ деревнѣ, съ тѣмъ чтобы посвятить себя тихому труду и хозяйственнымъ заботамъ.

что можетъ быть онъ все свое блаженство въ етомъ находитъ; а только бранись за то когда онъ по дѣламъ своимъ безпеченъ. Въ томъ и я твой секундантъ: да вѣдаетъ и онъ о семъ.

Прости; а я на будущей почтѣ ожидаю отъ тебя что нибудь по обстоятельнѣе въ разсужденіи того что мнѣ знать должно и можно.

Сверьхъ моей благодарности, поблагодари еще и ты Марью Алексѣевну за письмо. Право, спасибо вамъ обѣимъ, что вы таки на съѣденіе туркамъ отдать меня не желаете. Пришло мнѣ на мысль: не согласится ли, можетъ быть, теперь Вас. Вас. пріѣхать съ тѣмъ, чтобъ твое мѣсто (естьли такъ, я не знаю) по чину заступить. Вѣдь ему контролерства[1] не хотѣлось, потому что чину тово не было котораго онъ желалъ.

(*Приписки на поляхъ:*) Естьли Петръ Васильевичъ Капнистъ еще въ Петербургѣ, кланяйся ему пожалуйста, и извини меня что самъ къ нему не пишу.

Да скажи пожалуй, гдѣ Петръ Николаевичъ и какъ онъ обрѣтается?

О письмахъ при семъ слѣдующихъ, какъ обыкновенно весьма тебѣ челомъ бью.

Давно уже сбираюсь я тебѣ сказать что новой твой левъ въ печати[2], мнѣ чрезвычайно нравится. Кто ево рѣзалъ? Леберехтовъ, которой я въ воску видѣлъ, инаковъ былъ. Или онъ ево перемѣнилъ?

Не проговорись пожалуйста моимъ старикамъ о здѣшнихъ проказахъ, или Брозину; а то они перетревожатся. Я имъ ни слова.

XIII.

Смирна $\frac{22\ \text{Июля}}{2\ \text{Августа}}$ 1783 г.

Теперь по твоему же напишу короткое письмо, которое тебѣ другъ мой Николай Александровичъ скажетъ только что я здо-

[1] Капнистъ былъ при почтамтѣ короткое время контролеромъ, въ чинѣ подпоручика, съ которымъ онъ покинулъ военную службу.

[2] Т. е. изображеніе льва въ гербѣ печати.

ровъ да живъ и въ ожиданіи разныхъ изъ вашихъ краевъ извѣстій.

Въ протчемъ было бы что писать, да полно иное пустяки, а другое ловчае розсказать нежели написать. Кончикъ однакоже израженія одного турки (оставляя всю предидущую матерію подавшую поводъ ему про нашу государыню слѣдующее сказать) я припишу: «Да Она даритъ все что хочетъ». Я и вспомнилъ словеса: рече и бысть. Нутка господа академики (то есть не наши), скажите что нибудь похожее. Прости; а Марьи Алексѣевны цѣлую ручку.

Язва проклятая здѣсь еще не унимается.

Турка тотъ одинъ изъ здѣшнихъ начальниковъ.

XIV.

Смирна, $\frac{\text{Сентября 2}}{\text{Августа 22}}$ 1783.

Ну, радуюсь что тебя письма Якова Ивановича (касательно до меня) столько обрадовали. Слава тебѣ Господи! на силу то человѣкъ, зная меня уже самъ больше нежели по письмамъ другихъ узнать можетъ, хорошихъ обо мнѣ мыслей сталъ. Начавъ служить съ 1757 года, вперьвые службу исправилъ въ 1783 году! не упоминая что еще и не одинакого, а разныхъ родовъ должности и перевороты во время теченія сихъ лѣтъ случались! Ну да быть такъ.

Однако ето то ужъ самая истинна что ты говоришь что я не знаю и не умѣю поставлять цѣны дѣльному человѣку. Торжественно извѣщаю, что естьли бы въ самомъ дѣлѣ и важняе бывшихъ и нынѣшнихъ по службѣ дѣлъ что исполнилъ, то ето истинно по одному честолюбію и по понятію которое я о словѣ чести имѣю; отнюдь же не изъ усердія къ тому что называется дѣльнымъ. Почитая достоинство сіе во всякомъ другомъ, гнушаюсь даже имъ въ самомъ себѣ; и тѣмъ больше почитаю во всякомъ другомъ, чѣмъ больше воображаю то что съ нимъ сопряжено —

но ето требуетъ для объясненія цѣлой книги словъ; а я пишу письмо.

Но какъ бы то ни было, я радъ что *ты* радъ, и желалъ бы чтобъ ты все радъ былъ.

На вопросъ твой «что у васъ тамъ дѣлается? я чаю каша кашей», самъ ты знаешь: ученаго учить, только портить. Сидимъ у моря и ждемъ погоды. А спрошу и я тебя: я чаю у тебя и планъ уже готовъ или готовится какой нибудь мечети? Да; объ могилевскомъ Соборѣ[1] я все таки отвѣта отъ тебя не добьюсь? Помилуй государь раба своего! Тфу пропасть! ужъ таки ни о чемъ сказать не хочетъ.

За то однако спасибо, что «твои и мои здоровы».

За то что Марья Алексѣевна мнѣ кланяется (нѣтъ не за то), а просто Марьѣ Алексѣевнѣ цѣлую ручку.

Басьни тебѣ прислать? Хотя я не шутя тебѣ спасибо за ето скажу, шутя однако пробормочу: шутишь душинька! и не введи насъ во искушеніе. — Да только ты не такой лукавой какой тотъ. Кто въ Туречшинѣ басьни пишетъ! однако кромѣ шутокъ, есть мало толико ихъ, да ни одной еще выправить не удавалось, да и духу не было.

Прости.

О приложенныхъ письмахъ стародавной челобитчикъ.

XV.

Смирна, Февраля $^{29}/_{18}$ 1784.

Mon cher Новоторжецъ[2], щастіе твое что тебѣ вздумалось вѣсточку о себѣ и о твоихъ подать: а иначе подумалъ бы *я*: ну, вонъ изъ глазъ, вонъ изъ памяти! однако ето все бы только въ шутку сказано было. Ты вѣдь бранишся со мной, для чевожъ и

---

[1] Императрица повелѣла построить въ Могилевѣ церковь въ память своего свиданія тамъ съ Іосифомъ II: планъ этого храма, составленный Львовымъ, былъ одобренъ Екатериною: см. *Соч. Держ.*, т. I, стр. 95 и 512.

[2] Такъ Львовъ самъ себя называлъ по Торжку, въ уѣздѣ котораго было его имѣніе, Черенчицы или Никольское.

мнѣ тогоже себѣ не позволить. Теперь назову тебѣ содержаніе двухъ писемъ которые не знаю дошли ли до тебя въ твое отъ Стъ Петерб. отсудствіе. Ты вѣтреница (на тотъ только часъ) ни словечка таки мнѣ не сказалъ о адресѣ писемъ къ тебѣ куда и какъ между тѣмъ временемъ какъ тебя въ Петерб. не будетъ; а по тому я послѣ сказанныхъ двухъ, къ тебѣ, почты съ четыре уже, какъ не писалъ. И такъ мнѣ весьма хочется чтобъ на етотъ разъ виноватой-то былъ бы ты, а не я. Содержаніе писемъ вотъ какое: въ перьвомъ изъ нихъ прошу я тебя чтобъ ты мои деньги, у Ивана Ивановича Брозина находящіеся 700 не помню съ чемъ рублей, 70 ли или 80, взявъ, постарался бы помѣстить въ новоторжскіе банки или что тамъ такое есть, какъ ты мнѣ самъ помнишь объ етомъ сказывалъ, и совѣтовалъ, потому что тамъ выгоды больше нежели тамъ гдѣ они были. Другое письмо былъ отвѣтъ которой относился къ тому что ты ѣдешь въ Даго и пр. и благодареніе тебѣ за извѣщеніе что послѣ перьваго въ Академіи наукъ бывшаго выбора въ члены, въ послѣдующее перьвое собраніе и мнѣ той же участи удостоиться[1]. И такъ я кажется доказалъ что молчанія моего не столько было какъ ты меня упрекаешь.

Что я претяжко боленъ былъ, объ етомъ я тебѣ кажется писалъ. Ноябрь и Декабрь выдержалъ я не вставая съ постели. Презлая желчная съ простудною лихорадкою были мои мучители; и Богъ меня одинъ только спасъ: теперь по скверному здѣшнему пречнилому зимнему климату мучитъ меня на осталяхъ кашель до крайности, поступя тотъ часъ на смѣну прежнимъ моимъ благодѣтелямъ. См: сонетъ de Varius dans les Femmes savantes[2]. Много схожаго съ тѣмъ что я о лихорадкѣ насказалъ. Un giorno Sciroco, l'altro Tramontana: bon pour l'art de la trempe de l'a-

---

[1] Здѣсь Академія наукъ названа по ошибкѣ вмѣсто Россійской академіи, въ члены которой Хемницеръ былъ избранъ 24 февраля 1784 года. Львовъ, вмѣстѣ съ Державинымъ и другими литературными знаменитостями, избранъ былъ уже тотчасъ по открытіи академіи, именно 21 октября 1783.

[2] Т. е. сонетъ Варіуса въ извѣстной комедіи Мольера.

сіег[1]! Только и надежды на весну матушку. А зима придетъ, опять тово же дожидаюсь, потому что и по запрошлой годъ тоже платилъ я, и былъ во всю зиму самъ не свой, да только сравненіе съ теперешнимъ нѣтъ. Тогда я былъ все на ногахъ, а теперь — нѣтъ ужъ подлинно! Tramontana только тебя и оживитъ, а Scirocco такъ тебя разширитъ что и душой и тѣломъ устерца устерцою сдѣлаешся! дуракъ дуракомъ, право, ей Богу, такъ! Теперь не говори, мой другъ Николай Александровичь, что я безотвѣтенъ и о себѣ какъ о бездѣльѣ писать къ тебѣ не намѣренъ. Нѣтъ, другъ мой, я знаю что ты дружбою шутить не жалуешь, да и ты вѣдаешь что я шутить ею также не люблю. Ну такъ что тутъ больше говорить — однако теперь внемли раба своего Ивана; *комюкъ такъ* по щастію моему случилось, что ты обо мнѣ тревожишся въ сутерпъ ли мнѣ здѣсь и проч. то скажу тебѣ что очень и очень не въ сутерпъ. Нѣтъ способу, не могу пристать, не могу привыкнуть; къ кому бы ты думалъ? Къ людицамъ здѣшнимъ (о физическомъ я ужъ все сказалъ). Не забыть мнѣ сказанное въ письмѣ Вас. Вас. писанномъ ко мнѣ въ Петерб. когда узналъ онъ что я въ Смирну ѣду: «да подумалъ ли ты хорошенько что ты сдѣлалъ? Да ты таки безъ друзей тамъ съ ума сойдешъ». Типунъ бы ему на перо! Нещастіе мое (естьли ето нещастіемъ назвать можно), что я податься на знакомство никакъ не могу естьли поводовъ къ заключенію дружбы не предвижу. А здѣсь головы, сердца и души что говорить! Словомъ, и прямо тебѣ сказать, кромѣ отечества и самого Петерб. для меня нѣсть спасенія. — Представь себѣ только ето одно положеніе для человѣка которой чувствуетъ, и можетъ быть больше, нежели бы хотѣлъ, что бы ево безпрестаннымъ сего рода огнемъ не сожигало: проглотить все то чего бы въ разсужденіи нынѣшнихъ для Россіи радостныхъ дней руской же душѣ сообщено было и каждой бы разъ новое въ твоей душѣ возхищеніе произвело и ее бы радовало.

---

[1] Т. е. «одинъ день дуетъ Сирокко, а другой Трамонтана, вѣтръ годный для искусства закалять сталь».

Въ мѣсто тово зри и виждь: вотъ зміи шипящіе; а ты молчи: глотай, все глотай. О томъ я не говорю уже, что faute d'aiguillon et de communication l'on deviendra à la fin stupide et retombe dans toute l'ignorance possible: enfin l'on se perd[1].

И такъ ежели до побѣга отъ сюда дойдетъ, просить буду только о томъ что называютъ въ costume, чистою. Может быть милость и предстательства сколько нибудь уважатъ службишку мою и послѣднюю и прежде бывшую, то есть съ 757, и тогда скажу: слава Богу и спасибо добрымъ людямъ; а нѣтъ, такъ и быть! вотъ тебѣ другъ мой что на душѣ у меня. Теперь потяну еще пока сможется. Хлѣбъ мой насущной, я знаю, будетъ очень маленькими ломтями рѣзанъ, да была бы только душа сытяе. Ну, полно. Прости.

Вамъ милостивая государыня Марья Алексѣевна, *уже безъ страха* ЛЬВОВА, скажу, что я вашимъ письмомъ теперешнимъ гдѣ вы уже безъ страха подписались Львовой[2], какъ быть какъ водится доволенъ былъ. Не доволенъ только тѣмъ что вы мнѣ тутъ разные какіе то *комплименты* наговорить изволили: пожалуйте не браните впредь человѣка словами, которой бы не хотѣлъ и непріятнаго взгляда. Цѣлую вамъ руку. Простите сударыня.

Николай Александровичь, пожалуйста поцѣлуй за меня руку Прасковьи Федоровны за приписаніе; да только и она меня также бранитъ.

Петру Петровичу благодарю также за приписаніе.

---

[1] Т. е. за отсутствіемъ поощренія и обмѣна мыслей напослѣдокъ отупѣешь и погрузишься въ полное невѣжество: совсѣмъ потеряешься.

[2] См. выше стр. 46, прим. 3.

Записная книжка Хемницера.

Матеріалы для біографіи Хемницера существенно пополняются доставшеюся Г. П. Надхину подлинною записною книжкою баснописца. Хотя о ней уже упомянуто выше (стр. 9 и 10), считаю нелишнимъ здѣсь предварительно ознакомить съ нею читателя нѣсколько подробнѣе. Самый текстъ ея будетъ напечатанъ въ одномъ изъ послѣднихъ отдѣловъ настоящаго изданія.

Эта записная книжка (въ малую осьмушку, въ ветхомъ кожаномъ переплетѣ) сходна по формату и роду замѣтокъ съ другими, прежде полученными мною отъ И. С. Капниста, но отличается отъ нихъ тѣмъ, что ведена бóльшею частью въ дорогѣ и во время пребыванія Хемницера сперва въ западной Европѣ, а потомъ на Востокѣ. Такимъ образомъ она начата въ 1777 году въ Германіи, а кончена въ 1783 г. въ Смирнѣ, незадолго передъ смертію баснописца. Впрочемъ въ ней есть и отмѣтка отца его, сдѣланная по-нѣмецки въ 1786 году. «Наслѣдство моего сына, пишетъ онъ, составляетъ всего: изъ англійскаго банка — 6,552 руб.; брильянтъ 600 руб.; отъ продажи вещей 760 руб.; по векселю 900 руб. Итого 8,812 руб. 88 коп. — Егоръ Карповичъ Валеріанъ[1] получаетъ половину — 4,406 руб. 44 коп.

Кромѣ этой замѣтки, все остальное въ памятной книжкѣ писано довольно тщательнымъ почеркомъ нашего автора, отчасти карандашемъ, почти уже стершимся отъ времени, но большею частью перомъ; вообще замѣтки писаны по-русски, но есть также и нѣмецкія и французскія. Содержаніе книжки можетъ быть раздѣлено на нѣсколько отдѣловъ: 1) дневникъ путешествія, особенно по Франціи; 2) журналъ поѣздки въ Смирну; 3) разныя справоч-

---

[1] У г-жи Валеріанъ была единственная дочь Катерина Егоровна, вышедшая замужъ сперва за Деламара, провіантмейстера морскаго вѣдомства, а по смерти его за полковника Яковлева. Дочь отъ этого послѣдняго брака, Наталья Петровна, въ замужествѣ Никитина, остается нынѣ представительницею, по женской линіи, рода Хемницера. У ней-то и сохранилась разсматриваемая книжка.

ныя и памятныя замѣтки, относящіяся къ обоимъ путешествіямъ, какъ-то: списки знакомыхъ, адресы, порученія, свѣдѣнія о монетахъ и разстояніяхъ, счеты, рецепты и проч.; 4) выписки изъ книгъ и журналовъ, особенно на французскомъ языкѣ, заглавія книгъ для памяти; 5) собственныя мысли и стихи Хемницера, набросанные имъ какъ матеріалы для дальнѣйшей разработки; его же нѣмецкіе и французскіе стихи. Послѣдній отдѣлъ начинается съ другого конца книжки; вся же середина ея состоитъ изъ бѣлыхъ листовъ.

Къ сожалѣнію, журналъ путешествія по западной Европѣ ограничивается однимъ описаніемъ того, что осматривалось; о впечатлѣніяхъ и вообще о подробностяхъ, лично относящихся до Хемницера и его начальника Соймонова, котораго онъ сопровождалъ, почти вовсе нѣтъ рѣчи. Обыкновенно авторъ выражается въ 1-мъ лицѣ множественнаго числа, разумѣя тутъ особенно Н. А. Львова; изрѣдка онъ упоминаетъ о своихъ спутникахъ и спеціально. Сперва идетъ на нѣмецкомъ языкѣ маршрутъ переѣздовъ по Германіи, начинающійся такъ: «23-го января нов. ст. (1777) выѣхали мы изъ Дрездена въ Лейпцигъ и проѣхали черезъ слѣдующія мѣста»... Въ Лейпцигѣ путешественники взглянули только на памятникъ Геллерта и тотчасъ поѣхали далѣе; черезъ Франкфуртъ и Кёльнъ они 1-го февраля прибыли въ Нимвегенъ, первый голландскій городъ; въ Лейденѣ поспѣшили повидаться съ однимъ изъ университетскихъ профессоровъ. Пробывъ дня три въ Амстердамѣ, поѣхали черезъ Лейденъ, Роттердамъ, Антверпенъ и Брюссель во Францію. «Въ Парижъ прибыли», отмѣчаетъ Хемницеръ уже по-русски, «1777 г. февраля 19-го, пополудни въ 4-мъ часу, и взяли квартиру въ Hotel de Monpensier, гдѣ заплатили въ мѣсто сутокъ за двои 6 большихъ екю, выѣхавъ въ слѣдующій день въ квартиру Hotel d'Autriche dans la rue Traversiere, non loin de la rue St. Honoré». Отсюда собственно начинаются краткія поденныя замѣтки, изъ которыхъ видно, что путешественники всего прилежнѣе, не пропуская почти ни одного дня, посѣщали театръ. Хемницеръ никогда не забы-

ваетъ упомянуть, въ какомъ именно театрѣ они были и какую пьесу видѣли, называя часто и замѣчательныхъ артистовъ; безпрестанно смѣняются заглавія произведеній Корнеля, Расина, Вольтера. 23-го и 27-го февраля путешественники обѣдали у русскаго посланника, князя Ив. Серг. Барятинскаго, а 10-го марта у И. И. Шувалова, который, какъ извѣстно, почти съ самаго начала царствованія Екатерины II жилъ за границей и воротился въ Россію не прежде сентября 1777 г., т. е. незадолго до возвращенія на родину и Соймонова съ Хемницеромъ. Мало по малу дорожныя замѣтки послѣдняго становятся все подробнѣе, особенно при разсказѣ о произведеніяхъ искусствъ и техническихъ работахъ.

8-го мая записано: «Ѣздили прощаться; обѣдали у князя (Барятинскаго) и проѣзжались по бульвару». 10-го мая было послѣднимъ днемъ пребыванія въ Парижѣ, и Хемницеръ съ Н. А. Львовымъ не пропустили случая побывать, на прощанье, въ итальянской комедіи, гдѣ въ первый разъ давали пародію на оперу «Касторъ и Поллюксъ». Любопытенъ слѣдующій полунѣмецкій, полурусскій списокъ парижскихъ знакомыхъ Хемницера (подъ заглавіемъ Bekanntschaften in Paris): «Der Ministre Fürst Iwan Сергѣевичъ; Николай Константиновичъ Хотинской, посольства надворной совѣтникъ; г. Александръ Іевличъ Писаревъ, майоръ; г. Глебовъ, полковникъ».

14-го мая путешественники уже знакомыми имъ мѣстами возвратились въ Лейденъ; съ ними былъ и названный сейчасъ Писаревъ, какъ видно изъ отмѣтки: «Ѣздилъ я съ г. Писаревымъ на шойтѣ, то есть на голландской баркѣ въ Гарлемъ слушать органы, почитаемые первыми...» Изъ Лейдена поѣхали 7-го іюня черезъ Бри и Мастрихтъ въ Аахенъ, откуда черезъ нѣсколько дней отправились въ Спа, «гдѣ еще весьма немного нашли пріѣхавшихъ. 16-го былъ балъ въ ассамблейной залѣ, гдѣ и мы были».

Выше, въ біографической статьѣ о Хемницерѣ (стр. 10) уже было замѣчено, что въ Спа Львовъ отдѣлился отъ путешественниковъ и одинъ уѣхалъ въ Россію. Въ этомъ городѣ, вѣроятно,

Соймоновъ, отпросившійся въ отпускъ по болѣзни, а можетъ-быть и Хемницеръ пили минеральныя воды. Между стихами, въ записной книжкѣ, мы находимъ такую шутку:

Кто пить желаетъ вóды,
Оставить долженъ моды
И попросту ходить,
Не много ѣсть, вина не пить,
Отъ всѣхъ красавицъ удалиться,
Въ шестомъ часу вставать, поранѣй спать ложиться,
Всѣ грусти позабыть, ни мало не вздыхать,
Оставить чтеніе и болѣе гулять.

Слѣдуя этимъ правиламъ, Хемницеръ во время пребыванія въ Спа пересталъ вести свой дневникъ, который возобновляется только въ сентябрѣ. 10-го числа этого мѣсяца путешественники выѣхали оттуда и черезъ Вервье прибыли въ Дюссельдорфъ, гдѣ особенно подробно была осмотрѣна и описана Хемницеромъ картинная галлерея Рубенса. Изъ Кёльна въ Кобленцъ ѣхали дорогою Римскихъ императоровъ; потомъ отправились въ Лимбургъ, а оттуда во Франкфуртъ на Майнѣ мимо Зельцерскаго источника, у котораго выходили и пробовали воду въ толпѣ людей, черпавшихъ ее кружками. «Весь этотъ путь», замѣчаетъ Хемницеръ, продолжая дневникъ опять по-нѣмецки, «совершили мы въ обществѣ генерала Петерсона, графа Скавронскаго и майора Мейера». Цѣлая страница занята спискомъ знакомствъ, пріобрѣтенныхъ въ Спа. Между множествомъ иностранцевъ, большею частью бароновъ и графовъ, записаны тутъ слѣдующія русскія имена: «князь Мещерскій, гвардіи поручикъ; кн. Вас. Вас. Долгорукій, гвардіи майоръ; г. Пушкинъ майоръ; Федоръ Федор. Ватковскій, поручикъ гвардіи; графъ Скавронскій, его пр. г. Петерсонъ; полковникъ Гавріилъ Ильичъ Бибиковъ; полковникъ Грабовскій, бывшій у насъ въ гвардіи офицеръ, а нынѣ въ польской; поручикъ Лизандеръ, въ русской службѣ». Изъ иностранцевъ замѣтимъ барона Гейница, статскаго совѣтника прусской службы и дирек-

тора горной части, съ которымъ Хемницеръ изъ Аахена ѣздилъ осматривать желѣзный и пушечный заводъ.

Замѣтки на обратномъ пути въ Россію, писанныя карандашемъ, чрезвычайно кратки и неявственны. По выѣздѣ 20-го сентября изъ Франкфурта, останавливались въ Эрфуртѣ, ради воспоминанія о Лютерѣ, и въ Лейпцигѣ, откуда заѣзжали въ Люценъ взглянуть на памятникъ убитаго тамъ Густава-Адольфа. Два дня пробыли въ Берлинѣ, откуда выѣхали 29-го сентября нов. ст. и чрезъ Кёнигсбергъ и Мемель возвратились 9-го октября ст. ст. въ Петербургъ.

Живя здѣсь, Хемницеръ не забывалъ своей записной книжки и вносилъ въ нее изрѣдка разныя отмѣтки. Между прочимъ вниманіе обращаетъ на себя остатокъ полувырванной страницы, на которой записывалось, кому онъ выдавалъ изъ своей библіотеки книги. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ отмѣтокъ, писанныхъ большею частью по-французски.

Капнисту были выданы: 1-й томъ сочиненій Вольтера и собраніе сочиненій Жанъ-Батиста Руссо, Philosophie de la Nature и Système de la Nature.

Валеріану (шурину Хемницера) Линнеева система.

Г. Толстому Les trois imposteurs.

Сестрѣ Хемницера: 1 часть «Моихъ досуговъ» М. Попова.

Андрею Ивановичу (брату его?) журналъ «Трутень».

Вильгельму Ивановичу (другому брату?) «Елисей», поэма Майкова, и 1-й томъ писемъ Эйлера физическихъ[1].

Г. Лемке: сочиненія Фридриха II и «Записки Манштейна».

Г. Маттеи: «Металлургія» Ломоносова; 1 часть трудовъ Вольнаго экономическаго общества.

Карамышеву (сослуживцу Хемницера по горному училищу)

---

[1] У Григ. Пр. Надхина есть особая тетрадь, писанная рукой Хемницера, подъ заглавіемъ: «Выписка изъ писемъ Эйлеровыхъ о разныхъ физическихъ и философическихъ матеріяхъ». Это — перечень содержанія писемъ, вошедшихъ въ 1-ю часть извѣстнаго сочиненія Эйлера, напечатаннаго въ русскомъ переводѣ Румовскаго, — свидѣтельство любознательности Хемницера и вниманія, съ какимъ онъ дополнялъ свои свѣдѣнія чтеніемъ.

Oeuvres chimiques par Le Sage и Lettres touchant l'affaire de Struensee.

Марьѣ Федоровнѣ (?) «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса.

Изъ этого списка можно заключить, какъ разнообразна была библіотека нашего писателя.— Особенно вспомнилъ онъ свою памятную книжку, когда рѣшена была его поѣздка въ Смирну. Тутъ начинается рядъ чрезвычайно интересныхъ замѣтокъ, писанныхъ частью въ Петербургѣ, во время приготовленій къ отъѣзду, частью въ дорогѣ, потомъ въ Константинополѣ и въ самой Смирнѣ.

Я. Г.

БАСНИ и СКАЗКИ

И. И. ХЕМНИЦЕРА

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ОБЩЕЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

Заглавіе «басни и сказки», усвоенное этому сборнику самимъ авторомъ, повторявшееся во всѣхъ его изданіяхъ и здѣсь также сохраненное, основывается на томъ, что не всѣ разсказы Хемницера соотвѣтствуютъ понятію перваго названія, предполагающаго аллегорію и заимствованіе сюжета изъ міра животныхъ или неодушевленной природы. Словомъ «сказка» нашъ поэтъ хотѣлъ означить тѣ изъ своихъ разсказовъ, которые взяты изъ быта людскаго, и такимъ образомъ въ самомъ заглавіи своего сборника послѣдовалъ любимому своему баснописцу Геллерту, издавшему свои апологи подъ названіемъ «Fabeln und Erzählungen». Говоря о тѣхъ и другихъ разсказахъ Хемницера вмѣстѣ, я буду однакоже иногда употреблять слово «басня» въ обширномъ смыслѣ.

Для расположенія басенъ Хемницера въ строго-хронологическомъ порядкѣ нѣтъ достаточныхъ данныхъ ни въ печатныхъ изданіяхъ ихъ, ни въ его рукописяхъ, и потому всего естественнѣе и правильнѣе сохранить тотъ порядокъ, въ которомъ онѣ первоначально были изданы. Самъ онъ напечаталъ всего 68 басенъ; именно сперва (въ 1779 г.) 33, которыя потомъ, въ изданіи 1782 года, составили 1-ую часть сборника, во 2-ую же вошли 35 новыхъ басенъ. Наконецъ, по смерти автора, явилось 3-е изданіе (1799), въ которомъ прибавлена еще часть, содержавшая 23 басни, извлеченныя друзьями Хемницера изъ его рукописей. Надобно однакожъ прибавить, что при этомъ издатели, Львовъ и Капнистъ, 1-е, вовсе исключили пять изъ прежде напечатанныхъ басенъ (*Писатель*, *Земля хромоногихъ и картавыхъ*, *Бояринъ авинскій*, *Пустомеля*, *Два купца*); 2-е, въ изданныхъ при жизни автора басняхъ передѣлали многіе стихи, и 3-е, въ бас-

ніяхъ, вновь напечатанныхъ по рукописямъ, также позволили себѣ разныя измѣненія, какъ видно изъ дошедшихъ до насъ тетрадей.

Въ настоящемъ изданіи считаю необходимымъ возстановить текстъ самого Хемницера, при чемъ для первыхъ двухъ частей его басенъ въ основаніе положено 2-е оригинальное изданіе ихъ (1782), а для третьей — оставшіяся послѣ автора подлинныя рукописи. Изъ нихъ же извлечено нѣсколько новыхъ ненапечатанныхъ доселѣ басенъ, а также дополненій къ прежнимъ и варіянтовъ.

Изъ числа измѣненій, сдѣланныхъ въ посмертномъ изданіи и потомъ перешедшихъ во всѣ послѣдующія перепечатки, удерживаю только тѣ, очень немногія, которыя несомнѣнно служатъ дѣйствительными поправками, но всякій разъ, въ такихъ случаяхъ, оговариваюсь въ примѣчаніяхъ или привожу варіянты. Такъ напр. басня *Умирающій отецъ* во 2-мъ оригинальномъ изданіи начинается стихами:

Былъ отецъ
И были у него два сына.

Въ посмертномъ изданіи, въ началѣ перваго стиха прибавлено слово *жилъ*, и отъ этой прибавки стихъ конечно выигралъ, тѣмъ болѣе что безъ нея онъ былъ и неправиленъ по размѣру. Поэтому и въ нашемъ изданіи напечатано:

Жилъ-былъ отецъ

съ указаніемъ въ варіянтѣ первоначальной редакціи.

Что касается источниковъ, откуда почерпнуты варіянты, то для краткости означаю ихъ годомъ изданія басенъ или буквами *ркп* (рукопись). Когда при варіянтѣ нѣтъ никакого поясненія, то слѣдуетъ имѣть въ виду предыдущую отмѣтку. Если говорю о посмерт*номъ* издан*іи* безъ ближайшаго обозначенія, то разумѣю изд. 1799 г., хотя впрочемъ то, что къ нему относится, почти всегда можетъ быть отнесено и ко всѣмъ послѣдующимъ изданіямъ.

По примѣру первыхъ трехъ изданій сохраняю раздѣленіе басенъ на три части, отмѣненное многими изъ позднѣйшихъ издателей. Источники заимствованныхъ басенъ означаю, по примѣру самого Хемницера, въ оглавленіяхъ, дополняя его указанія нѣкоторыми новыми, пропущенными у него, и, гдѣ нужно, примѣчаніями къ тексту.

Я. Гротъ.

БАСНИ и СКАЗКИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МИЛОСТИВОЙ ГОСУДАРЫНѢ

МАРЬѢ АЛЕКСѢЕВНѢ

ДЬЯКОВОЙ.

Милостивая Государыня!

Лишь только я успѣлъ сказать:
„Ну, басенки мои и сказочки! прощайте,
Васъ требуютъ, и мнѣ васъ больше не держать;
Ступайте.
Пріятелямъ моимъ[1] привыкъ я угождать;
Они меня о томъ не разъ уже просили,
Чтобъ напечатать васъ отдать.“
Всѣ басни съ сказками ко мнѣ тутъ приступили
И, каждая принявъ и голосъ свой и видъ,
Старикъ[2] мнѣ первый говоритъ:
„Помилуй, чтó ты затѣваешь,
Что ты безъ всякой насъ защиты отпускаешь?
Ужли ты для того на свѣтъ насъ жить пустилъ
И насъ, дѣтей своихъ, лелѣялъ и училъ,
Чтобъ мы на произволъ судьбы теперь остались
И безъ прибѣжища скитались?
Не самъ ли ты черезъ меня сказалъ,

---

[1] Относится особенно къ В. В. Капнисту и Н. А. Львову. Ср. выше стр. 14.

[2] Т. е. одно изъ лицъ, встрѣчающихся въ басняхъ. Въ изданіи 1779 г.

Одна изъ нихъ, Старикъ мнѣ первой говоритъ.

Но басни подъ заглавіемъ *Старикъ* нѣтъ у Хемницера, и потому стихъ этотъ былъ измѣненъ уже во 2-мъ изданіи.

Что въ море бы однимъ ребятамъ не пускаться?
А ты теперь и самъ что̀ дѣлать съ нами сталъ!"
Бѣднякъ[1] тожъ къ рѣчи тутъ присталъ:
„А я куды гожусь? какъ въ свѣтъ мнѣ показаться?
Ты знаешь, батюшка, довольно, свѣтъ каковъ,
Какое множество развратныхъ въ немъ умовъ;
Ты знаешь, сколько въ немъ на правду негодуютъ
И какъ порочные умы объ ней толкуютъ;
А ты вѣдь, батюшка, когда насъ воспиталъ:
„Ну, дѣти! правдою живите,
„И правду говорите“,
Всегда намъ толковалъ.
Такъ ты насъ подъ ея защитой отпускаешь!
Помилуй, развѣ ты не знаешь,
Какой по бѣдности моей мнѣ былъ пріемъ
Въ бесѣдѣ передъ богачомъ?
Чего же добраго теперь мнѣ дожидаться,
Когда мнѣ въ свѣтъ еще и съ правдой показаться?
Нѣтъ, ежели ты въ свѣтъ задумалъ насъ пустить,
Отдай *Дьяковой* насъ въ покровъ и защищенье.
Тогда хоть мы отъ злыхъ услышимъ поношенье,
Что станемъ правду говорить,
Но въ *Ней* не гнѣвъ найдемъ, увидимъ снисхожденье:
Ея одно въ томъ утѣшенье,
Одинъ законъ, одно ученье,
Чтобъ правду слышать и любить.
Она насъ иногда отъ клеветы избавитъ,
А именемъ своимъ тебя и насъ прославитъ,
И нашихъ недруговъ заставитъ, можетъ быть,
Еще насъ и любить.
Хоть въ свѣтѣ истина собой и не терпима[*],

[*] Хоть правда въ свѣтѣ не терпима,
Но изъ... (1799).

---

[1] Опять лицо изъ басенъ.

Такъ изъ прекрасныхъ устъ все можетъ быть любима“.—
„Какъ? *Ей* представить васъ? чтó вы, съ ума сошли?
Подите жъ прочь, пошли, пошли!“.—
Сперва таки какъ ладъ просили, все просили;
Но вдругъ какъ подняли и плачъ и вой такой:
«Ой батюшка! постой, постой!
Ой, что задумалъ ты надъ нашей головой!»
Тутъ всѣ они свои заслуги протвердили
Безъ череды и чередой:
Иная басня тутъ медвѣдемъ заплясала,
Другая тутъ свиньей визжала.
Медвѣдь сказалъ:
Что, развѣ ты забылъ, какъ въ баснѣ я плясалъ?
Свинья свое напоминала,
И съ прочими туда жъ твердитъ:
Припомни, какъ меня въ девятой баснѣ били[1],
Гоняли, мучили, тузили.
Слоны съ коровой приступили;
Корова говоритъ:
Что, развѣ даромъ я подъ сѣдокомъ страдала,
За лошадь службу отправляла,
И невпопадъ ступала;
А что я не скакала,
Такъ я не виновата въ томъ,
Что не родилася конемъ[2].
Слоны свое тутъ толковали:
Да мы чѣмъ виноваты стали,
Что, новый ты совѣтъ затѣявъ учредить,
И съ нами,
Слонами[a],

[a] Съ нами
Съ слонами (1779).

[1] Рѣчь идетъ о баснѣ: *Два сосѣда.*

[2] См. басню XI, *Мужикъ и корова.*

Скотовъ съ предлинными ушами
За красное сукно изволилъ посадить.
Иль наши всѣ труды пропали?
Такъ изъ чего жъ бы намъ служить?—
И уши крикомъ мнѣ и воемъ прожужжали.
Другіе было всѣ туда жъ еще пристали;
Но я, чтобъ какъ-нибудь скорѣй[1] ихъ съ шеи сжить,
Сталъ гнать ихъ отъ себя, кричать на нихъ, бранить:
Поди, уродлива станица, отступися!
Они, *Сударыня*, и пуще привяжися.
Я имъ въ разсудокъ говорить:
Да какъ уродовъ васъ *Дьяковой* мнѣ представить?
Иль вкусъ и красоту *Ея* мнѣ оскорбить,
И самому себя предъ *Нею* обезславить?
Ну, кстати ли?—Они никакъ не отставать:
Стоятъ на томъ, чтобъ *Вамъ* въ защиту ихъ отдать.
Хотя бы, говорятъ: мы *Ей* не показались,
Такъ мы бы именемъ *Ея* покрасовались.
Я все не смѣлъ имъ обѣщать,
Какъ вздорная меня станица ни просила;
Но вдругъ, гдѣ ни взялась, жена тутъ приступила,
Котору въ сказкѣ я десятой[2] описалъ.
Тутъ я, *Сударыня*, чтó дѣлать, ужъ не зналъ,
И чтобъ скорѣй съ ней разойтиться,
Я былъ ужъ принужденъ рѣшиться.
Да, да, я ей сказалъ:
Такъ точно, знаю, знаю...
Подите только прочь, я все вамъ обѣщаю...

---

[1] Въ двухъ первыхъ оригинальныхъ изданіяхъ какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ употреблено въ сравнит. степени окончаніе *яе* вм. *ѣе*; но такъ какъ уже въ 3-мъ изданіи эта устарѣлая форма по большей части оставлена, то я и здѣсь не сохраняю ея.

[2] Въ баснѣ *Тѣнь мужня и Харонъ*.

Давъ слово, долженъ я сдержать.
Не надобно бы такъ нескромно обѣщать;
Но, силу кротости и власть разсудка зная
И вздорную лишь тѣмъ исправить уповая,
Подумалъ я: пускай[а] же будетъ и она
На путь прямой обращена;
Не первая то будетъ злая
Обезоружена жена[б]...
Пожалуйте ее, *Сударыня*, исправьте;
А мнѣ простите слогъ простой,
И счастье тѣмъ мое составьте.
Позвольте, чтобъ *Вамъ* былъ покорнѣйшимъ слугой,

Милостивая-Государыня,

N. N.[1]

[а] Подумалъ я: ну, что жъ! пусть будетъ и она.

[б] Въ изд. 1799 и во всѣхъ позднѣйшихъ слово *Жена* составляетъ особый стихъ.

[1] Въ посмертныхъ изданіяхъ непосредственно послѣ слова «слугой» слѣдовала подпись: Иванъ Хемницеръ.

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ПОСВЯЩЕНІЮ.

Отношенія Хемницера къ Дьяковой уже извѣстны изъ предыдущаго (см. стр. 15 и письма). Только начиная съ 1799 г. имя ея во всѣхъ изданіяхъ баснописца стало означаться начальными буквами; при жизни же автора, въ первомъ изданіи оно было замѣнено буквами N... N... N..., а во второмъ было напечатано цѣликомъ. Въ первомъ изданіи внизу заглавнаго листа посвященія прибавлены слова: «покорнѣйшее приношеніе», которыя впослѣдствіи тутъ болѣе не являлись.

Въ рукописяхъ осталось нѣсколько первоначальныхъ наброско этого посвященія. Помѣщаю здѣсь одинъ изъ нихъ, болѣе другихъ от данный:

Вотъ каково, когда къ чему кто не родился:
Я счастіемъ давно, Сударыня, ужъ льстился,
Чтобъ басни съ сказками мои вамъ посвятить,
А посвящая вамъ, при томъ васъ похвалить
Иль голосъ вамъ другихъ пріятно повторить;
Сказать вамъ, напримѣръ, какъ всякъ васъ почитаетъ,
Кто хоть слыхалъ объ васъ, не только кто васъ знаетъ,
И что — — Но вотъ ужъ я и сталъ...
Волтеръ! Вѣдь ты не разъ, хваля кого, солгалъ.
Хоть ты бъ способности своей на часъ мнѣ далъ,
Чтобъ истину я здѣсь съ пріятностью сказалъ,
И то, Сударыня, чтобъ было васъ достойно;
А лучше не хвалить, когда хвалить нестройно....
Нѣтъ, видно помощи не будетъ отъ него,
А мнѣ ужъ не сказать вамъ больше ничего.
И для того мой трудъ пожалуйте-примите,
А мнѣ назваться прикажите
Всегда покорнымъ вамъ слугой.

Изъ другаго, прозаическаго наброска видно, что сперва Хемнице колебался, кому именно посвятить свои басни, и думалъ-было избра къ тому начальника и друга Львова, П. В. Бакунина. Вотъ этотъ автограф

КЪ БАСНЯМЪ МОИМЪ ПРИНОШЕНІЕ ВПРЕДЬ.

Давно мнѣ хочется вамъ угодить, милостивый государь. Вы ме принимали всегда такъ милостиво; всѣ, кои тѣмъ же самымъ пріемо пользуются, по крайней мѣрѣ угождаютъ вамъ остротою своихъ раз воровъ, тогда какъ вамъ они надобны чтобы разбить мысли ваши, от ченныя тѣми дѣлами, кои рѣшеніемъ войны и мира въ государствѣ держатъ и распоряжаютъ. Я у васъ всегда бываю лишнимъ, и вы т меня все приглашаете да приглашаете. Вѣдь вамъ скучно и смотрѣть на меня, и я больше вамъ въ тягость, нежели въ удовольствіе. Нѣ милостивый государь, я никакъ не способенъ бесѣду вашу увеселить. чтобы хоть сколько-нибудь вамъ угодить и милость вашу заслужи такъ я нашлю на васъ басенъ моихъ: они вмѣсто меня вамъ что-ниб наговорятъ. Вы тамъ — —, коровы, лисицы и проч., наговорите жъ г подину тому что-нибудь. Дѣло съ бездѣльемъ надобно мѣшать, чт духъ не отяготить и послѣ важныхъ трудовъ отдохнуть. Да смотрите хорошенько: какъ можно больше вздору, однакожъ не глупаго вздору иначе и на глаза мнѣ больше не кажитесь и никогда уже не льстите чтобъ съ вами я впередъ знакомство сталъ имѣть, когда вами бари этотъ недоволенъ будетъ...

БАСНИ и СКАЗКИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ПИСАТЕЛЬ [1].

Писатель что-то сочинилъ,
Чѣмъ самъ онъ недоволенъ былъ.
Въ способности своей писатель сомнѣвался,
А потому
Ему
И трудъ свой не казался;
Итакъ онъ не ласкался
Ужъ похвалу ту получить,
Котору заслужить
Старался.
Въ сомнѣньи семъ ему невѣжда предстаетъ.
Писатель тутъ на разсужденье
Свой трудъ невѣждѣ подаетъ.
Пожалуй, говоритъ, скажи свое ты мнѣнье
На это сочиненье. —
Судьей невѣжда сталъ!
Судилъ, рѣшилъ, опредѣлялъ:

Ни въ чемъ не сомнѣвался,
Ничѣмъ онъ не прельщался,
И только-что кричалъ:
«Вотъ это низко здѣсь! тамъ то неблагородно;
«Въ томъ мѣстѣ теменъ смыслъ! тутъ вовсе нѣтъ его!
«Вотъ это съ правдою несходно!
«Здѣсь остроты нѣтъ ничего!
«Тутъ должно иначе... получше изъясниться!
А эта рѣчь проста... и не годится!»
И все невѣжда вкось и вкриво толковалъ.
Что онъ невѣжда былъ, о томъ писатель зналъ,
И про себя сказалъ:
Теперь надежда есть, что трудъ мой не пропалъ.

[1] Эта пьеса была исключена въ посмертномъ изданіи басенъ Хемницера (см. выше стр. 101), вѣроятно по причинѣ крайне безыскуственной, незатѣйливой формы своей. Снова напечатана она въ изданіи 1811 года, потомъ въ Смирдинскомъ 1847, но вмѣстѣ съ другими пропускавшимися баснями или сказками помѣщена оба раза произвольно въ серединѣ сборника (послѣ басни *Стрекоза*). Возвращаю ее на прежнее мѣсто, данное ей авторомъ въ самомъ началѣ, конечно не безъ намѣренія.

Основную мысль этого разсказа находимъ мы въ баснѣ Геллерта Der Maler (Живописецъ), которая кончается такимъ нравоученьемъ:

Wenn deine Schrift dem Kenner nicht gefällt,
So ist es schon ein böses Zeichen;
Doch wenn sie gar des Narren Lob erhält,
So ist es Zeit sie auszustreichen».

Т. е. Когда твое сочиненіе не нравится знатоку, то это дурной знакъ; но когда оно похваляется глупцомъ, то лучше зачеркнуть написанное.

У Геллерта это послѣдняя пьеса 1-й книги басенъ; у Хемницера разсказъ *Писатель* открываетъ собраніе.

II.

КОНЬ И ОСЕЛЪ[1].

Конь, всадникомъ гордясь
И выступкой храбрясь,
Чрезъ чуръ рѣзвился[5]
И какъ-то оступился.
На ту бѣду оселъ случился,
И говоритъ коню: «Ну, если бы со мной
Грѣхъ сдѣлался такой?
Я, ходя цѣлый день, ни разу не споткнуся;
Да полно я и берегуся.» —
Тебѣ ли говорить?
Конь отвѣчалъ ослу: и ты туда жъ несешься!
Твоею выступкой ходить, —
И вόвѣкъ не споткнешься[6].

[5] Въ изданіи 1799 г. слова «Чрезъ чуръ» исключены.
[6] И ввѣкъ не спотыкнешься (1799).

[1] Чтобы показать, какъ поступалъ Хемницеръ при своихъ заимствованіяхъ, приведу здѣсь подлинникъ этой басни изъ Геллерта (Fabeln und Erzählungen von Ch. F. Gellert, 2es Buch):

DAS PFERD UND DER ESEL.

Ein Pferd, dem Geist und Muth recht aus den Augen sahn,
Ging stolz auf sich und seinen Mann,
Und stiesz — wie leicht ist nicht ein falscher Schritt gethan! —
Von groszem Feuer einmal an.
Ein träger Esel sah's und lachte:
«Wer», sprach er, «würd' es mir verzeihn,
Wenn ich dergleichen Fehler machte?
Ich geh' den ganzen Tag und stosz' an keinen Stein.» —
«Schweig», rief das Pferd, «du bist zu meinem Unbedachte,
Zu meinen Fehlern viel zu klein».

III.

УМИРАЮЩІЙ ОТЕЦЪ[1].

Жилъ-былъ[а] отецъ,
И были у него два сына:
Одинъ сынъ былъ уменъ, другой сынъ былъ глупецъ.
Отцова настаетъ кончина,
И видя свой конецъ,
Отецъ
Тревожится, скучаетъ,
Что сына умнаго на свѣтѣ покидаетъ,
А будущей его судьбы не знаетъ[б],
И говоритъ ему: «Ахъ, сынъ любезный мой!
Съ какой
Тоской
Я разстаюсь съ тобой,
Что умнымъ я тебя на свѣтѣ покидаю,
И какъ ты проживешь, не знаю.
Послушай», продолжалъ: «тебя я одного
Наслѣдникомъ всего имѣнья оставляю[в],
А брата твоего
Я отъ наслѣдства отрѣшаю:
Оно не нужно для него».
Сынъ усомнился и не знаетъ,
Какъ рѣчь отцову разсудить.
Но наконецъ отцу о братѣ представляетъ:
А брату чѣмъ же жить,
Когда мнѣ одному въ наслѣдство,
Съ его обидою, имѣнье получить? —

[а] Былъ отецъ (1782).
[б] Этотъ стихъ выпущенъ въ изд. 1799 и всѣхъ послѣдующихъ.
[в] Въ изд. 1799 г. этотъ стихъ разбитъ на два:
Наслѣдникомъ всего
Имѣнья оставляю.

«О братѣ нечего», сказалъ отецъ, «тужить:
Дуракъ ужъ вѣрно сыщетъ средство
Счастливымъ въ свѣтѣ быть.»

[1] Въ разсказѣ Геллерта: Der sterbende Vater (кн. 2) у умирающаго два сына, Christoph и Görg. Первому онъ говоритъ между прочимъ:

Hör' an, ich hab' in meinem Schranke
Ein Kästchen mit Juwelen stehn,
Die sollen dein. Nimm sie, mein Sohn,
Und gieb dem Bruder nichts davon.

Т. е. Послушай, у меня въ шкапу есть ящичекъ съ драгоцѣнными камнями. Назначаю ихъ тебѣ. Возьми ихъ, сынъ мой, и ничего не давай брату.

На возраженіе глупаго сына онъ отвѣчаетъ:

Für Görgen ist mir gar nicht bange,
Der kömmt gewisz durch seine Dummheit fort.

Т. е. За Егора я не боюсь: онъ пройдетъ благополучно, благодаря своей глупости.

IV.

ДЕРЕВО[1].

Стояло дерево въ долинѣ,
И, на судьбу свою пеняя, говоритъ:
Зачѣмъ оно не на вершинѣ
Какой-нибудь горы стоитъ;
И то жъ да то же все Зевесу докучаетъ.
Зевесъ, который всѣмъ на свѣтѣ управляетъ,
Неудовольствіе отъ дерева внимаетъ,
И говоритъ ему:
Добро, перемѣню твое я состоянье,
Ко угожденью твоему, —
И далъ Вулкану приказанье
Долину въ гору премѣнить.
Итакъ подъ деревомъ горою мѣсто стало.

Довольнымъ дерево тогда казалось быть,
Что на горѣ стояло.

Вдругъ на лѣса Зевесъ за что-то гнѣвенъ сталъ,
И въ гнѣвѣ приказалъ
Всѣмъ вѣтрамъ на лѣса пуститься.
Ужъ дѣйствуетъ свирѣпыхъ вѣтровъ власть:
Колеблются лѣса, листы столпомъ крутятся,
Деревья ломятся, валятся,
Все чувствуетъ свою погибель и напасть;
И дерево теперь, стоявши на вершинѣ,
Трепещетъ о своей судьбинѣ.
«Счастливы, говоритъ,
Деревья тѣ, которыя въ долинѣ[a]:
Имъ буря столько не вредитъ.»
И только это лишь сказало, —
Изъ корня вырвано, упало.

Мнѣ кажется, легко изъ басни сей понять,
Что страшно иногда на высотѣ стоять.

[a] Деревья, что стоятъ въ долинѣ (1799).

[1] Въ изданіи 1799 г. этою баснею начинается сборникъ, т. е. она поставлена на мѣсто разсказа: *Писатель*, вовсе исключеннаго изъ этого изданія.

V.

ПОЖИЛОЙ ГАДАТЕЛЬ[1].

Дѣтина молодой хотѣлъ узнать впередъ,
Счастливо ль онъ, иль нѣтъ,
На свѣтѣ проживетъ
(О чемъ нерѣдкій размышляетъ
И любопытствуетъ узнать),
И для того велѣлъ гадателя призвать,
И счастье отъ него свое узнать желаетъ[а].
Гадатель былъ старикъ и строго честь любилъ,
Онъ зналъ людей и въ свѣтѣ жилъ[б],
Дѣтинѣ этому печально отвѣчаетъ:
«Не много жизнь твоя добра предвозвѣщаетъ;
Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ, другъ, да ты жъ уменъ[в]». —
Печальный прорекатель!
Какой стоическій урокъ!
Но къ счастію, что ты гадатель,
А не пророкъ!

[а] И что съ нимъ сбудется, его онъ вопрошаетъ (1799).
[б] Гадатель былъ старикъ, людей и свѣтъ онъ зналъ.
[в] Ты честенъ и уменъ.
За этимъ послѣдніе четыре стиха въ посмертныхъ изданіяхъ совершенно исключены.

[1] Въ посмертныхъ изданіяхъ слово «пожилой» исключено изъ заглавія.

VI.

СКВОРЕЦЪ И КУКУШКА[1].

Скворецъ изъ города, гдѣ въ клѣткѣ онъ сидѣлъ,
На волю улетѣлъ[a].
Къ нему съ вопросами кукушка приступила,
И говорила:
«Скажи, пожалуй, мнѣ, чтó слышалъ ты объ насъ,
И городу каковъ нашъ голосъ показался?
Я думаю, что вѣдь не разъ
Объ этомъ разговоръ случался.
О соловьѣ какая рѣчь идетъ?» —
На похвалу его и словъ недостаетъ.
«О жаворонкѣ что жъ?» кукушка повторяетъ. —
Весь городъ и его не мало похваляетъ. —
«А о дроздѣ?» —
Да хвалятъ и его, хотя и не вездѣ. —
«Позволишь ли ты мнѣ», кукушка продолжала,
«Тебя еще однимъ вопросомъ утрудить,
И обо мнѣ чтó слышалъ ты? спросить[б]:
Весьма бъ я знать о томъ желала.
И я таки пѣвала.» —
А про тебя, когда всю истину сказать,
Нигдѣ ни слова не слыхать.
«Добро!» кукушка тутъ сказала:
«Такъ стану же я всѣмъ за это зло платить,
И о себѣ сама все буду говорить.»

[a] Скворецъ изъ города на волю улетѣлъ,
Который въ клѣткѣ тамъ сидѣлъ (1782).
[б] И обо мнѣ, мой другъ, что слышалъ ты, спросить (1799).

[1] Изъ Геллерта: Der Kukuk (кн. 1).

VII.

ОБОЗЪ.

Шелъ нѣкогда обозъ;
А въ томъ обозѣ былъ такой престрашный возъ,
Что передъ прочими казался онъ возами,
Какими кажутся слоны предъ комарами:
Не возикъ и не возъ, возище то валитъ.
Но чѣмъ сей баринъ-возъ набитъ?
Пузырями.

VIII.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Отецъ, имѣя сына,
Который былъ уже дѣтина,
«Ну, сынъ», онъ говоритъ ему: «ужъ бы пора[а],
Для твоего добра,
Тебѣ жениться.
Къ тому же, дитятко, у насъ одинъ ты сынъ;
Да и во всей семьѣ остался ты одинъ.
Когда не женишься, весь родъ нашъ прекратится,
Такъ и для этого ты долженъ бы жениться.
Ужъ я не разъ о томъ говаривалъ съ тобой
И напрямикъ и стороной,
А ты мнѣ все въ отвѣтъ другое да другое;
Скажи пожалуй, что́ такое[б]?
Я право говорить объ этомъ ужъ усталъ.» —

[а] Былъ-жилъ отецъ, имѣлъ онъ сына,
А сынъ его ужъ былъ дѣтина.
Онъ сыну говоритъ: «Пора, мой сынъ, пора... (1799).
[б] Помилуй, что такое?

Охъ, батюшка! давно и самъ я разсуждалъ,
Что мнѣ пора бы ужъ жениться;
Да вотъ я для чего все не могу рѣшиться[в]:
Ищу, да все еще примѣра не найду,
Чтобъ жили мужъ съ женой въ ладу.

[в] Что мнѣ пора рѣшиться,
И я ужъ радъ жениться,
Какъ скоро лишь примѣръ найду (1799).

IX.

ДВА СОСѢДА[1].

Худой миръ лучше доброй ссоры,
Пословица[а] старинна говоритъ;
И каждый день намъ тожъ примѣрами твердитъ,
Какъ можно, не вплетаться въ споры;
А если и дойдетъ нечаянно до нихъ,
Не допуская вдаль, прервать сначала ихъ,
И лучше до суда, хотя ни съ чѣмъ, мириться[б],
Какъ дѣло выиграть и вовсе просудиться,
Иль, споря о грошѣ, всѣмъ домомъ разориться.

На дворъ чужой свинья къ сосѣду забрела,
А со двора потомъ и въ садъ его зашла
И тамъ бѣдъ пропасть накутила:
Гряду изрыла[в].

[а] Пословица уже... (1779).
[б] И лучше до суда хоть кой-какъ помириться
Чѣмъ дѣло выиграть.... (1799).
[в] Въ саду бѣдъ пропасть накутила
И гряду цѣлую изрыла (1799).

Встревожился весь домъ,
И въ домѣ бѣганье, содомъ:
«Собакъ, собакъ сюда!» домашніе кричали.
Изъ избъ всѣ люди побѣжали,
И свинью ну травить,
Швырять въ нее, гонять и бить:
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили,
Полѣньями ее, метлами, кочергой,
Тотъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой
(Обычай на Руси такой).
Тутъ лай собакъ и визгъ свиной,
И крикъ людей, и стукъ побой,
Такую кашу заварили,
Что бъ и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой;
И люди травлю тѣмъ рѣшили,
Что свинью наконецъ убили
(Охотники тѣ люди были).
Сосѣды въ тяжбу межъ собой,
Непримиримая[г] между сосѣдовъ злоба;
Огнемъ другъ на друга сосѣды дышатъ оба:
Тотъ проситъ на того за садъ изрытый свой,
Другой, что свинью затравили;
И первый говорилъ:
«Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что у меня ты садъ изрылъ.»
Другой же говорилъ:
«Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что свинью у меня мою ты затравилъ.»
Хоть виноваты оба были,
Но кстати ль, чтобъ они другъ другу уступили?
Нѣтъ, мысль ихъ не туда:
Во что бъ ни стало имъ, хотятъ искать суда.

[г] Неутолимая (1779).

И подлинно, суда искали[a],
Пока всѣ животы судьямъ перетаскали.
Не стало ни кола у истцевъ, ни двора.
Тогда судьи имъ говорили:
«Мы дѣло ваше ужъ рѣшили;
Для пользы вашей и добра
Мириться вамъ пора.»

[a] .... суда потудова искали (1779).

[1] Г. Галаховъ, въ своей *Истор. Христоматіи* (т. I, стр. 426), считаетъ этотъ разсказъ заимствованнымъ изъ басни Геллерта (кн. 1: Der Process, Тяжба). «Хемницеръ», говоритъ онъ, «во многомъ передѣлалъ ее по русскимъ нравамъ, почему и не показалъ заимствованія». Но въ сущности между обѣими пьесами нѣтъ ничего общаго, кромѣ развѣ основной идеи — страсти къ тяжбамъ, такъ что тутъ, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть и рѣчи о заимствованіи.

X.

ТѢНЬ МУЖА И ХАРОНЪ[1].

Красавицы! ужли вы будете сердиться
За то, чтó вамъ теперь хочу я разсказать?
Вѣдь слава добрыхъ тѣмъ никакъ не уменьшится,
Когда однѣхъ худыхъ я стану осуждать.
А право, мочи нѣтъ молчать:
Инымъ мужьямъ житья отъ женъ своихъ не стало;
А этакъ поступать вамъ, право, не пристало.

Жилъ мужъ, жила жена,
И наконецъ скончались оба;
Да только въ разны времена

Имъ отворились двери гроба:
Жена скончалась напередъ,
Потомъ и мужъ, проживъ не помню сколько лѣтъ,
Скончался.
Какъ съ свѣтомъ здѣшнимъ онъ разстался,
То къ той рѣкѣ приходитъ онъ,
Гдѣ перевозитъ всѣхъ Харонъ
Тѣхъ, кои свѣтъ сей оставляютъ[a].
А за рѣкою той, піиты увѣряютъ,
Одна дорога въ рай, другая въ адъ ведетъ.
Харонъ тѣнь мужнюю везетъ,
И какъ черезъ рѣку они переѣзжаютъ,
Тѣнь говоритъ: «Харонъ, куда моя жена
Тобою перевезена?
Въ рай или въ адъ?» — Въ рай. — «Можно ль статься?
Меня куда жъ везешь?» — Туда жъ, гдѣ и она. —
Ой, нѣтъ; такъ въ адъ меня! Я въ адѣ радъ остаться,
Чтобъ съ нею вмѣстѣ лишь не жить.» —
Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ надъ тобой хотѣлось подшутить:
Я въ адъ ее отвезъ; ей кстати въ адѣ быть
И съ дьяволами жить и знаться:
И въ свѣтѣ вѣдь она
Была прямая сатана!

[a] Гдѣ перевозитъ тѣхъ Харонъ,
Которы свѣтъ сей оставляютъ (1799).

[1] Въ первыхъ трехъ изданіяхъ вм. *Тѣнь мужа* было въ заглавіи: *Тѣнь мужня*; въ 4-мъ *Тѣнь мужняя*.

XI.

МУЖИКЪ И КОРОВА[1].

Коня у мужика не стало,
Такъ онъ корову осѣдлалъ;
А самъ о томъ не разсуждалъ,
Что, говорятъ, сѣдло коровѣ не пристало;
И, словомъ, на корову сѣлъ,
Затѣмъ что онъ пѣшкомъ итти не захотѣлъ.
Корова только лишь подъ сѣдокомъ шагаетъ,
Скакать не знаетъ.
Сѣдокъ корову погоняетъ;
Корова выступкой все тою же ступаетъ,
И только лишь подъ нимъ пыхтитъ.
Сѣдокъ, имѣвъ въ рукахъ не хлыстикъ, а дубину,
Корову понуждалъ какъ вялую скотину,
Считая, что она отъ палки побѣжитъ.
Корова пуще лишь пыхтитъ,
Потѣетъ и крехтитъ.
Сѣдокъ удары утрояетъ;
Корова все шагаетъ,
А рыси, хоть убей,
Такъ нѣтъ у ней.
Корова наконецъ подъ сѣдокомъ свалилась.
Не мудрено: скакать корова не училась.

А потому и должно знать:
Кто ползать родился, тому уже не летать[1].

[1] Четыре послѣдніе стиха находятся только въ 1-мъ изданіи, во 2-мъ они совсѣмъ исключены; въ посмертномъ же сохранены изъ нихъ только два первые, при чемъ вмѣсто «училась» поставлено «родилась».

XII.

КОЩЕЙ[1].

Какой-то былъ кощей и денегъ тьму имѣлъ,
И какъ онъ сказывалъ, то онъ разбогатѣлъ[а]
Не криводушно поступая,
Не грабя и не разоряя.
Нѣтъ, онъ божился въ томъ,
Что Богъ ему послалъ такой достатокъ въ домъ,
И что никакъ онъ не боится
Противу ближняго въ неправдѣ обличиться.
А чтобы Господу за милость угодить
И къ милосердію и впредь Его склонить,
Иль можетъ-быть и впрямь чтобъ совѣсть успокоить,
Кощею вздумалось для бѣдныхъ домъ построить[б].
Домъ строятъ и почти достроили его.
Кощей мой, смотря на него[в],
Себя не помнитъ, утѣшаетъ,
И самъ съ собою разсуждаетъ[г],
Какую бѣднымъ онъ услугу показалъ,
Что имъ пристанище построить приказалъ[д]!
Такъ внутренно кощей мой домомъ веселится.
Какъ нѣкто изъ его знакомыхъ проходилъ,
Кощей знакомому съ восторгомъ говорилъ[е]:
«Довольно, кажется, здѣсь бѣдныхъ помѣстится?» —
Конечно, можно тутъ числу большому жить[ж];

[а] А сказывалъ онъ самъ, что онъ разбогатѣлъ (1799)
[б] Кощей велѣлъ для бѣдныхъ домъ построить (1779).
[в] Кощей мой домъ свой посѣщаетъ.
Смотря онъ на него.
[г] Любуется и разсуждаетъ (1799).
[д] Что домъ для нихъ построить приказалъ (1779).
[е] Какъ нѣкто мимо проходилъ,
У незнакомаго съ восторгомъ онъ спросилъ (1799).
[ж] Довольно здѣсь ихъ можетъ жить.

Но всѣхъ однакоже тебѣ не умѣстить,
Которыхъ по-міру заставилъ ты ходить[3].

[3] Но всѣхъ хозяину сюда не помѣстить,
Которыхъ по-міру заставилъ онъ ходить (1799).

[1] Изъ Геллерта, кн. 2: Der Wucherer (Ростовщикъ).

XIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ СЪ НОШЕЮ[1].

Коль[а] часто служитъ въ пользу намъ,
Чтó мы вредомъ себѣ считаемъ!
Коль часто на судьбу богамъ
Неправой жалобой скучаемъ!
Коль часто счастіе несчастіемъ зовемъ,
И благо истинно, считая зломъ, клянемъ!
Мы вѣчно умствуемъ и вѣчно заблуждаемъ.

Крестьянинъ нѣкакій путемъ-дорогой шелъ
И ношу на плечахъ имѣлъ,
Которая его такъ много тяготила[б],
Что на пути пристановила.
«Провалъ бы эту ношу взялъ!»
Крестьянинъ проворчалъ:
«Я эту ношу
Сброшу,
И налегкѣ безъ ноши я пойду;
Добра я этого вездѣ, куда приду,
Найду.»
А ноша та была кошель, набитый сѣномъ;
Но мужику она казалась горькимъ хрѣномъ.

[а] Въ посмертныхъ изданіяхъ въ 5-ти первыхъ стихахъ стоитъ «сколь» вм. «коль.»
[б] Которая его ужъ такъ отяготила... (1799).

Сталъ нашъ крестьянинъ въ пень, не знаетъ что̀ начать;
Однако вздумалъ отдыхать,
И мыслитъ: «Отдохнувъ немного, поплетуся;
Авось-либо дойду,
Хоть съ ношею пойду;
Быть такъ, добро, пущуся.»

Пошелъ крестьянинъ въ путь и ношу взялъ съ собой.
Но надобно[a] здѣсь знать, что было то зимой,
Когда лишь только рѣки стали,
И снѣги льда еще не покрывали.
Лежитъ крестьянину дорога черезъ ледъ.
Крестьянинъ ничего не думавши идетъ:
Вдругъ, поскользнувшись, онъ свалился,
Однакоже упалъ на ношу безъ вреда.

Близка была бѣда!
Крестьянинъ вѣрно бъ ты убился,
Когда бы ношу взять съ собою полѣнился.

[a] А надобно.

[1] Идея этой «сказки» развита Геллертомъ въ разсказѣ другаго содержанія, подъ заглавіемъ «Der Reisende». У него путникъ застигнутъ ненастьемъ, не смотря на молитвы Зевсу; въ лѣсу является разбойникъ и стрѣляетъ въ прохожаго изъ лука, но, благодаря вѣтру и дождю, стрѣла падаетъ передъ нимъ безвредно. «Если бъ я тебѣ послалъ ясную погоду», говоритъ Зевсъ, «то стрѣла похитила бы у тебя жизнь, сохраненную бурей.»

XIV.

ДВА СЕМЕЙСТВА[1].

Ужъ изстари, не нынѣ знаютъ[2],
Что отъ согласія всѣ вещи возрастаютъ,
А несогласія всѣ вещи разрушаютъ.
Я правду эту вновь примѣромъ докажу:
Картины Грёзовы я сказкой разскажу.
Одна счастливую семью изображаетъ,
Другая же семью несчастну представляетъ.

Семействомъ счастливымъ представленъ мужъ съ женой,
Плывущіе съ дѣтьми на лодочкѣ одной
Такой рѣкой,
Гдѣ камней и мелей премножество встрѣчаютъ,
Которы трудности сей жизни представляютъ[3].
Согласно мужъ съ женой
Своею лодкой управляя,
Счастливо къ берегу плывутъ[4].
Любовь сама въ лицѣ, грести имъ пособляя,
Ихъ тяжкій облегчаетъ трудъ.
Спокойно въ лодочкѣ ихъ дѣти почиваютъ;
Покой и счастіе дѣтей,
Въ заботной жизни сей
Труды отцовски награждаютъ.
Другимъ семействомъ тожъ представленъ мужъ съ женой,
Плывущіе съ дѣтьми на лодочкѣ одной
Такою же рѣкой,
Гдѣ камней и мелей премножество встрѣчаютъ.

[2] Уже изъ давнихъ лѣтъ замѣчено у всѣхъ:
Гдѣ ладъ, тамъ и успѣхъ;
А отъ раздора все на свѣтѣ погибаетъ (1799).

[3] Въ изданіи 1799 «встрѣчали» и «представляли.»

[4] Счастливо къ берегу межъ камнями плывутъ (1799).

Но худо лодка ихъ плыветъ;
Съ женой у мужа ладу нѣтъ:
Жена весло свое бросаетъ,
Сидитъ, не хочетъ помогать,
Отъ камней лодку удалять.
Любовь летитъ отъ нихъ и вздорныхъ оставляетъ;
А мужа одного напрасенъ тяжкій трудъ,
И вкриво съ лодкою и вкось они плывутъ.
Покою дѣти не вкушаютъ[г],
И хлѣбъ другъ у друга съ слезами отнимаютъ;
Все хуже между нихъ часъ отъ часу идетъ:
Въ пучину лодку ихъ несетъ.

[г] Не знаютъ дѣти ихъ покою.
И другъ у друга всякъ кусокъ послѣдній рветъ.
Все хуже между нихъ часъ отъ часу идетъ:
Въ пучину быстриною
Ужъ лодку ихъ несетъ (1799).

[1] Основная мысль взята изъ книги: Contes moraux sur les tableaux de Greuze, par Aubert. Paris, 1761—1763.

Аббатъ Обéръ, извѣстный баснописецъ, род. 1731, ум. 1814.

О Грёзѣ (род. около 1725, ум. 1805) Хемницеръ замѣчаетъ въ выноскѣ: «Нашего вѣка историческій живописецъ.»

XV.

ЗЕМЛЯ ХРОМОНОГИХЪ И КАРТАВЫХЪ[1].

Не помню гдѣ-то я читалъ,
Что въ старину была землица небольшая,
И мода тамъ была такая,
Которой каждый подражалъ,
Что не было ни человѣка,
Который бы, по обычаю вѣка,
Прихрамывая не ходилъ
И не картавя говорилъ;
А это все тогда искусствомъ называлось
И красотой считалось.

Проѣзжій изъ земли чужой,
Но не картавый, не хромой,
Пріѣхавши туда, дивится модѣ той,
И говоритъ: «Возможно ль статься,
Чтобъ красоту въ томъ находить,
Хромымъ ходить,
И все картавя говорить?
Нѣтъ, надобно стараться
Такую глупость выводить.»
И вздумалъ-было всѣхъ учить,
Чтобъ такъ, какъ надобно, ходить,
И чисто говорить.
Однако, какъ онъ ни старался,
Всякъ[a] при своемъ обычаѣ остался;
И закричали всѣ: — Тебѣ ли насъ учить?
Что на него смотрѣть? Ребята, все пустое!
Хоть худо ль, хорошо ль умѣемъ мы ходить
И говорить,

[a] Но всякій (1779).

Однако не ему ужъ насъ перемудрить:
Да кстати ли теперь повѣрье отмѣнить
Старинное такое[6]?

[6] Однако не ему ужъ насъ перемудрить:
У насъ же изстари повѣрье ужъ такое.

[1] Вольный переводъ изъ Геллерта: Das Land der Hinkenden (кн. 1). Въ изданіи 1799 г. эта басня пропущена (см. выше, примѣч. на стр. 101).

XVI.

СТРОИТЕЛЬ[1].

Тотъ, кто дѣла свои впередъ все отлагаетъ,
Тому строителю себя уподобляетъ,
Который захотѣлъ строеніе начать,
Сталъ для него припасы собирать,
И собираетъ ихъ по всякій день не мало.
Построить долго ли? лишь было бы начало.
Проходитъ день за днемъ, за годомъ годъ идетъ,
А все строенья нѣтъ:
Все до другаго дня строитель отлагаетъ.
Вдругъ смерть пришла: строитель умираетъ,
Припасы лишь одни, не зданье оставляетъ.

[1] Эта редакція, по принятому мною правилу, заимствована изъ изданія 1782 года. Въ 1779 пьеса напечатана слѣдующимъ образомъ:

Намѣренъ нѣкто былъ строеніе начать
И сталъ припасы собирать,
И собираетъ ихъ по всякой день премного,
Однако не видать строенья никакого.
Проходитъ день за днемъ, за годомъ годъ течетъ,

А все строенья нѣтъ,
И все до завтрева строитель отлагаетъ.
Вдругъ наступила смерть, строитель умираетъ,
Припасы лишь одни, не зданье оставляетъ.

Сему строителю себя уподобляетъ
Тотъ, кто дѣла свои впередъ все оставляетъ.

Въ имѣющемся у меня экземплярѣ 1-го изданія эта редакція рукою Львова исправлена почти въ томъ видѣ, въ какомъ Хемницеръ помѣстилъ пьесу въ изданіи 1782 года и въ какомъ она воспроизведена выше, въ текстѣ. Для третьяго же изданія друзья поэта еще разъ передѣлали ее. Вотъ какъ она читается во всѣхъ посмертныхъ изданіяхъ:

Чтó можешь начинать теперь,
Теперь и начинать старайся.
Лишь настоящему ты вѣрь,
На завтрее не полагайся.

Построить нѣкто домъ желалъ,
И нужные къ тому сбирать припасы сталъ;
И собралъ ужъ не мало.
Построить долго ли? лиха бѣда начало.
Проходитъ день за днемъ, за годомъ годъ идетъ,
А все строенья нѣтъ:
Все нашъ строитель отлагаетъ
Строенье до другаго дни.
Внезапно смерть пришла: строитель оставляетъ
Припасы лишь одни.

XVII.

СОВѢТЪ СТАРИКА [1].

Дѣтина старика какого-то спросилъ:
«Чтобъ знатнымъ сдѣлаться, за что бы мнѣ приняться[а]?» —
По совѣсти признаться,
Старикъ дѣтинѣ говорилъ:
Я право самъ не знаю,
Какъ лучше бы тебѣ, дружокъ мой, присудить[б];
Но если прямо говорить,
Такъ я вотъ эдакъ разсуждаю,
И средства только съ два могу тебѣ открыть,
Какъ до чиновъ большихъ и знатности дойтить[в],
А больше способовъ не знаю.

Будь храбръ, дружокъ. Иной[г]
Прославился войной;
Все отложивъ тогда, спокойство и забаву,
Трудами находить старался честь и славу;
И въ самомъ дѣлѣ то сыскалъ,
Чего сыскать желалъ.
Другой же знаніемъ глубокимъ,

[а] Вотъ начало басни въ старѣйшей редакціи:
Чтобъ честь и славу заслужить
И знатности дожить,
За что присудишь мнѣ приняться?
Дѣтина старика какого-то спросилъ.
По совѣсти признаться.... (1779).

[б] Какъ лучше бы тебѣ на это присудить.

[в] .... могу тебѣ назвать,
Чѣмъ можно счастіе сыскать.
Въ изданіи 1799 г. вмѣсто стиховъ 7—10 нашего текста читается:
И сколько головы на этомъ ни ломаю,
Я только два пути могу тебѣ открыть,
Какъ до чиновъ дойтить.

[г] Будь храбръ, мой другъ. Иной (1799).

Не родомъ знатнымъ и высокимъ,
Себя на свѣтѣ отличилъ:
Въ судахъ и при дворѣ великъ и славенъ былъ.
Трудами все пріобрѣтаютъ[д];
Но въ томъ великія лишь души успѣваютъ. —
«Все это хорошо», дѣтина говорилъ:
«Но если мнѣ тебѣ по совѣсти признаться[е],
Такъ я никакъ не воображалъ,
Что — чести и чиновъ на свѣтѣ добиваться —
Ты бъ столько трудностей мнѣ разныхъ насказалъ[ж].
Мнѣ кажется, что ты ужъ слишкомъ судишь строго;
Полегче бы чего нельзя ли присудить?» —

Ужъ легче нѣтъ того, какъ дуракомъ прожить;
А и глупцовъ чиновныхъ много.

[д] А все то чрезъ труды и время получаютъ (1779).
[е] «Но если мнѣ тебѣ по совѣсти открыться (1799).
[ж] Чтобъ до чиновъ добиться
Ты столько трудностей.... (1799).

[1] Этотъ разсказъ, въ первыхъ трехъ изданіяхъ озаглавленный «Совѣтъ старпковъ», заимствованъ изъ Геллерта: Der Jüngling und der Greis (кн. 3). Впослѣдствіи тотъ же сюжетъ разработанъ Дмитріевымъ, подъ заглавіемъ: «Отецъ съ сыномъ», по Флоріану, которому источникомъ басни «Le jeune homme et le vieillard» очевидно послужилъ также Геллертъ.

XVIII.
ХОЗЯИНЪ И МЫШИ[1].

Двѣ мыши на одинъ какой-то дворъ попались,
И вмѣстѣ на одномъ дворѣ онѣ живутъ;
Но каждой жительства различныя достались,
А потому онѣ и разну жизнь ведутъ:
Одна мышь въ житницу попала,
Другая мышь въ анбаръ пустой.
Одна въ довольствѣ обитала[а],
Не видя нужды никакой;
Другая жъ въ бѣдности живетъ и все горюетъ,
И на судьбину негодуетъ.
Съ богатой видится и съ нею говоритъ;
Но въ житницу ея[б] попасть никакъ не можетъ,
И только тѣмъ однимъ сыта, что рухлядь гложетъ.
Клянетъ свою судьбу, хозяина бранитъ,
И наконецъ къ нему мышь бѣдна приступила,
Сравнять ее съ своей подругою просила[в].
Хозяинъ дѣло такъ рѣшилъ,
И мыши говорилъ,
Котора съ жалобой своею приходила:
«Вы обѣ случаемъ сюда на дворъ зашли,
И тѣмъ же случаемъ и разну жизнь нашли.
Хозяину мышамъ не сдѣлать уравненье.
И я скажу тебѣ:
Анбаръ и житницу построилъ я себѣ
На разное употребленье;
А до мышей мнѣ нужды нѣтъ,
Котора гдѣ и какъ живетъ.»

[а] Мышь въ житницѣ всегда въ довольствѣ обитала (1779).
[б] Но къ мыши въ житницу . . .
[в] И въ горѣ семъ животъ клянетъ свой и бранитъ.
Къ хозяину двора мышь бѣдна приступила
И горькую свою судьбину изъяснила,
Сравнять ее. . . .

[1] Хемницеръ не означилъ этой басни въ числѣ заимствованныхъ; но одинъ изъ позднѣйшихъ издателей его (1811) указалъ на Вольтера, какъ на ея источникъ; мы однакожъ не нашли ни у Вольтера, ни у другихъ писателей, ничего, чтó бы оправдывало это указаніе.

XIX.

ЛЖЕЦЪ[1].

Кто лгать привыкъ, тотъ лжетъ въ бездѣлицѣ и въ дѣлѣ,
И лжетъ, душа покуда въ тѣлѣ.
Ложь — рай его, блаженство, свѣтъ:
Безъ лжи лгуну и жизни нѣтъ.
Я самъ лжеца такого
Зналъ,
Который никогда не выговоритъ слова,
Чтобы при томъ онъ не солгалъ.

Въ то время самое, какъ опыты тѣ[а] были,
Что могутъ ли въ огнѣ алмазы устоять,
Въ бесѣдѣ нѣкакой объ этомъ говорили,
И всякъ по-своему объ нихъ сталъ толковать.
Кто говоритъ: въ огнѣ алмазы исчезаютъ,
Чтó въ самомъ дѣлѣ было такъ.
Иные повторяютъ:
Изъ нихъ, какъ изъ стекла, чтó хочешь выливаютъ.
И такъ
И сякъ
Объ нихъ[б] твердятъ и разсуждаютъ.
Но что послѣднее неправда, знаетъ всякъ,
Кто химіи хотя лишь нѣсколько учился.
Лжецъ тотъ, котораго я выше описалъ,
Не вытерпѣлъ и тутъ, солгалъ,

[а] Какъ опыты здѣсь были (1799)
[б] Про нихъ (1779).

«Да», говоритъ: «да, такъ; я самъ при томъ случился
(Лишь только-что не побожился,
Да полно онъ забылся[в]),
Какъ способъ тотъ нашли,
И до того алмазъ искуствомъ довели,
Что какъ стекло его теперь ужъ плавить стали.
А эдакой алмазъ мнѣ самому казали,
Который слишкомъ въ фунтъ изъ мелкихъ былъ стопленъ.»
Одинъ въ бесѣдѣ той казался удивленъ,
И ложь безстыдную съ терпѣніемъ внимаетъ:
Плечами только пожимаетъ,
Принявши на себя тотъ видъ,
Что будто ложь его онъ правдою считаетъ.
Спустя дней нѣсколько лжецу онъ говоритъ:
Какъ-бишь великъ алмазъ тебѣ тогда казали,
Который сплавили? я право позабылъ.
Въ фунтъ, кажется, ты говорилъ? —
«Такъ точно, въ фунтъ[г]», лжецъ подтвердилъ. —
О! это ничего; теперь ужъ плавить стали
Алмазы вѣсомъ въ цѣлый пудъ;
А въ фунтовыхъ алмазахъ[д] тутъ
И счетъ ужъ потеряли.» —
Лжецъ видитъ, что за ложь хотятъ ему платить,
Ужъ вѣсу не посмѣлъ прибавить,
И лжей алмазъ побольше сплавить;
Сказалъ: «Ну, такъ и быть;
Фунтъ пуду долженъ уступить.»

[в] Никакъ онъ позабылся (1779). Въ 3-мъ изданіи стихъ 26 нашего текста совсѣмъ исключенъ.
[г] Да, въ фунтъ... (1779).
[д] А фунтовымъ алмазамъ (1799).

[1] Этотъ разсказъ относится къ научнымъ опытамъ, производившимся въ присутствіи Хемницера людьми, ему близкими. Къ объясненію сти-

ховъ 9—14 служитъ сочиненіе «О драгоцѣнныхъ камняхъ» Брикмана въ переводѣ Беспалова, разсмотрѣнномъ Хемницеромъ и его сослуживцемъ по Горному институту Карамышевымъ; этотъ переводъ напечатанъ въ одинъ годъ съ первыми баснями Хемницера. Здѣсь, на стр. 7, къ словамъ Брикмана, что алмазъ «въ сильномъ огнѣ мало измѣняется», переводчикъ прибавилъ отъ себя замѣчаніе: «Новѣйшіе опыты сему противорѣчатъ, ибо онъ въ сильномъ огнѣ *дѣйствительно исчезаетъ* и улетаетъ на воздухъ. Г. оберъ-бергмейстеръ Карамышевъ, въ лабораторіи его превосходительства Карла Ѳедоровича Крузе, въ *присутствіи нѣкоторыхъ любопытныхъ мужей*, въ четверть часа сожегъ три алмаза нарочитой величины». Вопросъ о горѣніи тѣлъ занималъ тогда въ Россіи не одного Хемницера и его товарищей: въ 1778 году (30 іюля) въ торжественномъ собраніи Московскаго университета профессоръ Иванъ Сибирскій читалъ химическое разсужденіе о сгараемыхъ тѣлахъ. (Н. Тихонравовъ.)

XX.
БОЯРИНЪ АѲИНСКІЙ[1].

Какой-то господинъ,
Бояринъ знатный изъ Аѳинъ,
Который въ весь свой вѣкъ ничѣмъ не отличился
И никакой другой заслуги не имѣлъ,
Окромѣ той одной, что сладко пилъ и ѣлъ,
И завсегда своей породой возносился[а];
При всемъ однакоже хотѣлъ,
Чтобъ думали что онъ достоинства имѣлъ[б].
Весьма нерѣдко то бываетъ:
Чѣмъ меньше кто себя достойнымъ примѣчаетъ,
И право бы въ слуги къ себѣ негоденъ былъ,
Когда бы родомъ онъ бояриномъ не слылъ,—
Тѣмъ больше требуетъ почтенья и желаетъ.

[а] Въ изданіи 1779 г. между стихами 6-мъ и 7-мъ былъ еще стихъ:
«И передъ прочими гордился.»

[б] При всемъ однакоже той славы все хотѣлъ,
Что будто въ правду онъ достоинства имѣлъ (1779).

Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ баринъ этотъ былъ,
Какой-то стихотворецъ жилъ,
Который пѣлъ мужей дѣлами именитыхъ,
Не титлами пустыми отмѣнитыхъ.
Писателя сего бояринъ попросилъ,
Чтобъ нѣчто и въ его онъ славу сочинилъ:
«Когда», писателю вельможа говорилъ,
«Вы что-нибудь мнѣ въ славу сочините[в],
И мнѣ ту сдѣлаете честь,
Прославиться и вамъ тутъ также случай есть.»
Въ отвѣтъ писатель: Извините!
Я всею бы душой вамъ въ этомъ услужилъ,
Но сдѣлать этого никакъ мнѣ не возможно,
Затѣмъ что я зарокъ такой ужъ положилъ,
Чтобъ не изъ подлаго ласкательства и ложнѣ
Стихи на похвалу кого-нибудь писать,
Но ими истинны заслуги прославлять.

[в] Итакъ писателю сей баринъ говорилъ:
Когда вы что-нибудь....

[1] Довольно близкій, хотя и нѣсколько распространенный переводъ разсказа Геллерта «Elpin» (кн. 2), который оканчивается словами:

«Mein Herr, rief der Poet, es geht unmöglich an.
Ich hab' aus Eigensinn einst ein Gelübd' gethan,
Nur das Verdienst und nie den Namen zu besingen».

Т. е. Милостивый государь, воскликнулъ поэтъ, этого никакъ нельзя. Я однажды изъ упрямства сдѣлалъ обѣтъ-воспѣвать только достоинство, не имя.

Заглавіе разсказа заимствовано Хемницеромъ изъ перваго стиха подлинника:

«Ein Grosser in Athen, der kein Verdienst besasz»....

(Одинъ аѳинскій вельможа, не имѣвшій заслугъ.)

Эта пьеса была устранена изъ 3-го изданія Хемницера (см. выше стр. 101).

ховъ 9—14 служитъ сочинение «О драгоцѣнныхъ камняхъ» Брикмана въ переводѣ Беспалова, разсмотрѣнномъ Хемницеромъ и его сослуживцемъ по Горному институту Карамышевымъ; этотъ переводъ напечатанъ въ одинъ годъ съ первыми баснями Хемницера. Здѣсь, на стр. 7, къ словамъ Брикмана, что алмазъ «въ сильномъ огнѣ мало измѣняется», переводчикъ прибавилъ отъ себя замѣчаніе: «Новѣйшіе опыты сему противорѣчатъ, ибо онъ въ сильномъ огнѣ *дѣйствительно исчезаетъ* и улетаетъ на воздухъ. Г. оберъ-бергмейстеръ Карамышевъ, въ лабораторіи его превосходительства Карла Өедоровича Крузе, въ *присутствіи нѣкоторыхъ любопытныхъ мужей*, въ четверть часа сожегъ три алмаза нарочитой величины». Вопросъ о горѣніи тѣлъ занималъ тогда въ Россіи не одного Хемницера и его товарищей: въ 1778 году (30 іюля) въ торжественномъ собраніи Московскаго университета профессоръ Иванъ Сибирскій читалъ химическое разсужденіе о сгараемыхъ тѣлахъ. (Н. Тихонравовъ.)

XX.

БОЯРИНЪ АӨИНСКІЙ[1].

Какой-то господинъ,
Бояринъ знатный изъ Аөинъ,
Который въ весь свой вѣкъ ничѣмъ не отличился
И никакой другой заслуги не имѣлъ,
Окромѣ той одной, что сладко пилъ и ѣлъ,
И завсегда своей породой возносился[а];
При всемъ однакоже хотѣлъ,
Чтобъ думали что онъ достоинства имѣлъ[б].
Весьма нерѣдко то бываетъ:
Чѣмъ меньше кто себя достойнымъ примѣчаетъ,
И право бы въ слуги къ себѣ негоденъ былъ,
Когда бы родомъ онъ бояриномъ не слылъ,—
Тѣмъ больше требуетъ почтенья и желаетъ.

[а] Въ изданіи 1779 г. между стихами 6-мъ и 7-мъ былъ еще стихъ:
«И передъ прочими гордился.»

[б] При всемъ однакоже той славы все хотѣлъ,
Что будто въ правду онъ достоинства имѣлъ (1779).

Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ баринъ этотъ былъ,
Какой-то стихотворецъ жилъ,
Который пѣлъ мужей дѣлами именитыхъ,
Не титлами пустыми отмѣнитыхъ.
Писателя сего бояринъ попросилъ,
Чтобъ нѣчто и въ его онъ славу сочинилъ:
«Когда», писателю вельможа говорилъ,
«Вы что-нибудь мнѣ въ славу сочините[в],
И мнѣ ту сдѣлаете честь,
Прославиться и вамъ тутъ также случай есть.»
Въ отвѣтъ писатель: Извините!
Я всею бы душой вамъ въ этомъ услужилъ,
Но сдѣлать этого никакъ мнѣ не возможно,
Затѣмъ что я зарокъ такой ужъ положилъ,
Чтобъ не изъ подлаго ласкательства и ложно
Стихи на похвалу кого-нибудь писать,
Но ими истинны заслуги прославлять.

[в] Итакъ писателю сей баринъ говорилъ:
Когда вы что-нибудь....

[1] Довольно близкій, хотя и нѣсколько распространенный переводъ разсказа Геллерта «Elpin» (кн. 2), который оканчивается словами:

«Mein Herr, rief der Poet, es geht unmöglich an.
Ich hab' aus Eigensinn einst ein Gelübd' gethan,
Nur das Verdienst und nie den Namen zu besingen».

Т. е. Милостивый государь, воскликнулъ поэтъ, этого никакъ нельзя. Я однажды изъ упрямства сдѣлалъ обѣтъ-воспѣвать только достоинство, не имя.

Заглавіе разсказа заимствовано Хемницеромъ изъ перваго стиха подлинника:

«Ein Grosser in Athen, der kein Verdienst besasz»....

(Одинъ аѳинскій вельможа, не имѣвшій заслугъ.)

Эта пьеса была устранена изъ 3-го изданія Хемницера (см. выше стр. 101).

XXI.

БАРОНЪ[1].

Жилъ-былъ скупой богачъ, и у него одинъ
Былъ сынъ.
Отецъ его скончался:
Наслѣдства милліонъ молодчику достался,
И захотѣлъ сынокъ, имѣвши милліонъ,
Барономъ сдѣлаться, — и сдѣлался баронъ.
Баронство куплено. Теперь задумалъ онъ
Быть сверхъ того еще и знатнымъ господиномъ,
И слыть барономъ съ чиномъ.

Хоть знатныхъ онъ людей достоинствъ не имѣлъ,
Да онъ ихъ представлять умѣлъ[а]
И[б] все сбирался и хотѣлъ
Министромъ быть при кабинетѣ,
Чтобъ въ царскомъ засѣдать совѣтѣ,
Иль славнымъ полководцемъ быть.
Баронъ! достоинства за деньги не купить!
Но все баронъ не могъ рѣшиться,
Къ чему бы лучше прилѣпиться,
Гдѣ бъ больше чести доступить:
Министромъ быть ли добиваться,
Иль въ полководцы домогаться[в]?
Итакъ въ намѣреньяхъ однихъ живетъ баронъ;
А все достоинство барона — милліонъ.
Онъ удивленье былъ народовъ
Толпою гайдуковъ своихъ и скороходовъ.

[а] Этотъ стихъ въ изданіи 1799 г. и во всѣхъ послѣдующихъ былъ выпущенъ.
[б] Но (1799).
[в] Въ министры ль добиваться
Иль въ полководцы попытаться? (1799).

Доходами его почти весь городъ жилъ.
Онъ въ золото себя и слугъ всѣхъ обложилъ;
И ежели когда въ каретѣ проѣзжался,
То больше лошадей своихъ онъ величался.
Льстецамъ онъ покровитель былъ,
И ревностно тому служилъ,
Кто, ползая предъ нимъ, его о чемъ просилъ;
А кто поступки всѣ и вкусъ его хвалилъ,
Талантами его безстыдно восхищался,
Тотъ вѣрно помѣщенъ въ число друзей тѣхъ былъ,
Которые на счетъ барона[г] ѣли, пили,
Смѣясь въ глаза его хвалили;
И въ тотъ же самый часъ мѣшки его щечили,
Какъ увѣряли всѣ его:
Что противъ глазъ такихъ, какіе у него,
И Аргусовы ничего.

На долго ль моту милліона?
Ему другого нѣтъ закона,
Какъ только чтобъ по волѣ жить[д],
Страстямъ и прихотямъ служить.
Баронъ нашъ пересталъ ужъ больше говорить[е],
Министромъ, полководцемъ быть,
И только къ роскошамъ однимъ лишь прилѣпился[ж]:
Пилъ, ѣлъ и веселился.
А какъ весь милліонъ бароновъ истощился,
То сталъ опять ничто баронъ,
Таковъ, какъ былъ и прежде онъ[з].

[г] бароновъ (1782).
[д] Въ изданіи 1799 г. между стихами 44 и 45 вставленъ еще стихъ: Своимъ богатствомъ величаться.
[е] ужъ больше добиваться (1799).
[ж] И только къ роскоши развратной прилѣпился.
[з] То сталъ опять баронъ
Ничто, какъ былъ и прежде онъ (1799).

Безъ денегъ онъ отъ всѣхъ оставленъ очутился,
И доказалъ своимъ житьемъ
Баронъ нашъ правду эту всѣмъ,
Что дѣтямъ только зла родители желаютъ,
Когда имъ лишь одно богатство оставляютъ:
Богатство пагуба и вредъ
Тому, въ комъ воспитанья нѣтъ.

[1] Изъ разсказа Геллерта Der baronisirte Bürger (кн. 1).

XXII.

МЕДВѢДЬ-ПЛЯСУНЪ[1].

Плясать медвѣдя научили,
И долго на цѣпи водили;
Однако какъ-то онъ ушелъ[а],
И въ родину назадъ пришелъ.
Медвѣди земляка лишь только-что узнали,
Всѣмъ по лѣсу объ немъ, что тутъ онъ, промычали[б];
И лѣсъ лишь тѣмъ наполненъ былъ,
Что всякъ другъ другу говорилъ:
«Вѣдь мишка къ намъ опять явился!»
Откуда кто пустился,
И къ мишкѣ безъ души медвѣди всѣ бѣгутъ.
Другъ передъ другомъ мишку тутъ
Встрѣчаютъ,
Поздравляютъ,
Цѣлуютъ, обнимаютъ;
Не знаютъ съ радости, что́ съ мишкою начать,
Чѣмъ угостить и какъ принять.

[а] Медвѣдь плясать какой-то научился
И долго пляскою кормился,
Однако наконецъ ушелъ (1779).
Исправленная редакція этихъ трехъ стиховъ, въ томъ видѣ какъ она взята нами изъ изданія 1782 года, принадлежитъ Н. А. Львову.

[б] ... замичали (1779). Въ изд. 1782: промичали. Слово *промычали* взято изъ посмертнаго изданія.

Гдѣ! развѣ торжество такое,
Какое
Ни разсказать,
Ни описать!
И мишку всѣ кругомъ обстали.
Потомъ просить всѣ мишку стали,
Чтобъ похожденье онъ свое имъ разсказалъ.
Тутъ все, чтó только мишка зналъ,
Разсказывать имъ сталъ[в],
И между прочимъ показалъ,
Какъ на цѣпи бывало онъ плясалъ[г].
Медвѣди плясуна искуство всѣ хвалили,
Которы зрителями были[д],
И каждый силы всѣ свои употреблялъ[е],
Чтобъ такъ же проплясать, какъ и плясунъ плясалъ.
Однако всѣ они хоть сколько ни старались[ж],
И сколько всѣ ни умудрялись,
И сколько ни кривлялись,
Не только чтобъ плясать,
Насилу, такъ какъ онъ, могли на лапы встать.
Иной такъ со всѣхъ ногъ тутъ ó землю хватился,
Когда плясать было пустился;
А мишка, видя то,
И вдвое тутъ потщился[з],
И зрителей своихъ поставилъ всѣхъ въ ничто.
Тогда на мишку напустили,
И ненависть и злость искуство все затмили.
На мишку окрикъ всѣ: «Прочь, прочь отсель сейчасъ!

[в] И все, что только мишка зналъ,
Разсказывать имъ мишка сталъ (1779).
[г] Какъ на цѣпи плясалъ (1799).
[д] Вм. этого стиха въ изд. 1799: Дивилися, превозносили.
[е] И каждый силы всѣ свои употреблялъ (1799).
[ж] Однако сколько ни старались (1799).
[з] И вдвое умудрился (тамъ же).

Скотина эдака умнѣй быть хочетъ насъ!»
И все на мишку нападали,
Нигдѣ проходу не давали;
И столько мишку стали гнать,
Что мишка принужденъ бѣжать.

[1] Вольный переводъ басни Геллерта Der Tanzbär (кн. 1); у Хемницера гораздо болѣе выразительности и картинности въ разсказѣ.

XXIII.

ОРЛЫ [1].

Сначала всяко дѣло строго
И въ строку такъ идетъ,
Что и приступу нѣтъ;
А тамъ, перегодя немного,
Пошло и вкриво все и вкось;
И отчасу все хуже, хуже,
Покуда наконецъ хоть брось.
Не знаю, череду ведутъ ли люди ту же;
Но слово въ басни сей
Про птицъ, не про людей.

Орлы когда-то всѣ рѣшились
Составить общество правленья межъ собой,
И сдѣлали уставъ такой,
Чтобъ прочія отъ нихъ всѣ птицы удалились,
Какъ недостойныя съ орлами вмѣстѣ жить,
Судить,
Рядить,
Или въ дѣла орловъ входить
И, словомъ, въ обществѣ одномъ съ орлами быть.
И такъ живутъ орлы, храня уставъ свой строго,
И никакой[a] изъ птицъ къ орламъ приступу нѣтъ.

[a] Что никакой (1779).

Прошло, не знаю сколько лѣтъ,
Однако, помнится, немного,
Вдругъ изъ орловъ одинъ свой голосъ подаетъ,
Съ другими эдакъ разсуждаетъ[6],
И вотъ что предлагаетъ:
«Хоть позволенія на то у насъ и нѣтъ,
Чтобъ съ нами въ обществѣ другія птицы жили,
Которы бъ не одной породы съ нами были,
Достоинствъ равныхъ намъ,
Орламъ,
Отмѣнныхъ не имѣли,
Летать по нашему высоко не умѣли,
На солнце бы смотрѣть не смѣли;
Но какъ соколій намъ извѣстенъ всѣмъ полетъ,
И думаю, что намъ онъ пользу принесетъ,
Такъ пусть и онъ при насъ живетъ;
Мнѣ кажется, бѣды тутъ нѣтъ.» —
И впрямь, орлы на то сказали:
Его полетъ....
А сверхъ того одинъ соколъ куды нейдетъ? —
И сокола принять позволить приказали.
Потомъ, спустя еще, не знаю сколько лѣтъ,
Ужъ также и соколъ свой голосъ подаетъ,
Что пользы ястребъ тожъ не мало принесетъ,
И нужнымъ признаетъ,
Чтобы орлы благоволили
И ястреба принять.
Но тутъ было орлы сперва поусумнились,
Хотѣли отказать[в];
Однако наконецъ рѣшились,
Чтобъ позволенье дать

[6] Съ другими разсуждаетъ (1799).
[в] Этого стиха не было въ изданіи 1779 года; онъ прибавленъ Хемницеромъ по совѣту Львова.

И ястреба въ ихъ общество принять.
Потомъ и ястребъ тожъ орламъ сталъ представлять,
Что нужны птицы тѣ, другія,
Невѣдь какія,
Чтобъ разну должность отправлять.
Чтожъ? сдѣлался приказъ отъ самого правленья,
Чтобъ птицамъ былъ пріемъ впередъ безъ представленья:
И вышло наконецъ, что въ общество орловъ
Ужъ стали принимать и филиновъ и совъ.

[1] Подражаніе «аллегоріи» Дора́: Le sénat des aigles (см. Oeuvres de Dorat. Mes nouveaux torts ou nouveaux mélanges de poésies. Amsterdam, 1775). Во французской баснѣ, для вступленія въ орлиный сенатъ требовалось испытаніе:

Il fallait, pour entrer, un titre légitime,
Nommer, produire ses aïeux,
Des plus hauts monts franchir la cime,
Affronter les éclairs sous un ciel orageux,
Sonder des feux du jour l'éblouissant abîme
Et d'un oeil intrépide envisager les cieux... и т. д.

Т. е. «Для вступленія надобно было имѣть узаконенный титулъ, назвать, выставить своихъ предковъ; взлетать на вершину самыхъ высокихъ горъ; не бояться молній подъ громовыми тучами, погружаться въ ослѣпительную бездну солнечныхъ лучей и смѣлымъ взоромъ глядѣть на небо». — Установленный порядокъ длится цѣлое столѣтіе; наконецъ одинъ изъ сенаторовъ предлагаетъ въ члены коршуна (milan), который и принятъ. Потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ другой сенаторъ проводитъ своего друга хорька (furet), который мастеръ вездѣ пролѣзть, все пронюхать; далѣе доходитъ очередь до галокъ и сорóкъ, —

Et parmi des oiseaux faits pour l'éclat du jour,
On reçut à la fin, devinez qui?.. des taupes.

Т. е. «И въ число птицъ созданныхъ для дневнаго свѣта, напослѣдокъ стали принимать, отгадайте, кого?... кротовъ». Этимъ аллегорія Дора́ кончается.

Хемницеръ не указалъ на свой источникъ.

XXIV.

УСМИРИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБЪ[1].

Былъ у отца сынъ, малый молодой,
Шалунъ и бѣдокуръ такой,
Хоть голову кому такъ радъ сорвать долой.
Какая только гдѣ проказа ни случится,
Нашъ малый завсегда тутъ первымъ очутится.
«Что», говоритъ отецъ, «съ повѣсой мнѣ начать,
И чѣмъ его унять?»
Однако, чтобъ себя стыда и бѣдъ избавить,
А въ маломъ жару поубавить,
Онъ способъ съ нимъ еще вотъ этотъ предпріялъ:
Какъ матушка на то любезна ни косилась,
Въ Америку его на сколько-то послалъ.
Чтожъ? чѣмъ поѣздка та рѣшилась?
Ужли смирнѣе малый сталъ?
Гдѣ! бѣшенымъ такимъ еще и не бывалъ.
И для того отецъ и дядя посудили,
Подумали и положили,
Что какъ пути въ немъ не видать,
То бъ въ службу малаго военную отдать [2].
Поплакали, погоревали,
И наконецъ его въ солдаты записали,
Чтó въ самомъ дѣлѣ для него
Полезнѣе казалося всего:
Хоть люди каковы бъ военные ни были
И что бъ про нихъ ни говорили,
Но многихъ палкой жить они ужъ научили[a];
А впрочемъ нужды въ этомъ нѣтъ,

[a] Казалося тогда полезнѣе всего:
Хоть межъ военными и всякіе бываютъ,
Но палкою они жить многихъ научаютъ (1799).

Что столько жъ иногда уменъ и тотъ, кто бьетъ,
Какъ тотъ, кто за вину побои принимаетъ.
Однако малаго ничто не пронимаетъ,
И палка даже не беретъ[б].
Посылка за отцомъ, чтобъ въ полкъ ему явиться:
«Нѣтъ», говорятъ, «изволь назадъ ты сына взять,
И самъ, какъ хочешь, съ нимъ возиться;
А нашей мочи ужъ не стало больше биться.»
И велѣно отцу его назадъ отдать.
Теперь ужъ отъ него добра не ожидать!
Но нѣтъ, скорехонько дѣтину проучили:
Еще и мѣсяцъ не прошелъ,
Совсѣмъ дѣтина присмирѣлъ.
Да чѣмъ же малаго такъ вдругъ перемѣнили?
Ужли въ тюрьму отецъ дѣтину посадилъ?
Нѣтъ, лучше этого его онъ проучилъ:
На злой женѣ женилъ[в].

[б] Какъ тѣ, которые побои принимаютъ.
Однако малаго и палка не беретъ (1799).

[в] Въ изданіи 1799 г. словá: «на злой женѣ» исключены.

[1] Переводъ разсказа Геллерта: Der ungerathne Sohn (кн. 3), который въ подлинникѣ такъ кончается:

Doch nein, ein Mittel half geschwind,
Und eh' vier Wochen noch vergingen,
War sein Johann fromm wie ein Kind.
Wie? liesz er ihn ins Zuchthaus bringen?
Ich dachte gar. Warum nicht lieber auf den Bau?
Er wuszt' ihn besser zu bezwingen,
Er gab ihm eine böse Frau.

Т. е. Но нѣтъ, одно средство помогло очень скоро, и не прошло четырехъ недѣль, какъ Іоаннъ сталъ смирнѣе ребенка. Чтожъ? онъ посадилъ его въ смирительный домъ? Или, и того хуже, не послалъ ли его на крѣпостныя работы? Нѣтъ, онъ сумѣлъ еще лучше унять его: онъ далъ ему злую жену.

[2] Послѣ этого стиха Львовъ предлагалъ вставить: «Такимъ дескать и воевать». Однакожъ вставка не принята Хемницеромъ.

XXV.

РЕБЯТА СВОЕВОЛЬНЫЕ[1].

Кто пожилыхъ людей совѣтъ пренебрегаетъ
И пылкой юности страстямъ однимъ внимаетъ,
Тотъ часто со вредомъ и поздно узнаётъ[а],
Сколь справедливъ людей испытанныхъ совѣтъ.

Ребята у моря со старикомъ гуляли
И какъ-то на челнокъ напали,
Въ который вздумали они и сами сѣсть,
И въ то же старика хотятъ ребята ввесть,
Чтобъ съ ними по морю немного прокатиться.
Но старику ли согласиться?
Старикъ старается и ихъ уговорить
Охоту эту отложить,
Ребятамъ представляя,
И живо имъ изображая,
Что кончится для нихъ забава та бѣдой[б].
Ребятамъ нужды нѣтъ, хоть голова долой[в]!
Чѣмъ больше ихъ старикъ уговорить ласкался,
Тѣмъ больше на своемъ поставить всякъ старался[г].
Старикъ еще ихъ унимать:
«Эй, право, вамъ не сдобровать!

[а] Кто пожилыхъ людей слова пренебрегаетъ
И пылкой юности стремленью покорится,
Тотъ часто со вредомъ и поздно вразумится (1799).

[б] Но старику ли согласиться
Съ ребятами шалить?
Старикъ и ихъ увѣщеваетъ
Охоту отложить;
Ребятамъ живо представляетъ,
Что кончится игра бѣдой.

[в] Нужда ль ребятамъ въ томъ, хоть... (1779).

[г] Чѣмъ больше убѣждалъ старикъ ѣзду оставить,
Тѣмъ больше на своемъ старался всякъ поставить (1799).

Челнокъ вамъ на бѣду, повѣрьте мнѣ, я знаю;
Вѣдь вамъ же я добра желаю.» —
Пустое, старичокъ!
Что слушаться его? и сами всѣ въ челнокъ[д],
И въ море наконецъ изъ виду удалились.

Тиха была вода тогда, когда пустились;
Но вдругъ, гдѣ вѣтеръ ни взялся,
Челнокъ качаетъ,
И по волнамъ его то вверхъ, то внизъ бросаетъ[е]:
Ребята чтобъ назадъ, но вѣтеръ не пускаетъ;
Ребята чтобъ спастись, но ужъ спастись нельзя[ж]:
Челнокъ вверхъ дномъ и всѣхъ собою потопляетъ.

[д] .... А сами прыгъ въ челнокъ (1799).
[е] Тиха была вода, когда они пустились;
Но вдругъ поднялся вихрь, затмила туча свѣтъ.
Челнокъ то вверхъ, то внизъ бросаетъ
[ж] Ребята чтобъ спастись, но ужъ спасенья нѣтъ.

[1] Въ позднѣйшихъ изданіяхъ, начиная съ 1811 года, эту басню печатали подъ заглавіемъ: «Старикъ и ребята своевольные.»

XXVI.

ЛЕВЪ УЧРЕДИВШІЙ СОВѢТЪ[1].

Левъ учредилъ совѣтъ какой-то неизвѣстно
И, посадя въ совѣтъ сочленами слоновъ,
Большую часть прибавилъ къ нимъ ословъ[а].
Хотя слонамъ сидѣть съ ослами и невмѣстно,
Но левъ не могъ того числа слоновъ набрать,
Какому прямо надлежало
Въ совѣтѣ этомъ засѣдать[б].
Ну, чтожъ? пускай числа всего бы не достало,
Вѣдь это бъ не мѣшало
Дѣла производить.
Нѣтъ, какъ же? а уставъ ужли переступить?
Хоть будь глупцы судьи[в], лишь счетомъ бы ихъ стало.
А сверхъ того, какъ левъ совѣтъ сей учреждалъ,
Онъ вотъ какъ полагалъ[г]
И льстился:
Ужли и впрямь что умъ слоновъ
На умъ не наведетъ ословъ[д]?

Однако, какъ совѣтъ открылся,
Дѣла совсѣмъ другимъ порядкомъ потекли:
Ослы слоновъ съ ума свели.

[а] Прибавилъ больше къ нимъ ословъ (1799).
[б] Какому надлежало
Въ совѣтѣ засѣдать.
[в] Хоть будь ослы судьи....
[г] Такъ онъ вотъ эдакъ полагалъ (1779).
Онъ эдакъ разсуждалъ (1799).
[д] И все надеждой льстился
Что умъ слоновъ
На разумъ наведетъ ословъ (1799).

[1] Эта басня была исключена изъ втораго Смирдинскаго изданія 1852 года, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, такъ какъ она,

появившись еще въ прошломъ столѣтіи, никакъ не могла, при позднѣйшихъ перепечаткахъ, подавать поводъ къ какимъ-либо современнымъ примѣненіямъ. Замѣчательно, что она еще была напечатана не только въ первомъ Смирдинскомъ изданіи, 1847 года (гдѣ Хемницеръ соединенъ былъ съ Кантемиромъ), но и въ изданіи Глазунова 1849. Цензоромъ этого послѣдняго изданія, такъ же какъ и изданія 1852 г., былъ А. Крыловъ.

XXVII.

ПУСТОМЕЛЯ[1].

Изъ первыхъ шалуновъ молодчикъ,
Великій вертопрахъ, болтунъ и враль господчикъ, —
Который только въ то и жилъ
Что вѣсти собиралъ и вѣсти разносилъ,
Которыя его весь разумъ занимали,
И только лгать,
Молоть, болтать
Безперестанно заставляли,
А разсуждать о чемъ никакъ не допускали;
Который умныхъ всѣхъ глупцами называлъ,
Иль сдѣлать ихъ такими всѣхъ желалъ;
Который въ то одно старался,
Чтобъ людямъ голову вскружить,
Враньемъ своимъ бѣсить
И скуку наводить,
И всѣхъ до смерти былъ готовъ заговорить, —
Такой молодчикъ вдругъ къ писателю примчался,
И съ попыховъ къ нему бѣжитъ,
А самъ ужъ издали кричитъ:
Такъ! все за книгами, и все уединенны!
И все отъ свѣта удаленны,
И все бы вамъ читать,
И все бы вамъ писать!

И я таки не понимаю,
Какъ полно никогда васъ скука не возьметъ! —
«Я этого не примѣчаю»,
Писатель отвѣчалъ, «одинъ ли я, иль нѣтъ[a],
Когда за книгами сижу я въ размышленьи;
Но чувствую, что я теперь въ уединеньи.»

[a] Писателевъ ему на это былъ отвѣтъ:
Я этого никакъ не примѣчаю,
Одинъ ли я, иль нѣтъ (1779).

[1] Вольный переводъ разсказа Геллерта: Der gütige Besuch (Любезное посѣщеніе, кн. 1). Въ заключеніи переданы слѣдующіе два стиха подлинника:

Ich bin, sprach der Poet, noch nie allein gewesen,
Als seit der Zeit, da Sie zugegen sind.

Т. е. Я никогда еще не былъ одинъ до тѣхъ поръ, пока васъ тутъ не было.

Геллерту источникомъ послужила басня Абстемія: De agricola et poëta (Fabulae variorum auctorum. Francofurti, 1660, p. 565). Объ Абстеміи см. ниже прим. подъ басней *Зеленый оселъ*.

Пустомеля — одна изъ тѣхъ басенъ, которыя пропускались въ большей части посмертныхъ изданій Хемницера (см. выше, стр. 101).

XXVIII.

КОНЬ ВЕРХОВЫЙ[1].

Верховый гордый конь, увидя клячу въ полѣ
Въ работѣ подъ сохой
И въ нѣгѣ не такой,
И не въ уборѣ и не въ холѣ,
Какую гордый конь у барина имѣлъ,
Съ пренебреженіемъ на клячу посмотрѣлъ,
Предъ клячею крестьянскою бодрился[а]
И хвасталъ, чванился, и тѣмъ и сѣмъ хвалился.
«Что», говоритъ онъ клячѣ той:
«Бывалъ ли на тебѣ уборъ когда такой,
Каковъ уборъ ты видишь мой[б]?
И знаешь ли, меня какъ всякій почитаетъ:
Всякъ, кто мнѣ[в] встрѣтится, дорогу уступаетъ;
Всякъ обо мнѣ твердитъ и всякій похваляетъ.
Тебя же кто на свѣтѣ знаетъ?»
Несносна клячѣ спесь коня;
Пошелъ, хвастунъ! — ему на это отвѣчаетъ:
Оставь съ покоемъ ты меня.
Тебѣ ль со мной считаться
И мною насмѣхаться?
Не такъ бы хвастать ты умѣлъ,
Когда бы ты овса моихъ трудовъ не ѣлъ.

[а] Предъ клячею бодрился (1799).
[б] Какъ мой.
[в] Всякъ кто ни

[1] Подражаніе баснѣ Геллерта Das Kutschpferd (Каретная лошадь, кн. 2), откуда Хемницеръ воспользовался только разсказомъ, опустивъ совершенно нравоученье, которое онъ, вѣроятно по рѣзкости мыслей, не рѣшился воспроизвести. Вотъ оно въ переводѣ: «Вы, презирáющіе низшихъ, знатные тунеядцы, знайте, что самая гордость, съ какою вы на нихъ смотрите, самое преимущество ваше основаны на ихъ трудолюбіи. Ужели тотъ, кто

и себя и васъ питаетъ своими руками, не заслуживаетъ ничего иного, кромѣ презрѣнія? Положимъ, что твои нравы лучше: но этимъ преимуществомъ ты не себѣ обязанъ. Ибо если бъ ты произошелъ изъ ихъ хижинъ, то жилъ бы такъ же какъ они. А они были бы подобны тебѣ, или можетъ-быть и лучше тебя, если бъ были воспитаны какъ ты. Безъ тебя свѣтъ легко обойдется, а безъ нихъ существовать не можетъ.»

Это, очевидно, та же мысль, какая лежитъ въ основѣ басни Крылова: *Листы и корни* (см. Кеневича *Библіографическія и Историческія примѣчанія*, стр. 79).

XXIX.

ОСЕЛЪ-НЕВѢЖА.

На встрѣчу конь ослу попался,
Гдѣ путь весьма тѣсненекъ былъ.
Конь отъ осла почтенья дожидался,
И хочетъ, чтобъ ему дорогу уступилъ[а].
Однако, какъ оселъ учтивству не учился
И былъ такъ грубъ, какъ грубъ родился,
Онъ прямо на коня идетъ.
Конь вѣжливо ослу: «Дружокъ, посторонися[б],
Чтобъ какъ-нибудь намъ разойтися,
Иль дай пройти мнѣ напередъ.»
Однакоже оселъ невѣжей выступаетъ,
Коню проходу не даетъ.
Конь, видя это, самъ дорогу уступаетъ,
Сказавъ: «Добро, изволь ты первый проходить.
Я не намѣренъ правъ твоихъ тебя лишить
И самъ тобою быть[в]».

[а] Гдѣ путь тѣсненекъ былъ.
Почтенья отъ осла конь этотъ дожидался,
Хотѣлъ, чтобъ онъ ему дорогу уступилъ (1799).
[б] Конь вѣжливо ослу: «Нельзя ль посторониться.
[в] Сказавъ: «Добро, изволь ты прежде проходить.
Я не намѣренъ правъ твоихъ уничижить
И первенства тебя ослинаго лишить.»

XXX.

СЧАСТЛИВЫЙ МУЖЪ[1].

Дѣтина по уши въ красавицу влюбился,
И наконецъ, во что бъ ни стало то[а], рѣшился
Имѣть ее женой.
Не даромъ столько онъ красавицей плѣнился[б]:
Красавицы еще не видано такой.
Да полно вотъ бѣды какія:
Обыкновенно ужъ красавицы такія,
Чтó каждый, думаю, узналъ,
Кто въ этомъ случаѣ бывалъ:
Чѣмъ болѣе ихъ обожаютъ[в],
Тѣмъ болѣе онѣ суровыми бываютъ.
Дѣтина этотъ то жъ ужъ очень испыталъ[г].
Три года по своей красавицѣ вздыхалъ,
Стеналъ, страдалъ,
Терзался, рвался и крушился,
Однакоже не могъ никакъ ее склонить,
Чтобы любовь къ себѣ взаимну получить[д].
Что жъ? съ грусти наконецъ онъ странствовать пустился,
И для красавицы (чтó можетъ злѣе быть[е]!)
Въ дорогѣ съ бѣсомъ подружился
И письменно договорился
Во услуженіи его два года жить,

[а] … ни стало бы (1799).
[б] Не даромъ ею онъ плѣнился.
[в] Да та бѣда, въ чемъ всякъ, я чаю, искусился,
Что у красавицъ всѣхъ обычай есть дурной:
Чѣмъ болѣе по нихъ вздыхаютъ.
[г] Дѣтина это испыталъ.
[д] Этотъ стихъ исключенъ въ изд. 1799.
[е] Въ изд. 1779 г. между стихами 19 и 20 былъ еще стихъ:
И кто бы могъ вообразить?

Чтобы красавицу въ жену лишь получить[ж].
У бѣса тотчасъ все съ дѣтиною рѣшилось:
Рукописанье бѣсъ беретъ,
И слово честное дѣтинѣ бѣсъ даетъ[з];
А чтó обѣщано, и дѣломъ совершилось.
Хоть бѣсъ обыкновенно лжетъ,
Однако тутъ сдержалъ, чтó сказано имъ было.
И время трехъ недѣль еще не проходило[и],
Какъ для дѣтины день счастливый наступилъ:
Красавицу свою въ жену онъ получилъ.
Но что жъ? — и двухъ недѣль съ женой не проживаетъ,
Ужъ бѣса въ помощь призываетъ.
«Ахъ!» говоритъ ему: «не вѣдаешь всего
Ты горя моего:
Два года я тебѣ служить вѣдь обѣщался,
Когда красавицы тобой я домогался[і];
Но нѣтъ, избавь меня ты отъ нея, избавь,
А къ услуженію хоть годъ еще прибавь.»
Но бѣсъ той просьбы не внимаетъ[к];
А молодой
Въ добавокъ чорту годъ, въ добавокъ и другой,
И къ году годъ еще къ услугамъ прибавляетъ.
«Хоть тяжко», говоритъ, «у чорта быть слугой,
Однако легче все, чѣмъ съ злою жить женой.»

[ж] И на два года согласился
Себя ему закабалить,
Съ тѣмъ чтобъ его на ней женить (1799).
[з] И слово честное даетъ.
[и] И трехъ недѣль не проходило.
[і] Два года вѣдь тебѣ служить я обрекался,
Когда красавицы тобою домогался.
[к] А къ кабалѣ моей хоть годъ еще прибавь.
Но дьяволъ просьбѣ не внимаетъ (1799).

[1] Вольный переводъ басни Геллерта Der glücklich gewordene Ehemann (кн. 1).

XXXI.

БОГАЧЪ И БѢДНЯКЪ[1].

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ,
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
И будь скотина[а];
И кто бы ни былъ ты таковъ,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ[2],
Дѣтина будешь какъ дѣтина;
А бѣдный будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей, —
Того почтенья не дождется,
Какое богачу всегда ужъ воздается[б].

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ,
Но бѣдняка никто не только что не встрѣтилъ,
Ниже никто и не примѣтилъ[в],
Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ,
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;
Но каждый бѣдняку въ отвѣтъ
Короткое иль *да*, иль *нѣтъ*.
Привѣтствія ни въ комъ бѣднякъ нашъ не находитъ;
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью отходитъ.
Потомъ
За бѣднякомъ
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ,

[а] Этотъ стихъ въ изд. 1799 г. исключенъ.
[б] Какое ото всѣхъ богатымъ отдается (1799).
[в] Никто и не примѣтилъ.

И не имѣлъ богачъ сей ни заслугъ, ни чина,
И былъ прямая онъ скотина.
Чтожъ? богачу, сказать нельзя какой пріемъ[г]!
Всѣ встали передъ богачемъ;
Всякъ богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ;
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ,
И подъ руки его берутъ;
То тутъ,
То тамъ его сажаютъ;
Поклоны чуть ему земные не кладутъ,
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.

Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.
«Возможно ль, говоритъ ему,
Что такъ людей богатство ослѣпляетъ,
Достоинства того, кто бѣденъ, получаетъ,
А кто богатъ, того пороки прикрываетъ?
Куды какъ это огорчаетъ!» —
Дивишься ты чему!
Другой на это отвѣчаетъ,
Достоинствъ вѣдь взаймы не ищутъ никогда,
А денегъ завсегда[д].

[г] Хотя заслугой, ни умомъ,
Ни чиномъ онъ не отличался,
Но только въ двери показался, —
Сказать нельзя какой пріемъ! (1799).
[д] «Зачѣмъ», онъ говоритъ ему,
«Достоинствамъ, уму
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?» —
Легко, мой другъ! понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякой занимаетъ.

[1] Разсказъ подъ такимъ же заглавіемъ есть и у Геллерта (Der Arme und der Reiche), но содержаніе совсѣмъ другое.

[2] Явный намекъ на Бирона.

XXXII.

ЛЬВИНЫЙ УКАЗЪ[1].

«Такое-то число и годъ,
«По силѣ даннаго велѣнья,
«Рогатый крупный, мелкій скотъ
«Имѣетъ изгнанъ быть изъ львинаго владѣнья,
«И долженъ выходить не въ сутки, въ одинъ часъ»
Такой объявленъ былъ львомъ пагубный указъ[а],
И всѣ повиновались:
Отправился козелъ, бараны въ путь сбирались,
Олень и волъ и всѣ рогатые скоты.—
А ты, косой, куды?—
«Ахъ, кумушка, бѣды[б]!»
Трусливый зайчикъ такъ лисицѣ отзывался,
А самъ совался
И метался:
«Я видѣлъ тѣнь ушей моихъ;
Боюсь, сочтутъ рогами ихъ
Министры львины. Ахъ! зачѣмъ я здѣсь остался[в]?
Опаснѣйшими ихъ рогами обнесутъ».—
Ума въ тебѣ не стало: это уши[г]!
Лисица говоритъ.—«Рогами назовутъ:
Пойдутъ и уши тпруши[2]!»

[а] И долженъ выходить тотчасъ.
Такой отъ льва звѣрямъ объявленъ былъ указъ (1799).
[б] И заяцъ по слѣдамъ въ догонку ихъ. — А ты,
Косой, куды?
Кричитъ ему Лиса. — Ахъ, кумушка, бѣды!
[в] Ахти! зачѣмъ я здѣсь остался? (Слова «Министры львины» въ изд. 1799 г. исключены).
[г] Ума въ тебѣ, косой, не стало: это уши! (1799).

[1] Въ двухъ первыхъ изданіяхъ Хемницера, надъ заглавіемъ этой басни были выставлены слова: «Вольное подражаніе Лафонтену», а въ оглавленіи, она и слѣдующая за ней басня «Заяцъ, обойденный при произвожденіи»

(двѣ послѣднія въ 1-й части) были обозначены словами: «Чужія басни». Въ посмертномъ изданіи 1799 года онѣ уже и въ текстѣ, какъ въ оглавленіи, были помѣщены подъ этимъ названіемъ. Какъ разумѣть эти слова, сказать трудно. Выше, въ «біографическихъ извѣстіяхъ» (см. стр. 32), уже высказано о томъ предположеніе, которое по видимому подтверждается и надписью, сдѣланною, какъ упомянуто, надъ заглавіемъ басни *Львиный указъ*, потому что подобныхъ надписей нѣтъ при прочихъ заимствованныхъ басняхъ. Во всѣхъ посмертныхъ изданіяхъ, до сихъ поръ, эти двѣ мнимо-чужія басни печатались въ концѣ сборника.

Басня *Львиный указъ* дѣйствительно заимствована изъ Лафонтена (Les oreilles du lièvre, кн. IV, 5).

[2] *Труши* — зовъ коровы, слѣдовательно намекъ на рога.

XXXIII.

ЗАЯЦЪ ОБОЙДЕННЫЙ ПРИ ПРОИЗВОЖДЕНИИ[1].

Случилося у льва въ чины произвожденье.
За службу должно награждать;
Но я хочу сказать,
Что злоупотребленье
И въ скотской службѣ есть.
«Ну какъ безъ огорченья
Возможно службу несть,
Когда достоинство всегда безъ награжденья?»
Такъ заяцъ говорилъ
(Обиженъ заяцъ былъ
И обойденъ считался):
«Я предъ лицомъ служу, а зайцемъ же остался[a]!
Медвѣдь сталъ господинъ,
И волка наградили;
Лисицу черезъ чинъ

[a] Мартышка говоритъ,
На льва разсержена
Обижена была она
И обойденною считалась:
«Передъ лицомъ служа, мартышкой я осталась (1799).

Судьею посадили
Въ курятникѣ рядить:
Случится же судью такъ кстати посадить!
А гдѣ они служили?
Край свѣта, на войнѣ; и то
Не вѣдаетъ еще никто,
Что били ли они, или самихъ ихъ били.
А я
Хотя не воинъ,
Хотя и не судья,
Извѣстна служба льву моя;
Извѣстно, я[б] чего достоинъ.» —
Да гдѣ ты, другъ, служилъ?
Барсукъ его спросилъ[в]. —
«Передъ самимъ царемъ два года съ половиной
Я всякій день шутилъ;
А онъ меня сравнилъ[г]
Теперь съ другой скотиной,
Котора ничего не дѣлала нигдѣ!» —
Ты шутствовалъ вездѣ[д],
И чиномъ наградить тебя бы было должно;
Твой также трудъ не малъ!
Барсукъ ему сказалъ[е]:
Но произвесть тебя по службѣ невозможно:
Ты знаешь вѣдь, мой свѣтъ,
Что оберъ-шутовъ въ службѣ нѣтъ.

[б] кто (1799).
[в] Да гдѣ жъ служила ты? барсукъ ее спросилъ.
[г] Шутила всякой день; а онъ меня сравнилъ.
[д] Шутила ты вездѣ.
[е] Барсукъ ей отвѣчалъ.

[1] См. примѣчаніе къ предыдущей баснѣ.

Въ посмертномъ изданіи было сочтено нужнымъ замѣнить зайца *мартышкой*, чтó можно видѣть изъ помѣщаемыхъ нами подъ текстомъ варіантовъ. Причиною этой перемѣны была вѣроятно мысль, что шутовство болѣе идетъ къ обязьянѣ, нежели къ зайцу.

БАСНИ и СКАЗКИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БАСНИ и СКАЗКИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXXIV.

ДВОРОВАЯ СОБАКА[1].

Жила у барина собака на дворѣ
Въ такомъ довольствѣ и добрѣ,
Въ какомъ бывало жилъ чернецъ въ монастырѣ;
Всего же болѣ:
Что жить могла на волѣ.
Сосѣдъ, который въ домъ къ боярину ходилъ,
Собаку эту полюбилъ[а],
Да какъ достать ее, не знаетъ:
Просить боярина объ ней онъ не хотѣлъ;
Украсть ее — бездѣльствомъ счелъ.
«Нѣтъ, надобно, онъ разсуждаетъ,
Скромнѣе поступить[б],
И тонкимъ образомъ собаку ту сманить.»

[а] Жила на волѣ.
Сосѣдъ какой-то въ домъ ходилъ,
Собаку полюбилъ (1799).

[б] Честнѣе поступить.

Бездѣльство тонкое бездѣльствомъ не считаетъ,
И всякій разъ, когда бывало ни придетъ,
Рѣчь о собакѣ заведетъ:
При ней самой ее какъ можно выхваляетъ,
А барину пенять начнетъ,
Что содержаніе ей у него худое[в]:
«Нѣтъ, у меня житье ей было бъ не такое;
Иного я куска и самъ бы ѣсть не сталъ,
Да этой бы собакѣ далъ;
Всегда бы спать съ собою клалъ.
А у тебя она лишь кости подбираетъ,
И какъ случится спитъ!»
Все, что̀ сосѣдъ ни говоритъ,
Собака правдою считаетъ
И думаетъ: Что? можетъ-быть и впрямь[г]
Еще мнѣ лучше будетъ тамъ,
Хоть хорошо и здѣсь... отвѣдать бы пуститься;
А худо — и назадъ вѣдь можно воротиться. —
Подумала, да и съ двора долой,
Къ сосѣду прямо прибѣжала.
Живетъ дней нѣсколько, и мѣсяцъ и другой;
Не только что куска того не получала,
Котораго, сосѣдъ сказалъ,
Не съѣлъ бы самъ, а ей бы далъ, —
И костью съ нуждою случится
Собакѣ въ праздникъ поживиться.
Спать — хуже прежняго спала;
А сверхъ того еще привязана была.

И подѣломъ: зачѣмъ сбѣжала?
Впередъ, собака, знай, когда еще не знала,

[в] Хозяину пенять начнетъ,
Что содержанье ей худое (1799).

[г] И думаетъ: А что, вѣдь можетъ-быть и впрямь

Что многіе умѣютъ мягко стлать,
Да жестко спать.

Собаки добрыя съ двора на дворъ не рыщутъ,
И отъ добра добра не ищутъ.

[1] Въ изданіи 1782 года заглавіе: *Дворная собака*, но уже въ первомъ посмертномъ: «дворовая».

XXXV.
ВЕЛИКАНЪ И КАРЛИКИ.

Купались карлики. Къ нимъ великанъ пришелъ,
Который тожъ хотѣлъ[а]
Купаться;
Да видитъ, для него рѣка
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ они купаются, мелка.
Ихъ спрашивать и добиваться:
Не знаютъ ли, гдѣ глубина?
«Поди туда, ему сказали:
Вотъ тамъ она»,
И мѣсто указали.
Однакоже рѣка
Для великана все мелка,
Чтобы купаться[б].
Еще у нихъ онъ добиваться.
«Ну! говорятъ: такъ тамъ такая глубина,
Что не найдешь и дна!
Мы черезъ это мѣсто плыли.»
Но все, гдѣ карлики и дна не находили,
Въ бродъ переходитъ великанъ.

Иному и въ дѣлахъ лужайка — океанъ.

[а] И тожъ хотѣлъ (1799).
[б] Нельзя ему купаться.

XXXVI.

ВОЛЧЬЕ РАЗСУЖДЕНЬЕ.

Увидя волкъ, что шерсть пастухъ съ овецъ стрижетъ,
«Мнѣ мудрено, сказалъ: и я не понимаю,
Зачѣмъ пастухъ совсѣмъ съ нихъ кожу не деретъ.
Я, напримѣръ, такъ я всю кожу съ нихъ сдираю,
И то жъ въ иныхъ дворахъ господскихъ примѣчаю.
Зачѣмъ бы и ему не такъ же поступать?»
Слонъ, волчье слыша разсужденье,
Я долженъ, говоритъ, тебѣ на то сказать:
Ты судишь такъ какъ волкъ, а пастухово мнѣнье —
Овецъ своихъ не убивать.
Съ тебя, да и съ господъ иныхъ примѣры брать,
Не будетъ наконецъ съ кого и шерсть снимать.

XXXVII.

ЖЕЛАНІЕ КОЩЕЯ.

«Вотъ эту бъ тысячу мнѣ только докопить,
А тамъ ужъ стану я довольствуяся жить[a]»,
Сказалъ кощей, давно ужъ тысячи имѣя.
Сбылось желаніе кощея,
И тысячу онъ докопилъ;
Однакоже кощей все недоволенъ былъ.
«Нѣтъ, тысячу еще; а ту когда достану,
Я, право, болѣе желать уже не стану».
Увидимъ. Тысячу и эту онъ досталъ,
Однако слова не сдержалъ,
И тысячу еще желаетъ;
Но ужъ послѣднюю, въ томъ точно увѣряетъ.
Теперь онъ правду говорилъ:

[a] А тамъ я стану жить (1799).

Сегодня тысячу и эту докопилъ,
А завтра умеръ онъ; и все его имѣнье
Досталося по немъ другимъ на расточенье.

Когда бъ кощей иной,
Доходъ пріумножая свой,
Еще сегодня догадался,
И пользоваться имъ старался!

XXXVIII.

ПАУКЪ И МУХИ.

«Постой, паукъ сказалъ:
Я чаю, я нашелъ причину,
Зачѣмъ еще большой я мухи не поймалъ,
А попадается все мелочь: дай, раскину
Пошире паутину;
Авось-либо тогда поймаю и большихъ».
Раскинувъ, нажидаетъ ихъ:
Все мелочь попадаетъ;
Большая муха налетитъ, —
Прорвется и сама, и паутину мчитъ.

А это и съ людьми бываетъ,
Что маленькимъ, куда
Ни обернись, бѣда:
Воръ напримѣръ большой, хоть въ кражѣ попадется,
Выходитъ правъ изъ-подъ суда;
А маленькій наказанъ остается [1]!

[1] Какъ тутъ не вспомнить Крыловскаго заключенія къ баснѣ *Вороненокъ*:

«Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ,
Коль мелкій плутъ
Большому плуту подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ».

XXXIX.

ЧЕРВИ[1].

Прекраснымъ садомъ кто-то шелъ
И въ немъ гнѣздо червей нашелъ.
А черви гадина такая
Въ саду, какъ язва моровая.
Какъ недруговъ такихъ
Найти[а], и не напасть на нихъ?
Не вытерпишь никакъ[б], чтобъ саду не вредили.
И тотъ, кто по саду ходилъ,
Взявъ палку, ихъ гнѣздо разрылъ[в].
Лишь только ихъ разворошили,
Всей кучею они на палку поползли,
Какъ будто бы войной противъ нея пошли[г].
На палку куча наступала,
А палка между тѣмъ все кучу разрывала.

Сатирой тронь дурныхъ писцовъ,
Не оберешься бранныхъ словъ[д].

[а] Пройти (1780).
[б] Разроешь хоть бы какъ...
[в] Взялъ палку и гнѣздо ихъ взрылъ.
[г] Какъ будто приступомъ пошли.
[д] Въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* 1780 послѣ этого еще два стиха:
Да полно пусть они бранятся:
Сатира можетъ имъ тѣмъ болѣе смѣяться.

[1] О полемическомъ значеніи этой басни и первоначальномъ ея появленіи въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* за сентябрь 1780 года было уже упомянуто выше (см. стр. 33). Подъ текстомъ помѣщаю варіанты тогдашней редакціи. Въ названномъ журналѣ басня эта напечатана рядомъ съ извѣстною «застольною пѣснею» Державина *Кружка* (безъ именъ авторовъ). Любопытно, что въ той же книжкѣ *Вѣстника*, въ отдѣлѣ: «Извѣстіе о новыхъ книгахъ», дано мѣсто замѣткѣ о первомъ изданіи басенъ Хемницера, появившемся подъ именемъ N... N...

XL.

ПРИВЯЗАННАЯ СОБАКА.

Въ неволѣ неутѣшно быть:
Какъ не стараться
Свободу получить?
Да надобно за все подумавъ приниматься,
Чтобы бѣды большой отъ малой не нажить.

Собака привязи избавиться хотѣла,
И привязь стала-было рвать;
Не рвется привязь: грызть ее... и переѣла.
Но тою жъ привязью опять,
Которой связанны концы короче стали,
Короче прежняго собаку привязали.

XLI.

ХИТРЕЦЪ[1].

Когда-то въ Лондонѣ хитрецъ одинъ сыскался,
Который публикѣ въ листочкахъ обѣщался,
Что въ узенькій кувшинъ онъ весь, каковъ онъ есть,
Съ руками
И съ ногами
Въ такой-то день намѣренъ влѣзть.
При чемъ кувшину онъ рисунокъ прилагаетъ,
Почтенныхъ зрителей покорно приглашаетъ
За входъ по стольку-то платить;
Начало ровно въ шесть часовъ имѣетъ быть.

Пошли по городу листы. — «Ба! что такое?

Въ кувшинъ залѣзть? Что онъ, съ ума сошелъ?
Пустое!
Гдѣ это слыхано? Да и дуракъ пойметъ,
Что способу тутъ нѣтъ,
Хоть какъ ни сталъ бы онъ ломаться.
Однако, чтобы посмѣяться,
Пойдемъ и поглядимъ, чтò это за чудакъ».
Ужъ съ черные взапуски кареты поскакали;
И ѣдучи купецъ съ милордомъ доказали,
Что нѣтъ физической возможности никакъ
Ему въ кувшинѣ умѣститься.
«Положимъ, говоритъ
Купеческа жена, что это онъ смудритъ
И какъ-нибудь въ кувшинъ втѣснится;
Да вотъ что мудрено: какъ въ шейку-то пролѣзть?
Однакоже пора: ужъ безъ четверти шесть.
Эй, кучеръ, погоняй!» — Полгорода, собравшись,
Почти безъ памяти на тотъ кувшинъ глядитъ,
Который хитреца великаго вмѣститъ.
«Чтожъ, скоро ли? одинъ другому говоритъ:
Пора бы ужъ начать». Кто палкою стучитъ,
Кто топаетъ ногой. Но долго дожидавшись,
Узнали, что хитрецъ и съ деньгами пропалъ.

Какихъ, подумаешь, обмановъ не бываетъ!
Тотъ тѣмъ, другой другимъ обманщикъ промышляетъ.
Вотъ я у насъ такого зналъ,
Который о себѣ въ народѣ насказалъ,
Что можетъ видѣться съ духами,
Всѣмъ ихъ показывать и съ ними говорить;
Болѣзни всѣ лѣчить
Одними порошками.
И собирались тожъ къ нему смотрѣть духовъ,
И порошки его въ болѣзняхъ принимали:

Однако же духовъ, какъ слышно, не видали;
А отъ чудесныхъ порошковъ
Скорѣе нежели отъ прочихъ умирали.

[1] Вольный переводъ разсказа «Hans Nord» изъ Геллерта (кн. 3), которому источникомъ послужилъ анекдотъ, случившійся въ Лондонѣ и перепечатанный въ нѣмецкихъ газетахъ. Но заключеніе у Хемницера совершенно оригинальное, написанное вѣроятно по поводу продѣлокъ Каліостро, бывшаго въ Петербургѣ въ 1779 году.

XLII.

СОЛОВЕЙ И ВОРОНЫ.

Кто какъ ни говори, что будто нѣтъ страстей
Въ животныхъ, какъ и межъ людей [а];
А зависть въ нихъ бываетъ,
И можетъ-быть людской еще не уступаетъ.

Свистъ соловья каковъ, извѣстно безъ того,
Чтобы хвалить его.
Чтожъ? вздумай на него воронья чернь озлиться
Изъ зависти, что онъ, когда бы пѣть ни сталъ,
Всѣхъ голосомъ своимъ прельщалъ [б].
«Намъ должно, говорятъ другу другу, согласиться,
Чтобъ соловью не дать ужъ больше отличиться,
Всѣмъ вмѣстѣ съ нимъ запѣть: когда онъ пѣть начнетъ,
То голосъ весь его за нашимъ пропадетъ;
А если онъ и тутъ надъ нами верхъ возьметъ,

[а] Въ животныхъ и другихъ, какія межъ людей (1782).
[б] Какъ свищетъ соловей, извѣстно въ свѣтѣ всѣмъ:
Что много говорить объ немъ?
Но вздумай на него воронья чернь озлиться
Изъ зависти, что онъ, когда ни запоетъ,
Пріятнымъ пѣніемъ людей къ себѣ влечетъ (1799).

Такъ будемъ сказывать, что дурно онъ поетъ,
Всѣмъ тѣмъ, которые ни стали бъ имъ прельщаться[в].
Что? долго ли ему и впрямь торжествовать,
А намъ съ стыдомъ предъ нимъ воронамъ оставаться?»
И только соловей свистать,
Воронье стадо ну кричать!
Но голосъ соловья не только не терялся,
Пріятнѣе еще по рощѣ раздавался.
Другой бы голосъ можетъ-быть...
Да голосъ соловья хотѣли заглушить!
Теперь хотѣлъ бы я спросить:
Кого съ воронами поставить здѣсь въ сравненье?

Мое бы мнѣнье:
Къ нимъ сочинителей негодныхъ примѣнить[г],
Которые на стать воронью поступаютъ,
Когда на авторовъ хорошихъ нападаютъ
И клеветой хотятъ ихъ славу помрачить.

[в] Всѣ вмѣстѣ запоемъ: когда онъ пѣть начнетъ,
То голосъ тутъ его за нашимъ пропадетъ;
А если и тогда надъ нами верхъ возьметъ,
Такъ будемъ мы кричать, что дурно онъ поетъ,
Всѣмъ тѣмъ, кто станетъ имъ прельщаться (1799).

[г] Мое простое мнѣнье:
Къ нимъ сочинителей иныхъ бы примѣнить.
(Этими двумя стихами и кончается басня въ посмертныхъ изданіяхъ).

XLIII.

ОПЛОШАЛАЯ ЛИСИЦА.

Лисица много норъ съ отнорками имѣетъ,
И какъ о томъ одинъ ученый разумѣетъ,
Такъ это для того: когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать, такъ было бы куда.

Одна какая-то лисица оплошала,
Такъ что съ отнорками норы не прокопала.
Казалось, ей норы довольно и глухой.
Я думаю, что лѣнь была тому виной
(А лѣнь частехонько бываетъ намъ бѣдой).
Охотники въ норѣ лисицу ту застали;
Куда? нѣтъ выходу! и въ ней ее поймали.

Когда съ лисицы вдругъ о людяхъ говорить,
Какъ впрямь того не похвалить,
Кто съ осторожностью и въ службѣ поступаетъ,
Что напередъ себя мѣстами запасаетъ?
Сталъ новый командиръ изъ мѣста выживать,
Другое есть, куда пристать;
Хоть впрочемъ иногда случится,
Гдѣ статскій чинъ сидѣлъ, военный очутится,
Да дѣло здѣсь о томъ: когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать, такъ было бы куда.

XLIV.

ПТИЧНИКЪ И ПТИЧКА[1].

Всѣ полководцы утверждаютъ,
Что хитростью подчасъ и силу побѣждаютъ,
А это точно такъ. Пришедши птичникъ въ лѣсъ,
Гнѣздо на деревѣ увидѣлъ и полѣзъ,
Чтобъ вынуть молодыхъ. Лишь только мать успѣла
Увидѣть птичника, то чтобъ спасти дѣтей,
Тотчасъ долой съ гнѣзда слетѣла,
И притвориться такъ умѣла,
Какъ будто[а] чуть жива; а птичникъ тутъ за ней,
Покинувши гнѣздо, гоняться,
Съ тѣмъ что когда поймаетъ мать,
Дѣтей ужъ послѣ доставать[б].
Лишь птичникъ станетъ приближаться,
Она впередъ все да впередъ;
То кой-какъ пробѣжитъ немного, то вспорхнетъ.
Такъ птичника она манила все, манила,
И отъ гнѣзда его все далѣ отводила[в],
Пока онъ отъ нея отсталъ,
А дерева съ гнѣздомъ ужъ больше не сыскалъ.

[а] Что будто (1799).
[б] Дѣтей успѣетъ онъ достать.
[в] И отъ гнѣзда его подалѣ отводила.

[1] Въ посмертныхъ изданіяхъ заглавіе: *Мальчикъ и птичка*, а въ слѣдствіе того и въ самомъ текстѣ вмѣсто *птичникъ* вездѣ поставлено *мальчикъ*.

XLV.
ДОМОВОЙ[1].

Пусть люди бы житья другъ другу не давали;
Да ужъ и черти тожъ людей тревожить стали!

Хозяинъ, говорятъ, одинъ какой-то былъ,
Которому отъ домового
Покою не было въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ:
Что ночь, то домовой пугать его ходилъ.
Хозяинъ, чтобъ спастись несчастія такого,
Все дѣлалъ, что̀ онъ могъ: и ладономъ курилъ,
Молитву отъ духовъ творилъ,
Себя и весь свой домъ крестами оградилъ;
Ни двери, ни окна хозяинъ не оставилъ,
Чтобъ мѣломъ крестика отъ чорта не поставилъ;
Но ни молитвой, ни крестомъ
Онъ отъ нечистаго не могъ освободиться.

Случилось стихотворцу въ домъ
Къ хозяину переселиться.
Хозяинъ радъ, что есть съ кѣмъ скуку раздѣлить;
А чтобъ ему смѣлѣе быть[a],
Когда нечистый появится,
Зоветъ его къ себѣ съ нимъ вечеръ проводить,
Потомъ просилъ его, чтобъ сдѣлать одолженье
Изъ собственныхъ стиховъ прочесть бы сочиненье[б],
И стихотворецъ, въ угожденье,
Одну изъ слезныхъ драмъ хозяину читалъ[2]
(Однако имя ей комедіи давалъ),
Которою хотя хозяинъ не прельщался,

[a] А чтобъ смѣлѣе быть (1799).
[б] Зоветъ онъ автора съ нимъ вечеръ проводить,
И проситъ сдѣлать одолженье
Прочесть ему свое творенье.

Да сочинитель самъ однако восхищался[а].
Нечистый духъ, какъ часъ насталъ,
Хозяину хоть показался,
Но и явленія не выждавъ одного,
По кожѣ подрало его
И стало не видать. Хозяинъ догадался,
Что домовой чего-то не взлюбилъ;
Другого вечера дождавшись, посылаетъ,
Чтобъ посидѣть опять къ нему писатель былъ,
Котораго опять читать онъ заставляетъ;
И онъ читаетъ.
Нечистый только лишь придетъ,
И тѣмъ же часомъ пропадетъ.
«Постой же, разсуждалъ хозяинъ самъ съ собою:
Теперь я слажу съ сатаною:
Не станешь болѣе ты въ домъ ко мнѣ ходить!»
На третью ночь одинъ хозяинъ нашъ остался.
Какъ скоро полночь стало бить,
Нечистый тутъ; но чуть лишь только показался,
«Эй, малый, поскорѣй! хозяинъ закричалъ:
Чтобъ стихотворецъ ту комедію прислалъ,
Которую онъ мнѣ читалъ».
Услыша это, духъ нечистый испугался,
Рукою замахалъ,
Чтобы слуга остался;
И словомъ, домовой
Пропалъ, и въ этотъ домъ ужъ больше ни ногой.

Вотъ если бы стиховъ негодныхъ не писали,
Которые мы такъ бранимъ,
Какимъ бы способомъ другимъ
Чертей мы избавляться стали?

[а] Да сочинитель восхищался (1799).

Теперь хоть тысячи бѣсовъ и домовыхъ
Къ намъ въ домы станутъ появляться,
Есть чѣмъ отъ нихъ
Обороняться!

[1] Вольный переводъ басни Геллерта Das Gespenst (кн. 1).

[2] «Въ подлинникѣ стихотворецъ читаетъ трагедію; Хемницеръ вывелъ его съ слезной комедіей, особымъ родомъ драмы, который въ то время входилъ въ моду» (А. Галаховъ, *Историч. Христом.* 1, 426).

XLVI.

СЛѢПЦЫ.

Шло нѣсколько слѣпцовъ, какъ всѣ слѣпые ходятъ,
Когда ихъ зрячіе не водятъ:
Почти, что шагъ пройдутъ,
Споткнутся или упадутъ.
Прохожій, чтобъ слѣпцамъ не столько спотыкаться,
Даетъ имъ палку опираться.
Взявъ палку, передомъ одинъ слѣпецъ пошелъ,
А за собой другихъ повелъ.
Пошли, другъ за друга держались,
И меньше прежняго при палкѣ спотыкались.
Вдругъ споръ между слѣпцовъ зашелъ:
Вожатымъ каждый быть хотѣлъ;
И споръ еще другой о палкѣ затѣваютъ:
Какого дерева почесть ее — не знаютъ[a].
Кто говоритъ,
Что палка та кленова;
Другой твердитъ:
Дубова.

[a] И между тѣмъ какъ споръ объ этомъ продолжаютъ,
Другой имъ вздумайся завесть:
Не знаютъ,
Какого дерева имъ палку ту почесть (Ркп.).

И ощупью слѣпцы хотятъ о томъ судить,
Что̀ должно зрячему глазами различить[6].
Слѣпцы не могутъ согласиться,
И все сильнѣе споръ о палкѣ становится.
Изъ спора въ споръ слѣпцы, потомъ до бранныхъ словъ
Уже доходитъ межъ слѣпцовъ;
А тамъ и въ драку межъ собою,
И палкою другъ друга тою,
Котора имъ дана была чтобъ ихъ водить,
Немилосердно бить.
Но все не думаютъ другъ другу уступить:
Хоть умереть, готовы драться,
А въ спорѣ не поддаться.
И до того не унялись,
Пока на смерть передрались.

Вотъ такъ слѣпцамъ во вредъ служило,
Что̀ въ пользу ихъ дано имъ было!
А этакихъ слѣпцовъ,
Отъ ересей и спорныхъ словъ,
Которые они разсѣяли въ законы,
На свѣтѣ не одни погибли милліоны.

[6] Что̀ должно зрячему рѣшить (1799).

XLVII.

ДРУЗЬЯ[1].

Давно я зналъ, и вновь опять я научился,
Чтобъ другомъ никого, не испытавъ, не звать.

Случилось мужику чрезъ ледъ переѣзжать,
И возъ его сквозь ледъ, къ несчастью, провалился.
Мужикъ метаться и кричать:
Ой, батюшки! тону, тону! ой, помогите! —
«Ребята! чтоже вы стоите?
Поможемте!» одинъ другому говорилъ,
Кто вмѣстѣ съ мужикомъ въ одномъ обозѣ былъ.
«Поможемъ», каждый подтвердилъ.
Но къ возу между тѣмъ никто не подходилъ;
А должно знать, что всѣ одной деревни были,
Друзьями межъ собою слыли,
Не разъ за братское здоровье вмѣстѣ пили;
А сверхъ того между собой,
Для утвержденія ихъ дружбы круговой,
Крестами даже помѣнялись.
Другъ друга братомъ всякъ зоветъ;
А братній возъ ко дну идетъ!
По счастью мужика, сторонніе сбѣжались,
И вытащили возъ на ледъ.

[1] Основная мысль та же, что въ разсказѣ Крылова: *Крестьянинъ въ бѣдѣ*.

XLVIII.

ЗАПАДНЯ И ПТИЧКА.

Задумалъ птичникъ птицъ ловить[а],
И западню ловить ихъ выставляетъ,
Наклавъ въ нее всего довольно ѣсть и пить.
А чтобы птицъ еще вѣрнѣе приманить,
Обманъ къ обману прибавляетъ,
И птичку въ западню сажаетъ,
Которую онъ изловилъ[б],
Когда тотъ самый онъ обманъ употребилъ,
Чтобъ птичка, въ клѣткѣ распѣвая,
Другимъ приманкою была,
И, голосомъ своимъ прельщая,
Подругъ своихъ въ тюрьму, какъ на добро, звала.
Одна изъ птичекъ налетѣла,
И къ западнѣ на голосъ птички той
Подсѣла.
Заглядываетъ къ ней со стороны, съ другой;
Но вдругъ, подумавши съ собой,
Нѣтъ, говоритъ: хоть сколько ты ни пой,
Сомнителенъ мнѣ голосъ твой:
Не спроста здѣсь и ты, да и запасъ такой!
Я, правда, цѣлый день не ѣла,
Однако въ тѣсноту такую не пойду,
А въ поле полечу: тамъ кормъ себѣ найду,
Какой я и всегда, хоть съ нуждою, имѣла.
А здѣсь готовое даютъ и ѣсть и пить,
Да тѣсно жить!

[а] Задумалъ кто-то птицъ ловить (1799).
[б] Котору изловилъ.

XLIX.

ЗАСЛУЖЕНЫЙ КОНЬ.

Былъ конь у барина, какихъ бываетъ мало:
Не конь, а кладъ,
Какъ говорятъ.
Скупого барина такого не бывало,
И только одного коня онъ и держалъ,
Который въ домѣ всю работу исправлялъ,
Какую бы и тремъ исправить въ пору было.
Конь сколько могъ служилъ; но время наступило,
Что больше ужъ не въ мочь пришло ему служить,
И по прямому бъ надлежало
Изъ благодарности коня по смерть кормить;
Но чувства въ баринѣ такого не бывало:
Конь въ тягость сталъ ему; онъ шлетъ его продать[а].
Но дряхлаго коня кто станетъ покупать?
Ведутъ его назадъ. «Ну, не хочу я болѣ
(Хозяинъ, осердясь, сталъ людямъ говорить)
Безпрокаго коня кормить:
Сгоните въ поле;
Пускай за службу самъ онъ кормится на волѣ».
И бѣднаго коня велѣлъ съ двора согнать.

Такого ли коню за службу воздаянья[б]
Возможно было ожидать?
Въ нашъ вѣкъ хозяинъ пропитанья[в]
Стыдился бы коню не дать.

[а] Конь въ тягость сталъ; онъ шлетъ продать (1799).
[б] Такое ли.... воздаянье (1782).
[в] ....пропитанье.

L.

ЗЕЛЕНЫЙ ОСЕЛЪ[1].

Какой-то съ умысла дуракъ
Взявъ одного осла, его раскрасилъ такъ,
Что станъ зеленый далъ, а ноги голубыя[a].
Повелъ осла казать по улицамъ дуракъ;
И старики и молодые,
И малый и большой,
Гдѣ ни взялись, кричатъ: «Ахти! оселъ какой!
Самъ зеленъ весь какъ чижъ, а ноги голубыя!
О чемъ слыхомъ доселѣ не слыхать.
Нѣтъ (городъ весь кричитъ), нѣтъ, чудеса такія
Достойно вѣчности предать,
Чтобъ даже внуки наши знали,
Какія рѣдкости въ нашъ славный вѣкъ бывали».
По улицамъ смотрѣть зеленаго осла
Кипитъ народу безъ числа;
А по домамъ окошки откупаютъ,
На кровли вылѣзаютъ,
Лѣса, подмостки подставляютъ.
Всѣмъ видѣть хочется осла, когда пойдетъ;
А всѣмъ итти съ осломъ дороги столько нѣтъ —
И давка кругъ[2] осла сказать нельзя какая:
Другъ друга всякъ толкаетъ, жметъ,
Съ боковъ и спереди и сзади забѣгая.

Чтожъ? — два дни первые гонялся за осломъ
Безъ памяти народъ въ каретахъ и пѣшкомъ.
Больные про болѣзнь свою позабывали,
Когда зеленаго осла имъ вспоминали;
И няньки съ мамками, ребятъ чтобъ укачать,
Кота ужъ полно припѣвать:

[a] Что весь зеленый сталъ, а ноги голубыя (1799).

Осла зеленаго ребятамъ припѣвали.
На третій день осла по улицамъ ведутъ:
Смотрѣть осла уже и съ мѣста не встаютъ,
И сколько всѣ объ немъ сперва ни говорили,
Теперь совсѣмъ объ немъ забыли.

Какую глупость ни затѣй,
Какъ скоро лишь нова[6], чернь безъ ума отъ ней.
Напрасно сталъ бы кто стараться
Глупцовъ на разумъ наводить:
Ему же будутъ насмѣхаться.
А лучше времени глупцовъ препоручить,
Чтобы на путь прямой попали;
Хоть сколько бы они противиться ни стали,
Оно умѣетъ ихъ учить[8].

[6] Поколь еще нова... (1799).

[1] Вольный переводъ разсказа Геллерта Der grüne Esel (кн. 1); нѣмецкій же авторъ почерпнулъ сюжетъ изъ басни Абстемія De vidua et asino viridi, которой содержаніе слѣдующее: вдова хочетъ вторично выйти замужъ, но боится насмѣшекъ; кума, желая доказать ей, что всякая странность поражаетъ только сначала, совѣтуетъ вдовѣ, у которой былъ бѣлый оселъ, выкрасить его въ зеленый цвѣтъ и водить по городу.

Лаврентій Абстемій (Abstemius) родился въ итальянскомъ городѣ Мачератѣ, въ концѣ 15-го столѣтія. Его настоящее имя было Bevilaqua. Онъ занималъ должность библіотекаря при урбинскомъ герцогѣ Гвидо Убальди и издалъ сборникъ басенъ подъ заглавіемъ Hecatomythium, такъ названный по числу ихъ (100), которое впослѣдствіи было имъ удвоено. Этотъ сборникъ первоначально былъ напечатанъ въ 1499 году, въ Венеціи, а потомъ являлся нѣсколько разъ вмѣстѣ съ баснями другихъ писателей, особенно Езопа, напр. въ изданіи, которымъ мы пользовались: Fabulae variorum auctorum etc. Francofurti 1660.

[2] *Кругъ*, въ видѣ нарѣчія, вм. *вкругъ*, въ обоихъ первоначальныхъ изданіяхъ (1782 и 1799).

[3] Кромѣ этого нравоученья, Хемницеръ, по примѣру Геллерта, хотѣлъ помѣстить другое и въ началѣ басни; въ памятной книжкѣ его читается замѣтка:

«Въ басню Зеленаго осла начало:
«Иной шутя дурачество заводитъ
И дураковъ прямыхъ наружу тѣмъ выводитъ»
или:
«Иной дурачество изъ шутки затѣваетъ
И множество глупцовъ прямыхъ тѣмъ обличаетъ».

11.

СОЛОВЕЙ И ЧИЖЪ[1].

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И чижъ и соловей висѣли
И пѣли.
Лишь только соловей бывало запоетъ,
Сынъ маленькій отцу проходу не даетъ:
Все птичку показать къ нему онъ приступаетъ,
Которая такъ хорошо поетъ[а].
Отецъ, обѣихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.
Ну, говоритъ: узнай, мой свѣтъ,
Которая тебя такъ много забавляетъ. —
Тотчасъ на чижика мальчишка указалъ:
«Вотъ, батюшка, она!» сказалъ,
И всячески чижа мальчишка выхваляетъ[б]:
«Какія перышки! куда какъ онъ пригожъ!
Затѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!»

Вотъ какъ мальчишка разсуждаетъ[в].
Да полно и въ житействѣ тожъ
О людяхъ многіе по виду заключаютъ:
Кто нарядженъ богато и пригожъ[г],
Того и умнымъ почитаютъ.

[а] Что эдакъ хорошо поетъ (1799).
[б] И мальчикъ отъ чижа въ великомъ восхищеньѣ
[в] Вотъ дѣтско разсужденье.
[г] Кто нарядженъ, богатъ, пригожъ.

[1] Вольный переводъ басни Геллерта Der Zeisig (кн. I).

LII.

ЛОШАДЬ СЪ ВОЗОМЪ.

Когда бъ приманчивость людьми не управляла,
Къ чему бъ тогда годился свѣтъ?
Куда бъ и не итти, теперь иной идетъ:
Приманчивость ведетъ.
А эта мысль мнѣ вотъ съ чего припала:
Я видѣлъ, лошадь возъ съ каменьями везетъ,
И очень лошадь ужъ пристала.
Возъ сѣна впереди идетъ;
То, чтобъ до сѣна ей добраться,
Она хоть черезъ мочь везти и надсѣдаться,
И такъ впередъ все шла, да шла,
Пока возъ съ камнями до мѣста довезла.

LIII.

ПОПУГАЙ.

У барина былъ попугай,
Который какъ-то невзначай
Отъ барина изъ дому
Въ окошко залетѣлъ
Къ крестьянину простому;
И только прилетѣть успѣлъ,
Заговорилъ, что разумѣлъ.

Нерѣдко чернь, когда чего не понимаетъ[а],
За дьявольщину почитаетъ.
Мужикъ словесныхъ птицъ не видывалъ такихъ[б],
И слышать не слыхалъ объ нихъ:

[а] Простой народъ все то, чего не понимаетъ (Ркп.).
[б] Крестьянинъ птицъ такихъ родяся не видалъ.

Счелъ, что влетѣла въ домъ духовъ нечистыхъ сила [в].
Жена его тотчасъ молитву сотворила,
И какъ на выдумки хитрѣй его была
(Такъ какъ и вообще считаютъ,
Что будто жены всѣ хитрѣй мужей бываютъ [г]),
Скорѣй горшокъ гдѣ ни взяла,
И попугая имъ накрыла;
А сверхъ того
Крестомъ его,
Чтобъ крѣпче онъ сидѣлъ, накрывши заградила.
«Сиди же!» говоритъ;
И попугай мой подъ горшкомъ сидитъ.
Межъ тѣмъ взыскались попугая;
Людей вездѣ, куда лишь можно, разсылая,
Сыскали какъ-то слѣдъ. Пришли и подъ горшкомъ
Нашли его чуть-чуть живого [д].

На это что́ сказать иного:
Бѣда попасть съ умомъ
Къ невѣждѣ въ домъ!

[в] ...... діявольская сила (Ркп.).
[г] Этихъ двухъ стиховъ, отдѣленныхъ скобками, не было въ первоначальной черновой редакціи.
[д] Сыскали какъ-то слѣдъ; пришли
И подъ горшкомъ нашли
Его чуть-чуть живого (1799).

LIV.

ЛОШАДЬ И ОСЕЛЪ[1].

Добро, которое мы дѣлаемъ другимъ,
Добромъ же служитъ намъ самимъ[а],
И въ нуждѣ надобно другъ другу
Всегда оказывать услугу.

Случилось лошади въ дорогѣ быть съ осломъ,
И лошадь шла порожнякомъ,
А на ослѣ поклажи столько было,
Что бѣднаго совсѣмъ подъ нею задавило.
«Нѣтъ мочи, говоритъ: я право упаду,
До мѣста не дойду».
И проситъ лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одолженье,
Хоть часть поклажи снять съ него.
«Тебѣ не стóитъ ничего,
А мнѣ бъ ты сдѣлала большое облегченье»,
Онъ лошади сказалъ. —
Вотъ, чтобъ я съ ношею ослиною таскалась! —
Сказала лошадь, отказалась[б].

Оселъ потуда шелъ, пока подъ ношей палъ.
И лошадь тутъ узнала,
Что ношу раздѣлить напрасно отказала,
Когда ее одна[в]
Съ ослиной кожей несть была принуждена.

[а] Въ добро послужитъ намъ самимъ (1799).
[б] Сказала лошадь и помчалась.
[в] Когда ее нести одна
Съ ослиной кожею была принуждена.

[1] По баснѣ Лафонтена Le Cheval et l'âne (livr. VI, 16), заимствованной изъ Езопа. Есть и у Сумарокова переводъ этой басни.

LV.

ДВА КУПЦА[1].

Кощей, ты дурно поступаешь,
Когда лишь въ то живешь, что деньги собираешь
И первымъ ихъ своимъ блаженствомъ почитаешь:
Ну, если часъ такой найдетъ,
Что деньги есть, да хлѣба нѣтъ?
Вотъ ты мнѣ смѣхомъ отвѣчаешь,
Да смѣхъ твой можетъ-быть пройдетъ:
Дай только разсказать мнѣ нѣчто напередъ.

Въ какомъ-то городѣ два человѣка жили,
Которы промысломъ купцами оба были.
Одинъ изъ нихъ въ то только жилъ,
Что деньги изъ всего копилъ;
Другой доходъ свой въ хлѣбъ оборотить старался.
Богатый деньгами товарищу смѣялся,
Что онъ все хлѣбомъ запасался.
Товарищъ смѣхъ его спокойно принималъ,
И хлѣбный свой запасъ все больше умножалъ.
Вдругъ войско къ городу съ осадой подступило;
Съ осадой наконецъ и голодъ наступилъ.
Теперь что̀ у кого запасу къ счастью было,
Тотъ тѣмъ въ сей крайности и жилъ.
Богатый деньгами кощей безъ хлѣба былъ;
Купить его ко всѣмъ по городу метался:
За хлѣбъ одинъ кощей всѣ деньги отдаетъ;
Однакоже никто и денегъ не беретъ.
Что въ деньгахъ, если хлѣба нѣтъ?
Товарищъ лишь одинъ прибѣжищемъ остался.
Кощей въ числѣ другихъ несчастныхъ первый былъ,
Который хлѣба попросилъ

У самого того, кому онъ насмѣхался,
Что тотъ все хлѣбомъ запасался.
Товарищъ и его питалъ,
И прочихъ жителей отъ голода спасалъ.
Какъ городъ взяли,
Всѣхъ жителей живыхъ застали,
А у кощея все богатство обобрали.
«Ну, что?» ему тогда товарищъ говорилъ:
«Гдѣ золото твое, и гдѣ бы самъ ты былъ,
Когда бъ я хлѣба не копилъ?»

[1] Эта басня была выпущена въ изданіи 1799 года, но возстановлена при перепечаткѣ 1811-го и потомъ въ Смирдинскихъ изданіяхъ (1847 и 1852); по примѣру Смирдина ее перепечаталъ и Глазуновъ въ 1849 году.

LVI.

СЧАСТЛИВОЕ СУПРУЖЕСТВО[1].

Вотъ, говорятъ, примѣровъ нѣтъ,
Чтобъ мужъ въ ладу съ женою жили
И даже и по смерть другъ друга бы любили.
Ой! здѣшній свѣтъ,
Привыкнувъ клеветать, чего ужъ не взнесетъ!
Не стыдно ли всклепать напраслину такую?
Впредь не повѣрю въ томъ я больше никому,
И слухъ такой сочту лишь за молву пустую.
Я самъ свидѣтелемъ тому,
Что и согласіе въ супружествахъ бываетъ,
И тотъ, кто этому не вѣритъ, согрѣшаетъ.
А васъ клеветниковъ, чтобъ навѣкъ устыдить,
Я буду вамъ примѣръ живой здѣсь говорить.
Послушайте. Чего бъ жена ни пожелала,
Мужъ исполнять все то за свято почиталъ;

А и жена, чего бъ и мужъ ни пожелалъ,
Равно безъ женскаго упрямства исполняла.
Одною ласкою и просьбою одной,
Какъ съ стороны, такъ и съ другой,
Взаимной волѣ угождали
И ссоры никогда между собой не знали:
Чтó нравилося ей, тó нравилось ему.
Когда жъ, бывало, чтó противно одному,
Противно было тó равно и для другого,
И я не видывалъ согласія такого[a],
Какое было между ихъ.
Какъ до вѣнца еще невѣста и женихъ
Стараются, чтобъ ихъ пороки скрыты были,
Такъ точно и они всегда,
Ставъ мужемъ и женой, взаимно ихъ таили,
Чтобъ въ домѣ не было досады никогда.
Послѣдній поцѣлуй, когда ужъ умирали,
Такъ страстенъ былъ, какъ тотъ, когда ихъ обвѣнчали;
И словомъ: жили до конца,
Какъ въ первый день живутъ, пришедши отъ вѣнца.
«А сколько лѣтъ ихъ вѣку было?» —
Да сколько лѣтъ? Съ недѣлю и всего;
А безъ того
На сказку бъ походило.

[a] Противно было то равно и для другого.
И я не видывалъ согласія такова (1799).

[1] Подражаніе пьесѣ Геллерта Die glückliche Ehe (кн. 2), написанной въ куплетахъ.

LVIII.

ДВА БОГАЧА.

Два были богача, и оба въ тяжбѣ были;
Причины же прямой я не могу сказать:
Кто можетъ все подробно знать?
Къ тому же толкъ инымъ дѣламъ приказнымъ дать
Не такъ-то чтобъ легко. Иные говорили,
Что споръ ихъ изъ куска земли;
Другіе,
Что будто бы долги какіе
Прапрадѣдовъ своихъ другъ на друга начли.
Такимъ-то и тягаться,
Которымъ кошелекъ поможетъ оправдаться
И у судей законъ и совѣсть откупить;
А недостаточные знаютъ[а]:
Безъ денегъ, какъ на торгъ, въ судъ не за чѣмъ ходить.
Приказной формою дѣла ихъ въ судъ вступаютъ,
И каждой сторонѣ ихъ стряпчіе ласкаютъ,
Что въ пользу дѣло окончаютъ[б].
Проходитъ годъ, другой, и близъ десятка лѣтъ,
Конца однако дѣлу нѣтъ.
Ужли судьи ихъ сговорились
Такъ долго дѣло не рѣшить[в]?
Вотъ тотчасъ клеветать и на судей взносить,
И думать, что они изъ взятокъ[г] согласились...
Какъ будто бы нельзя другимъ причинамъ быть,

[а] (Въ посмертныхъ изданіяхъ стихъ этотъ выпущенъ).
[б] Приказной формою дѣла и въ судъ вступили;
И каждой сторонѣ ихъ стряпчіе сулили,
Что въ пользу дѣло то пойдетъ (1799).
[в] Такъ долго дѣло волочить?
[г] взятковъ (1782).

Въ домъ стряпчаго снесли они, что̀ посулили;
Благодарятъ,
И впредь дарить его сулятъ.

Какъ это все происходило,
Что стряпчій отъ воровъ подарки принималъ
И съ ними въ радости на счетъ ихъ пировалъ,
Ужъ на дворѣ не рано было,
И сталъ гостей онъ унимать
Остаться переночевать;
А гости будто бы сперва не соглашались,
Однако ночевать остались.

Лишь только въ домѣ улеглись,
За промыслъ гости принялись:
Не только что свои подарки воротили,
Еще и стряпчаго пожитки расщечили;
Потомъ до соннаго добрались самого
И въ барышахъ ему бока отколотили,
Оставя чуть живымъ его.

Кто плутнями живетъ и плутнямъ потакаетъ,
Отъ нихъ и погибаетъ.

[1] По разсказу Геллерта Cleant (кн. 2).

LVIII.

ДВА БОГАЧА.

Два были богача, и оба въ тяжбѣ были;
Причины же прямой я не могу сказать:
Кто можетъ все подробно знать?
Къ тому же толкъ инымъ дѣламъ приказнымъ дать
Не такъ-то чтобъ легко. Иные говорили,
Что споръ ихъ изъ куска земли;
Другіе,
Что будто бы долги какіе
Прапрадѣдовъ своихъ другъ на друга начли.
Такимъ-то и тягаться,
Которымъ кошелекъ поможетъ оправдаться
И у судей законъ и совѣсть откупить;
А недостаточные знаютъ[а]:
Безъ денегъ, какъ на торгъ, въ судъ не за чѣмъ ходить.
Приказной формою дѣла ихъ въ судъ вступаютъ,
И каждой сторонѣ ихъ стряпчіе ласкаютъ,
Что въ пользу дѣло окончаютъ[б].
Проходитъ годъ, другой, и близъ десятка лѣтъ,
Конца однако дѣлу нѣтъ.
Ужли судьи ихъ сговорились
Такъ долго дѣло не рѣшить[в]?
Вотъ тотчасъ клеветать и на судей взносить,
И думать, что они изъ взятокъ[г] согласились...
Какъ будто бы нельзя другимъ причинамъ быть,

[а] (Въ посмертныхъ изданіяхъ стихъ этотъ выпущенъ).
[б] Приказной формою дѣла и въ судъ вступили;
И каждой сторонѣ ихъ стряпчіе сулили,
Что въ пользу дѣло то пойдетъ (1799).
[в] Такъ долго дѣло волочить?
[г] взятковъ (1782).

LX.

ДІОНИСІЙ И МИНИСТРЪ ЕГО.

Изволь пожалуй отвѣчать,
Такъ чтобъ и не солгать[1],
И правду не сказать.

О Діонисіи, я чаю, всякій знаетъ;
Извѣстно всѣмъ, каковъ онъ былъ[2].
Слухъ о дѣлахъ его и нынѣ ужасаетъ;
А каково жъ тому, кто при тиранѣ жилъ?
И я не радъ, что я объ немъ заговорилъ:
Не знаю, какъ бы поскорѣе,
Сказавъ объ немъ, чтó понужнѣе,
Оставить мнѣ его.

Разъ у министра своего
Потребовалъ онъ мнѣнье
(Когда какое-то, не помню, сочиненье
Въ стихахъ дурныхъ онъ написалъ),
Да съ тѣмъ, чтобъ онъ ему всю истину сказалъ.
Министръ привыкъ всегда безъ лести изъясняться,
И самъ тиранъ его за правду почиталъ,
И часто за нее прощалъ.
Стихи, онъ отвѣчалъ тирану, не годятся.
Но тутъ не могъ тиранъ отъ злости удержаться:
Подъ караулъ отдать министра приказалъ;
Самъ передѣлалъ сочиненье.
Спустя дней нѣсколько, министра онъ призвалъ,
Чтобъ вновь его услышать мнѣнье.
Министръ ему теперь никакъ не отвѣчалъ[a];
А къ караульному, который тутъ случился,
Оборотился,

[a] Министръ ему не отвѣчалъ (1799).

И говоритъ ему: «Я долженъ отвѣчать:
Такъ поведи меня подъ караулъ опять.»

[1] Начиная съ изданія 1820 года, этотъ стихъ печатался: «Да такъ чтобъ не солгать», — одна изъ поправокъ, которыя позволилъ себѣ издатель, А. Измайловъ. Онѣ означены имъ въ концѣ книги.

[2] У Геллерта есть басня Damocles, въ которой находимъ извѣстный анекдотъ о повѣшенномъ надъ головою Дамокла мечѣ; но впрочемъ она ничего не дала Хемницеру, кромѣ развѣ мысли заимствовать предметъ для разсказа изъ жизни сиракузскаго тирана.

LXI.

ЛѢСТНИЦА.

Все надобно стараться
Съ потребной стороны за дѣло приниматься;
А если иначе, все будетъ безъ пути.

Хозяинъ нѣкакій сталъ лѣстницу мести;
Да началъ, не умѣя взяться,
Съ ступеней нижнихъ месть. Хоть съ нижней соръ смететъ,
А съ верхней соръ опять на нижнюю спадетъ.
Не безтолковъ ли ты? ему тутъ говорили,
Которые при этомъ были:
Кто снизу лѣстницу мететъ? —

На что бы походило,
Когда бъ въ правленіи, въ какомъ бы то ни было,
Не съ вышнихъ степеней, а съ нижнихъ начинать
Порядокъ наблюдать?

LXII.

БЛАГОДѢЯНІЕ[1].

Весьма похвально поступаетъ,
Кто бѣднымъ помогаетъ;
И лучше самому хоть съ нуждою прожить,
Чтобъ бѣднымъ удѣлить.

Смирена такъ разбогатѣла,
Что чистымъ золотомъ вдругъ милліонъ имѣла.
Достатокъ сей
Достался по духовной ей.
Ну, говоритъ: теперь ничто не помѣшаетъ
Мнѣ въ нуждѣ бѣднымъ помогать.
Хвала Творцу за благодать!
Пускай лишь только пожелаетъ
Кто помощи моей. —
Лишь только молвила, и нищій у дверей:
«Подайте милостыню!» проситъ,
И просьбу съ жалостью такою произноситъ,
Что всякъ бы тронутъ былъ. Смирена, мѣры нѣтъ,
Чтó чувствуетъ и какъ за нищаго страдаетъ:
Суди Богъ, говоритъ, кто бѣдныхъ покидаетъ!
И нищему большой гнилой сухарь несетъ.

[1] Подражаніе пьесѣ Геллерта Die Gutthat (кн. 2), написанной въ куплетахъ.

LXIII.

ДѢЛЕЖЪ ЛЬВИНЫЙ[1].

Оселъ съ овцой, съ коровой и съ козой
Когда-то въ пайщики вступили,
И льва съ собою пригласили
На договоръ такой:
Что если звѣрь какой
На чьей-нибудь землѣ въ тенета попадется[а],
И звѣря этого удастся изловить,
То бъ въ случаѣ такомъ добычу раздѣлить[б]
По равной части всѣмъ, кому что доведется.

Случись,
Олень къ козѣ въ тенета попадись.
Тотчасъ другъ другу повѣстили,
И вмѣстѣ всѣ оленя задушили[в].

Дошло до дѣлежа. Левъ тотчасъ говоритъ:
Одна тутъ часть моя, и мнѣ принадлежитъ,
Затѣмъ что договоръ такой мы положили. —
«Объ этомъ слова нѣтъ!» — Другая часть моя,
Затѣмъ что я[г]
Львомъ называюсь
И первымъ между васъ считаюсь. —
«Пускай и то!» — И третья часть моя,
По праву: кто кого храбрѣе;
Еще четверту часть беру себѣ же я,
По праву: кто кого сильнѣе;

[а] На чьей-нибудь землѣ, случится, попадется (1782).
[б] То бы добычу раздѣлить (1799).
[в] И вмѣстѣ всѣ они оленя задушили.
[г] Затѣмъ что львомъ я
Называюсь.

А за послѣднюю лишь только кто примись,
То тутъ же и простись[a].

[a] То тутъ же съ жизнію простись.»

[1] Изъ Лафонтена (La génisse, la chèvre et la brebis), который заимствовалъ этотъ сюжетъ изъ Федра. По-русски ту же басню въ разныхъ видахъ находимъ: у Майкова (*Медвѣдь, волкъ и лисица*), у Сумарокова (*Левъ, корова, овца и коза*), у Державина (*Медвѣдь, лисица и волкъ*) и у Крылова (*Левъ на ловлѣ*).

LXIV.

ВОЛЯ И НЕВОЛЯ[1].

Волкъ, долго не имѣвъ поживы никакой,
Былъ тощъ, худой,
Такой,
Что кости лишь одни да кожа.
И волку этому случись
Съ собакою сойтись,
Которая была собой росла, пригожа,
Жирна,
Дородна и сильна.
Волкъ радъ бы всей душой съ собакою схватиться
И ею поживиться,
Да полно для того не смѣлъ,
Что не по немъ была собака
И не по немъ была бы драка.
Итакъ со стороны учтивой подошелъ,
Лисой къ ней началъ подбиваться,
Ея дородству удивляться
И всячески ее хвалить.
«Не стóитъ ничего тебѣ такимъ же быть»,

Собака говоритъ: «какъ скоро согласишься
Итти со мною въ городъ жить,
Ты будешь весь иной и такъ переродишься,
Что самъ себѣ не надивишься.
Что ваша жизнь и впрямь? Скитайся все, рыщи,
И съ горемъ пополамъ поѣсть чего ищи;
А даромъ и кускомъ не думай поживиться:
Все съ бою должно взять!
А это на какую стать?
Куда такая жизнь годится?
Вѣдь посмотрѣть, такъ въ чемъ душа-то, право, въ васъ?
Не ѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ испитые,
Поджарые, худые!
Нѣтъ, то-то жизнь-то какъ у насъ!
Ѣшь, не хочу, всего, чего душа желаетъ!
Послѣ гостей
Костей, костей,
Остатковъ отъ стола, такъ столько ихъ бываетъ,
Что некуда дѣвать!
А ласки отъ господъ, ужъ подлинно сказать!»
Растаялъ волкъ, услыша вѣсть такую,
И даже слезы на глазахъ
Отъ размышленія о будущихъ пирахъ.—
А должность отправлять за это мнѣ какую?
Спросилъ собаку волкъ. «Что? должность? ничего!
Вотъ только лишь всего:
Чтобъ не пускать на дворъ чужого никого,
Къ хозяину ласкаться
И около людей домашнихъ увиваться!»
Волкъ, слыша это все, не шелъ бы, а летѣлъ;
И лѣсъ ему такъ омерзѣлъ,
Что про него ужъ онъ и думать не хотѣлъ,
И всѣхъ волковъ себя счастливѣе считаетъ.
Вдругъ на собакѣ онъ дорогой примѣчаетъ,

Что съ шеи шерсть у ней сошла. —
— А это что̀ такое,
Что шея у тебя гола? —
«Такъ, это ничего, пустое.» —
Однако нѣтъ, скажи. — «Такъ, право ничего.
Я чаю,
Это отъ того,
Когда я иногда на привязи бываю.» —
На привязи? тутъ волкъ вскричалъ,
Такъ ты не все живешь на волѣ? —
«Не все, да полно, что въ томъ нужды?» песъ сказалъ.—
А нужды столько въ томъ, что не хочу я болѣ
Ни за что всѣхъ пировъ твоихъ:
Нѣтъ, воля мнѣ дороже ихъ;
А къ ней на привязи, я знаю, нѣтъ дороги! —
Сказалъ, и къ лѣсу дай Богъ ноги.

[1] Изъ Лафонтена: Le loup et le chien (I, 5). Эту же басню перевели Тредіаковскій и Сумароковъ. Первоначальный источникъ у Езопа: *Волкъ и собака.*

LXV.

ОСЕЛЪ ПРИГЛАШЕННЫЙ НА ОХОТУ.

Собравшись левъ звѣрей ловить,
Осла въ числѣ своихъ придворныхъ приглашаетъ,
Чтобъ на охоту съ нимъ сходить.
Оселъ дивится и не знаетъ,
Какъ милость эту разсудить,
Затѣмъ что этого родясь съ нимъ не случалось.
И сглупа показалось
Ему,
Что милость льва къ нему
Такая,
Его особу уважая.
«Вотъ, говоритъ,

Вся мелочь при дворѣ меня принебрегаетъ,
Бранитъ
И обижаетъ;
А самъ и царь,
Мой государь,
Сподобилъ милости, не погнушавшись мною:
Такъ, знать, чего-нибудь я стою.
И не дуракъ ли я, что всѣмъ я уступалъ?
Нѣтъ, полно уступать!» сказалъ.
Какъ членъ суда иной, что въ члены онъ попалъ,
Судейскую осанку принимаетъ[а],
Возносится и всѣхъ ни за что почитаетъ,
И чтó ни дѣлаетъ и чтó ни говоритъ,
Всегда и всякому, чтó членъ онъ подтвердитъ;
И ежели кого другого не поймаетъ,
Хотя на улицѣ къ ребятамъ радъ пристать,
И имъ, что членомъ онъ, сказать.
Въ письмѣ къ роднымъ своимъ не можетъ удержаться,
Чтобъ членомъ каждый разъ ему не подписаться;
И словомъ, весь онъ членъ, и въ домѣ отъ людей
Все членъ по немъ до лошадей[1]!

Такъ точно и оселъ мой началъ возноситься[б]:

[а] Судейску важную осанку принимаетъ (1799).
[б] Такъ точно и въ ослѣ, когда ему сказали,
Чтобъ на охоту шелъ, всѣ кости заплясали;
Надулся хвость его и холка напряглась,
И шерсть шерохая * вверхъ дыбомъ поднялась;
Пріосамилася походка вялой туши,
Сверхъ мѣры длинные скотины этой уши,
Впервые отъ роду его пріободрясь,
Ко удивленью всѣхъ приподнялися.
Кому бы только съ нимъ ни удалось сойтися,
Хрипучимъ голосомъ своимъ поетъ о томъ,
Что на охоту онъ сбирается со львомъ.
Всѣ, кто ни встрѣтится, должны посторониться,
И словомъ, мой оселъ не знаетъ какъ ступить,
Самъ бодрости своей не радъ.... (Ркп.).

* *Шерохій* — шершавый (*Толк. Сл.* Даля).

Не знаетъ какъ ему ступить;
Самъ бодрости своей не радъ. Чему-то быть!
Не всякому ослу случится
Льва на охоту проводить.
Да чѣмъ-то это все рѣшится?
Осла левъ на охоту брать.....
Чтобъ съ царской милостью ослу не горевать. —

Звѣрей, которыхъ затравили,
Всѣхъ на осла взвалили,
И съ головы до ногъ всего
Обвѣсили его.
Тогда оселъ узналъ, что взятъ онъ на охоту,
Не въ уваженіе къ нему, а на работу.

[1] Хемницеръ былъ членомъ ученаго собранія при Горномъ училищѣ (см. выше, стр. 9); по поводу этихъ стиховъ г. Галаховъ справедливо спрашиваетъ, не кроется ли въ нихъ намека на одного изъ членовъ названнаго собранія. *(Исторія русск. словесности*, I, 497).

LXVI.

ПРАЗДНИКЪ ДЕРЕВЕНСКІЙ [1].

Мы въ прихотяхъ своихъ того не разбираемъ,
Во вредъ ли, въ пользу ли намъ тó, чего желаемъ [а].

Сталъ праздникъ годовой въ деревнѣ наступать;
Кто празднику не радъ? Крестьяне дожидаться;
Всѣмъ тѣмъ, чтó надобно, на праздникъ запасаться,
И съ радости впередъ уже располагать [б],
Какъ погулять,
Попировать,

[а] Во вредъ ли, въ пользу ль намъ все то, чего желаемъ.
Приходитъ праздникъ годовой (1799).

[б] И въ радости такой
Сряжаться.

Самимъ какъ въ гости побывать,
И какъ гостей къ себѣ созвать.

Насталъ ихъ праздникъ, и настало
Ненастье съ праздникомъ, какого не бывало,
Такъ что ни вонъ изъ избъ. А правду всю сказать,
Такъ для народа
Тогда и погулять,
Какъ хороша погода.
А тутъ и дождь, и снѣгъ, и градъ,
Грязь по колѣни [в].
Крестьяне въ жалобу и въ пени;
Никто и празднику не радъ,
И къ богу вёдра приступили
(Язычники крестьяне были).
Помилуй, говорятъ: во весь мы круглый годъ
Покоя часу не имѣемъ [г]:
То пашемъ мы, то жнемъ, то сѣемъ,
Когда не на себя, такъ на своихъ господъ.
Недѣля намъ въ году, чтобы повеселиться,
И та вотъ прахомъ вся пошла!
Погода до того все хороша была;
Теперь на улицу не можно появиться.

«Неблагодарные!» богъ вёдра имъ сказалъ:
«Не знаете чего хотите.
Впередъ судьбу вы не гнѣвите.
Къ спасенью вашему я вамъ ненастье далъ:
Хлѣбъ на поляхъ у васъ совсѣмъ ужъ пропадалъ;
Зной жегъ его, а червь съѣдалъ [д].»

[в] И грязь гулякамъ по колѣни (1799).
[г] Часа покою не имѣемъ.
[д] Зной выжигалъ его, а червь его съѣдалъ (1782).

[1] По основной мысли и нравоученію, этотъ разсказъ напоминаетъ напечатанную выше (стр. 128) басню *Крестьянинъ съ ношею*.

LXVII.

СТАДНИКЪ.

Какой-то стадникъ шелъ,
И стадо при себѣ коней съ ослами велъ.
Кони какъ должно выступаютъ;
Ослы шагаютъ, не шагаютъ:
Все понуканья ждутъ.
Однакоже и тутъ
Не много стадникъ успѣваетъ.
Оселъ лѣнивый скотъ, объ этомъ всякій знаетъ,
Такъ понукать его не много помогаетъ.
И стадникъ погонялъ ословъ сперва пѣшкомъ[a],
Но наконецъ, уставъ, сѣлъ погонять верхомъ:
То пустится за тѣмъ, то за другимъ осломъ;
Того, другого понукаетъ;
Но столько же верхомъ, какъ пѣшій успѣваетъ;
И выбился и самъ изъ силъ,
И лошадей пристановилъ.

Такъ часто господинъ съ дурнымъ слугою бьется,
А за негоднаго и добрымъ достается!

[a] Оселъ лѣнивый скотъ, извѣстно это всѣмъ,
Такъ не проймешь его ничѣмъ.
И стадникъ погоняетъ
Ословъ сперва пѣшкомъ (1799).

LXVIII.

ВОИНЪ[1].

Во Франціи[а], никакъ, я право позабылъ,
Изъ воиновъ одинъ, который заслужилъ,
Чтобъ онъ пожалованъ крестомъ воинскимъ былъ,
Не получилъ сего однако награжденья.
Хоть часто кавалеромъ сталъ,
Кто отъ сраженья
Не разъ бѣжалъ,
Да чрезъ друзей чего иной не получалъ?
Прямая иногда заслуга не заслуга,
Когда предстателемъ кто не имѣетъ друга.
Достойный воинъ сей свою обиду сноситъ
И награжденія приличнаго не проситъ[б].
Увидѣвъ воина герой
Другой,
Который, съ нимъ служа, не разъ при томъ случался,
Какъ съ непріятелемъ бывало тотъ сражался
И побѣждалъ его: Возможно ль, говорилъ,
Что ты еще креста не получилъ,
Когда ужъ двадцать разъ его ты заслужилъ?
Я право въ просьбу бы вступилъ;
Авось-либо тебѣ его и дать прикажутъ. —
«Нѣтъ,» отвѣчалъ другой, «пускай мнѣ лучше скажутъ,
За что креста я не прошу,
А не за что́ я крестъ ношу[в]?»

[а] Въ Испаніи (1799).
[б] И награжденія не проситъ.
[в] А нежели за что я крестъ ношу (1782).

[1] Подражаніе разсказу Геллерта Emil (кн. 2); но у него рѣчь идетъ о должности, а у Хемницера объ орденѣ. Вотъ окончаніе нѣмецкой пьесы:

Ich, sprach Emil, will lieber dass man fragt,

Warum man mich doch ohn' ein Amt lässt leben,
Als dass man fragt: warum man mir ein Amt gegeben?

Т. е. Пусть лучше, сказалъ Эмиль, меня спрашиваютъ, зачѣмъ я остаюсь безъ должности, нежели — зачѣмъ мнѣ дана должность.

Понятно, почему друзья Хемницера, печатая этотъ разсказъ въ царствованіе императора Павла, въ первомъ стихѣ сочли нужнымъ замѣнить Францію Испаніей: съ Франціей была у насъ въ то время война.

БАСНИ и СКАЗКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ВВОДНОЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

После Хемницера осталось въ подлинныхъ его рукописяхъ довольно большое число басенъ, нигдѣ еще не напечатанныхъ и въ разной степени отдѣланныхъ. Друзья его Львовъ и Капнистъ, рѣшившись приготовить новое изданіе его басенъ, положили включить туда и не напечатанныя прежде, но сочли нужнымъ напередъ исправить и окончательно обработать их, а вмѣстѣ съ тѣмъ пересмотрѣть и изданныя при жизни его басни. Они раздѣлили между собой трудъ редакціи такимъ образомъ, что Львовъ занялся двумя первыми частями, а Капнистъ взялся составить изъ новыхъ басенъ третью часть. Исправленныя, а мѣстами и передѣланныя имъ 23 басни были собственной его рукой переписаны въ особую листовую тетрадь, потомъ еще разъ перепрaвлены (что видно изъ многихъ помарокъ и приписокъ его руки) и наконецъ, черезъ 15 лѣтъ по смерти Хемницера, напечатаны вмѣстѣ съ двумя первыми частями, исправленными Львовымъ. При этомъ сдѣланныя друзьями измѣненія вовсе не были оговорены, и мы бы даже ничего не знали о нихъ, если бъ до насъ не дошли какъ автографы Хемницера, такъ и рукописныя редакціи и отмѣтки обоихъ пріятелей. Между прочимъ, на обертке Капнистовой тетради сдѣлана рукою Львова слѣдующая много объясняющая надпись: «Просимъ о переписаніи сей третьей части, а первыя двѣ будутъ скоро поправлены и присланы». Уже на экземплярѣ 1-го изданія басенъ Хемницера видны поправки, сдѣланныя рукою Львова и отчасти принятыя баснописцемъ при 2-мъ изданіи.

Понятно, что при выборѣ посмертныхъ басенъ для печати, при расположеніи ихъ и наконецъ при своихъ поправкахъ, друзья руководились какъ своими личными эстетическими взглядами, такъ и другими сообра-

женіями, которыя теперь, во многихъ случаяхъ, не легко угадать. Мы видимъ только, что въ посмертномъ изданіи напечатаны далеко не всѣ оставшіяся послѣ Хемницера басни и что ничѣмъ не отличены однѣ отъ другихъ тѣ, которыя онъ самъ признавалъ уже окончательно отдѣланными, и остальныя, менѣе обработанныя въ его рукописяхъ.

Между тѣмъ для этого было очень явственное указаніе: 12 отдѣланныхъ басенъ были переписаны Хемницеромъ въ особую чистую тетрадь, а прочія оставлены въ первоначальныхъ черновыхъ редакціяхъ. Помянутая чистая тетрадь, оказавшаяся недавно въ рукахъ г. Надхина, была напечатана въ *Русской Старинѣ* 1872 г. (апрѣль, стр. 588—600); остальныя, черновыя рукописи переданы мнѣ еще до того внукомъ В. В. Капниста (см. выше стр. 2). Такое различіе въ степени отдѣлки посмертныхъ басенъ Хемницера прямо опредѣляетъ естественный порядокъ, въ какомъ онѣ должны быть изданы. Третья часть басенъ, сохраняя тотъ же объемъ, въ какомъ она до сихъ поръ печаталась, начинается у насъ 12-ю баснями, окончательно отдѣланными самимъ Хемницеромъ, а за ними идутъ прочія уже изданныя друзьями его; но, разумѣется, онѣ воспроизводятся нами въ томъ видѣ, въ какомъ остались послѣ автора. Наконецъ, вслѣдъ за третьей частью печатаются здѣсь, цѣликомъ или отрывками, остальныя посмертныя басни, до сихъ поръ еще не извѣстныя.

Поправки Капниста приводятся, когда можно, въ варіантахъ; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, по множеству мелкихъ измѣненій, оказалось необходимымъ помѣщать цѣликомъ, въ примѣчаніяхъ, его редакцію посмертныхъ басенъ Хемницера. Въ отношеніи къ формѣ поправки Капниста иногда составляютъ дѣйствительно улучшенія, но онѣ во всякомъ случаѣ нарушаютъ единство характера въ цѣломъ и, примѣшивая къ стихамъ чуждый элементъ, затемняютъ оригинальный образъ писателя. Надобно однакожъ отдать справедливость безкорыстной заботливости Львова и Капниста о славѣ своего покойнаго друга; нельзя не удивляться, какъ много труда они положили на то, чтобы басни его явились, по ихъ понятіямъ, достойными его памяти, сообразно съ тогдашними литературными требованіями.

БАСНИ и СКАЗКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

LXIX.

МУРАВЕЙ И ЗЕРНО[1].

Готовя муравей запасъ, нашелъ зерно,
Промежду мелкими одно
Зерно весьма, весьма большое.
Не муравью бы съ нимъ, казалось, совладать,
Да нѣтъ, дай муравью зерно большое взять.
«Зерно», онъ думаетъ, «такое
Одно на цѣлую мнѣ зиму можетъ стать»,
И потащилъ зерно большое.
Дорога вверхъ стѣны съ запасомъ этимъ шла:
Ну муравей тащить, трудиться
И вдоль стѣны съ зерномъ лѣпиться;
Вдругъ тягость все перемогла
И муравья съ стѣны и съ грузомъ сорвала,
И въ сторону зерно, а муравей — въ другую.

Не трогая струну людскую,

Мнѣ только муравью хотѣлось бы сказать,
Чтобъ свыше силъ не подымать.

[1] Хотя редакція Капниста отличается отъ подлинной лишь незначительными отмѣнами, но такъ какъ онѣ встрѣчаются почти въ каждомъ стихѣ, то и привожу здѣсь всю басню (за исключеніемъ оставленнаго безъ перемѣнъ нравоученія) въ томъ видѣ, какъ она напечатана въ посмертныхъ изданіяхъ:

Готовя муравей запасъ, нашелъ зерно *
Межъ мелкими одно
Весьма большое.
Не муравью бы имъ, казалось, и владать,
Да нѣтъ, затѣялъ онъ и эту ношу взять.
Зерно, онъ думаетъ, такое
Одно на цѣлую недѣлю можетъ стать,
И потащилъ зерно большое.
Дорога вверхъ горы утесистой была:
Ну, около зерна мой муравей трудиться,
Тащить, карабкаться, лѣпиться;
Но тяжесть трудъ перемогла
И муравья стремглавъ съ утеса сорвала:
Грузъ въ сторону летитъ, *а муравей — въ другую.*

* Курсивомъ означаются выраженія Хемницера, сохраненныя въ редакціи Капниста.

LXX.

ЛѢНИВЫЕ И РЕТИВЫЕ КОНИ[1].

Въ однихъ повозкахъ шли ретивые кони,
Въ другихъ лѣнивые. Пришедъ къ горѣ они,
Лѣнивые ни съ мѣста; стали.
А вѣдь въ дорогѣ не стоять,
Такъ должно что-нибудь начать.
Побившись, способу другого не сыскали,
Чтобъ помощь этому подать,
Какъ лошадей лѣнивыхъ
Вонъ выпрячь изъ возовъ и впрячь коней ретивыхъ.
Повозку только лишь взвезутъ,
Другую ихъ взвезти опять перепрягутъ.
Да чтожъ? Когда кормить обозъ остановили,
Всѣхъ на одну траву на тотъ же лугъ пустили.

Я самъ въ себѣ, случившись тутъ,
Подумалъ: вотъ житье какое!
Ретивому коню всегда работы вдвое,
А тотъ же кормъ, какой лѣнивому даютъ.

[1] Въ памятной книжкѣ первоначальный набросокъ этой басни, уже подъ тѣмъ же заглавіемъ, изложенъ такъ:

«Нѣкто ѣхалъ съ обозомъ, и доѣхавъ до горы, нѣкоторое число повозокъ стало. Лѣнивыя лошади не везутъ на гору. Хозяинъ, которому этотъ обозъ принадлежалъ, выпроводя прочія повозки, въ которыхъ лошади надежныя запряжены были, на гору, или же, выпрягая ихъ изъ одной повозки въ другую, которую какъ на гору взвезутъ, изъ нихъ вонъ да вонъ въ другія, которыя все еще подъ горой, впрягутъ; и такъ одну повозку за другою на гору встащилъ»....

«Ретивому коню всегда работы вдвое,
А конь лѣнивый все въ покоѣ».

Первый изъ этихъ двухъ стиховъ уцѣлѣлъ и въ окончательной редакціи.

Въ передѣлкѣ Капниста первые четыре стиха остались нетронутыми. Послѣ же того текстъ идетъ слѣдующимъ образомъ:

Ну! ну! и погонять;
Ни съ мѣста. — *Способа другого не сыскали*,
Какъ изъ возовъ коней лѣнивыхъ выпрягать,
А нелѣнивыхъ впрячь. Впрягли коней ретивыхъ,
Чтобъ вывезть на гору повозки за лѣнивыхъ:
Лишь только что одну взвезутъ,
Въ другую ихъ перепрягутъ*.
Когда жъ кормить обозъ остановили,
Всѣхъ на одну траву, на тотъ же лугъ пустили.
Случившися я тутъ,
Подумалъ: вотъ житье какое!
Ретивому коню всегда работы вдвое,
А тотъ же кормъ даютъ!

* Такъ было и въ черновой рукописи Хемницера.

LXXI.

КУРЫ И ГАЛКА[1].

Хозяинъ курамъ корму дать
Сталъ крохи хлѣба имъ кидать.
Крохъ этихъ поклевать
И галка захотѣла,
Да той отваги не имѣла[a],
Чтобъ подойти къ крохамъ. Когда жъ и подойдетъ,—
Кидая ихъ, рукой хозяинъ лишь взмахнетъ,
Все галка прочь да прочь, и крохъ какъ нѣтъ, какъ нѣтъ;
А куры между тѣмъ, какъ робости не знали,
Клевали крохи да клевали[b].

Во многихъ случаяхъ на свѣтѣ такъ идетъ,
Что счастіе иной отвагой получаетъ;
И смѣлый тамъ найдетъ,
Гдѣ робкій потеряетъ.

[a] И галка подлетѣла,
Да смѣлости той не имѣла (Ркп.).
[b] И смѣлый сыщетъ тамъ.

[1] Первоначально въ памятной книжкѣ планъ этой басни былъ запианъ слѣдующимъ образомъ:

«*Курицы и галка.* Хозяинъ курамъ хлѣбъ кидалъ. Хлѣбъ этотъ куры се клевали да клевали. Случилась галка тутъ же на дворѣ, которой оже покормиться хотѣлось. Да только къ крошкамъ подойдетъ (хозяинъ рошку лишь метнетъ), — она, взмаху боясся, опять отлетитъ да отлетитъ. [такъ куры между тѣмъ наклевались, а галка отъ робости осталась годною. Къ пріобрѣтенію счастья нерѣдко нужна бываетъ отвага. Нахалъ сегда найдетъ, гдѣ робкій потеряетъ».

Нашедши въ бумагахъ Хемницера эту басню въ томъ видѣ, какъ на выше напечатана, Капнистъ счелъ нужнымъ совершенно передѣлать ее, вѣроятно, по тому соображенію, что къ галкѣ характеръ обости не идетъ, хотя въ данномъ случаѣ ей конечно въ самомъ дѣлѣ едоставало смѣлости. Замѣнивъ галку голубкою, онъ такъ передѣлалъ асню:

Какой-то мальчикъ птицъ любилъ,
Дворовыхъ, всякихъ безъ разбору,
И крошками кормилъ.
Лишь голосъ дастъ ко сбору,
То куры тутъ какъ тутъ
Отвсюду набѣгутъ.
Голубка тоже прилетѣла
И крошекъ поклевать хотѣла;
Да той отваги не имѣла,
Чтобъ подойти къ крохамъ. Хоть къ нимъ и подойдетъ,
Бросая мальчикъ кормъ, рукою лишь взмахнетъ,
Голубка *прочь да прочь, и крохъ какъ нѣтъ, какъ нѣтъ;*
А куры между тѣмъ съ отвагой наступали,
Клевали крохи да клевали.
На свѣтѣ часто *такъ идетъ,*
Что счастія иной отвагой доступаетъ;
И смѣлый тамъ найдетъ,
Гдѣ робкій потеряетъ.

Въ черновой рукописи Хемницера подъ этой баснею рукой Львова аписано:

«Учися, галка, жить:
Чужимъ добромъ нажиться,
Безстыднымъ надобно родиться
И наглымъ, а не скромнымъ быть».

LXXII.

НЕВѢЖЕСТВО И СКУПОСТЬ[1].

От̕ъ зла и одного чего не отродится!
Чтожъ, если вмѣстѣ ихъ и болѣе случится?

Невѣжда, и притомъ скупой,
По милости судьбы слѣпой,
Нашелъ въ землѣ одну старинную статую,
Такую,
Что, говорятъ, теперь не сдѣлаютъ такой
Работы мастерской.
Тотчасъ невѣжество и скупость вообразили
Въ статуѣ этой вещь, въ которой деньги скрыли,
И чтобы вынуть ихъ, такую вещь разбилъ[2],
Которой можетъ-быть цѣны не находили,
Тогда, когда ее художникъ сотворилъ.

[1] Исправленная Капнистомъ редакція:

Отъ зла и одного чего не заведется!
Чтожъ, если больше ихъ столкнется?

Невѣжа, а притомъ скупой,
По милости судьбы слѣпой,
Нашелъ въ землѣ одну литую
Старинную статую
Такой
Работы мастерской,
Что въ наши времена не сдѣлаютъ другой.
Тотчасъ невѣжа мой
Скупой,
Вообразя, что въ ней сокрыты деньги были,
Обухъ схватилъ
И статую разбилъ,
Которой знатоки *цѣны не находили.*

[2] Здѣсь какъ будто пропускъ, но такъ читается этотъ стихъ въ обѣихъ сохранившихся подлинныхъ рукописяхъ.

LXXIII.

ИМѢНІЕ И ССОРА[1].

Не вѣсть разбойники, не вѣсть князьки какіе,
Да только люди не простые,
И счетомъ двое ихъ всего,
(То есть: вотъ этихъ только двое,
А ихъ число совсѣмъ другое),
Съ своими войсками сосѣда своего
Сложились выгнать вонъ изъ кровнаго владѣнья
И раздѣлить потомъ промежъ собой его.
Ну какъ отступишься безссорно[2] отъ имѣнья,
Да отъ имѣнія родного своего?
Гдѣ между частныхъ споръ случится о имѣньи,
Тамъ можно способы черезъ судей найти
Кое-какъ ссору развести;
Но въ этомъ ссорномъ положеньи,
Гдѣ всякъ считался самъ большой,
Чѣмъ тутъ рѣшить какъ не войной?
Пошла война: людей безъ счету побивали,
Такъ что со стороны смотрѣть и тѣ устали,
Которые войной и грабежомъ живутъ[a].
А должно знать, что тутъ
Ни мало не на стать поэмъ происходило,
Гдѣ войски за себя боговъ пускаютъ въ бой,
Какъ скоро только лишь сраженье наступило:
Здѣсь каждый самъ дрался безъ помощи чужой,
И вотъ зачѣмъ людей такъ много побивали.
И для того иной желалъ,
Чтобъ ужъ хоть правый проигралъ,

[a] Которые живутъ и кормятся войной (Ркп.).

Лишь только бъ драться перестали.
Да что? тутъ нѣкто разсуждалъ:
Хоть ссориться втроемъ уймутся,
Ставъ двое, изъ того жъ имѣнья подерутся[6].

[6] Не будетъ третьяго, такъ двое подерутся,
А изъ имѣнія въ ладу не уживутся.

[1] Первоначальное заглавіе было: *Вѣчная война*; потомъ: *Нападеніе двухъ на третьяго.* Прозаическаго плана не сохранилось; но остались двѣ черновыя редакціи въ стихахъ, представляющія интересныя дополненія къ окончательной. Такъ въ одной изъ нихъ, послѣ стиха:

И раздѣлить потомъ между собой его,

читается на полѣ приписка:

Другой же никакой причины не имѣли,
Окромѣ той, что такъ хотѣли.

Стихи, слѣдующіе за выставленнымъ въ варіантѣ *а*, долго не удавались и стоили многихъ помарокъ, изъ которыхъ мысль автора значительно уясняется; именно въ одной изъ зачеркнутыхъ редакцій этихъ стиховъ говорится:

А должно знать, что тутъ
Совсѣмъ не такъ, какъ въ Россіядѣ было,
Гдѣ войско за себя пустило зиму въ бой,
Когда съ осадою къ Казани подступило.

Можно еще замѣтить, что послѣ стиха: «Пошла война: людей безъ счета побивали» въ одной изъ первыхъ редакцій слѣдовало:

Такъ что лишь малымъ чѣмъ и нашимъ уступали.

Текстъ этой басни въ посмертномъ изданіи такъ отличается отъ подлинныхъ рукописей, что необходимо помѣстить его здѣсь цѣликомъ:

Не вѣсть разбойники, не вѣсть мурзы *какіе*,
Да только люди не простые,
И двое ихъ всего
*(То есть: вотъ этихъ только двое,
А ихъ число совсѣмъ другое)*,

Сложились съ шайкой ихъ: сосѣда своего
Вонъ выгнать изъ владѣнья
И раздѣлить между собой его.
Гдѣ между частныхъ споръ случится о раздѣлѣ,
Тамъ можно способы через людей *найти*,
Кое-какъ ссору развести;
А въ этомъ спорномъ дѣлѣ,
Гдѣ всякъ считался самъ большой,
Чѣмъ споръ *рѣшить*, *какъ не войной?*
Пошла война: дрались, *безъ счету побивали.*
Но какъ лишь бьющихся число,
Не спорящихся уменьшали,
То что́ войну пресѣчь могло?
Иные ужъ желали,
Что хоть бы правый проигралъ,
Лишь только бъ драться перестали.
Да что? тутъ нѣкто разсуждалъ:
Хоть двое третьяго теперь и одолѣютъ,
За то жъ имѣніе вдвоемъ войну затѣютъ.

[2] Именно *безссорно*, а не *безспорно*.

LXXIV.

ДОБРЫЙ ЦАРЬ [1].

Какой-то царь, принявъ правленье,
Съ нимъ принялъ также попеченье
Счастливымъ сдѣлать свой народъ;
И первый шагъ его былъ тотъ,
Что издалъ новое законамъ учрежденье [a]
Законамъ старымъ въ поправленье;
А чтобъ исправнѣе законъ исполненъ былъ,
То старыхъ и судей онъ новыми смѣнилъ.
Законы новые даны народу были
И новые судьи, чтобъ лучше ихъ хранили.
Во всемъ и вся была отмѣна хороша,

[a] Что издалъ новый онъ законъ и учрежденье (Ркп.).

Когда бъ не старая въ судьяхъ иныхъ душа[6].
А тотчасъ это зло поправить
Царь способовъ не находилъ,
Но долженъ это былъ
И воспитанію и времени оставить.

[6] Да старая въ иныхъ судьяхъ была душа (Ркп.).

[1] Этого разсказа до сихъ поръ вовсе не было въ изданіяхъ басенъ Хемницера, хотя онъ и находился въ числѣ посмертныхъ басенъ, переписанныхъ начисто авторомъ. Въ первый разъ онъ напечатанъ былъ мною въ монографіи о Хемницерѣ (*Русская Старина* 1872, февраль, стр. 229), но по редакціи Капниста, отысканной въ рукописной его тетради и нѣсколько отличавшейся отъ подлиннаго текста. Поздн ѣе, въ томъ же изданіи (апрѣль, стр. 591) появился настоящій текстъ по автографамъ баснописца, откуда онъ перепечатывается и теперь.

LXXV.

ДОМЪ[1].

Былъ домъ, хотя и не большой,
Однакоже такой,
Что выгодъ не недоставало:
Жить можно было въ немъ.
Да кто когда доволенъ чѣмъ?
Любимое людское слово: мало;
То есть, когда не дать,
Но взять.
А слова этого хозяинъ тожъ держался:
Все тѣсенъ домъ ему казался,
Какихъ пристроекъ онъ къ нему ни прибавлялъ.
Домъ наконецъ не домъ, а цѣлый городъ сталъ.
Чѣмъ домъ обширнѣе, тѣмъ болѣе смотрѣнья,
Чтобъ не дошелъ до разоренья.

Сперва таки его хозяинъ содержалъ,
Но послѣ собственныхъ ни глазъ, ни иждивенья,
Чтобъ домъ исправно содержать,
Не стало болѣ доставать;
Вѣдь самому не раздѣлиться,
Чтобъ все успѣть обнять собой,
А на присмотръ чужой нѣтъ хуже положиться:
Чужой не видитъ глазъ того, что видитъ свой.
Домъ все ветшае становится:
Въ томъ мѣстѣ починятъ, въ другомъ,
А въ десяти мѣстахъ валится.

Пусть это домъ;
А сколько государствъ, которыя упали,
Когда безмѣрное пространство получали?
И я бы на совѣтъ такой
Весьма охотно согласился,
Что лучше домъ имѣть исправный небольшой,
А нежели дворецъ, который развалился.

[1] Редакція Капниста:

Былъ домъ, хотя и небольшой,
Однакоже такой,
Что выгодъ хоть кому бъ достало;
Но какъ *любимое людское слово: мало*
(То есть, когда берутъ,
А не даютъ),
То малъ и этотъ домъ хозяину казался;
И все онъ въ немъ не помѣщался,
Какъ вдоль и вширь и вверхъ его ни прибавлялъ.
Домъ наконецъ не домъ, а цѣлый городъ сталъ.
И чѣмъ обширнѣе, *тѣмъ болѣе смотрѣнья,*
Чтобъ не дошелъ до разоренья.
Сперва таки его хозяинъ содержалъ,
Но послѣ собственныхъ ни глазъ, ни иждивенья
Не стало домъ такой въ порядкѣ содержать.
Вѣдь одному *не раздѣлиться,*

Чтобъ все собой обнять;
А на присмотръ другихъ *нѣтъ хуже положиться:*
Не видитъ глазъ чужой
Того, что́ видитъ свой.
И домъ все ветше становится:
Въ томъ мѣстѣ починятъ, въ другомъ,
А въ десяти валится.
Но что? не только этотъ домъ,
И царство Римлямъ пало,
Когда полсвѣтомъ завладало,
И для того, когда бъ пошло на выборъ мой,
То бъ я охотнѣй согласился
Имѣть исправный домъ, хотя и небольшой,
Чѣмъ за́мокъ иль дворецъ, который бы валился.

LXXVI.

ЛИСИЦА И СОРОКА[1].

Давно уже тебя мнѣ хочется спросить:
Что таки ты весь день изволишь говорить?
Съ сорокой свидѣвшись, лисица ей сказала:
Я чаю, что тебя послушать разсуждать,
Есть подлинно что перенять. —
«Все, что я говорю, сорока отвѣчала,
Относится къ тому, чтобъ истину вещей
Открывъ, другихъ наставить въ ней;
И я большимъ моимъ стараньемъ въ томъ успѣла,
Что я, кого бы ни взяла,
Предъ всѣми прочими найти ее умѣла,
Съ летучей мыши до орла». —

Большое бъ, говоритъ лисица, одолженье
Твое услышать наставленье,
Когда бы ты не въ трудъ сочла. —

Какъ на каѳедрѣ врачъ глубоко-изученный,

И знаньемъ, и своей особой зараженный,
Когда готовится преподавать урокъ,
Сперва впередъ и взадъ каѳедры пошагаетъ,
Съ осанкой въ носовой свой шелковый платокъ
Утрется, и потомъ ужъ слово начинаетъ:
Такъ точно, на суку сорока находясь
И поученіе давать расположась,
Сперва впередъ и взадъ съ осанкой выступала
И справа носъ объ сукъ и слѣва подчищала.
Потомъ, принявъ лица ученѣйшаго видъ, —
«Я рада всѣмъ служить, что знаю, говоритъ:
Я не люблю своимъ таиться дарованьемъ:
Пусть пользуются всѣ открытымъ мнѣ познаньемъ.
Не такъ ли? Ты вѣдь у себя
Четыре все ноги считала?
Но не четыре ихъ! Хоть странно для тебя,
Однако должно знать: чего бъ я ни сказала,
Безъ доказательства еще не оставляла.
Послушай, и сама признаешься тогда:
Примѣтила ли ты когда:
Какъ скоро ступишь ты, нога твоя въ движеньи?
Когда же ты стоишь въ покойномъ положеньи,
То и нога твоя покоится тогда?
Да полно, этимъ я не все еще сказала,
А слушай, что теперь я стану говорить,
Чего большимъ трудомъ недавно я узнала:
Всегда, когда тебѣ случается ходить,
То ты не иначе какъ по землѣ ступаешь.
Примѣть же ты свой хвостъ, и ты тогда узнаешь,
Что всякій разъ когда нога твоя шагнетъ,
За нею тожъ и хвостъ подастся твой впередъ;
И какъ нога твоя то тутъ, то тамъ бываетъ,
Точнехонько и хвостъ твой также выступаетъ,
Когда на ловлю куръ изволишь ты ходить.

Изъ этого теперь выходитъ заключенье,
Что хвостъ твой пятою ногою долженъ быть.
И вотъ, сударыня, на ваше предложенье
Вамъ съ доказательствомъ рѣшенье».

Какъ, право, веселитъ, что даже межъ скотовъ[a]
Способности большихъ умовъ,
Дающихъ всѣмъ вещамъ и толкъ и объясненье!
Мнѣ это важное сороки разсужденье
Лисица разсказавъ заподлинно сама,
Примолвила при томъ отъ хитрости ума:
«Чѣмъ меньше свѣдущи скоты и чѣмъ глупѣе,
Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе».

[a] Какое, право, утѣшенье,
Что видишь даже межъ скотовъ (Ркп.).

[1] Вольный переводъ басни Геллерта Der Fuchs und die Elster (кн. 1). По замѣчанію г. Галахова, басня эта изображаетъ, подъ видомъ сороки, нѣмецкихъ педантовъ, зараженныхъ страстію къ софизмамъ и щеголяющихъ искуствомъ доказывать ихъ по правиламъ логики. (*Историческая христоматія новаго періода русской словесности*, I, 426).

Редакція Капниста:

Давно уже тебя мнѣ хочется спросить:
Что таки ты весь день изволишь говорить?
Лиса, увидѣвши сорову, вопрошала.
Я чаю, есть что перенять,
Когда ты станешь разсуждать. —

«*Все, что я говорю, сорока отвѣчала,*
Относится къ тому, чтобъ истину вещей
Открывъ, другихъ наставить въ ней.
Итакъ большимъ моимъ стараньемъ предуспѣла,
Что я, кого бы ни взяла,
Отъ жука до орла,
Яснѣе всѣхъ ее изслѣдовать умѣла,
И толкъ дала.» —

Большое, говоритъ лисица, одолженье

Мнѣ было бы *твое услышать наставленье.*
Когда бы ты не въ трудъ сочла. —

Какъ иногда педантъ. *глубоко-изученный*,
Наукой и собой надутъ *и зараженный*,
Готовясь преподать спасительный урокъ.
Сперва впередъ и взадъ каѳедры зашагаетъ
И важно *въ носовой свой шелковый платокъ*
Утрется, *и потомъ ужъ слово начинаетъ:*
Такъ точно на суку сорока повертясь
И поученіе подать *расположась*,
Сперва впередъ и взадъ съ осанкой выступала,
И справа носъ объ сукъ и слѣва подчищала;
Потомъ, *принявъ* ученый видъ,
«*Я* рада, говоритъ,
Моимъ дѣлиться дарованьемъ;
Пусть пользуется всякъ, и малый и большой.
Открытымъ мнѣ познаньемъ.
Послушай, о тебѣ самой
Теперь я разсуждала;
Ты вѣдь четыре у себя
Ноги до этихъ поръ считала;
А *не четыре ихъ! Хоть странно для тебя*
Покажется; но знай, все что бъ я ни сказала,
Не доказавъ не оставляла.
Послушай, *и сама признаешься тогда:*
Примѣтила ли ты, *когда*
Ты ступишь, то всегда
Нога твоя въ движеньи;
Когда же ты стоишь въ покойномъ положеньи,
То и нога твоя покоится тогда?
Но этимъ я еще не все вѣдь доказала;
А слушай, *что теперь* я буду выводить:
Всегда, *когда тебѣ случается ходить*,
То все нога твоя не по землѣ ль ступаетъ?
Примѣть же ты свой хвостъ: когда нога шагнетъ,
То съ нею *тожъ и хвостъ подастся твой впередъ;*
И какъ *нога твоя то тутъ, то тамъ бываетъ*,
То такъ *точнехонько и хвостъ твой выступаетъ;*
А изъ того теперь и нужно заключить

Что хвостъ твой пятою ногою долженъ быть.
И вотъ, на чудное по видимости мнѣнье,
При доказательствѣ тебѣ мое рѣшенье!»

Не образумившись отъ мудрыхъ толь рѣчей,
Лисица, пятую поджавъ смиренно ногу,
Пошла, и всю дорогу
Твердила: «Стало быть не межъ однихъ людей
Чѣмъ кто глупѣе,
Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе.»

LXXVII.

УСЛУГА [1].

Во всякомъ случаѣ незнаніе бѣда.
Считаешь иногда:
На что мнѣ этому учиться? [а]
Когда-то до меня о томъ еще дойдетъ? —
Дойдетъ ли, или нѣтъ,
Все то, что знаешь, пригодится.
А ежели чего случится и не знать,
Такъ лучше ужъ не приниматься [б],
Чѣмъ послѣ со стыдомъ остаться. —

Какъ нѣкто, думая услугу показать,
Въ саду взялся траву пустую вырывать;
Однако въ травахъ толкъ не зная,
Противную совсѣмъ услугу показалъ:
Негодную траву за годную считая,
Ту оставлялъ въ саду, а эту вырывалъ.

[а] На что мнѣ суетиться
Тому иль этому учиться? (1799).
[б] А знанье все таки годится.
Когда же и случится
Чего не знать,
То лучше въ дѣло не мѣшаться.

[1] Первоначально сюжетъ этой пьески записанъ у Хемницера такъ:

«Познаньемъ никакимъ пренебрегать не должно; невѣжество всегда бѣда. Человѣкъ пришедъ въ садъ, хотѣлъ услугу показать хозяину сада, и думая траву пустую вырвать, вырывалъ по незнанію траву иногда хорошую вмѣсто пустой. И для того не должно думать о какой бы то наукѣ ни было: Къ чему де мнѣ она? вѣдь это не моя часть; и я не предвижу, чтобъ она мнѣ когда пригодиться могла.»

Позднѣе занесено въ памятную книжку:

«Человѣкъ желалъ богатства. Судьба ему дать его хотѣла. Наѣхалъ онъ на гору золотой руды; но, будучи невѣжда, счелъ ее за простой камень и проѣхалъ мимо и ропотъ на судьбу все продолжаетъ. Ему сказали: Будь тѣмъ доволенъ, что̀ имѣешь; ты быть счастливымъ не умѣешь. Эту басню отнести къ той, что невѣжда въ саду отъ невѣжества вырвалъ вмѣсто дурной травы хорошую.»

При переложеніи этого наброска въ стихи, сперва было дано имъ заглавіе: *Зашедшій въ садъ невѣжда*, и вмѣсто слова *незнаніе* въ первомъ стихѣ поставлено: *невѣжество*. Впрочемъ уже и тогдашняя редакція была очень близка къ окончательной.

Незначительныя измѣненія Капниста помѣщены здѣсь въ варіантахъ.

LXXVIII.

ПЕРЕПЕЛКА СЪ ДѢТЬМИ И КРЕСТЬЯНИНЪ [1].

Прилежность и труды въ дѣлахъ употребя —
Надежда лучшая къ успѣху на себя.

Всѣ знаютъ,
Что перепелки гнѣзды вьютъ,
Когда хлѣба еще далеко не цвѣтутъ,
А не тогда, когда почти ужъ поспѣваютъ;
То есть порой
Такой,
Когда весна лишь наступаетъ
И вдвое все что есть любиться заставляетъ

Да думать какъ дружка найти,
Чтобъ родъ и племя вновь съ дружкомъ произвести.
Одна, не знаю какъ, однако опоздала,
Такъ что гнѣзда себѣ порою не свила,
А стала вить когда пора почти прошла,
И въ полѣ рожь ужъ поспѣвала;
Однако молодыхъ
Кое-какъ вывела своихъ,
Да только что летать не сможатъ[2];
И дѣтямъ говоритъ:
«Охъ, дѣти! эта рожь намъ не добромъ грозитъ:
Того и жди, что насъ отсюда потревожатъ;
Однако слушайте: я стану отлетать
Вамъ корму промышлять,
А вы смотрите:
Хозяинъ этой ржи какъ станетъ приходить,
Такъ, что́ ни будетъ говорить,
Все до послѣдняго мнѣ слова разскажите».
Пришедши днемъ однимъ хозяинъ между тѣмъ,
Какъ перепелка отлетѣла:
А! рожь-то, говоритъ, совсѣмъ,
Какъ вижу я, уже поспѣла.
Пойти-было друзьямъ, пріятелямъ сказать,
Чтобъ съ свѣтомъ помогли мнѣ эту рожь пожать. —
И! тутъ, помилуй Богъ, какая
Тревога сдѣлалась промежъ перепелятъ!
Ахъ, матушка! ахти! кричатъ:
Друзей, пріятелей сбирая,
Рожь хочетъ съ свѣтомъ вдругъ пожать. —
«И! говоритъ имъ мать:
Пустое! нечего бояться.
Мы можемъ, гдѣ мы есть, съ покоемъ оставаться.
Вотъ вамъ, поѣшьте между тѣмъ,
И спите эту ночь, не думавъ ни о чемъ.

Да только завтра тожъ смотрите,
Что ни услышите, мнѣ все перескажите».

Пришедъ хозяинъ, ждать-пождать; нѣтъ никого!
«Вотъ, говоритъ, до одного
Всѣ обѣщались быть, а сами не бывали.
Надѣйся! Ну, пойти жъ родню свою собрать,
Чтобъ завтра поутру пришли и рожь пожали».
Тревога межъ перепелятъ,
Гдѣ пуще прежняго! «Роднѣ своей», кричатъ,
«Роднѣ, онъ сказывалъ, сбираться!» —
«Все нечего еще бояться,
Сказала мать, когда лишь только и всего».

Пришелъ хозяинъ такъ, какъ приходилъ и прежде,
Да видитъ, и родни нѣтъ также никого.
Нѣтъ, говоритъ, въ пустой, какъ вижу, я надеждѣ!
Впредь вѣрить ни роднѣ не стану, ни друзьямъ.
До своего добра никто таковъ какъ самъ.
Знать, завтра поутру съ семьею приниматься
Хлѣбъ этотъ помаленьку сжать. —
«Ну, дѣти! тутъ сказала мать:
Теперь ужъ нечего намъ больше дожидаться.» —
Тутъ кто поршкомъ,
Кто кувыркомъ
Ну поскорѣе убираться.

[1] Въ посмертныхъ изданіяхъ басня эта до сихъ поръ печаталась подъ заглавіемъ: *Перепелка и крестьянинъ*. Источникъ ея у Лафонтена (IV, 22): L'alouette et ses petits avec le maître d'un champ, а Лафонтенъ заимствовалъ сюжетъ у Езопа (Жаворонокъ съ дѣтьми). Эту же басню перевелъ Дмитріевъ (IV, 5: Жаворонокъ съ дѣтьми и земледѣлецъ).

[2] *Сможатъ* — совершенно неправильная форма, которая была бы возможна только при единств. числѣ *сможу*, *сможишь* вм. *смогу*, *сможешь*.

Редакція Капниста:

Прилежность и труды въ дѣлахъ употребя —
Къ успѣху лучшая надежда на себя.

Всѣ знаютъ,
Что перепелки гнѣзда вьютъ
Задолго передъ тѣмъ, когда поля цвѣтутъ,
А не тогда, какъ хлѣбы поспѣваютъ.
Одна оплошнѣе подругъ своихъ была,
Работою отстала:
Гнѣзда во время не свила,
А начала ужъ вить, когда пора прошла
И въ полѣ жатва поспѣвала.
Однако молодыхъ
Кое-какъ вывела своихъ;
Да только выучить летать ихъ не успѣла,
И дѣтямъ говоритъ:
«*Охъ, дѣти! эта рожь* бѣдою намъ грозитъ:
Къ несчастью нашему созрѣла.
Однако слушайте: я стану отлетать
Вамъ корму промышлять;
А вы смотрите,
Хозяинъ какъ придетъ,
И рѣчь о чемъ ни заведетъ,
Все до послѣдняго мнѣ слова разскажите.»
Пришелъ хозяинъ между тѣмъ
Какъ перепелка отлетѣла:
Да рожь-то, говоритъ, совсѣмъ
Поспѣла.
Пойти-было друзьямъ пріятелямъ сказать,
Чтобъ завтра помогли мнѣ эту рожь пожать. —
И тутъ, *помилуй Богъ*, *какая*
Тревога сдѣлалась между *перепелятъ!*
Ахъ, *матушка! ахти! кричатъ:*
Друзей, *пріятелей сбирая*,
Рожь хочетъ завтра *вдругъ пожать.* —
«*И! (говоритъ имъ мать)*
Пустое, *нечего бояться.*
Мы можемъ здѣсь еще покойно оставаться.
Вотъ вамъ, *поѣшьте между тѣмъ*,

И спите эту ночь, не думавъ ни о чемъ,
Да завтра только вы смотрите,
Что ни услышите, мнѣ все перескажите.»

Пришелъ хозяинъ. Ждать-пождать: нѣтъ никого!
Вотъ, говоритъ, до одного
Прійти всѣ обѣщали,
А не бывали!
Надѣйся! Ну, пойти опять
Теперь родню позвать,
Чтобъ завтра эту рожь пожать. —
Тревога межъ перепелятъ,
И пуще прежняго! — «Роднѣ своей, кричатъ,
Роднѣ, онъ говорилъ, *сбираться!»* —
«Пустое,» говоритъ имъ мать: «родни бояться;
Иного бъ не было чего.»
Пришелъ хозяинъ такъ, какъ приходилъ и прежде;
И видитъ, что *родни нѣтъ также никого.*
Въ напрасной, онъ сказалъ, я былъ на нихъ надеждѣ;
Впредь вѣрить ни роднѣ не стану, ни друзьямъ.
Для своего добра никто таковъ какъ самъ.
Знать, завтра поутру семьею приниматься
Хлѣбъ этотъ помаленьку жать. —
«*Ну, дѣти!* говоритъ, услыша это, мать:
Теперь ужъ нечего намъ больше дожидаться.» —
Тутъ кто пѣшкомъ,
Кто кувыркомъ,
Ну поскорѣе убираться.

LXXIX.

ПРИВИЛЕГІЯ[1].

Какой-то вздумалъ левъ указъ публиковать[а],
Что звѣри могутъ всѣ впередъ, безъ опасенья,
Кто только смогъ кого[б], душить и обдирать.
Что лучше быть могло такого позволенья
Для тѣхъ, которые дерутъ и безъ того?
Объ этомъ чтобъ указѣ знали,
Его два раза не читали[б].
Ужъ то-то было пиршество!
И кожу, кто лишь могъ съ кого,
Похваливаютъ знай указъ, да обдираютъ.
Душъ, душъ погибло тутъ,
Что ихъ считаютъ, не сочтутъ[в]!
Лисицѣ мудрено однако показалось,
Что позволеніе такое состоялось:
Звѣрямъ указомъ волю дать
Повольно межъ собой другъ съ друга кожи драть[г]!
Весьма сомнительнымъ лисица находила,
И въ разсужденіи самой, и всѣхъ скотовъ[д].
«Повывѣдать бы льва!» лисица говорила,
И львиное его величество спросила,
Не такъ чтобъ прямо, нѣтъ,—какъ спрашиваютъ львовъ,
По-лисьи, на вѣсы кладя значенье словъ,
Все хитростью, обинякамн,

[а] Какой-то левъ велѣлъ указъ публиковать (1799).
[б] Указа этого нигдѣ не толковали,
Всю силу тотчасъ понимали.
[в] Что и считаютъ,
Не сочтутъ.
[г] Звѣрямъ свободу дать
Другъ съ друга кожу драть.
[д] И для самой себя, и для другихъ скотовъ.

Все гладкими придворными словами [е]:
«Не будетъ ли его величеству во вредъ,
Что звѣри [ж] власть такую получили?»
Но сколько хитрости ея ни тонки были,
Левъ ей однакоже на то ни да, ни нѣтъ [з].
Когда жъ по львову разчисленью
Указъ ужъ дѣйствіе свое довольно взялъ,
По высочайшему тогда соизволенью
Левъ всѣмъ звѣрямъ къ себѣ явиться указалъ [и].

Тутъ тѣ, которые жирнѣе всѣхъ казались,
Назадъ уже не возвращались [і].
«Вотъ я чего хотѣлъ», лисицѣ левъ сказалъ,
«Когда о вольности указъ такой я далъ:
Чѣмъ жиръ мнѣ по клочкамъ сбирать съ звѣрей трудиться,
Я лучше дамъ ему скопиться.
Султанъ вѣдь также позволяетъ
Пашамъ съ народа частно драть,
А самъ ужъ кучами потомъ съ пашей сдираетъ:
Такъ я и разсудилъ примѣръ съ султана взять».
Хотѣла-было тутъ лисица въ возраженье
Сказать свое объ этомъ мнѣнье
И изъясниться льву о слѣдствіи худомъ,
Да вобразила то, что говоритъ со львомъ.....

А мнѣ хотѣлось бы, признаться,
Здѣсь объ откупщикахъ словцо одно сказать,
Что также и они въ число пашей годятся;

[е] Придворно-гладкими словами.
[ж] Что хищны звѣри...
[з] Ей левъ на то въ отвѣтъ
Ни да, ни нѣтъ.
[и] .... приказалъ.
[і] Тутъ тѣ, которые дородствомъ отличились,
Домой не воротились.

Да также думаю по-лисьи промолчать[к].

[к] Начиная отъ 36-го стиха нашего текста редакція Капниста значительно отступаетъ отъ него, и потому печатается здѣсь безъ пропусковъ:

«Когда указъ вамъ далъ.
Чѣмъ по клочкамъ мнѣ жиръ сбирая, суетиться,
Я лучше далъ ему скопиться,
Чтобъ облегчить мой трудъ».
Хотѣла-было тутъ
Лисица въ возраженье
Сказать свое объ этомъ мнѣнье
И изъясниться льву о дѣйствіи худомъ,
Да вобразила то, что говоритъ со львомъ....
И я бы за пашей отнюдь не заступился,
Зажалъ бы какъ лисица ротъ,
Когда бы въ Турціи родился,
Гдѣ иногда султанъ со льва примѣръ беретъ (1799).

[1] Эта басня, подобно № XXVI, была исключена изъ Смирдинскаго изданія 1852 года; къ ней также относится все, что было сказано въ примѣчаніи на стр. 153 и 154.

LXXX.
ПОБОРЪ ЛЬВИНЫЙ[1].

Въ числѣ поборовъ тѣхъ, другихъ,
Не помню право я, за множествомъ, какихъ,
Опредѣленныхъ льву съ звѣринаго народа
(Такъ, какъ бы напримѣръ крестьянскій нашъ народъ
Даетъ оброки на господъ),
И масло также шло для львина обихода.
А этотъ также сборъ, какъ всякій и другой,
Имѣлъ приказъ особый свой,
Особыхъ и звѣрей, которыхъ выбирали[а],

[а] (Такъ какъ крестьяне по душамъ
Даютъ оброки господамъ),
И масло также шло для львова обихода.
А сборъ такой,
Какъ всякій и другой,
Имѣлъ приказъ особый свой:
Звѣрей особыхъ выбирали.

Чтобъ должность сборщиковъ при сборѣ отправляли.
Великъ ли сборъ тотъ былъ, не удалось узнать,
    А сборщиковъ не мало было.
Да рѣчь и не о томъ; мнѣ хочется сказать
То, что при сборѣ томъ и какъ происходило:
Большая часть изъ нихъ, его передавая,
    Катала въ лапахъ напередъ[6],
    А масло вѣдь къ сухому льнетъ:
    Такъ слѣдственно его не мало
    Къ звѣринымъ лапамъ приставало;
    И царскимъ пользуясь добромъ,
Огромный масла комъ сталъ маленькимъ комкомъ.
    Однако какъ промежъ скотами,
    Какъ и людскими тожъ душами,
Не всѣ бездѣльники, а знающія честь
    И совѣстныя души есть,
То эти въ лапахъ комъ не только не катали,
Но сверхъ того еще ихъ въ воду опускали,
Чтобъ масло передать по совѣсти своей.
    Ну, если бы честныхъ звѣрей

[6] *Да рѣчь* здѣсь *не о томъ: мнѣ хочется сказать*,
    Чтó какъ происходило,
    Когда сбирали тотъ
        Доходъ.
Присяжныхъ сборщиковъ часть самая большая,
Другъ другу жирненькій оброкъ передавая,
    Катали въ лапахъ напередъ;
    А масло вѣдь къ сухому льнетъ!
    То потому его не мало
    Къ звѣринымъ лапамъ приставало.
    Итакъ, переходя кругомъ,
        Огромный масла комъ
        Сталъ маленькимъ комкомъ.
Левъ въ этомъ своего не находилъ разчета;
    А слонъ, котораго призвалъ
        Онъ для совѣта,
Напрямики его величеству сказалъ:
        «*Гдѣ сборы*, и проч.

При сборѣ этомъ не сыскалось,
То сколько бъ масла льву досталось?

Не знаю, такъ ли я на вкусъ людей судилъ;
Я льву, на жалобу объ этомъ, говорилъ:
«Гдѣ сборы,
Тамъ и воры;
И дѣло это таково:
Чѣмъ больше сборщиковъ, тѣмъ больше воровство».

[1] Первоначальный планъ этой басни такъ набросанъ въ одной изъ тетрадовъ автора: «Левъ, по хозяйству своему, чтобы доходы до него вѣрно доходили, завелъ во всѣхъ частяхъ своего домостроительства сборщиковъ и приставниковъ. Между прочимъ была у него и коровня заведена, гдѣ собирали молоко и масло. Пока изъ рукъ въ руки масло до льва по старшинству отъ нижнихъ чрезъ вышнихъ дошло, ни третьей доли большого сначала кома не оставалось (пока до льва комъ масла шелъ, ни третьей доли не имѣлъ): все къ лапамъ звѣрей, то того, то другого по нѣскольку приставало. Счастіе еще, что иные звѣри въ воду обмакивали лапы, чтобъ масло при передачѣ не прилипало. Другіе же его какъ можно больше въ лапахъ катали; а иначе бы и того до льва не дошло».

LXXXI.

СЛѢПОЙ ЛЕВЪ[1].

Былъ левъ слѣпой; а быть и знатному слѣпымъ
Дурное, право, состоянье.
Давай, хоть не давай левъ подданнымъ своимъ
О чемъ какое приказанье,
Иль правду въ томъ
Или въ другомъ
Не думай левъ узнать: обманутъ былъ кругомъ.
Я самъ не разъ бывалъ при томъ,
Когда, пришедши, льву лисица рапортуетъ[*],

[*] Въ посмертномъ изданіи, вмѣсто этого и предыдущаго стиха только одинъ:
Лиса придетъ и рапортуетъ.

Что львовъ запасный дворъ находится у ней
Во всей сохранности своей,
А первая съ двора запаснаго воруетъ,
Да и другимъ даетъ съ собою воровать,
Чтобъ только ей не помѣшать [б].
Волкъ тожъ бывало льву наскажетъ,
Когда онъ наловить звѣрей ему прикажетъ,
Что ловъ сегодня былъ дурной
И только лишь ему попался звѣрь худой;
А жирныхъ между тѣмъ звѣрей себѣ оставитъ,
И чтобъ повѣрилъ левъ, свидѣтелей поставитъ [в].
И словомъ, всякъ, кому по должности дойдетъ
Льву донести о чемъ, чтó хочетъ, то налжетъ,
И кромѣ воровства [г] и лжи не жди другого
Отъ малаго и до большого.

Слѣпого льва легко обманывать звѣрямъ,
Такъ какъ иныхъ господъ слугамъ [д].

[б] Да и другимъ даетъ щечить,
Чтобъ не мѣшали ей тащить (1799).
[в] И попадался звѣрь худой,
Себѣ же жирный кусъ оставитъ;
А чтобъ....
[г] Тутъ кромѣ воровства...(1799).
[д] Такъ какъ по разуму слѣпыхъ господъ слугамъ (Измѣненная редакція самого Хемницера въ ркп.).

[1] Эта басня сохранилась только въ одной черновой рукописи Хемницера. Отсюда начинается рядъ басенъ, которыхъ онъ не успѣлъ окончательно отдѣлать. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, онѣ печатаются здѣсь по его подлинной редакціи съ означеніемъ передѣлокъ Капниста въ варіантахъ или въ примѣчаніяхъ.

LXXXII.

СТРѢЛКА ЧАСОВАЯ[1].

Когда-то стрѣлка часовая
На башнѣ городской,
Свои достоинства счисляя,
Расхвасталась собой,
И, прочимъ часовымъ частямъ въ пренебреженье,
«Не должно ль, говоритъ, имѣть ко мнѣ почтенье?
Всему я городу служу какъ бы въ законъ;
Все, чтó ни дѣлаютъ, по мнѣ располагаютъ:
По мнѣ работаютъ, по мнѣ и отдыхаютъ;
По мнѣ съѣзжаются въ суды и выѣзжаютъ [а];
По мнѣ чрезъ колокольный звонъ
Къ молитвѣ даже созываютъ;
И словомъ, только часъ я нужный покажу,
Такъ точно-будто прикажу [б],
Да я жъ стою домовъ всѣхъ выше,
Такъ что весь городъ подо мной [в];
Всѣмъ видима и все я вижу подъ собой.
А вы что значите? кто видитъ васъ?» — Постой;
Нельзя ли какъ-нибудь потише,
И слово дать
И намъ сказать[2]?
Другія части отвѣчали:
Знай, если бы не мы тобою управляли [г],

[а] (Этого стиха въ посмертныхъ изданіяхъ нѣтъ).
[б] И только часъ я покажу,
Какъ будто прикажу (1799).
[в] Весь городъ подо мной.
[г] Знай, что когда бъ не мы тобою управляли,
Тебя бы ни во что считали;
Важна ты нами, не собой.

И я скажу, но будь то сказано межъ нами,
Что эдакъ и дѣлецъ иной
Чужими чванится дѣлами.

Тебя бы собственно ни вó что не считали.
Ты хвастаешь собой,
Какъ часто хвастаетъ и человѣкъ иной,
Который за себя работать заставляетъ,
А тамъ себя другихъ трудами величаетъ [г].

[1] Эта басня заимствована съ французскаго; подлинникъ ея, написанный малоизвѣстнымъ авторомъ (Nogent), найденъ нами въ небольшомъ сборникѣ, изданномъ подъ заглавіемъ: Fables de Florian suivies d'un choix des plus jolies fables etc. recueillies et annotées par Hilaire Le Gai (Paris 1852), и помѣщается здѣсь по трудности отыскать его.

L'AIGUILLE DE MONTRE.

«Qui peut se comparer à moi?
Disait l'aiguille d'une montre;
J'indique le lever du roi,
Je dirige en mainte rencontre
Hommes d'affaire, magistrats,
Princes, ministres, potentats;
Je reconnais mon importance,
Enfin je marque les instants,
Je divise les jours et mesure le temps.»
Elle parlait ainsi d'un ton plein d'arrogance,
Tandis que le ressort, à sa morgue opposant
Une modeste retenue,
Continuait d'échapper à la vue
Pour lui donner du mouvement.
Fort souvent nous ne savons guères
A qui nous prodiguons l'encens.
Combien d'illustres arrogants
Doivent tout à leurs secrétaires.

Nogent.

Послѣ Хемницера эту же басню передѣлалъ Дмитріевъ также подъ заглавіемъ: «Часовая стрѣлка» (см. его *Басни*, кн. 1, б. VIII).

Капнистъ мало измѣнилъ редакцію Хемницера, которую возстановляю по рукописи.

Въ отношеніи къ идеѣ эта басня представляетъ сходство съ помѣщенною выше на стр. 156 (*Конь верховый*).

[2] Т. е. И намъ также дать сказать слово.

LXXXIII.

ОСЕЛЪ ВЪ УБОРѢ[1].

Одѣнь невѣжду
Въ богатую одежду,
Не сладишь; и ослы тогда
Считаютъ, что они большiе господа.
Не помню прямо я[а], по случаю какому
Отправилъ левъ осла,
Но разумѣется, не въ качествѣ посла[б],
Къ сосѣду своему и другу, льву другому,
Какiе-то никакъ ему подарки снесть.
Посольство отправлять у льва лисица есть.
Но хоть подарки снесть осла употребили,
Однако все его богато нарядили,
Хотя бъ турецкаго султана ослѣпить
И на войну его или на миръ склонить.
Не вспомнился оселъ въ уборѣ, взбѣленился:
Лягается и всѣхъ толкаетъ, давитъ, бьетъ;
Дороги ни встрѣчнымъ, ни поперечнымъ нѣтъ;
Ни откупщикъ еще такъ много не гордился,
Самъ левъ съ звѣрьми не такъ сурово обходился[г].
Ословъ поступокъ сей
Противъ достойнѣйшихъ звѣрей

[а] Не помню право я.... (1799).
[б] (Между стихами 6-мъ и 7-мъ въ посмертномъ изданiи еще стихъ:)
Къ сосѣду льву другому.
(Послѣ же стиха 7-го нашего текста тамъ слѣдуетъ:)
Къ сосѣду дорогому
Какiе-то подарки снесть.
[в] (Стихи 13 и 14 нашего текста пропущены въ посмертномъ изданiи. Далѣе тамъ слѣдуетъ:)
Оселъ
Лишь на уборъ свой посмотрѣлъ,
Не вспомнился и взбѣленился.
[г] Дороги отъ осла звѣрямъ и умнымъ нѣтъ;
Самъ левъ не такъ гордился,

Сталъ наконецъ имъ не въ терпѣнье[д]:
Пришли и на осла льву подали прошенье,
Всѣ грубости ему ословы разсказавъ.
Левъ, просьбу каждаго подробно разобравъ,
Не такъ какъ львы съ звѣрьми иные поступаютъ,
Что ихъ и на глаза къ себѣ не допускаютъ,
А судъ и дѣло ихъ любимцы отправляютъ;
И такъ какъ левъ звѣрей обиду всю узналъ,
И видя, отчего оселъ такъ поступаетъ,
Осла призвавъ, ему сказалъ,
Чтобъ о себѣ, что онъ оселъ, не забывалъ:
«Твое достоинство и чинъ опредѣляетъ[е]
Одинъ уборъ твой
Золотой,
Другихъ достоинство умы ихъ отличаетъ.
И наказать осла, левъ снять уборъ велѣлъ;
А какъ оселъ другихъ достоинствъ не имѣлъ,
То безъ убора сталъ опять простой оселъ[ж].

[д] Сталъ свыше ужъ терпѣнья.
[е] Пришли и на осла льву подали прошенье.
Левъ, просьбу разсмотря, осла къ себѣ призвалъ,
Ослу нарядному сказалъ:
«Твое достоинство....
[ж] Другихъ звѣрей талантъ, заслуга отличаетъ».
Уборъ съ осла онъ снять велѣлъ.
Оселъ достоинства другого не имѣлъ,
И безъ убора сталъ, какъ прежде былъ... оселъ.

[1] Въ тетрадяхъ Хемницера басня эта осталась только въ одной не окончательно отдѣланной редакціи, по которой и возстановляю ее въ возможно точномъ видѣ. Редакцію же Капниста, представляющую многіе пропуски и измѣненія, сообщаю въ варіантахъ.

LXXXIV.

ЛЕВЪ СВАТЪ[1].

Левъ, сказывали мнѣ, любовницу имѣлъ
(Вѣдь занимаются любовными дѣлами
Не только межъ людьми, но также межъ скотами)
И жаръ къ любовницѣ его охолодѣлъ.
А для того онъ тожъ (какъ люди поступаютъ,
Что за другого съ рукъ любовницу сживаютъ,
Когда соскучится имъ все одну любить)
Хотѣлъ красавицу, но не безчестно, сжить:
Онъ барса пестраго хотѣлъ на ней женить[а].
Но какъ онъ ни старался,
Женихъ замѣченный никакъ не поддавался[б].
Да левъ бы только приказалъ:
Любить указъ вѣдь не дается[в];
А въ случаяхъ такихъ политика ведется
И у звѣрей,
Какъ у людей.
Къ тому же дѣло щекотливо
Любовницу себѣ въ жены такую взять,
Котору ищетъ самъ любовникъ съ рукъ отдать.
А потому ничуть не диво,
Что жениха не могъ невѣстѣ онъ сыскать.
Но свадьбы не хотѣлъ ужъ больше отлагать;

[а] Хотѣлъ съ ней также поступить,
Да только не хотѣлъ ее безчестно сжить;
Хотѣлъ-было на ней придворнаго женить,
Къ тому же изъ вельможъ. Но какъ онъ ни старался (1-я ркп. редакція).

[б] Женихъ помѣченный никакъ не подавался,
Котораго ей левъ желалъ (Та же ркп.).

[в] Но левъ бы только приказалъ,
Да левъ ей счастія желалъ,
А вѣдь любить жену указа не дается (1799).

Безъ всѣхъ чиновъ осла онъ прямо избираетъ[г].
«Послушай, говоритъ: назначилъ я тебя
Любовницы моей супругомъ.
Возьми ее ты за себя,
А я за то́ тебя
Пожалую въ чины, и будешь ты мнѣ другомъ[д]».
Осла, не какъ другихъ, раздумье не беретъ:
Оселъ въ безчестьи не зазоренъ[е],
На предложенье льва оселъ тотчасъ сговоренъ,
Сказавъ: «Хоть чести мнѣ въ женитьбѣ этой нѣтъ,
Какъ говоритъ и судитъ свѣтъ,
Да милость львиную она мнѣ обѣщаетъ;
Къ тому и межъ людьми то жъ самое бываетъ[ж]».

[г] Придворному ослу онъ прямо предлагаетъ (1799).
[д] А я тебѣ дамъ чинъ, и будешъ ты мнѣ другомъ.
[е] ... не задоренъ.
[ж] Сказавъ: Хотя, какъ судитъ свѣтъ,
Въ женитьбѣ эдакой большой мнѣ чести нѣтъ;
Но милость львиную она мнѣ принесетъ:
А съ ней толь знатны роги
На четверенькахъ сплошь вѣдь носятъ и двуноги.

[1] Басня эта, сохранившаяся въ двухъ черновыхъ редакціяхъ, носила первоначально заглавіе: «Левъ высватывающій свою любовницу». Въ посмертномъ изданіи она напечатана съ незначительными лишь измѣненіями, если исключить вовсе не принадлежащіе Хемницеру послѣдніе два стиха, означенные выше въ концѣ варіанта *ж*.

LXXXV.

ПЧЕЛА И КУРИЦА[1].

Съ пчелою курица затѣяла считаться
И говоритъ пчелѣ: «Ну, подлинно, пчела,
Что въ праздности одной ты вѣкъ свой изжила[а]:
Тебѣ бы тѣмъ лишь заниматься,
Чтобъ на цвѣтки съ цвѣтковъ летать
И только медъ съ нихъ собирать.
Да полно и о чемъ иномъ тебѣ стараться[б]?
Довольно, что лишь мы не въ праздности живемъ
И въ день по яицу хозяину несемъ». —
Не смѣйся, курица, пчела на то сказала:
Ты думаешь, чтобъ я тебѣ въ томъ подражала[в],
Когда ты, вставъ съ гнѣзда, съ надсадою кричишь,
Что ты яйцо снесла, и всѣмъ о томъ твердишь.
А я, ты думаешь, безъ дѣла все бываю,
Затѣмъ что я труды свои не разглашаю.
Нѣтъ[г],
Ты ошибаешься, мой свѣтъ!
А въ улей загляни: споръ тотчасъ нашъ рѣшится;
Узнаешь, кто изъ насъ поболѣе трудится.
Съ цвѣтковъ же медъ сбираемъ мы другимъ[д],

[а] Ты въ праздности одной весь вѣкъ свой прожила (1799).
[б] Чтобъ на цвѣтокъ съ цвѣтка летать,
Да медъ съ нихъ собирать.
И впрямь о чемъ тебѣ стараться?
[в] Что я тебѣ не подражала.
[г] (Вмѣсто стиховъ 14—16, въ посмертномъ изданіи читается:)
Такъ ты и заключала,
Что праздно я живу. Нѣтъ, нѣтъ
[д] (Все, что въ нашемъ текстѣ напечатано послѣ стиха 19, совершенно исключено въ посмертномъ изданіи и замѣнено слѣдующими стихами:)
Мы, нашей матери наставленны умомъ,
Прилежностью, трудомъ,
Себѣ уютный строимъ домъ

А что при нашей мы работѣ не шумимъ,
Такъ вѣдай ты, что мы не хвастуны родились;
А тотъ, кто хочетъ разсуждать,
Въ чемъ мы трудами отличились,
Учиться долженъ вкусъ въ сотахъ распознавать.
Къ тому жъ природа насъ и жаломъ наградила
И какъ употреблять его, насъ научила,
Чтобъ имъ наказывать несносныхъ хвастуновъ
И пустослововъ тѣхъ, глупцовъ,
Которы о дѣлахъ такъ вредно разсуждаютъ,
А сами ихъ не понимаютъ.
Такъ полно, курица, болтать
Чтобъ жала моего тебѣ не испытать.

Пренебрегатели поэзіи, внемлите
(Которые ее злословіемъ язвите):
Примѣромъ притча вамъ здѣсь можетъ послужить.
Поэзія пчелой смиренной можетъ слыть,
И вотъ примѣра вамъ начало;
А курицы пусть здѣсь хулитель приметъ видъ,
И притча вамъ тогда всю правду говоритъ.
Хулитель! можно ли, что будто бы ни мало
Въ поэзіи наукъ, ни пользы не бывало?
Уймись, хулитель, ты, въ злословіи, постой;
Ты пользу тѣмъ самимъ ужъ видишь надъ собой,
Что притча истину лицомъ изображаетъ,
Котору безъ лица глупецъ не понимаетъ.

И пищу со цвѣтовъ сбираемъ;
Избытокъ нашъ съ людьми дѣлимъ,
Ихъ яствы услаждаемъ,
Во тмѣ ихъ освѣщаемъ,
И жало для враговъ и трутней лишь хранимъ.

Кого же мы съ пчелой и съ курицей сравнимъ? —
Невѣжда и хвастунъ озлится,
Когда съ насѣдкою сравнится;
Такъ только ко пчелѣ науку примѣнимъ (1799).

[1] Вторая половина этой басни совершенно измѣнена Капнистомъ, не только по изложенію, значительно сокращенному, но и по смыслу нравоученія. Очевидно, что у Хемницера вся эта басня является на степени труда, еще далеко не додѣланнаго; тѣмъ не менѣе она должна была, по смерти его, или быть напечатана въ своемъ настоящемъ видѣ, или остаться вовсе не изданною. Несправедливо налагать на автора отвѣтственность за чужой трудъ, какимъ здѣсь оказывается передѣлка Капниста, и потому я счелъ необходимымъ возстановить подлинный текстъ, не смотря на его неоконченность.

LXXXVI.

ВДОВА [1].

Нѣтъ, полно больше согрѣшать
И говорить, что женъ такихъ нельзя сыскать,
Которыя мужей сердечно бы любили
И послѣ смерти ихъ тотчасъ не позабыли.
Я самъ, признаться, въ томъ грѣшилъ
И легкомыслія порокъ на женъ взносилъ [a];
Но нынѣ всякій разъ готовъ за женъ вступиться
И въ вѣрности къ мужьямъ за нихъ хоть побожиться.
Жена, лишась супруга,
«Лишилась, вопіетъ, тебя я, мила друга,
И полно мнѣ самой на свѣтѣ больше жить».
Жена терзаться, плакать, рваться,
Жена ни спать, ни ѣсть, ни пить,
Жена на то идетъ, себя чтобъ уходить.

[a] Которы бы мужей любили
И ихъ по смерти не забыли.
Я, признаюся, самъ въ томъ часто согрѣшалъ,
И легкомысліемъ полъ нѣжный упрекалъ (1799).

Чтó ей ни говорятъ и какъ ни унимаютъ[б],
Чтó въ утѣшеніе ея ни представляютъ,
Отвѣтъ жены лишь тотъ: «Жестокіе, мнѣ ль жить,
Мнѣ ль жить, лишася друга мила?
Нѣтъ, жизнь моя — его осталася могила».
А этимъ всѣмъ ея отчаяннымъ словамъ
Свидѣтель точный былъ я самъ.
Вотъ мужа какъ жена любила[в].
Возможно ль быть,
Чтобъ мужа мертваго такъ горячо любить?
Везутъ покойника къ могилѣ хоронить[г]
И опускаютъ ужъ въ могилу.
Жена тудá же къ другу милу...
Ужли бъ и впрямь себя зарыть дала[д]? —
Нѣтъ, такъ бы за мужемъ чрезъ мѣсяцъ не была!

[б] Жена
Лишилася супруга.
«Лишилась,» вопіетъ она,
«Тебя я, мила друга.
И полно мнѣ самой на свѣтѣ больше жить.»
Жена терзаться,
Ни спать, ни ѣсть, ни пить,
Морить себя и рваться.
Чтó ей ни станутъ говорить,
И какъ ни унимаютъ,
Чтó въ утѣшеніе ея ни представляютъ.

[в] Нѣтъ, жизнь моя — могила.
Отчаяннымъ словамъ
Я былъ свидѣтель самъ.

[г] Нельзя, казалося, такъ мертваго любить.
Везутъ покойника къ погосту хоронить.

[д] Но неужель себя и впрямь зарыть дала?

[1] И этотъ разсказъ носитъ явные слѣды недоконченности. Вслѣдъ за приведеннымъ выше текстомъ, въ тетради Хемницера написано его же рукой нѣсколько замѣтокъ въ прозѣ, которыми онъ по видимому хотѣлъ воспользоваться для дальнѣйшей отдѣлки басни. Вотъ одинъ изъ этихъ набросковъ: «Ну, да если у Индѣйцевъ жены, по смерти мужей, въ огонь бросаются, чтобы сгорѣть, такъ для чего жъ у насъ не броситься въ мо-

гилу, чтобъ вмѣстѣ съ мужемъ умереть? Не знаю, отчего къ нашимъ женамъ довѣренности столько нѣтъ».

Первоначальный планъ этой басни набросанъ на особомъ листкѣ слѣдующимъ образомъ: «Жена, лишившись мужа смертію, плачетъ и хочетъ съ нимъ живая лечь въ могилу; и дѣйствительно она легла, какъ опустили мужа туда, и она бросилась за нимъ: итакъ она теперь въ могилѣ съ нимъ лежитъ, нельзя никакъ жену отъ мужа оторвать. Грозятъ ей: намъ пора могилу зарывать, иль хочешь ты, чтобъ и тебя зарыли?— Безчеловѣчны вы, что не дадите мнѣ съ нимъ вмѣстѣ умирать. Дайте мнѣ съ нимъ здѣсь надъ гробомъ умереть, не зарывая; а если хотите зарывать, такъ не останусь я тутъ: я хочу умереть надъ нимъ, но смертію своей, а не хочу зарытой быть. Я умереть хочу, да только не насильно. Я думаю, что я умру, когда часъ смертный придетъ мой самъ собой, а быть зарытой не хочу».

Кромѣ помѣщеннаго выше, въ нашемъ текстѣ, разсказа, въ рукописяхъ Хемницера отыскалась еще совершенно другая, болѣе обширная обработка сходнаго сюжета, которая, при всемъ несовершенствѣ своемъ, представляетъ черты оригинальности и будетъ помѣщена ниже, въ отдѣлѣ неизданныхъ басенъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности положительно опредѣлить, которая изъ двухъ обработокъ была первою; по нѣкоторымъ признакамъ можно однакожъ заключать, что пространный разсказъ написанъ позднѣе.

LXXXVII.

ЧУЖАЯ БѢДА[1].

Ужли чужой бѣдѣ не должно помогать?
Мужикъ возъ сѣна везъ на рынокъ продавать[а].
Случился косогоръ: возъ на бокъ повалился.
Мужикъ ну возъ приподымать,
И очень долго съ возомъ бился,
Да видитъ, одному ему не совладать:
Прохожихъ въ помощь призываетъ,
Того, другого умоляетъ[б].
Тотъ мимо и другой,
Всякъ про себя ворчитъ: «Да что ста, возъ не мой,
Чужой!»

Услуга никогда въ потерю не бываетъ.

[а] Ужель чужой бѣдѣ не должно помогать?
Мужикъ везъ сѣно продавать (1799).

[б] (Стихи отъ 7-го до конца замѣнены въ посмертномъ изданіи слѣдующими:)
Проѣзжаго къ себѣ на помощь призываетъ.
«Вотъ, чортъ на косогоръ занесъ»,
Проѣзжій отвѣчаетъ,
И мимо погоняетъ.
Мужикъ вздохнулъ, и всѣ напрягши силы, возъ
Кое-какъ приподнявъ, съ крутой горы спускаетъ.
Спустилъ, анъ видитъ: тутъ съ саньми во рву лежитъ
Проѣзжій, что ему дать помощь отказался
И мимо вскачь промчался.
Теперь же мужику: «Ой! помоги», кричитъ.
Мужикъ спокойно проѣзжаетъ:
«Знать, врагъ
Занесъ въ оврагъ»,
Проѣзжему онъ отвѣчаетъ:
«Ты мнѣ не захотѣлъ помочь;
Лежи жъ и самъ теперь. Прощай, братъ, добра ночь!»

[1] По нравоученію подлиннаго разсказа видно, что онъ не конченъ; вся вторая половина его, въ томъ видѣ какъ онъ напечатанъ въ посмертномъ изданіи, принадлежитъ Капнисту и помѣщается здѣсь въ варіантѣ *б*.

LXXXVIII.

СТАТУЯ[1].

Художникъ нѣкакій, рѣщикъ,
Въ художествѣ своемъ и славенъ и великъ,
Задумалъ вырѣзать статую
Такую,
Которая бъ могла ходить
И говорить
И съ виду человѣкомъ быть[a].
Рѣщикъ статую начинаетъ,
Все мастерство свое рѣщикъ истощеваетъ.
Статуя движется, статуя говоритъ
И человѣческій во всемъ имѣетъ видъ;
Но все статуя та не человѣкъ, — машина:
Статуя дѣйствуетъ, коль дѣйствуетъ пружина;
Статуѣ нравственной души недостаетъ[6].

Искуствомъ чувствъ не дашь, когда природныхъ нѣтъ.

[a] Искусный нѣкакій рѣщикъ,
Какъ трудъ казался ни великъ,
Затѣялъ вырѣзать статую
Такую,
Которая бъ могла ходить, лежать, сидѣть,
И слушать, и глядѣть,
И словомъ, чувства всѣ какъ человѣкъ имѣть (1799).

[6] Статуѣ все-таки души недостаетъ.
Со всѣмъ тѣмъ къ ней народъ толпами собирался;
Статуѣ каждый удивлялся;
Всякъ отъ статуи безъ ума.
Но съ тѣхъ поръ, знать, весьма
Искуство это расплодилось:
Статуй сихъ множество межъ нами появилось.

[1] Очевидно, что Хемницеръ, не включивъ этой басни въ число двѣнадцати переписанныхъ имъ начисто, не считалъ ее окончательно отдѣланною. Это ясно и изъ черновой рукописи, гдѣ послѣ заключительныхъ стиховъ текста находятся еще двѣ слѣдующія имъ самимъ зачеркнутыя приписки: «Или, статуя эта много походитъ на людей, у которыхъ своего

ума нѣтъ, а живутъ чужимъ: чтó выучили, то и знаютъ, а сами мыслить не могутъ».

«Искуствомъ не возьмешь,
Когда чего природа не дала».

Кромѣ того, вмѣсто стиха:

Искуствомъ чувствъ не дашь, когда природныхъ нѣтъ,

прежде написанъ былъ другой:

Которой часто въ людяхъ нѣтъ.

Шестистрочнаго заключенія басни, напечатаннаго во всѣхъ посмертныхъ изданіяхъ Хемницера (см. вар. *б*), вовсе нѣтъ въ его рукописяхъ; оно вполнѣ принадлежитъ перу Капниста.

LXXXIX.

БУКВЫ.

Чтобы ученыхъ отучить
Въ пустыхъ словахъ искать и тайну находить,
Которую они по ихъ рѣчамъ находятъ[а]
И, сумасбродствуя, другихъ въ безумство вводятъ,
Не помню царь земли какой
Ихъ шуткой осмѣялъ такой[б].
Подъ городомъ однимъ развалины стояли,
Остатки башенъ городскихъ,
А около отломки ихъ,
Землей засыпаны, лежали[в].
На сихъ обломкахъ царь, ученымъ въ искушенье,
Изсѣчь по буквѣ приказалъ;
Потомъ тѣ буквы на рѣшенье

[а] Въ словахъ смыслъ тайный находить,
Который въ нихъ они находятъ (1799).

[б] Ихъ шуткой отучилъ такой.

[в] А около лежали
Обломки ихъ.

За рѣдкость по своимъ ученымъ разослалъ[г].
«Посмотримъ, царь сказалъ,
Какое выведутъ ученые значенье.
Ужъ то-то толки тутъ
Пойдутъ!»
И подлинно, пошли: хлопочутъ, разбираютъ,
Чтобъ тайный смыслъ найти словамъ.
Разсылка буквъ по всѣмъ ученымъ и землямъ:
Всѣ академіи къ рѣшенью приглашаютъ,
Записки древности, архивы разбираютъ;
Газеты даже всѣ о буквахъ говорятъ;
Ребята всѣ объ нихъ и старики твердятъ;
Но мрачность древности никто не проницаетъ[д].
Царь наконецъ хотѣлъ ихъ глупость обличить:
Всѣмъ приказалъ къ себѣ своимъ ученымъ быть,
И заданныя самъ имъ буквы объясняетъ.
Весь смыслъ неразрѣшимыхъ словъ
Былъ тотъ: *здѣсь водопой ословъ*.

[г] И будто древнія въ развалинахъ сыскалъ,
Онъ разослалъ ихъ на рѣшенье (1799).

[д] Разсылка буквъ по всѣмъ землямъ:
Всѣ академіи къ рѣшенью приглашаютъ,
И толковъ тысяча идетъ:
Иной египетскихъ сокрытыхъ таинствъ свѣтъ
Тутъ выискалъ; иного мнѣнье,
Что тутъ предсказанъ день всемірнаго рушенья;
Иной въ значеньи ихъ нашелъ закрытый кладъ.
И вкось и вкриво всѣ о буквахъ сихъ твердятъ,
Но мрака древности никто не проницаетъ.
Царь наконецъ хотѣлъ ихъ глупость обличить,
Всѣмъ приказалъ къ себѣ отцамъ ученымъ быть.
И заданныя имъ самъ буквы объясняетъ.
Весь смыслъ неразрѣшимыхъ словъ
Былъ тотъ: *здѣсь водопой ословъ*.

XC.

МЕТАФИЗИКЪ[1].

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ
И что вобще того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго отмѣнно почитаютъ,
Затѣмъ что съ знаніемъ такихъ людей считаютъ;
И смотря на другихъ, онъ сына тожъ послать
Учиться за море рѣшился:
Онъ отъ людей любилъ не отставать,
Затѣмъ что былъ богатъ. Сынъ сколько-то учился,
Да сколько ни былъ глупъ, глупѣе возвратился[a].
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ;
И малаго не научили,
А навѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало глупости онъ попросту болталъ,
Теперь ученостью онъ толковать ихъ сталъ[6].
Бывало лишь глупцы его не понимали,
А нынѣ разумѣть и умные не стали;
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ.

Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:
Сыскать начало всѣхъ началъ,

[a] И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ виду отличаютъ.
Такъ чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился.
Но сынъ глупѣе воротился (1799).

[6] Бывало съ глупости онъ попросту болталъ;
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.

Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши, вдругъ онъ въ ямѣ очутился [в].
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести;
А думный между тѣмъ дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
Какая быть могла паденія причина?
Что оступился я, ученый заключалъ,
Причиною землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье
Могло произвести воздушное давленье,
Съ землей и съ ямою семи планетъ сношенье [г]...

Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
«Вотъ,» говоритъ, «тебѣ веревка: ухватися.
Я потащу тебя; смотри, не оборвися [д]». —
Нѣтъ, погоди тащить; скажи мнѣ напередъ:
Веревка вещь какая? —

Отецъ хоть былъ и не ученъ,
Да отъ природы былъ уменъ.
Вопросъ дурацкій оставляя,
«Веревка вещь, сказалъ, такая [е],

[в] Дорогой шедши оступился,
И въ ровъ попалъ (1799).

[г] Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье —
Центральное влеченье,
Воздушное давленье....

[д] Я потащу тебя, держися.

[е] Понесъ студентъ обычный бредъ,
Веревка вещь какая? —
Отецъ его былъ не ученъ,
Но разсудителенъ, уменъ.
Вопросъ ученый оставляя,

Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ.» —
На это бъ выдумать орудіе другое,
А это слишкомъ ужъ простое. —
«Да время надобно», отецъ ему на то:
«А это, благо, ужъ готово».—
А время что? —
«А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять[1].
Сиди,» сказалъ отецъ, «пока приду опять.»

Что, если бы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать?..:
Да яма надобна большая!

«Веревка вещь,» ему отвѣтствовалъ, «такая,
Чтобъ ею вытащить кто въ яму попадетъ».—
«На это бъ выдумать орудіе другое»,
Ученый все свое несетъ:
«А это что такое?...
Веревка! — вервіе простое!» —
«Да время надобно! отецъ ему на то:
А это хоть не ново,
Да благо ужъ готово. —
«Да время что?» и т. д. (какъ въ текстѣ Хемницера).

[1] Въ подлинной рукописи заглавіе: «Метафизическій ученикъ». Въ одной изъ записныхъ книжекъ Хемницера встрѣтилась намъ слѣдующая замѣтка, очевидно относящаяся къ заключенію этой басни и написанная конечно прежде изложенія всего разсказа стихами:

«Не знаю, вовсе ли его онъ тамъ оставилъ, да думаю что нѣтъ: отецъ, то есть. А только естьли бы такихъ вралей всѣхъ засадить въ ямы, то много бы ямъ надобно было. (Не знаю, долго ли онъ въ ямѣ просидѣлъ; однако думаю, что нѣтъ: отецъ ужъ все — всегда отецъ).»

Извѣстно, какъ этой баснѣ посчастливилось въ потомствѣ. Къ чести Хемницера, всѣ самыя удачныя мѣста ея (за исключеніемъ развѣ стиховъ: «А это что такое?... Веревка! — вервіе простое!») находятся уже и въ подлинной рукописи его: передѣлки Капниста на этотъ разъ ограничиваются по большей части неважными перемѣнами въ выраженіяхъ. Читателю легко повѣрить это сличеніемъ текста съ варіянтами, представляющими у насъ редакцію посмертнаго изданія.

XCI.
СОБАКА И МУХИ.

Собака ловитъ мухъ, однако не поймаетъ
И глупая не разсуждаетъ,
Что муха вѣдь летаетъ
И что поймать ее пустое затѣваетъ[а].
Лови, собака, то, что сыщешь подъ ногой,
Не то, что надъ твоей летаетъ головой.

[а] (Этотъ стихъ въ посмертномъ изданіи исключенъ).

XCII.
ДУРАКЪ И ТѢНЬ.

Я видѣлъ дурака такого одного,
Который все гнался за тѣнію своею,
Чтобы поймать ее, да какъ? бѣгомъ за нею[а].
За тѣнью онъ, тѣнь отъ него.
Изъ жалости къ нему, что столько онъ трудится,
Прохожій дураку велѣлъ остановиться:
«Ты хочешь, говоритъ ему онъ, тѣнь поймать;
Да ты надъ ней стоишь, а чтобъ ее достать,
Лишь только стóитъ наклониться[б].»
Такъ нѣкто въ счастіи да счастія жъ искалъ,
И также этому не знаю кто сказалъ[в]:
«Ты счастья ищешь, а не знаешь,
Что ты, гоняяся за нимъ, его теряешь[г].
Послушайся меня, и ты его найдешь:
Остановись своимъ желаньемъ
И будь доволенъ состояньемъ,
Въ которомъ ты живешь».

[а] Я видѣлъ одного такого дурака,
Который за своей всегда гонялся тѣнью,
Хотѣлъ ее поймать; казалось, и близка,
Но бѣганью его, круженью
Конца нѣтъ; а поймать не можетъ ничего (1799).

[б] То стóитъ только наклониться.

[в] Одинъ мудрецъ ему сказалъ.

[г] Что ты, гоняяся за нимъ, его гоняешь.

НЕИЗДАННЫЯ БАСНИ И СКАЗКИ

ХЕМНИЦЕРА.

Ниже помѣщаемые басни и разсказы найдены частью въ тѣхъ же тетрадяхъ Хемницера, гдѣ записаны и предыдущіе, напечатанные Львовымъ и Капнистомъ по смерти нашего баснописца, частью на отдѣльныхъ листкахъ. Первые два разсказа были занесены въ черновую рукопись Капниста, о которой говорено выше (см стр. 215) *, но не попали въ число избранныхъ имъ для изданія. Прочія либо не обратили на себя вниманія его, либо остались ему неизвѣстны и лишь впослѣдствіи отыскались въ бумагахъ покойнаго.

XCIII.

ХУЛИТЕЛЬ СТИХОТВОРСТВА.

Бесѣдѣ гдѣ-то быть случилося такой,
Гдѣ занимались тѣмъ иные, что читали
И о наукахъ толковали,
Другіе, что себя шутами забавляли,
Которыхъ привели съ собой, —

* Собственно говоря, своею рукою Капнистъ переписалъ только тѣ посмертныя басни Хемницера, которыя составили 3-ю часть сборника; но сохранилась еще тетрадь, писанная другимъ почеркомъ, кажется, подъ диктовку Капниста: въ этой тетради находятся, съ его поправками, и помѣщаемые въ началѣ настоящаго отдѣла два разсказа.

Къ чему кто склоненъ былъ. Зашло въ бесѣдѣ той
И о стихахъ какихъ-то разсужденье,
Изъ денегъ писанныхъ кому-то на рожденье[а].
Одинъ въ бесѣдѣ той, охотникъ до шутовъ,
А ненавистникъ всѣхъ наукъ и всѣхъ стиховъ,
Въ углу сидѣвъ, туда жъ пустился въ разсужденье:
«Да что! и всѣ стихи, хоть вовсе бъ не писать!»
Другіе на него лишь только посмотрѣли
И какъ бы внутренно, что онъ дуракъ, жалѣли[б].
Сказавши глупость ту, онъ сталъ еще шпынять
Надъ бывшимъ тутъ однимъ писателемъ достойнымъ,
И голосомъ своимъ спросилъ его нестройнымъ:
«И вы вѣдь любите стихи же сочинять?» —
Такъ, отвѣчалъ другой: люблю стихи писать,
Однакоже не площадные,
А только я пишу такіе,
Гдѣ дураковъ могу сатирой осмѣять.

[а] (Подъ этимъ стихомъ читается въ рукописи варіантъ:)
На именины чьи, не помню, на рожденье,
Да только гнусное изъ денегъ сочиненье.
[б] Другіе на него тѣмъ видомъ посмотрѣли,
Какъ будто внутренно, что онъ дуракъ, жалѣли (Ркп.).

XCIV.

ОСТЯКЪ И ПРОѢЗЖІЙ[1].

Что и въ умѣ, когда душа
Не хороша?
Народовъ дикихъ насъ глупѣе быть считаютъ,
Да добрыхъ дѣлъ они насъ больше исполняютъ;
А это Остякомъ хочу я доказать,
И про него такой поступокъ разсказать,
Который бы его изъ рода въ родъ прославилъ,
А больше подражать ему бы насъ заставилъ.
У Остяка земли чужой наслежникъ[2] былъ,
Который отъ него какъ въ путь опять пустился,
То денегъ сто рублевъ дорогой обронилъ
И прежде не хватился,
Пока ужъ далеко отъѣхалъ онъ впередъ.
Какъ быть? назадъ ли воротиться?
Искать ли ихъ? и гдѣ? и кто въ томъ поручится,
Чтобъ ихъ опять найти, а время пропадетъ.
«Давно ужъ, можетъ-быть», проѣзжій разсуждаетъ,
«Ихъ поднялъ кто-нибудь». Итакъ свой путь впередъ
Съ великимъ горемъ продолжаетъ.
Сынъ Остяка, почти что за проѣзжимъ вслѣдъ
Съ двора пошедши за звѣрями,
Идя нечаянно проѣзжаго слѣдами,
Мѣшокъ, который тотъ дорогой обронилъ,
Нашелъ, принесъ къ отцу. Не зная, чей онъ былъ,
Отецъ сберегъ его, съ тѣмъ, ежели случится
Хозяину когда пропажи той явиться,
Чтобы ее отдать.
По долгомъ времени опять
Проѣзжій тою же дорогой возвратился
И съ Остякомъ разговорился,

Что деньги, отъ него онъ ѣхавъ, потерялъ.
«Такъ это ты!» Остякъ отъ радости вскричалъ:
«Я спряталъ ихъ. Пойдемъ со мною,
Возьми ихъ самъ своей рукою».

Въ Европѣ сто рублевъ гдѣ можно обронить
И думать, чтобъ когда назадъ ихъ получить[a]?

[a] Кто пробовалъ терять
Межъ просвѣщенныхъ,
Межъ моралистовъ и ученыхъ,
Скажите, деньги тѣ нашелъ бы кто опять? (Рукоп. передѣлка Капниста).

[1] Въ черновой тетради Хемницера, откуда заимствованъ этотъ разсказъ, онъ озаглавленъ: «Войтякъ и проѣзжій»; но тамъ же въ текстѣ постоянно упоминается *Остякъ*.

[2] По словарю Даля, формы: *наслегъ*, *наслежный* въ сѣв. и вост. Россіи употребляются вмѣсто: *ночлегъ*, *ночлежный*. Поэтому *наслежникъ* должно здѣсь означать человѣка, имѣвшаго ночлегъ. Вѣроятно, Хемницеръ узналъ это слово еще въ дѣтствѣ, живя въ Оренбургскомъ краю. По показанію Даля же, *наслегомъ* въ Сибири называется «якутская деревня, аулъ десятка въ два юртъ (кибитокъ)».

XCV.

КОШКА.

Жить домомъ, говорятъ, — нельзя безъ кошекъ быть.
Домашняя нужна полиція такая
Не меньше, какъ и городская:
Зло надобно вездѣ стараться отвратить[a].
И взяли кошку въ домъ, чтобы мышей ловить,
И кошка ихъ ловила.
Хозяйка дому, должно знать,
Птицъ разныхъ при себѣ держать
Любила.
Чтожъ? кошка, будучи блудлива тварь, съ мышей
На ловлю птичекъ напустила[б]
И на ряду съ мышами ихъ душила.
За это ремесло свернули шею ей:
«Ты въ домъ взята была, хозяйка говорила,
Не птицъ ловить, — мышей».

[a] Конечно, зло ни въ чемъ не должно попустить (Ркп.)
(Передъ этимъ стихомъ зачеркнуты еще два:)
Безъ кошекъ мыши одолѣютъ,
А кошки ихъ унять умѣютъ.

[б] Какой-то въ кошку бѣсъ вселился, что съ мышей
Она на птичекъ напустила.

XCVI.

ЗАЙЦЫ И ЕЖЪ[1].

Охотники ежа и зайцевъ изловили,
И вмѣстѣ ихъ въ одинъ звѣринецъ посадили.
Чтожъ?
Ежъ,
Ни дай, ни вынеси, на зайцевъ наступаетъ,
Щетину колку напрягаетъ,
То подъ того, то подъ другого скокъ,
И колетъ зайцевъ, и кусаетъ.
Ужъ зайцы отъ ежа и въ уголъ и въ другой,
Чтобъ только какъ-нибудь укрыться.
Но ежъ какъ тутъ, какъ тутъ, у зайцевъ за пятой[a],
И бѣднымъ чѣмъ оборониться?
У зайцевъ кожа вѣдь тонка,
А у ежа жестка щетина и колка.
Рѣшилась ихъ судьба:
Ежъ скокъ за зайцами еще съ пригорка въ долъ,
Ударился о сукъ и брюхо распоролъ.

[a] Ужъ зайцы отъ ежа на горку и въ лѣсокъ,
Но ежъ туда жъ за ними мчится (Ркп.).

[1] На эту басню можно смотрѣть только какъ на первоначальную попытку. Намѣреніе автора видно изъ зачеркнутаго въ началѣ ея нравоученія:

Не думай, кто силенъ, безсильныхъ обижать
И наказанія за это избѣжать.
Хоть злобу иногда судьба и попускаетъ
И сноситъ злодѣянья злыхъ,
Но съ ужасомъ потомъ наказываетъ ихъ
И мздой обиженныхъ бываетъ.

XCVII.

БЛАГОЙ СОВѢТЪ[1].

Дѣтина молодой, задумавши жениться,
Объ этомъ разсудилъ у старика спроситься,
Какую онъ жену ему присудитъ взять. —
Я право самъ, дружокъ, не знаю,
Какой тебѣ совѣтъ подать.
Я вотъ какъ разсуждаю:
Съ которой стороны ни станешь разбирать,
Весьма легко случится
Въ женитьбѣ ошибиться.
Какая хочешь ты, чтобъ за тебя пошла:
Красавица ль тебѣ, богатая ль мила,
Иль знатнаго отца чтобъ дочь она была?
Какая для тебя по мыслямъ? я не знаю.
Да вотъ ученую еще я позабылъ. —
«Не то вѣдь, старичокъ, чего я знать желаю:
Я для того тебя спросилъ,
Какую взять жену рѣшиться,
Чтобъ безъ досады съ ней и безъ хлопотъ ужиться.» —
А если такъ, то знай: какую ни возьмешь,
Досады и хлопотъ съ женою не минешь.

[1] Сюжетъ этой басни часто встрѣчается у Хемницера, какъ можно идѣть изъ многихъ прежнихъ его басенъ. Мысль о рѣдкости счастли-ыхъ браковъ, насмѣшки надъ злостью и невѣрностью женъ составляли юбимую тему не только Геллерта, но и вообще тогдашней литературы. Ср. напр. выше, стр. 121: *Отецъ и сынъ его.*

XCVIII.

ВДОВА [1].

Кто нѣжность женъ къ мужьямъ осмѣлится оспорить,
Однихъ чтобъ похвалить, другихъ чтобы позорить,
И станетъ правиломъ всеобщимъ принимать,
Что будто нѣжности въ женахъ нельзя сыскать:
Съ тѣмъ тотчасъ я готовъ хоть предъ судомъ тягаться,
А мало этого, — на поединкѣ драться.
«Неправда», я скажу,
«Чтобъ нѣжнымъ ужъ женамъ къ мужьямъ не отыскаться,
И докажу
Противное тому тѣмъ, чтó я разскажу.
Жена лишилася супруга,
И, думать надобно, лишилась съ нимъ и друга,
Когда и какъ, не знаю я:
Довольно, что жена моя,
Въ отчаяньи такомъ жестокомъ,
Въ унынiи такомъ глубокомъ,
Въ какомъ никто жены другой
Не видывалъ родясь, я чаю, никакой,
Къ могилѣ мужниной по всякiй день приходитъ
И страшный плачъ и вопль надъ мужемъ производитъ
И, словомъ, смертною объемлется тоской.
А тѣ кладбища были
Предъ городской стѣной, гдѣ грѣшниковъ казнили.
Въ то время, какъ вдовы былъ мужъ тутъ погребенъ,
Былъ грѣшникъ тутъ казненъ,
А именно повѣшенъ,
За то, что въ воровствѣ былъ грѣшенъ,
И былъ его стеречь приставленъ часовой.
Въ томъ городѣ обрядъ такой,
Что грѣшниковъ долой, повѣсивъ, не снимаютъ,

А на глаголѣ оставляютъ,
Чтобы воровъ другихъ тѣмъ зрѣлищемъ страшить
И къ воровству бы въ нихъ охоту отвратить.
Вдова моя горюетъ
И надъ могилою и день и ночь,
Не отходя ни на минуту прочь,
И, злѣе что еще, нарочно голодуетъ,
Чтобы изъ нѣжности къ супругу своему
Послѣдовать скорѣй на тотъ же свѣтъ къ нему.
Стражъ грѣшника сей вопль и горькій плачъ внимаетъ;
Зачѣмъ, кто и о комъ, стражъ грѣшника не знаетъ.
И день и ночь прошли, насталъ день ужъ другой:
Мой часовой
Узнать весьма о томъ желаетъ,
И только ночи онъ скорѣе ожидаетъ,
Затѣмъ что днемъ сойти съ часовъ боится прочь.
Настала ночь:
Пошелъ мой стражъ туда, гдѣ вдовушка рыдала
И часа смертнаго себѣ устроевала.
Сталъ вдовушку служивый унимать,
Чтобъ тосковать она о мужѣ перестала:
«Вѣдь тѣмъ его тебѣ уже не воскресить»,
Служивый сталъ вдовицѣ говорить:
«Ужъ такъ и быть,
Что мужа своего ты милаго лишилась,
А ты къ тому жъ еще и молода;
Такъ это не бѣда;
Вѣдь мужъ какъ мужъ: того нѣтъ, наживешь другого,
А можетъ быть, еще такого,
Который лучше и того.
Пожалуй, не скорби лица ты своего
И перестань оплакивать его.
Подумай, годы-то твои еще какіе:
Вѣдь годы самые еще лишь молодые,

Вѣдь ты красу лица совсѣмъ тѣмъ погубишь,
И вовсе тѣло ты и духъ свой изнуришь
И изгрустишься,
И прежде времени красы своей лишишься!»
Проходитъ такъ-то день, проходитъ и другой:
Мой часовой
Съ часовъ по всякій день вдовицу посѣщаетъ
И вдовушку груститься унимаетъ.
И въ истину, моя вдовица начинаетъ
По-малу въ чувство приходить,
То есть ужъ менѣе отчаянною быть;
А если прямо говорить,
Такъ воина уже хотя и не любить,
Однакоже къ нему и не противной быть,
Котораго сперва и видѣть не хотѣла,
Какъ въ первый разъ онъ къ ней пришелъ
И отъ отчаянья ее унять хотѣлъ:
Такую стража рѣчь власть надъ вдовой имѣла.
Когда же воинъ сей вдовицу посѣщалъ
И, должность позабывъ, ее лишь утѣшалъ
И плакать унимать старался,
Въ бѣду было мой часовой попался.
На висѣлицѣ воръ повѣшенный пропалъ:
Какой-то воръ подкрался
И вора съ висѣлицы снялъ.
Мой часовой встужился и взметался,
Почти въ удавку лѣзетъ самъ.
И въ истину бы быть великимъ хлопотамъ,
Когда бъ со вдовушкой да ты не подружился.
Безъ памяти къ вдовѣ мой часовой бѣжитъ.
«Погибъ я и пропалъ!» вдовѣ онъ говоритъ:
«Подумай, грѣшника вѣдь у меня стащили!
Пропала голова моя!
Куды гожуся я?

Навѣкъ теперь меня злодѣи погубили!
Куды теперь, куды несчастный я поспѣлъ?
А все, что я унять твою тоску хотѣлъ»...
Вдова о семъ его несчастіи вступилась;
Да какъ помочь и что начать?
А помощи нельзя служивому не дать:
Добро добромъ и надлежитъ воздать.
Да какъ? кто можетъ отгадать
И въ дѣлѣ томъ совѣтъ какой-нибудь подать,
Чтобы хлопотъ всѣхъ миновать?
Читатель! слушай же, чтó я хочу сказать.
Вдовѣ мой воинъ такъ вѣщаетъ:
«Позволь мнѣ мужа ты покойнаго отрыть,
На мѣсто грѣшника его чтобъ помѣстить,
Когда хоть мало ты да обо мнѣ жалѣешь
И искру нѣжности къ несчастному имѣешь;
За что тебя
Въ знакъ благодарности возьму я за себя.—
«Что мнѣ ты говорить, жестокій, смѣешь?
Мнѣ ль тѣнь покойнаго толико оскорбить
И до ругательства такого допустить?
Что станутъ люди говорить?
Нѣтъ, не ласкайся тѣмъ: тому не можно быть».
Но дѣло, въ истину, на шутку не походитъ,
И до того доходитъ,
Чтобъ стражу самому на висѣлицѣ быть,
Затѣмъ что допустилъ онъ грѣшника стащить.
Мой воинъ выть,
Грустить....
Вдова, другого тутъ не видя средства
Къ спасенію отъ бѣдства,
Сказала воину: «Что дѣлать мнѣ съ тобой?
Твори, что хочешь ты, съ покойнымъ и со мной,
Да только лишь его скорѣе ты отрой;

Но чтобъ глаза мои того бы не видали,
И люди бы тебя при томъ бы не застали!»
Тащатъ покойнаго уже изъ гроба вонъ....

[1] О происхожденіи этого разсказа см. выше, стр. 254. И у Геллерта есть сказка *Вдова* (кн. III), основная мысль которой — т. е. непрочность воспоминанія и горя о покойномъ мужѣ — та же самая, но обстоятельства и подробности разсказа совсѣмъ другія.

XCIX.
ПУТЕШЕСТВІЕ ЛЬВА.

Одинъ какой-то левъ когда-то разсудилъ
Все осмотрѣть свое владѣнье,
Чтобъ видѣть свой нарбдъ и какъ они живутъ.
Левъ этотъ, должно знать, былъ лучше многихъ львовъ —
Не тѣмъ чтобъ онъ щадилъ скотовъ
И кожи съ нихъ не дралъ; нѣтъ, кто бы ни попался,
Тожъ спуску не было. Но добрымъ онъ считался,
Затѣмъ что со звѣрей хоть самъ онъ кожи дралъ,
Да обдирать промежъ собой не допускалъ:
Всякъ доступъ до него имѣлъ и защищался.
И впрямь, пусть левъ одинъ ужъ будетъ кожи драть,
Когда бѣды такой не можно миновать.
Природа, говорятъ, ужъ будто такъ хотѣла
И со звѣрей другихъ льву кожи драть велѣла.
Итакъ левъ этотъ объявилъ,
Чтобъ съ нимъ и дворъ его готовъ къ походу былъ.
Исполнено велѣнье,
И весь придворный штатъ
Для шествія со львомъ былъ взятъ, —
Штатъ, разумѣется, какой при львѣ бываетъ,
А не какой султана провожаетъ:
Придворный штатъ людскихъ царей совсѣмъ другой,

Да только и при львѣ былъ штатъ большой*.
Чтó знаютъ при дворѣ, то знаютъ и въ народѣ:
Лишь только сказано придворнымъ о походѣ,
Ну вѣсть они скорѣе разсылать,
Кумъ къ куму, къ свату сватъ курьеровъ отправлять:
«Левъ будетъ къ вамъ, смотрите,
Себя и насъ поберегите».
Придворнымъ иногда
Съ уѣздными одна бѣда:
Вѣдь связи разныя между людьми бываютъ.
Тотъ, кто со стороны тревоги всѣ видалъ,
Когда прибытія царя гдѣ ожидаютъ,
Ихъ знаетъ. Да и я не разъ при томъ бывалъ,
Какъ напримѣръ въ тюрьму обиженныхъ сажали,
Чтобъ, сидя тамъ, своей обиды не сказали;
Иному, — чтобы промолчалъ, —
Противъ того, чего изъ взятокъ получили,
Вдвойнѣ и втрое возвратили,
И тысячи такихъ, и хуже этихъ дѣлъ:
Всякъ видъ всему давалъ такой, какой хотѣлъ,
Бездѣльства всѣ свои бездѣльствомъ прикрывали.
Со львомъ, ни дать, ни взять,
Все это дѣлали, да на звѣрину стать,
И все такъ гладко показали,
Какъ будто ничего. Куда онъ ни зайдетъ,
Вездѣ и все какъ водится найдетъ [1].
Считая, что онъ все въ исправности нашелъ,
Доволенъ левъ домой съ походу возвратился:...
И льву старому, своему отцу, ну разсказывать свое путешествіе съ превеликимъ удовольствіемъ. Старый левъ все слушалъ.
«Ну», говоритъ ему потомъ: «такъ ты считаешь,
Что все, что видѣлъ, ты въ исправности нашелъ?

* Да только и при львѣ скотовъ былъ штатъ большой (Ркп.).

Однако ты себя напрасно утѣшаешь.
И я бывало, такъ какъ ты теперь, считалъ
(Когда еще не столько зналъ),
Что въ настоящемъ мнѣ все видѣ показали.
Да разсуди ты самъ: приходъ узнавши львовъ,
Кто будетъ простъ таковъ,
Чтобъ шалости не скрыть, какъ ихъ тебѣ скрывали?
Желая прямо все и видѣть и узнать,
Большого штата левъ съ собой не долженъ брать».

[1] Сюда относится слѣдующая замѣтка въ одной изъ тетрадей Хемницера: «Въ басню: *Путешествіе льва*. Ну звѣри раны зализывать, которыя кто кому надѣлалъ; ну клочки шерсти на мѣсто вырванной прилѣплять; приставили бъ еще и лапы и хвосты и уши, которые пооткусали, когда бы только ихъ приставить можно было».

C.

ДВА ВОЛКА.

Два волка при одномъ какомъ-то львѣ служили
И должности одни и милости носили[a].
Одинъ однако волкъ все-на-все быть хотѣлъ
И не терпѣлъ,
Что наравнѣ съ своимъ товарищемъ считался.
Онъ всѣми силами старался
Товарища у льва въ немилость привести,
Надѣяся до этого дойти
То тою,
То другою
На волка клеветою.
Левъ видѣлъ это все, однако все молчалъ,
Съ тѣмъ, до чего дойдетъ; а сверхъ того считалъ:

[a] (Между 2-мъ и 3-мъ стихомъ зачеркнуты два слѣдующіе:)
Такъ что досадовать, кто только не хотѣлъ,
Причины не имѣлъ.

Какъ волка клевета безъ дѣйства остается,
Волкъ больше клеветать устанетъ и уймется
(А этотъ левъ, какъ всякъ о томъ извѣстенъ былъ,
Наушниковъ держать и слушать не любилъ)[6].
Неймется волку: все приходитъ
И на товарища то то, то это взводитъ.
Наскучивъ наконецъ левъ волчьей клеветой,
«Постой же, думаетъ: я сдѣлаюсь съ тобой[1]!
Ты хочешь клеветой подбиться,
Чтобы товарища въ немилость привести
И милости одинъ нести:
На самого жъ тебя немилость обратится».
И тотчасъ повелѣнье далъ,
Чтобъ волкъ, котораго другой оклеветалъ,
За службу получилъ двойное награжденье
И должность лучше той, какую исправлялъ;
Тому же, сверхъ своей, другую должность далъ,
Сославши отъ двора подъ строгое смотрѣнье.
Я бъ послѣ этого придворнымъ всѣмъ сказалъ
Какъ маленькихъ дворовъ, такъ и большихъ: Смотрите!
Чтобъ съ волкомъ не имѣть вамъ участи одной,
Другъ на друга не клевещите;
А вы частехонько живете клеветой.

[6] (Между 16-мъ и 17-мъ стихомъ предполагалось еще вставить:)
Не такъ, какъ львы, его товарищи, другіе
И такъ, какъ бы въ людскомъ быту, цари иные (Ркп.).

CI.

ПЕСЪ И ЛЬВЫ.

Какой-то песъ ко львамъ въ ихъ область жить попался,
Который хоть про львовъ слыхалъ,
Однако никогда въ глаза ихъ не видалъ,
А менѣе того ихъ образъ жизни зналъ.
Песъ видитъ, что у львовъ коварна жизнь идетъ:
Ни дружбы межъ собой, ни правды львы не знаютъ,
Другъ друга съ виду льстятъ, а внутренно терзаютъ.
Привыкнувъ жить межъ псовъ одною простотой,
Не зная ни коварствъ, ни злобы никакой,
Дивится жизни таковой
И разсуждаетъ самъ съ собой:
Хоть псы между собой грызутся
И тожъ, случится, подерутся,
Однако впрочемъ жизнь у нихъ
Безъ всѣхъ коварствъ и мыслей злыхъ,
Не какъ у львовъ. Пса жизнь такая раздражаетъ,
Жилище львовъ онъ покидаетъ.
Песъ, прибѣжавъ домой, разсказываетъ псамъ:
Нѣтъ, наказаніе достаться жить ко львамъ,
Гдѣ каждый часъ одинъ другого радъ убить,
А вся причина та (когда у львовъ спросить):
Левъ всякій хочетъ львищемъ быть.

CII.

ДВА ЛЬВА СОСѢДИ.

Два льва, сосѣди межъ собой,
Пошли другъ на друга войной,
За что, про что — никто не знаетъ;
Такъ имъ хотѣлось, говорятъ.
А сверхъ того, когда лишь только захотятъ,
Какъ у людскихъ царей бываетъ, —
Найдутъ причину не одну,
Чтобъ завести войну[a].
Итакъ одинъ изъ этихъ львовъ
Другого полонилъ и область и скотовъ.
Привычка и предубѣжденье
Свое имѣютъ разсужденье:
Хотя, какъ слышалъ я о томъ,
Житье звѣрямъ за этимъ львомъ
Противу прежняго ничѣмъ не хуже стало
(Не знаю, каково прошедшее бывало),
Однако каждый звѣрь все тайнымъ былъ врагомъ,
И только на умѣ держали,
Какъ это сдѣлать и начать,
Чтобъ къ старому попали
Отъ новаго опять.
Какъ все идетъ своей на свѣтѣ чередою,
Оправясь, старый левъ о томъ сталъ помышлять,
Войною возвратить, чтó потерялъ войною.

[a] (Послѣ этого въ рукописи зачеркнуты слѣдующіе стихи:)
Львы отъ людскихъ царей лишь въ томъ отмѣнны были,
Что мира вѣчнаго трактатъ,
Когда войну они другъ другу объявили
(Какъ у людскихъ царей, бываетъ, говорятъ),
При объявленіи войны, не нарушали,
Затѣмъ что никогда трактатовъ не писали.

Лишь только случай измѣнить
Льву звѣри новому сыскали,
Другого случая не ждали:
Ягнята, такъ сказать, волками даже стали.
Какую жъ пользу левъ тотъ прежній получилъ,
Что на другого льва войною онъ ходилъ?
Родныхъ своихъ, друзей, воюя, потерялъ,
А этихъ для себя не въ прокъ завоевалъ.
Вотъ какова война: родное потеряй,
А что завоевалъ, своимъ не называй.

Земли и жители, будучи завоеваны, первые измѣнники бывають тому, которому войной достались. А изъ-за этого тотъ, кто войну заводитъ, чтобъ распространить свою землю, теряетъ войною своихъ природныхъ, а завоеванные народы все не прочны, не надежны.

Когда славолюбіе заговоритъ въ какомъ-нибудь государѣ: оно краснорѣчивѣе, голосъ его убѣдительнѣе...

Voilà les deux vérités que je tire de cette fable[1]:

Съ сосѣдомъ брань всегда готова,
И проку нѣтъ въ войнѣ большого[6].

[6] А отъ войны добра не ожидай большого —
или:
А отъ войны всегда жди слѣдствія худого (Ркп.).

[1] Т. е. Вотъ двѣ истины, которыя я извлекаю изъ этой басни.

CIII.

НАРОДЪ И ИДОЛЫ[1].

На простяковъ всегда обманщики бывали
Равно въ старинныя и въ наши времена.
Ухватка только не одна,
Какую обмануть народъ употребляли,
А первыхъ на обманъ жрецовъ
Бывало въ старину считали.
Отъ нашихъ нынѣшнихъ головъ
Обмановъ столько нѣтъ: умнѣе люди стали.
А чтобъ обманывать народъ,
Жрецовъ былъ первый способъ тотъ,
Что разныхъ идоловъ народу вымышляли:
Вездѣ, гдѣ ни былъ жрецъ, и идолы бывали.
Народъ, о коемъ я теперь заговорилъ,
Обманутъ точно тѣмъ же былъ.
Жрецъ, сдѣлавъ идола и принося моленье,
Ему на жертвоприношенье
Давать и приносить народу предписалъ
Все то, что напримѣръ и самъ бы жрецъ желалъ:
Жрецовъ и идоловъ всегда согласно мнѣнье,
Не такъ, какъ то у насъ бываетъ межъ судей,
Что противъ разума и истины вещей
Не могутъ иногда, гдѣ должно, согласиться.
Но, чтобы къ идолу опять намъ возвратиться:
Сперва народу данъ одинъ лишь идолъ былъ;
Потомъ ужъ идолъ народилъ
Еще да и еще, и столько прибывало,
Что наконецъ числа не стало.
Какъ это разумѣть, что идолъ могъ родить?
Объ этомъ надобно самихъ жрецовъ спросить.
Такія ли еще ихъ чудеса бывали?

Жрецы на жерновахъ водою разъѣзжали;
Такъ мудрено ль, когда ихъ идолы рожали?
По-моему, такъ мой простой разсудокъ тотъ:
Въ дѣяніяхъ жрецовъ не должно сомнѣваться,
А слѣпо вѣровать: отъ нихъ все можетъ статься.
Чѣмъ болѣе семья, тѣмъ болѣе расходъ;
Тащитъ со всѣхъ сторонъ для идоловъ народъ
　　И ѣсть и пить и одѣваться,
Наряды разные ихъ лику украшаться.
А у народа все какой и былъ доходъ,
Съ часу на часъ народъ становится бѣднѣе,
А жертвы идоламъ съ часу на часъ знатнѣе.
Народъ сей наконецъ отъ идоловъ дошелъ,
Что пропитанья самъ почти ужъ не имѣлъ.
Сперва повольно дань жрецы съ народа брали,
Потомъ ужъ по статьямъ народу предписали,
Поскольку идоламъ чего съ души давать.
Народъ сей, съ голоду почти что помирая,
Сосѣдовъ сталъ просить, чтобъ помощь имъ подать,
　　Свою имъ крайность представляя.
　　«Да какъ», сосѣди имъ сказали,
　　«До крайности такой дошли
Вы, кои бъ хлѣбомъ насъ ссудить еще могли?
Земля у васъ всегда богато урожала,
　　А нынѣ развѣ перестала?
Иль болѣе у васъ трудиться не хотятъ?» —
Нѣтъ, все родитъ земля какъ прежде, говорятъ,
И мы трудимся тожъ, какъ прежде, отвѣчаютъ,
　　Да боги наши все съѣдаютъ. —
«Какъ? боги есть у васъ, которые ѣдятъ?» —
　　Такъ наши намъ жрецы сказали
　　И сверхъ того намъ толковали:
　　Чѣмъ больше боги съ насъ возьмутъ,
　　Тѣмъ больше намъ опять дадутъ. —

«Васъ должно сожалѣть, а болѣе смѣяться,
Что вы на плутовство жрецовъ могли податься.
Не боги хлѣбъ у васъ, — жрецы его ѣдятъ.
И если впредь опять того же не хотите,
Такъ отъ себя жрецовъ вы напередъ сгоните,
А идоловъ своихъ разсѣйте и сожгите.
У насъ одинъ лишь Богъ; но Тотъ не съ насъ беретъ,
А напротивъ того, нашъ Богъ все намъ даетъ.
Его мы одного лишь только прославляемъ,
По благостямъ однимъ объ Немъ мы вображаемъ,
А видъ Ему не можемъ дать». —
Рѣшился ли народъ отстать
Отъ закоснѣлаго годами заблужденья,
Отъ идоловъ своихъ и жертвоприношенья,
Еще объ этомъ не слыхать.

[1] Идея этой басни такъ объяснена въ одной замѣткѣ самимъ Хемни-
юмъ: «Предметы, страстямъ нашимъ льстящіе, суть *идолы*, а страсти
ги — *жрецы* (о коихъ я говорю), которые всегда съ предметами со-
сны, и естьли имъ послѣдуемъ и внимать станемъ, то съ нашимъ
дцемъ и душевнымъ состояніемъ случится то же, что съ *народомъ*
:мъ было.»

CIV.

МУХА И ПАУКЪ.

Въ прекрасномъ зданіи одномъ,
Великолѣпномъ и большомъ,
Въ которомъ все искуствомъ поражало
И столько жъ простотой своей прельщало,
На камнѣ муха засѣдала
И размышляла,
Такъ, какъ бы напримѣръ ученый размышлялъ,
Когда глубокую задачу разбираетъ.
А что у мухъ всегда видъ пасмурный бываетъ
И часто голова ногою подперта
И бровь насуплена, тому причина та,
Что много мухи разумѣютъ
И въ глубину вещей стараются входить,
А не одни вершки учености схватить.
Премудрой мухѣ, здѣсь сидящей въ размышленьи,
Въ такомъ же точно быть случилось положеньи.
Нахмуря плоскій лобъ полдюжиной морщинъ
Въ исканіи вещамъ и бытіямъ причинъ,
«Хотѣлось бы мнѣ знать, сказала:
Строенье это отчего?
И есть ли кто-нибудь, кто сотворилъ его?
По-моему, какъ я объ этомъ разсуждала,
То кажется, что нѣтъ; и кто бы это былъ? —
«Искуство», пожилой паукъ ей говорилъ,
«Все, что ты видишь, сотворило;
А что искуство это было,
Свидѣтельствуетъ въ томъ порядокъ всѣхъ частей
Тобою видимыхъ вещей.» —
«Искуство?» муха тутъ съ насмѣшкой повторила:
«Да что искуство-то?» спросила,

«И отъ кого оно? Нѣтъ, нѣтъ, я, размышляя,
Другого тутъ не нахожу,
Какъ то, что это все лишь выдумка пустая!
А развѣ я тебѣ скажу,
Какъ это зданіе и отчего взялося:
Случилось нѣкогда, что собственно собой
Здѣсь мелкихъ камушковъ такъ много собралося,
Что камень оттого составился большой,
Въ которомъ оба мы находимся съ тобой:
Вѣдь это очень ясно мнѣнье!»
Такое мухи разсужденье,
Какъ мухѣ, можно извинить;
Но что о тѣхъ умахъ великихъ заключить,
Которые весь свѣтъ случайнымъ быть считаютъ
Со всѣмъ порядкомъ тѣмъ, который въ немъ встрѣчаютъ,
И лучше въ немъ судьбѣ слѣпой подвластны быть,
Чѣмъ Бога признавать, рѣшились.
Ихъ, кажется, ничѣмъ не можно извинить,
Какъ только тѣмъ однимъ, что разума лишились.

ПЛАНЫ БАСЕНЪ

ВЪ ЧЕРНОВЫХЪ НАБРОСКАХЪ.

Эти планы писаны собственной рукой Хемницера и разсѣяны въ его памятныхъ тетрадяхъ, откуда заимствуются безъ соблюденія особеннаго порядка, который во всякомъ случаѣ могъ бы быть только произвольный. Большая часть задуманныхъ въ этихъ наброскахъ басенъ остались ненаписанными. При тѣхъ планахъ, которые были такъ или иначе выполнены, это будетъ оговорено въ примѣчаніяхъ.

1.

Дерево представить съ плодами, на которые вѣтеръ всею силою устремлялся, и, дерево будучи сильное, ничего ему сдѣлать не могъ, а только плоды съ него срывалъ. Правоученіе то, что вѣтеръ — невѣжество, которое, самому дереву не могши ничего сдѣлать, срываетъ съ него плоды, и хотя кажется, что чрезъ то плодамъ и дереву вредъ наноситъ, но вмѣсто того въ цѣну ихъ вводитъ, потому что иной достать бы плодъ съ дерева не могъ, а упалое подымаетъ.

Достоинство иного сочиненія не столько бы разбирали, естьли бы его Сорбонна и инквизиція не жгла:

А книга хороша была —
Сорбонна вѣдь ее сожгла.

А гдѣ Сорбонны и инквизиціи нѣтъ, тамъ есть невѣжи, которые точно то жъ самое дѣлаютъ, что дѣлаютъ тѣ.

Полно католики одинъ изъ догматовъ вѣры, то есть чистилище, и въ томъ наблюдаютъ, что сочиненія жгутъ; однако ихъ цѣль въ этомъ случаѣ, хотя и не то, чтобы имъ придать важность, но то, чтобы ихъ истребить.

Il ne faut jamais persécuter aucune folie soit superstition, secte ou quelconque autre: c'est l'exciter davantage; il faut la laisser aller sans faire semblant d'y prendre garde ou sans la traiter de conséquente. Tout ce qu'on peut faire, c'est de la rendre ridicule. (Т. е. Никогда не надобно преслѣдовать никакой глупости, суевѣрія, секты или чего-либо подобнаго: это значило бы возбуждать ее болѣе; надо оставлять ее въ покоѣ, не подавая вида, что замѣчаешь ее и считаешь чѣмъ-то важнымъ. Можно позволить себѣ только одно — сдѣлать ее смѣшною).

2.

Дурака заставь Богу молиться, онъ и лобъ разобьетъ. Велѣли одному поститься и молиться, чтобы постомъ и молитвой сподобиться царства небеснаго. Дуракъ сталъ молиться и поститься, считая, что онъ въ небо попадетъ; а какъ простаковъ всегда на все довольно бывало, то онъ и думалъ, что тотчасъ ему въ явѣ небо и растворится, потому что онъ это наставленіе толковалъ прямо по словамъ. Но видитъ, что все съ нимъ не сбывается переселеніе на небо: стало ему скучно. Разъ идетъ онъ мимо колодезя и остановился передъ нимъ, и видя небо и себя какъ въ зеркало, подумалъ, что тутъ онъ небо и сыскалъ, которое ему давно ужъ обѣщали, но гдѣ оно, не указали, и что такъ близко, не сказали. И въ полной радости, что небо онъ увидѣлъ, бросился въ колодезь, и тамъ еще теперь.

Въ пословицѣ вѣдь говорится:
Дуракъ вещь всякую на выворотъ беретъ;
Заставь кто дурака молиться,
Дуракъ и лобъ себѣ, моляся, разобьетъ.
Для дурака ни въ чемъ числа и мѣры нѣтъ.

3.

Солнце осердилось на океанъ за то, что онъ не разъ дѣлалъ на земли или, лучше сказать, плодамъ солнца вредъ и опустошеніе; начало спускаться съ высоты своей и его жечь, такъ что ажно океанъ весь закипѣлъ, а отъ этого, что океанъ долженъ былъ закипѣть, сварились всѣ въ немъ животныя. Такъ между ссорой двухъ большихъ все маленькимъ достается.

Межъ ссорой двухъ большихъ меньшіе все теряютъ.
(— всегда меньшой теряетъ).

4.

Левъ, съ своимъ народомъ живучи, видитъ, что околотокъ его безлюденъ въ сравненіи съ его сосѣдами: вознамѣрился вызвать изъ сосѣднихъ мѣстъ скотовъ въ свой околотокъ, чтобы заселить пустыя мѣста; для этого обнародовалъ онъ разныя выгодныя обѣщанія тѣмъ, которые къ нему перейдутъ, что́ и сдержалъ онъ царскимъ своимъ словомъ:

Львы, говорятъ, ужъ не солгутъ,
Когда ихъ слово въ чемъ дадутъ.

Впрочемъ, лучше ли у него было жить новымъ выходцамъ, или тамъ, гдѣ прежде жили, того не знаю. Довольно, народъ къ нему перешелъ. Можетъ быть, ему по новости и лучше прежняго показалось: народъ непостояненъ и перемѣну любитъ: хоть хуже, лучше ли, была бы перемѣна, хоть старымъ господамъ измѣна. Левъ теперь богатѣе сталъ животнымъ народомъ. Чтожъ? разсудись ему войну начать. Сраженье за другимъ черезъ короткое время опустошило всю его область, и стало безлюднѣе прежняго. Теперь хотѣлъ бы я спросить: къ чему же землю онъ старался населить? (что съ одной стороны населилъ, то съ другой погубилъ) [1].

[1] Ср. выше басню CII, которая, кажется, въ нѣкоторой связи съ этимъ планомъ.

5.

[1] Одинъ левъ изъ честолюбія войну объявилъ другому льву
(Причины, говорятъ, другой онъ не имѣлъ,
Окромѣ той, что такъ хотѣлъ,
не смотря, что вѣчныя сказано было дружбу и доброе согласіе хранить, какъ бы наприм. въ трактатахъ пишутъ).

Хоть иногда и изъ мщенья объявляютъ, а иногда по дружбѣ: причины разныя бываютъ, что войну объявляютъ. Кто всѣ ихъ можетъ разсказать или пересчитать? Левъ этотъ объявилъ войну въ томъ намѣреніи, чтобъ область свою черезъ нее распространить. Война продолжается годъ, два и больше лѣтъ; непріятель у льва людей все бьетъ. Наконецъ удалось какъ-то этому льву того побѣдить и довести, чтобы на миръ его склонить, и часть земли нашему льву уступить. Однакоже земля пустая: всѣ, которые были и въ чужой и въ своей, побиты. Не знаю, чтобы левъ область свою распространилъ, когда пустую землю онъ получилъ[2].

6.

Былъ межъ звѣрей выборъ отрядить какого-то звѣря къ управленію мѣстомъ, и мѣстомъ важнымъ; отрядъ этотъ порученъ былъ отъ льва приближеннымъ къ нему звѣрямъ. Они выбрали осла къ управленію мѣстомъ. Другіе звѣри, помельче и не такъ важные сколько тѣ, удивились странному этому выбору и спросили ихъ, для чего они назначили глупѣйшую изъ нихъ скотину: вѣдь сыскались бы поумнѣе. На что сказали отряжающіе: чтобъ намѣренія свои коварныя и хитрыя скрыть; оселъ хотя не такъ какъ вы уменъ, да онъ смиренъ. Другіе звѣри имъ на это

---

[1] Тутъ зачеркнуты вступительныя слова: «Кто какъ ни говори, будто бы войною распространить можно свою область пріобрѣтеніемъ чужихъ земель, однако это сомнительно: я противъ этого иду, и сколько доказательствъ ни найду, всѣ здѣсь приведу»...

[2] Очевидно, что этотъ самый планъ послужилъ основаніемъ выше помѣщенной подъ № CII стихотворной басни *Два льва сосѣди*.

отвѣчали: Это правда, съ глупымъ легче жить; что хочешь, можно дѣлать: онъ вопреки ни въ чемъ не будетъ говорить.

7.

У льва былъ звѣринецъ насаженъ разными звѣрями для пищи льва, и приставлены были собаки стражами. Лисицѣ не понутру, что у всѣхъ вѣрныхъ приставовъ поживиться нечѣмъ было: наговаривать льву на собакъ и взносить всякое на нихъ преступленіе. (Левъ хоть левъ, а слабость также есть). Левъ былъ столько слабъ, что повѣрилъ лисицѣ и отдалъ ей на произвгоъ выбрать приставовъ, кого она хочетъ. Лисица приставила осла. Съ тѣхъ поръ и начала таскать изъ звѣринца сколько хотѣла (и льву кусокъ, лисицѣ два). И ставъ слаба звѣринца стража, пошла со всѣхъ сторонъ покража. Левъ получалъ кусокъ, лисица два куска. Бояре! вотъ образъ вашихъ прикащиковъ и управителей.

8.

Въ басню на женщинъ. «Опять про насъ! Да кажется, ужъ довольно объ насъ говорено». — Опять про васъ. Да какъ про васъ не говорить? Кого любишь, о томъ и говоришь. Или, кто славенъ, какъ о томъ не станешь говорить? Да вы же каждый разъ новыя подаете причины. Когда бы васъ не почитали, ни слова бъ не сказали. Кого чѣмъ больше почитаешь, того тѣмъ больше вспоминаешь. Кто больше на умѣ, о томъ и говоришь.

Какъ отважиться жениться? Ну, ежели случится жена хороша, такъ вѣдь бѣды. Мы въ такомъ вѣкѣ живемъ, что отъ большихъ бояръ свое не зови своимъ, когда большому барину что́ понравилось[1].

[1] Тутъ же между строками, въ подлинникѣ читается: «Et il avait raison en ce qu'il disait, car il était un grand seigneur».

9.

Собака нашла кость, и какъ на ней мяса не было, то повертѣла ее въ зубахъ и бросила. Лисица нашла ту же кость, разгрызла ее и нашла въ ней мозгъ, который выѣла. Не бываетъ ли это самое и съ сочиненіями? Невѣжда, не входя въ смыслъ хорошей книги, оставляетъ ее и не читаетъ, а умный пользу открываетъ. (Въ книгѣ, иногда и весьма хорошей, невѣжда полезнаго не находитъ, а умный въ той же самой пользу открываетъ). Сколько сочиненій подвержены той же участи!

10.

Чужого не замай, а береги свое.
Я вѣчно бъ не тронулъ того, что не мое,
Чтобы хлопотъ себѣ не навести на шею,
И для того я ихъ, спасибо, не имѣю.
Къ тому же сатаны я столько не робѣю,
И даже злой жены я столько не боюсь,
Какъ дѣлъ подъяческихъ и спорныхъ берегусь.

11.

Въ умѣренности все блаженство состоитъ;
А кто ея не знаетъ,
Мечты, не счастья, тотъ желаетъ.
Да полно что? И всякій это знаетъ
И говоритъ,
Да дѣлаетъ не то....

12.

Уборъ подъ часъ бѣду не малую наводитъ.

13.

Кто тайны собственной своей не сохранилъ,
Какъ требовать, чтобъ тотъ другого тайну скрылъ?

14.

Кто все увертками и хитростью живетъ,
Скорѣе пропадетъ,
Какъ тотъ, кто все прямой дорогою идетъ.

15.

Рыбу и раковъ ловятъ съ огнемъ, и рыба и раки на огонь или, лучше сказать, на свѣтъ идутъ, а между тѣмъ, шедши на свѣтъ, въ мережу попадаютъ. Вотъ приманчивость многихъ лжеучителей: они такъ блистательно свои увѣренія и ученія показывать умѣютъ, а людей между тѣмъ не на свѣтъ, а въ тму ввергаютъ.

16.

Баснь на пословицу: Святое мѣсто пусто не будетъ.

Левъ, главный предсѣдатель судейскаго мѣста, отпустилъ полезнаго члена изъ судей, затѣмъ что онъ его пристрастію угодить не хотѣлъ. Мѣсто было весьма хорошо занято исправнымъ и добрымъ судьею; но потомъ стало занято судьею презлымъ и пренегоднымъ. Левъ, отпуская прежняго судью, сказалъ: Святое мѣсто пустымъ не будетъ. Ошибка въ томъ большая — утверждать святому мѣсту де пустымъ не быть. Безспорно, что пустымъ не будетъ; да дѣло въ томъ, каковъ кто мѣсто то займетъ. Неловко тамъ лисицѣ быть, гдѣ надлежало бы собаку посадить. (Или: ужли осла тамъ посадить, гдѣ надлежитъ лисицѣ быть?).

17.

Муравей увидѣлъ что-то для запаса его пригодное. Дорога, по которой тащить ему этотъ запасъ должно было, шла вдоль стѣны вверхъ. Легко вообразить, что дорога эта муравью была не шутка. Тащилъ муравей, тащилъ, да вдругъ тяжесть запаса пересилила, и муравей съ запасомъ полетѣлъ внизъ: запасъ въ сторону, а муравей въ другую. Все хорошо, чтó въ силу (все въ силу хорошо)[1].

18.

Хозяинъ нѣкій, имѣя звѣря дикаго на цѣпи въ домѣ, вздумалъ этого звѣря спустить съ цѣпи и дать ему ходить на волѣ, во-первыхъ изъ жалости къ звѣрю, а сверхъ того считая, что звѣрь можетъ-быть уже обрусѣлъ[2]. Итакъ спустили звѣря съ цѣпи; и звѣрь, увидя себя на волѣ, сталъ по склонности своей врожденной всѣхъ терзать, кто ни попался, такъ что и самъ хозяинъ едва спасся (что и хозяину досталось самому). Дать волю хорошо, да должно знать кому.

И съ звѣря цѣпь отнюдь не надобно снимать,
Пока не будешь ты, что обрусѣлъ онъ, знать.

Такъ напримѣръ народъ, получа, бывъ въ рабствѣ, волю, какъ звѣрь съ цѣпи сорвется. Народъ, не будучи обузданъ нравственнымъ чувствомъ добра и зла, какъ дикій звѣрь съ цѣпи сорвется.

19.

Случилось, что нѣкто шелъ дорогой и денегъ несъ мѣшокъ. Встрѣтилось ему нѣсколько другихъ дорожныхъ, изъ коихъ одни

---

[1] Этотъ самый сюжетъ обработанъ въ баснѣ *Муравей и зерно*, помѣщенной у насъ подъ № LXIX.

[2] Любопытное употребленіе этого слова въ значеніи: сдѣлался ручнымъ. Надобно вспомнить, что прилаг. *русскій* при названіи животныхъ служитъ у насъ синонимомъ *домашній*, напр. *русская* утка, въ противоположность *дикой*.

давно ремесло разбойничье отправляли. Но были между ними и такіе, которые никогда подобнаго грѣха не знали. Первые, по склонности своей, тотчасъ на видимую добычу броситься хотѣли; но другіе уговаривать ихъ разными способами. Да что, ни слуху нѣтъ, ни послушанья. Словомъ, тѣ бросились на прохожаго, и деньги отнимать. «А намъ чего смотрѣть?» сказали тогда другіе: «пускай же, если такъ, и мы достанемъ часть». Всякъ — человѣкъ, когда о деньгахъ дѣло.

Ручайся за людей! скажи: тотъ добръ, тотъ худъ. Все ошибешься, неровенъ часъ. Тотъ двадцать лѣтъ все былъ хорошъ: найдетъ часъ, что все въ ничто обратится. Надъ кѣмъ не дѣйствуетъ прибытокъ?

При этой баснѣ мнѣ пришелъ на мысль другой родъ людей, поважнѣе этихъ. Я ихъ не назову: всякъ можетъ самъ добраться. Такъ точно видѣть мнѣ случалось, что тѣ, которые противъ разграбленія цѣлыхъ государствъ шли, послѣ туда жъ въ помощники пристали.

20.

Одинъ бѣдняжка искалъ счастія своего во всемъ и всѣми образы, да не могъ никакъ дойти, чтобъ счастіе найти. Случилось ему найти вещь, до которой, какъ слышалъ онъ, государь его весьма охотникъ былъ. Пошелъ онъ ко двору, съ тѣмъ чтобъ эту вещь вручить прямо своему государю, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе до него дошла. Иногда такія вещи пропадаютъ, когда чрезъ другихъ вручены бываютъ. Случился часъ, что государь его показался, и онъ вещь ему эту вручилъ. Государь ее принялъ съ отмѣнною милостью, и велѣлъ ему при дворѣ остаться; однако должно знать, что вмѣсто одной милости отъ государя, сносилъ онъ, изъ зависти отъ придворныхъ, для чего не черезъ нихъ до государя дошелъ, тысячу непріятностей и напастей.

21.

Сельди, будучи преслѣдуемы китами, отъ нихъ ушли, а вмѣсто того въ мережи людей попали. Подумаешь: ничто отъ людей не уйдетъ, и даже до сельдей все не ушло отъ людей.

22.

Левъ разъ сдѣлалъ выборъ тѣмъ самымъ звѣрямъ, которыхъ онъ бывало охотникъ былъ больше всего употреблять въ пищу; а этимъ самымъ далъ право или привилегію всѣхъ звѣрей, которыхъ сіи съ своей стороны также кушать любили, употребить въ пищу безданно, безпошлинно, безъ всякаго отвѣта и взысканья. Звѣри сіи и весь львиный дворъ, какъ помнятъ сами себя, такого праздника не видали, ниже отъ стариковъ слыхали. Можно представить, что охулки на себя не положили: ужъ подлинно, что пировали. Чтожъ, чѣмъ это кончилось? Когда левъ увидѣлъ, что они довольно отъ раздолья разжирѣли, то и онъ принялся за нихъ. Лисица растолковала тутъ скорѣе всѣхъ другихъ, что левъ сдѣлалъ это для того, чтобъ жиръ, который въ разныхъ звѣряхъ разсѣянъ былъ по частямъ, собрать вмѣстѣ и имѣть готовый жиръ.

I sovrani Ottomani lasciano i loro uffiziali ingrassar siccome tanti capponi e poi scannandoli godono con piacere la loro grassezza. Si servono dell' avidità ed avarizia loro per poi radunar scannandoli senza pena i loro denari[1].

23.

Одна травка стояла на открытомъ полѣ просто сама собою, безъ всякой защиты, такъ что вѣтръ и всякая другая непогода

---

[1] Т. е. Оттоманскіе властелины даютъ своимъ чиновникамъ жирѣть какъ каплунамъ и потомъ, обдирая ихъ, наслаждаются ихъ жиромъ. Пользуются ихъ алчностью и скупостью, чтобы, ободравъ ихъ, присвоить себѣ безъ труда ихъ деньги.

Этотъ планъ выполненъ баснею *Привилегія*, выше напечатанною подъ № LXXIX.

дѣлали съ нею что́ хотѣли. Другая травка стояла подъ защитою дома, подъ кровлею, въ тѣни, въ тишинѣ, и защищена отъ всего. Межъ этими травками часто бывали упреки въ превосходствѣ состоянія, величались одна передъ другой. Какъ обыкновенно, хорошее состоянье спесь рождаетъ. Травка на полѣ сносила это все, не безъ огорченія однакожъ. Да только въ отвѣтъ говоритъ травѣ подъ домомъ: Увидимъ, что́ конецъ нашъ окажетъ. Что жъ случилось? Домъ упалъ и траву задавилъ, которая подъ домомъ стояла. — Подъ защитою большого человѣка хорошо быть, пока самого его Богъ милуетъ; а ежели на него несчастіе придетъ, то вмѣстѣ съ нимъ и тотъ, кто подъ его защитой жилъ, падетъ (то и тотъ, кто счастьемъ его счастливъ былъ, падетъ).

24.

Между планами басенъ нашелся въ бумагахъ Хемницера также слѣдующій, писанный рукою Державина и очевидно имъ составленный, подъ заглавіемъ:

ГОРНОСТАЙ.

Умный горностай, живучи въ лѣсу, со многими звѣрями имѣлъ дружбу. Всѣ его любили и почитали. Между знакомыми его были медвѣди и зайцы, и онъ только наблюдалъ, что ежели кто имѣлъ какіе дурные поступки, то самъ того не дѣлалъ. Но были же у него и непріятели, которые завидовали и говорили: «Къ чему такое многое знакомство, а особливо съ неравными себѣ?» Но случилось, что наѣхали заячьи охотники въ лѣсъ. Тотчасъ зайца бѣднаго ослѣдили, обставили тенетами, тукнули и поймали. Изъ крику его услужливый и добрый горностай узналъ несчастье пріятеля своего, бросился въ ту минуту къ медвѣдю, который спалъ въ берлогѣ, и просилъ его, чтобы онъ только показался охотникамъ. Медвѣдь показался. Охотники струсили, бросили тенета и зайца, и ушли. Заяцъ, будучи на свободѣ, изъ благодарности, въ честь горностая написалъ стихи:

Съ кѣмъ можно, надобно дружиться:
Другъ, если не себѣ, для друга пригодится.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ПЕРЕЧЕНЬ

ИЗДАНІЙ

БАСЕНЪ ХЕМНИЦЕРА.

Для составленія этого списка служили: 1) изданія нашего баснописца, имѣющіяся въ библіотекахъ Академической и Публичной; 2) списокъ Сахарова при его изданіи басенъ Хемницера, оказавшійся однакожъ не совсѣмъ полнымъ и вѣрнымъ; 3) книгопродавческіе каталоги, и 4) рукописный библіографическій перечень, обязательно составленный Н. С. Тихонравовымъ. Не смотря на видимое обиліе этихъ пособій, не могу ручаться за совершенную полноту предлагаемаго списка. Въ показаніи форматовъ могли также вкрасться нѣкоторыя неточности, такъ какъ иногда нелегко бываетъ опредѣлить долю листа въ книжкахъ даже одинаковаго размѣра.

1. Басни и сказки N... N... Въ Санктпетербургѣ. 8°. 66 нумерован. и 14 ненумер. стр. (въ началѣ заглавный листъ и посвященіе, а въ концѣ «реестръ»). Въ заглавіи не означенъ годъ изданія, но онъ виденъ изъ слѣдующей замѣтки Хемницера въ его записной книжкѣ: «Préface pour mes fables. Avant que je commence à raconter mes nouvelles fables, il faut que je remercie le public de la bonté qu'il a eue d'accueillir gracieusement mes fables données 1779, car je ne voudrais pas être accusé d'ingratitude». (Т. е. «Предисловіе къ моимъ баснямъ. Прежде нежели начну разсказывать свои новыя басни, я долженъ поблагодарить публику за благосклонный пріемъ тѣхъ моихъ басенъ, которыя изданы въ 1779 году, ибо не хочу быть обвиненнымъ въ неблагодарности»). Въ переданномъ намъ И. С. Капнистомъ особомъ оттискѣ этого изданія съ собственноручными отмѣтками Н. А. Львова, на заглавномъ листѣ вмѣсто N... N... напечатано: «Ивана Хемницера». — Въ этомъ изданіи всего 27 басенъ.

Во всѣхъ извѣстныхъ экземплярахъ его, въ посвященіи, стр. 2, въ 9-мъ стихѣ сверху зачернено тушью слово *въ сказкѣ*.

2. Басни и сказки N. N. Часть первая (и вторая). Изданіе *второе*. Въ Санктпетербургѣ, иждивеніемъ типографщика и книгопродавца I. К. Шнора, 1782 года. (Вѣроятно, и 1-е изданіе напечатано у Шнора: типографскій шрифтъ тотъ же, которымъ печатался журналъ *Санктпетербургскій Вѣстникъ*).

8°. Ненумер. стр. въ 1-й части 6, во 2-й 4; нумеров. въ 1-й 76, во 2-й 68. Вторая часть содержитъ 36 новыхъ басенъ.

3. Басни и сказки И. И. Хемницера, въ трехъ частяхъ.

«Въ природѣ въ простотѣ онъ истину искалъ:
Какъ видѣлъ, такъ ее списалъ».

Печатано въ Императорской типографіи. Въ Санктпетербургѣ. 1799. Съ дозволенія Ценсуры.

8°. Ненумер. стр. въ первой части 6, во второй 3 и въ третьей 3; нумер. въ первой 55, во второй 54, въ третьей 45.

Къ этому изданію приложено 10 виньетъ въ античномъ вкусѣ, большею частью съ вензелемъ Оленина АО. Въ числѣ этихъ виньетъ: 1, силуэтъ Хемницера и 2, видъ его гробницы съ надписью на ней: «И. И. Х. Въ Нико: р. 17$\frac{г.}{у}$45». Подъ гробницею же стихи:

«Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился,
И умеръ голъ, какъ голъ родился».
И. Х......ръ.

Послѣ заглавнаго листа «Жизнь сочинителя», занимающая страницы VII—XV и потомъ перепечатывавшаяся почти при всѣхъ изданіяхъ. Здѣсь прибавлена третья часть, заключающая въ себѣ 23 посмертныя басни, но за то изъ двухъ первыхъ частей исключено пять «сказокъ» (см. выше стр. 101). Двѣ печатавшіяся прежде въ концѣ 1-й части такъ названныя «чужія басни» помѣщены здѣсь послѣ 3-й части.

Это же изданіе было одновременно выпущено на худшей бумагѣ безъ виньетокъ.

4. Басни и сказки И. И. Хемницера, въ трехъ частяхъ. Новое изданіе съ описаніемъ его жизни, искусно гравированнымъ портретомъ и виньетами. Санктпетербургъ. При Императорской Академіи Наукъ, 1811 года.

8°. Ненумер. стр. 4 [изъ которыхъ двѣ заняты въ однихъ экземплярахъ посвященіемъ А. Н. Оленину отъ Матвѣя Заикина, а въ другихъ стихами Лафонтена въ подлинникѣ и въ переводѣ П. Шарапова] + нум. стр. X (жизнь сочинителя) + 169 + ненумер. 3 (оглавленіе).

Это изданіе пополнено тѣми пятью баснями, которыя исключены изъ 3-го изданія.

Портретъ рисовалъ А. Ивановъ, гравировалъ А. Ухтомскій. Подъ портретомъ подпись: *Въ природѣ, въ простотѣ* и проч.

5. Басни и сказки И. И. Хемницера въ трехъ частяхъ. Москва, 1819 года. Въ типографіи Пономарева. (По Сахарову, который не даетъ никакого дальнѣйшаго указанія).

6. Басни и сказки И. И. Хемницера. Въ трехъ частяхъ.

Здѣсь два заглавные листа:

а) гравированный листъ: Басни и сказки И. И. Хемницера, въ трехъ частяхъ. Пятое изданіе, вновь исправленное, съ описаніемъ его жизни, искусно гравированнымъ портретомъ, картинами и виньетами. *Жилъ честно* и проч. Въ Санктпетербургѣ. Въ типографіи Н. Греча.

Портретъ рисовалъ И. Ивановъ, гравировалъ Д. Ивановъ Подъ портретомъ подпись: *Въ природѣ, въ простотѣ* и проч.

b) Послѣ повторенія того же заглавія напечатано: Съ описаніемъ его жизни, искусно выгравированнымъ портретомъ, картинками и виньетами.

Ну, дѣти, правдою живите
И правду говорите.

Издано Иваномъ и Матвѣемъ Заикиными и продается въ книжныхъ лавкахъ подъ № 18, 19, 20, 23 и 26. Санктпетербургъ. Въ типографіи Н. Греча. 1820.

8°. Предувѣдомленіе (стр. III—VIII) А. Измайлова. Жизнь сочинителя (стр. V—XII). Нумер. стр. 55+56+45. Ненумер. стр. 4 (оглавленіе) + 4 (Перемѣны). Здѣсь помѣщены въ первый разъ три картинки при басняхъ: *Медвѣдь плясунъ*, *Зеленый оселъ*, *Метафизикъ*, и кромѣ того сохранены почти всѣ виньетки изданія 1799 года. «Издатели», говоритъ Сахаровъ [1], «поручили корректуру А. Е. Измайлову, который, къ общему изумленію, осмѣлился своевольно передѣлывать басни, не имѣя никакого права, и по ошибкѣ назвалъ изданіе Заикиныхъ пятымъ, тогда какъ пятое было издано въ 1819 году. Измайловъ, изуродовавъ басни Хемницера, писалъ въ свое оправданіе: «Надѣюсь, что умные люди и тѣнь добродушнаго Хемницера не поставятъ мнѣ сего въ вину; маловажныя перемѣны, сдѣланныя мною въ стихахъ его, означены при концѣ книжки».

[1] Въ статьѣ, приложенной къ 17-му нумеру (см. ниже). Измѣненія, сдѣланныя Измайловымъ, были не такъ важны, какъ представляетъ Сахаровъ.

Измайловъ изъ дополнительныхъ басенъ 4-го изданія взялъ только одну басню: *Два купца.*

7. Басни и сказки И. И. Хемницера.

Здѣсь опять два заглавные листа:

а) Басни и сказки И. И. Хемницера въ трехъ частяхъ. Шестое изданіе, вновь исправленное, съ описаніемъ жизни, искусно гравированнымъ портретами и виньетами. — Подъ виньетой представляющей гробницу Хемницера: *Жилъ честно* и проч. Москва. Въ типографіи Н. Степанова при Императорскомъ театрѣ 1830.

(Передъ этимъ заглавнымъ листомъ портретъ, гравированный Н. Антоновымъ).

b) Въ трехъ частяхъ. Съ описаніемъ его жизни, искусно выгравированнымъ портретомъ и картинками. *Ну дѣти* и проч. Печатано съ изданія 1820 года, безъ исправленій. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. При Императорскомъ театрѣ. 1830.

8°. Стр. ненумер. 10 (посвященіе) + 4 (оглавленіе). Нумер. I—IX (жизнь сочинителя) + 45 + 54 + 44.

NB. Въ 1848 году къ этому изданію припечатана новая обертка, а заглавный листъ остался тотъ же.

8. Басни и сказки И. И. Хемницера. Въ трехъ книжкахъ. Печатано съ изданія 1799 года безъ исправленій[1]. Москва. Въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 1832.

(12°. Стр. 157+IV).

9. Басни и сказки И. И. Хемницера. Изданіе съ двумя заглавными листами, какъ №№ 6 и 7:

а) Басни и сказки И. И. Хемницера. Въ трехъ частяхъ. Изданіе седьмое, вновь исправленное съ описаніемъ его жизни, искусно гравированнымъ портретомъ, картинами и виньетою. *Жилъ честно* и проч. И. Х......ръ. Санктпетербургъ. 1832.

b) Басни и сказки И. И. Хемницера. Въ трехъ частяхъ. Съ описаніемъ его жизни, искусно выгравированнымъ портретомъ и картинками. *Ну, дѣти* и проч. *Посвященіе М. А. Д.* Изданіе седьмое. Санктпетербургъ. Въ типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія. 8°. Стр. ненумер. 10 (посвященіе); нумер. VI+117.

Сахаровъ замѣчаетъ: «Это изданіе, какъ напечатано было на оберткѣ, было выпущено въ свѣтъ книгопродавцемъ Новинскимъ, съ уродливыми картинками, взятыми изъ изданія Заикиныхъ». Но въ

[1] Слѣдовательно опять съ пропускомъ 5-ти басенъ, что соблюдалось уже почти всѣми позднѣйшими издателями.

экземплярѣ, бывшемъ у насъ въ рукахъ, никакихъ картинокъ не оказалось.

10. Басни и сказки И. И. Хемницера. Въ трехъ частяхъ. Съ описаніемъ его жизни. *Ну, дѣти* и проч. Москва. Въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 1833. На оборотѣ: Печатано съ изданія 1830 г. безъ исправленій.—12°. Стр. ненум. 6 (посвященіе) + XI (жизнь сочинителя) + 59 + 78 + 52 + IV (оглавленіе).

11. Басни и сказки И. И. Хемницера. Москва, 1836 года. Въ типографіи Смирнова (8°). «Изданіе», говоритъ Сахаровъ, «напечатано точь въ точь противъ 4-го, съ ужасными ошибками, съ обезображеннымъ портретомъ».

12. Басни Ивана Хемницера въ трехъ книгахъ. Съ портретомъ автора. Москва. Въ типографіи Н. Смирнова. 1836. (64°). Стр. XX (жизнь сочинителя) + 230 + ненум. 6 (оглавленіе).

13. Басни и сказки И. И. Хемницера, въ трехъ частяхъ, съ описаніемъ его жизни. *Жилъ честно* и проч. Москва. 1836. У книгопродавца Сергѣя Харитонова. 8°.—Послѣ шмуцъ-титула стихи Лафонтена и Шарапова (См. выше, № 4). Стр. VII — XIV, 18 — 72 + 50 + 54 + ненум. 3 (оглавленіе).

14. Басни и сказки И. И. Хемницера. Москва, 1836. Въ типографіи Пономарева 16°. (См. № 5).

15. Басни и сказки И. И. Хемницера, въ трехъ книжкахъ. Москва, 1837 г. Въ типографіи Кирилова. (12°). Стр. IV (оглавленіе) + 157.

16. Басни и сказки И. И. Хемницера. Москва, 1838. Въ типографіи Смирнова (32°). «Это изданіе было напечатано также съ 4-го» (Сахаровъ).

17. Басни и сказки И. И. Хемницера. Двѣнадцатое изданіе. Санктпетербургъ. 1838. Въ типографіи Сахарова. (Миніат., стр. XX + 155. Передъ заглавнымъ листомъ портретъ Хемницера, литографирован. И. Селезневымъ).

Послѣ заглавнаго листа біографическій очеркъ подъ заглавіемъ: «Иванъ Ивановичъ Хемницеръ», съ подписью: И. Сахаровъ. Въ концѣ этой статьи исчислены предшествовавшія (по счету Сахарова, 11) изданія съ довольно подробнымъ описаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Заглавіе *Чужія басни* было принято Сахаровымъ въ буквальномъ смыслѣ, и онъ счелъ нужнымъ исключить изъ своего изданія двѣ означенныя этимъ названіемъ пьесы, которыя, по его словамъ, появились будто бы только съ третьяго изданія. (Ср. выше стр. 162 и 163). Но за то онъ опять напечаталъ пять басенъ, пропущенныхъ въ изданіи 1799.

18. **Басни и сказки** И. И. Хемницера. Тринадцатое изданіе. Съ приложеніемъ его біографіи, написанной К. Полевымъ. Санктпетербургъ. Въ военной типографіи. 1838 (въ 64 д. л.). — Къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть это изданіе.

19. **Басни и сказки** И. И. Хемницера съ картинками и портретомъ автора. Издалъ А. Кузнецовъ. Москва. Въ типографіи Смирнова. 1838. (64 д. л.).

20. **Басни Ивана Хемницера** въ трехъ книгахъ, искусно выгравированнымъ портретомъ и картинами [1]. Изданіе А. А. Кузнецова. Москва. Въ типографіи при Императорскихъ московскихъ театрахъ содержателя Н. Смирнова. 1838. 64°. Стр. XV (жизнь сочинителя) + 229 + ненум. 6.

21. **Басни и сказки** И. И. Хемницера. Въ трехъ частяхъ. Съ описаніемъ его жизни. *Ну, дѣти* и проч. Печатано съ изданія 1830 года, безъ исправленій. Москва. Въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 1839.

16°. Стр. нумер. IV + X (жизнь сочинителя) 159; ненумер. 9 (посвященіе).

22. **Басни Ивана Хемницера.** Москва. Въ университетской типографіи. 1840 (16 д.).

23. **Басни Ивана Хемницера.** Въ трехъ книгахъ. Съ портретомъ автора. Москва. Въ типографіи Н. Смирнова. 1840. Печатано съ изданія 1836 года. 16°. Стр. XX [жизнь сочинителя] + 229 + VI [оглавленіе].

24. **Басни Ивана Хемницера.** Въ трехъ книгахъ. Съ портретомъ автора и картинками. Москва. Въ типографіи В. Кирилова. 1840. Печатано съ изданія 1838 года.

25. **Басни и сказки** И. И. Хемницера. Въ трехъ частяхъ. Съ описаніемъ его жизни. *Ну, дѣти* и проч. Печатано съ изданія 1830 года, безъ исправленій. Иждивеніемъ Ильи Глазунова. Санктпетербургъ. Въ типографіи Ильи Глазунова и К°. 1841.

16°. Стр. ненумер. 4 (посвященіе); нумер. IV (оглавленіе) + IX (жизнь сочинителя) + 154.

26. **Басни Хемницера.** Въ типографіи Степанова. Москва. 1842. (64°).

27. **Басни Хемницера.** Съ описаніемъ его жизни, искусно выгравированнымъ портретомъ и съ 12 картинками. Изданіе 2-е. Москва, 1844. (18°). Печатано съ изданія 1842 года безъ перемѣнъ.

28. **Басни и сказки** И. И. Хемницера. Въ трехъ частяхъ съ описаніемъ

---

[1] Ни портрета, ни картинъ нѣтъ.

его жизни, искусно выгравированнымъ портретомъ и 12-ю картинками. *Ну, дѣти* и проч. Изданіе второе. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1844. 12°. Стр. IX (предувѣдомленіе А Измайлова) + XI—XIX (жизнь сочинителя) + 21—179.

29. Сочиненія Хемницера. Изданіе Александра Смирдина. Санктпетербургъ. Въ типографіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. 1847.

(Вмѣстѣ съ Кантемиромъ, въ *Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ*). Стр. нумер. 179.

Здѣсь перепечатаны и тѣ 5 басенъ, которыя были выпущены въ 1-мъ посмерномъ изданіи и послѣ, сколько намъ извѣстно, вошли только въ изданія: 1811 года и 1838 (Сахарова).

30. Басни и сказки И. И. Хемницера. Въ трехъ частяхъ. *Ну, дѣти* и проч. Санктпетербургъ. Въ типографіи И. Глазунова и К°. 1849. (8°). Ненумер. стр. 6+II (оглавленіе и посвященіе) + 87. Здѣсь опять недостаетъ 5-ти басенъ. Нѣтъ описанія жизни.

31. Басни и сказки И. И. Хемницера. Санктпетербургъ. 1849. (12°).

32. Басни и сказки И. И. Хемницера. Въ трехъ частяхъ. *Ну, дѣти* и проч. Санктпетербургъ. Въ типографіи И. Глазунова и К°. 1852.

12°. Стр. ненум. 5 + II + 86.

33. Сочиненія Хемницера. Изданіе второе Александра Смирдина. Санктпетербургъ. Въ типографіи Якова Трея. 1852. (Вообще безъ перемѣнъ противъ предыдущаго изданія[1] въ *Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ*). Стр. нумер. 174. Это изданіе продавалось въ двоякомъ видѣ: 1) отдѣльно, по 50 коп. за экз., и 2) въ одной бумажкѣ съ сочиненіями Гнѣдича, изд. 1854 г., по 1 р. за экз.

34. Басни и сказки И. И. Хемницера. Въ трехъ книжкахъ. Изданіе 3-е безъ перемѣнъ. Москва. 1852. (16°). Стр. 164 + VI (оглавленіе).

35. Басни и сказки И. И. Хемницера. Въ трехъ книжкахъ. Изданіе четвертое безъ перемѣнъ. Москва. Въ типографіи Степановой. 1853.

(16°. На оборотѣ заглавнаго листа: «Печатано съ изданія 1852 года безъ перемѣнъ». Страницъ III+177).

36. Басни и сказки Хемницера (Ивана Ивановича). Санктпетербургъ. 1855. (16°). Стр. 188 + ненум. 4 (оглавленіе).

ВЫБОРКИ ИЗЪ БАСЕНЪ ХЕМНИЦЕРА.

1. Басни, избранныя изъ Хемницера и Крылова. Съ примѣненіемъ смысла каждой басни къ быту простаго народа и пр. Съ портре-

[1] Но съ пропускомъ одной басни: *Левъ учредившій совѣтъ*, отчего и произошла небольшая разница въ количествѣ страницъ. (См. выше стр. 153).

томъ Крылова и 15 политипажами. В. Золотова. Изданіе 5. Типографія Товарищества «Общественная Польза». Санктпетербургъ, 1866. (24°).

2. **Басни**, избранныя изъ Крылова, Дмитріева, Хемницера и Измайлова. Съ объясненіемъ смысла каждой басни примѣромъ изъ быта простаго народа и проч. Составилъ Есперъ Лѣскинъ. Москва, 1868.

3. **Двадцать восемь басенъ** русскихъ баснописцевъ Измайлова, Хемницера, Дмитріева и Крылова. Изданіе второе. Санктпетербургъ, 1868. Типографія Головачева (8°).

Французскій переводъ басенъ Хемницера изданъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Fables et contes de J. Khemnitser, traduits par H. Masclet, traducteur des fables de Krylof. Moscou. De l'imprimerie d'Auguste Semen. 1830. 8°. Стр. X и 160. Переводъ басенъ Хемницера кончается на 144-й стр. Далѣе (145—155) идетъ «Traduction des trois dernières fables inédites de M. Krylof», а стр. 157—160 заняты общимъ алфавитнымъ реестромъ.

Другіе напечатанные труды Хемницера:

1. **Ода** на славную побѣду одержанную побѣдоносною арміею Ея Императорскаго Величества надъ непріятелемъ при городѣ Журжѣ и на завладѣніе онаго города февраля 4-го дня 1770 года. Сочинена Иваномъ Хемнитцеромъ. Въ Санктпетербургѣ. 4°. Стр. ненумер. 5.

2. **Письмо Барнвеля къ Труману** изъ темницы. Героида. Перевелъ съ французскаго Иванъ Хемнитцеръ. Въ Санктпетербургѣ. Печатано при Артиллерійскомъ Инженерномъ шляхетныхъ кадетскихъ корпусахъ, типографщикомъ И. К. Шноромъ, 1777 года. 12°. Стр. 44.

3. **Кобальтословіе**, или описаніе красильнаго кобальта и проч. Сочинено Іоганномъ Леманомъ; переведено съ нѣмецкаго оберъ-бергмейстеромъ Иваномъ Хемнитцеромъ. 2 части. Въ типографіи Горнаго училища. 1778. 8°. Ненум. стр. 36; нумер. 234.

Сверхъ того Хемницеръ участвовалъ въ окончательной редакціи слѣдующихъ двухъ переводовъ:

О драгоцѣнныхъ камняхъ и проч., соч. Брикмана. Перевелъ В. Беспаловъ. Разсмотрѣно при Горномъ училищѣ членами: Александромъ Карамышевымъ и Иваномъ Хемнитцеромъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Горнаго училища. 1779.

Минералогическое извѣстіе о Саксонскомъ рудномъ кряжѣ, переведенное съ нѣмецкаго А. Пикаромъ, разсмотрѣнное и поправленное Хемнитцеромъ и Мартовымъ, съ примѣчаніями Моисѣенкова. Санктпетербургъ. Въ типографіи Горнаго училища. 1780.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БАСЕНЪ и СКАЗОКЪ

ХЕМНИЦЕРА.

20

Часть вторая.

Часть третья.

Неизданныя басни и сказки Хемницера.

ПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАННЫЕ ТРУДЫ ХЕМНИЦЕРА.

I.

ОДА НА ПОБѢДУ ПРИ ЖУРЖѢ [1].

1770 года.

Воспой, о Муза! снова нынѣ 1
Дѣла героевъ россиихъ намъ,
Что въ славу нашей Монархинѣ
Дай волю разнымъ голосамъ.
Дѣламъ ся примѣровъ нѣтъ,
Чему дивится цѣлый свѣтъ.
Что сдѣлать вѣки не могли,
То малая частица оныхъ
Днесь учинила въ самыхъ новыхъ,
Гдѣ чудеса произошли.

Какъ на бурливомъ океанѣ 2
Волны за волнами бѣгутъ,
Такъ славные днесь Россіяне
Побѣду за побѣдой ждутъ.

---

[1]) Полное заглавіе этого сочиненія читатель найдетъ выше на стр. 304. Это весьма слабый опытъ, столь же несовершенный по языку и формѣ, сколько и по содержанію, но онъ любопытенъ какъ косвенное свидѣтельство необыкновеннаго развитія, какое впослѣдствіи принялъ талантъ автора.

Когда орканы разъяренны,
А разъярясь неутомленны
И въ нѣдрахъ океана рыть,
Подобны Россы симъ орканамъ,
Что съ Мустафою Агарянамъ
Грозятъ ихъ гибелью покрыть.

Трясенье за трясеньемъ стало 3
У нихъ отъ россвихъ сильныхъ рукъ,
И ужасъ, страхъ имъ удвояло
Екатерины имя звукъ.
Тутъ попраны совсѣмъ злодѣи,
Истреблены ихъ всѣ затѣи,
И бѣгствомъ мало лишь спаслось:
Россійски Марсовыя дѣти
Мечемъ что̀ не достали въ сѣти,
Въ Нептуновъ край отправилось.

Минерва, Россовъ героиня, 4
Премудрость воинамъ содѣлить,
Ихъ неусыпна Монархиня,
Чтобъ стадо Срацынъ поразить.
Марсъ съ Мусульманами играетъ,
Какъ прахъ повсюду разсѣваетъ
Посредствомъ росскихъ громовъ силъ.
Ужъ не толпами въ Россы рвутся,
Нѣтъ, бѣгствомъ, думаютъ, спасутся;
Но кто изъ нихъ не жертвой былъ?

Такъ въ мірѣ дѣйствуетъ Спаситель, 5
Храня противъ невѣрныхъ силъ,
Своей всей церкви защититель
Екатерину укрѣпилъ
Десницею надъ врагомъ сильной,
Премудростію изобильной,

Чтобъ Мусульмановъ покорить.
Се нынѣ вся Европа видитъ,
И весь земной нашъ шаръ услышитъ,
Чтобъ Мустафѣ покорну быть.

Восхищены днесь подданные, 6
И слезы радости текутъ;
Играютъ лиры согласные,
Монархинѣ хвалу поютъ.
Брега Невы рѣки смѣются,
Воздвигнуться съ своихъ мѣстъ рвутся,
Свои тѣмъ чувства доказать.
Во всѣхъ сердцахъ пылаетъ радость,
Предметы мыслей, воиновъ храбрость,
Чѣмъ вовсе Мустафу пожрать.

Виватъ! всѣ дѣти возглашаютъ, 7
Екатерина наша Мать,
И Агарянъ тѣмъ ужасаютъ,
Стремясь оружіемъ попрать.
Враги хоть сильно разъяренны,
И отъ враговъ же поощренны,
Мнятъ тьмою толпъ побѣду взять;
Но лишь едва на то польстятся,
Какъ воины Россовъ всѣ стремятся
Самихъ ихъ обращати вспять.

Отъ ига Агарянъ жестокихъ 8
Валлохія свобождена,
Твоихъ слезъ токъ унять прегорькихъ
Державѣ Росской вручена.
Молдавія, какъ ты страдала,
Съ тобою купно воздыхала;
Но вѣкъ сей грозный вашъ протекъ.
Россія всѣхъ васъ избавляетъ,

Отъ тяжкихъ бремянъ свобождаетъ,
Что Мустафа носить прорекъ.

Ужъ Агаряне днесь теряютъ 9
Обширность областей своихъ,
Герои Россовъ ихъ лишаютъ,
Побѣдъ распространяя сихъ.
Валлохію не удержали.
Какъ Хотина лишенны стали,
Сколь не былъ сильно укрѣпленъ.
Мустафа съ ужаса трепещетъ.
И мнитъ, что онъ еще обрящетъ,
Какъ будетъ Стамбуля лишенъ.

II.

ПИСЬМО БАРНВЕЛЯ КЪ ТРУМАНУ ИЗЪ ТЕМНИЦЫ.

ГЕРОИДА ДОРА.

ПЕРЕВЕДЕННАЯ ХЕМНИЦЕРОМЪ [1]).

1774.

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЛЬВОВУ.

Любезный другъ!

Нелестной дружбѣ трудъ усердный посвящаю,
И знанью правому судити предлагаю;
Когда я переводъ сихъ малыхъ строкъ свершилъ,
О чувствованіи твоемъ я вобразилъ.
Любезный другъ! прими сіе ты приношенье,
А мнѣ дай чувствовать едино утѣшенье
И мысль собщи свою о переводѣ семъ:
Льсти убѣгая, ты откроешься во всемъ:
Въ томъ удовольствіе за трудъ сей полагаю.
О подлинникѣ ты извѣстенъ ужъ, я знаю:
Въ немъ тьма красотъ, но нѣтъ ихъ въ переводѣ семъ.

---

[1]) См. въ полномъ собраніи сочиненій Дора Lettres en vers et oeuvres mêlées. Tome I. Paris 1767, стр. 7—28: «Lettre de Barnevelt». Въ отношеніи къ языку, этотъ переводъ Хемницера еще вовсе не отличается отъ предыдущаго произведенія; но по крайней мѣрѣ въ стихосложеніи замѣтенъ уже рѣшительный успѣхъ. Посвященіе Львову служитъ первымъ указаніемъ на знакомство съ этимъ даровитымъ человѣкомъ, которое не могло остаться безъ вліянія на воспріимчивый умъ будущаго баснописца.

*

Изъ нѣдръ темницы днесь Барнвель къ тебѣ зоветъ
Въ слезахъ, мученья полнъ, что грудь его грызетъ:
Барнвель, твой другъ, но имъ и не достоинъ слыти,
Котораго познавъ, стыдомъ ты будешь чтити;
Барнвель! ---- твой другъ! ----
О сколь, любезный Труманъ мой,
Я, имя осквернивъ то, преданъ грусти злой!
Увы! я долго въ немъ чтилъ славу, утѣшенье:
Сладчайша мысль о немъ смертельно мнѣ мученье.
Но чѣмъ начну? могу ль тебѣ все разсказать,
И часть свою рукой безсильной описать?
Тебя внизъ пропасти въ слѣдъ за собой водити
И горькость въ грудь твою вины моей пролити?
Твой чистый свѣтлый вѣкъ въ спокойствіи течетъ:
А мнѣ винъ повѣстью мрачить его? Ахъ! нѣтъ.
Несчастный! ---- тщись со мной хоть втайнѣ воздыхати
И непорочности блаженство почитати.

Что говорю? чтобъ гласъ, который въ цѣлый свѣтъ
Раздастся и вездѣ тьмы звуковъ издаетъ,
Тебѣ бъ могъ повторить въ мѣстахъ уединенныхъ,
Что мнѣ за казнь вкусить за тьму мной золъ свершенныхъ:
Злодѣйство бъ возвѣстить, раскаянье сокрыть?
Нѣтъ, съ ужасомъ, но самъ хочу все объявить,
Въ картинѣ страшной сей я прелесть мню сыскати;
Несчастливъ, виненъ я, тщись обо мнѣ рыдати.
Такъ извѣстись о всемъ: Еще ты бывъ со мной,
И отъ меня въ поля не отозванъ весной.
Ты сердце зналъ мое, ты зналъ мою дражайшу,
Ты нѣжность самъ мою, о другъ мой, чтилъ сладчайшу.
Драгой Барнвель, ты рекъ, я ѣду, будь счастливъ.
Со добродѣтелью любовь соединивъ.

Чьи бъ не могли сердца жестоки обожати
Ту пагубну красу, ты долженъ самъ сказати.
Пріятность, младость, видъ, тьма прелестей такихъ
Не столько силъ имѣть могли въ очахъ моихъ;
Несчастья самыя ее оружьемъ были,
И болѣ прелестей ей силы слезъ служили.
Ея въ безвѣстности, что знаешь ты и самъ,
И Лондону и всѣмъ близъ онаго мѣстамъ
Весны прекрасной дни спокойно протекали.
Хотя напасть ее и бѣдность угнетали,
Но благородный видъ являла завсегда,
Не возгордясь своей красою никогда.
Я мнилъ предметъ любви достойной находити;
Ей предался совсѣмъ, и душу могъ вручити,
Младую душу ту, гдѣ искренность жила,
Невинну, нѣжную, что счастія ждала.
Колико къ Фанніи мой духъ воспламенялся!
Колико угодить я ей всегда старался!
Я жертвовалъ ей - - - - всѣмъ желаніемъ моимъ,
И утѣшеньемъ чтилъ напасть дѣлить своимъ.

Но Фаннія сія - - - я трепещу, хладѣю - - - -
Сія-то Фаннія - - - я силы не имѣю - - -
Священный сердцу сей предметъ, что я любилъ
И обожалъ, мою днесь гибель совершилъ.
Ты вострепещешь самъ. Едва волхвица зрѣла,
Что надо мною власть владыческу имѣла,
Судила гибнуть мнѣ; и гордый духъ ея
Предвидѣлъ свой престолъ и сверженье мое.
Я повергалъ плоды трудовъ моихъ усердно
Къ ея стопамъ, ей мня тѣмъ жертвовать безвредно;
Удвоилъ помощью я сею страсти въ ней
Къ тщеславію, и все бъ покорствовало ей;
Стремленье алчное къ имѣнью верхней власти,

Что родъ сей выше чтитъ любовной самой страсти.
А я напасть ея прервать хоть все творилъ,
Ея смертельныхъ мукъ себя причиной чтилъ.
Такъ, я себя винилъ: измѣнница вникала
Внутрь сердца моего и жаръ мой познавала.
Боль всякій день ея растетъ, мнѣ мнилось, вновь,
И тайна укоризнъ грызетъ мою любовь.
Такъ есть минуты, гдѣ, ко рву злодѣйствъ склоняемъ,
Противъ силъ человѣкъ во оный низвергаемъ.
Противъ любви сердца безсильствуютъ всегда:
Зло добродѣтелью быть кажется тогда.
Мнѣ Фаннія, токъ слезъ и грусть ея мечтались.
И мракъ, въ которомъ всѣ крассы ея терялись.
Не могши болѣ зракъ мучительный сносить,
Великодушно мнилъ я подлость совершить.

Братъ мудрый Сорогонъ родителя любезный,
Почтенный торга членъ и обществу полезный,
Покоясь по трудахъ, сокровища свои
Къ правленью поручилъ всѣ въ руки мнѣ мои,
А я ихъ похищалъ, къ чему жъ употребляя! - - -
Тѣмъ волю Фанніи едину исполняя!
Блѣднѣя, въ ужасѣ, я злато приносилъ - - -
Несчастно злато ей - - - что честью я купилъ!

Искуства хитраго притворствъ волшебна сила
Природы въ Фанніи дары превозносила:
Она вступила въ свѣтъ, желанья утвердивъ.
Стыдъ красилъ мой ее, всѣмъ очи заслѣпивъ.
Любовь моя лишь тѣмъ сильнѣе становилась:
Я жертву чувствовалъ, что для нея вскурилась:
Духъ гордый мой прельщенъ безпрестанно былъ;
Я съ ней тщеславіе равно ея дѣлилъ.
Я счастливъ мнился быть! она могла являти
Всѣ совершенства тѣ, что могутъ насъ плѣняти:

Тьмы мертвыхъ прелестей словами оживить
И къ злодѣяньямъ мя сѣтями уловить.

Въ семъ заблужденіи ужъ я совсѣмъ терялся
И упоенныхъ чувствъ моихъ лишенъ являлся.
Всякъ шагъ, любезный другъ, мнѣ преткновеньемъ былъ,
Въ словахъ, въ поступкахъ плѣнъ и въ взорѣ находилъ.
Въ семъ смертномъ снѣ, увы! ты можешь ли познати
Тотъ преужасный слѣдъ, что сталъ онъ днесь казати?
Нѣтъ, верхъ сей ужаса нельзя воображать.
Я то свершилъ, о чемъ грѣшно и вспоминать.

Не вѣдалъ Сорогонъ, что подло я алкая,
Къ казнѣ его моя рука простерлась злая;
Но скоро онъ, какой ужасный ядъ, позналъ,
Смущалъ мой умъ во мнѣ и чувства пожиралъ.
Его мнѣ нѣжностью злой рокъ мой предвѣщался;
Сей старецъ юности моихъ лѣтъ опасался
И сердца простоты, что льзя легко склонить,
Что добродѣтели, равно и злу плѣнить;
Огня страстей, во всей моей крови возжена;
Красы предмета, чѣмъ мя видѣлъ онъ плѣненна:
Стремясь отъ тайныя мя сѣти избавлять,
Старался оной власть и прелесть удалять.

Внявъ то, мнѣ Фаннія, прибѣгшу къ ней, предстала,
И на одрѣ въ слезахъ текущихъ утопала,
Видъ блѣдный на челѣ, и во смятеньи семъ,
Что въ скорби мы красой и прелестью зовемъ,
Мнѣ руки подаетъ, мя жаромъ наполняетъ
И лобызаніемъ весь нутръ мой воспламеняетъ.
«Барнвель!» рекла, «я зрю тебя, дражайшій мой,
«И ахъ! въ послѣдній разъ цѣлуюсь я съ тобой!» ---
Я слышу ихъ еще, сіи слова опасны,

Тѣ вздохи винные и клятвы толь ужасны.
Я, чувствъ лишаясь всѣхъ, на грудь ея упалъ.
«Насъ разлучить хотятъ», гласъ оный продолжалъ:
«Я гибну! --- жизни мя чудовище лишаетъ ---
«Насъ завтра Сорогонъ, сей варваръ, разлучаетъ!»

«О дерзость!» я вскричалъ: «то должно предварить:
«Вѣщай, что мнѣ начать, потщуся все свершить.
«А онъ пусть мя рабомъ, пусть жертвой учиняетъ;
«Мой богъ одна любовь, она мя ободряетъ;
«Ей только я внемлю. Внемли жъ ея ты гласъ»,
Рекла: «она гласитъ, дая тебѣ приказъ.
«Но времени не трать; ужъ завтра ты конечно,
«Умедля, тьму препонъ межъ нами узришь вѣчно.
«Не будетъ мстителя, и Фаннія падетъ.
«Предупреди ударъ ужасныхъ нашихъ бѣдъ
«И общу нашу смерть. Сей ночи тьма не мрачна,
«Она учинена чрезъ слабый свѣтъ прозрачна:
«Ты знаешь, Сорогонъ по всяко утро тамъ
«Въ пустынномъ семъ лѣсу, что близокъ къ симъ мѣстамъ,
«Гдѣ точно онъ мою погибель устрояетъ;
«Да сыщетъ тамъ одинъ ту смерть, что намъ желаетъ.
«Дерзай на все, похить сокровища его,
«Что неотлучны, имъ хранимы, отъ него.
«Чтобъ въ безопасности отъ мѣстъ сихъ удалиться
«И смерти избѣжать, намъ злато нужнымъ зрится.
«Се маска, се и мечъ; бѣги, рази; а я,
«Въ объятья павъ твои, немедля вся твоя.
«Послѣдую тебѣ къ брегамъ преотдаленнымъ
«Чрезъ горы каменны къ пещерамъ сокровеннымъ;
«Хочу изобрѣсти, тебѣ послушна ставъ,
«И новый родъ любви, и новый родъ забавъ;
«Хочу чтобъ жертвы стонъ душа твоя не вняла,
«И слухъ ея моя любовь бы заграждала.

«Но трепещи, когда ты слабость мнѣ явишь,
«И бѣдъ содѣтеля моихъ мнѣ предпочтишь:
«Когда страшишься ты мнѣ мерзку кровь пролити,
«Другой мечъ грудь мою остался поразити.»
О Труманъ! тщись меня несчастнаго познать;
Я, рѣчью сей сраженъ, едва возмогъ дышать,
Полмертвый тщетно гласъ ища въ тоскѣ глубокой
Въ объятіяхъ моей любовницы жестокой,
Чтó нѣжность съ страшною мѣшала просьбой сей
И пламя лютости съ огнемъ любви моей;
Представь, коль льзя, себѣ сіе ужасно дѣйство,
Мятежъ сей и жены свирѣпыя злодѣйство;
Несчастный одръ, гдѣ лишь одинъ лампадъ свѣтилъ,
И мечъ, чтó Фанніей двойной устроенъ былъ.
Чтó наконецъ скажу? смягченъ ея слезами,
Возженъ свирѣпствіемъ и убѣжденъ красами;
Ея угрозы, вопль - - - - увы! - - - я обѣщалъ - - -
Нуждаетъ Фаннія, чтобъ я счастливымъ сталъ!
До закаланія ужъ жертву упояетъ;
Послѣдній поцѣлуй къ злодѣйству знакъ являетъ.

Она, скрывая видъ мой, силы мнѣ даетъ
И дерзкою рукой стопы мои ведетъ.
Я, словомъ, въ тишинѣ сей мрачной выступаю,
Рыдаю, трепещу, иду — куды? не знаю.
Куды, въ отчаяньи, я взоръ свои ни взводилъ,
Тамъ всякій мнѣ предметъ ужаснымъ знакомъ былъ.
Прискорбно солнце бѣгъ тогда свой начинало;
Кроваво облако мнѣ свѣтъ его скрывало;
И стонъ земли, и рѣкъ журчанье предо мной
Къ убивству мой тогда вѣщали умыслъ злой.
Казалось, блекнетъ все отъ моего дыханья;
Страшилось естество убійцына взиранья.
Толь наказуя Богъ злыхъ смертныхъ за порокъ,

Блюдетъ дни добраго, хранитъ его и рокъ!
Се тотъ святой залогъ, что онъ земли ввѣряетъ;
Мгновенно страждетъ все, коль жизнь сего страдаетъ.
Кто вѣкъ губитъ сего, дражайши узы рветъ:
Погибель каждый разъ сего печалитъ свѣтъ.

Вступилъ я наконецъ въ сей лѣсъ уединенный,
Ужасный только мнѣ, гдѣ старецъ былъ почтенный.
Увидѣлъ я его: онъ къ небу возводилъ
Чело и Вышнему молитвы приносилъ;
Онъ сердце чистое съ смиренствомъ представляетъ:
Отрада сладкая, чтó старость утѣшаетъ!
Имѣнья пользу, чтó безвредно онъ сбиралъ
И коимъ помощи онъ бѣднымъ подавалъ:
Полвѣка трудъ! сколь могъ священнымъ онъ казаться!
Сколь, добраго злодѣй зря, принужденъ терзаться!
Я чувствовалъ сіи мученья всѣ впередъ,
Сердечно рвеніе, идуще злóбѣ въ слѣдъ.
Близъ древа, чтó меня дрожаща подкрѣпляло,
Желѣзо двадцать разъ изъ рукъ моихъ упало!
Я двадцать разъ его въ себя вонзити мнилъ:
Казалось, я влекомъ отъ мѣстъ сихъ тайно былъ;
Но тотчасъ грозный видъ мнѣ Фанніи явился,
И въ бѣшенство тотчасъ я снова погрузился.
Я мнилъ, что зрю ее, кинжалъ въ рукѣ держа,
Вокругъ меня ходя и груди обнажа,
Вѣщая мнѣ: «Рази, иль зри меня сраженну!»
Сей въ душу ударялъ мою звукъ утомленну.
Водимъ дражайшей сей мечтой и понужденъ,
Я, ужасъ потерявъ, казался ободренъ.
Зря только Фаннію, я мстить ее стремился:
Мгновенно въ лютости, о Труманъ, я пустился,
И слабаго сего грудь старца мой кинжалъ
Безчеловѣчною рукою прободалъ.

Онъ, испуская вопль, упалъ и, умирая,
Сказалъ: «Какая вѣсть къ тебѣ достигнетъ злая,
«Драгой Барнвель! гдѣ ты? почто ты отлученъ?
«Въ сей лютый часъ бы былъ тобой я защищенъ.
«О Боже! вѣкъ его Тобой да сохранится,
«И участь отъ него мнѣ равна отвратится!»

Хочу бѣжать; нѣтъ силъ: трепещетъ каждый членъ:
Бросаю свой кинжалъ, собой самъ устрашенъ;
Снимаю маску я: токъ тщетныхъ слезъ стремится
Изъ неподвижныхъ ужъ моихъ очей пролиться;
Не въ силахъ страшнаго предмета убѣгать,
Я ближусь и хочу на тѣло упадать.

Едва лишь Сорогонъ свой томный взоръ возводитъ,
Въ защитникѣ своемъ убійцу онъ находитъ;
Онъ познаетъ меня; на мя взоръ устремилъ,
И больше ужаса мнѣ нѣжности явилъ.
«Се ты, Барнвель, онъ мнѣ сказалъ, не прогнѣвляясь.
«Что сдѣлалъ я тебѣ, отцомъ тебѣ являясь?»
Тогда къ груди своей хотѣлъ меня прижать;
Рукой дрожащей мя стремился обнимать.
Рыдая къ ранѣ я устами прикасался;
Кипящей крови токъ, чтó съ шумомъ проливался,
Я мнилъ унять и боль свою тѣмъ утолить:
Струи сей крови въ нутръ мой стали проходить.
О помощь тщетная! всякъ членъ его нѣмѣетъ;
Отъемлетъ руку онъ, и зракъ его темнѣетъ;
Онъ жалобный свой гласъ въ послѣдній испускалъ:
Собравъ его, еще прощенье мнѣ вѣщалъ.
Великодушно толь онъ, утомясь, скончался;
Скончался! - - - - а я живъ я живъ еще остался!

Вздымалися власы, трепещущъ, онѣмѣлъ,
Отъ трупа я сего священнаго ушелъ.

Сей жертвы отъ меня жестокая желала:
И се она уже передъ нее предстала.
Восшедъ на верхъ злодѣйствъ и преужасныхъ дѣлъ,
Еще я счастья лучъ передъ собою зрѣлъ.
Убiйцею я сталъ, жестокой угождая,
И чтилъ ее еще, о старцѣ, рвясь, рыдая.

Едва я ей предсталъ, совсѣмъ окровавленъ,
Рекла: «Исполнено ль? ударъ ужъ совершенъ?
«Ступай --- послѣдуй мнѣ --- но гдѣ злодѣя злато?
«Его сокровище? ---- Постой, я рекъ, не взято:
«Къ убiйству и грабежъ! ---- ахъ! Фаннiя, пусти ---
«Не требуй ничего ---- и ужасъ мой хоть чти ----
«Зри слезы, зри и кровь» ---- Вдругъ Фаннiя страшится,
Блѣднѣетъ, зря мой страхъ, чтобъ жизни не лишиться;
Трепещетъ, что ее съ убiйцей кто найдетъ.
О умыслъ мерзостный! злость, коей равной нѣтъ!
Въ притворномъ ужасѣ, въ смятеньи убѣгаетъ,
И изумленна, мя на время оставляетъ.
Преступникъ отъ любви, любовью обвиненъ,
По волѣ Фаннiи въ темницу я ввлеченъ;
Стремлюсь съ ней говорить, но мой языкъ нѣмѣетъ,
И сила томной въ немъ души моей слабѣетъ.
Я весь недвижимъ сталъ, и долго время мнилъ,
Что я игралищемъ мечтанiй страшныхъ былъ.
Я оправдать жену жестокую старался;
Въ оковахъ при глазахъ ея я увлекался.
Ахъ! Фаннiя ---- простря я руки къ ней, вскричалъ:
Ахъ! Фаннiя ---- пошелъ, ея не обвинялъ.

Прости, о Труманъ! толь ужасное вѣщанье;
Прости --- въ сугубое бъ я ввергся наказанье.
Нѣтъ, ты не можешь знать, въ чемъ заблуждался я,
Верхъ моея любви, верхъ злобы моея,

Сію распутну жизнь, въ котору погрузился;
Сей чувствъ моихъ всѣхъ бредъ, чтб нѣжностью мной чтился.
Питаемъ всякій день чудовищемъ, чтб чтилъ,
Чрезъ склонность адску я безчеловѣченъ былъ.
Хотя съ небесъ имѣлъ я нѣку добродѣтель,
Но Фанніей лишенъ я оной быть владѣтель.
Когда бъ мнѣ Фанніей приказъ былъ объявленъ,
Ты мною, о мой другъ, ты бъ мной былъ умерщвленъ.

О повѣсть страшная, но должное признанье!
Вотъ мерзость дѣлъ моихъ; вкушаю наказанье.
Всѣ чувства внутрь души моей мученье льютъ,
И тѣни вкругъ меня грозящія встаютъ;
Зміи по всякій часъ мя тайно угрызаютъ;
Ужасны дни ночей ужаснѣйшихъ рождаютъ.
Едва тоскливымъ сномъ на часъ я упоенъ,
Внезапно ужасомъ и страхомъ пробужденъ.
Я мню, что въ пропасть я низвергнувшись геенны,
Къ мученью силы всѣ во мнѣ возобновленны.
Мечтается вездѣ въ очахъ мнѣ Сорогонъ
Съ отверстой раною, и испускаетъ стонъ.
Простертъ я по землѣ, гдѣ въ ужасѣ рыдаю,
Токъ кровный изъ очей, не слезный, проливаю.
При всѣхъ злодѣйствіяхъ, для дружбы твоея,
Чтобъ ты о мнѣ жалѣлъ достоинъ былъ бы я;
Твои бы чувства стонъ мой жалкій внять склонились,
И слезы бы твои съ моими сообщились;
Я вздохи бъ внялъ твои и добродѣтель зрѣлъ
Подпорой бую, кой въ злѣ мѣры превзошелъ;
Виновну другу, кой собою самъ мерзѣетъ,
Кой, бывъ любимъ тобой, днесь о себѣ жалѣетъ;
Предметъ презрѣнія и мерзости такой,
Однако стоящій оплаканъ быть тобой.
Увы! когда бъ я могъ тя видѣть предъ собою,

И на минуту въ рѣчь вступить хотя съ тобою,
Взять за руку тебя, тебѣ бы отвѣчать
И къ нѣдрамъ дружества въ послѣдній припадать,
Принять въ объятія! - - - безумный! - - - чувствъ лишился!
Кто? ты бъ въ объятіяхъ злодѣйскихъ находился!
Ахъ! симъ цѣпямъ меня лишь должно обнимать:
Природа мной мерзя, должна мя отвергать.
Исчезнетъ къ твоему желанье то покою!
Льзя ль нѣжности моей въ цѣнѣ быть предъ тобою?

Останься ты въ поляхъ, въ мѣстахъ спокойныхъ тѣхъ,
Чтó суть жилищами блаженныхъ смертныхъ всѣхъ;
Ты самъ исправилъ ихъ, ты самъ ихъ устрояешь,
Гдѣ ты себя трудамъ полезнымъ посвящаешь;
Гдѣ злобы духа нѣтъ, гдѣ бѣдства звукъ молчитъ;
Дней чистыхъ, сколь душа твоя, ничто не тмитъ.
Ты взоръ возведъ въ сей часъ, душою восхищенной,
Почтеньемъ полною и радостью возженной,
Пространство можетъ-быть небесъ пресвѣтлыхъ зришь,
И втайнѣ существо тебя создавше чтишь.
Отъ восхищенія толь сладка обращаясь,
Ты предъ собой зришь чадъ любезныхъ, утѣшаясь,
Супругу вѣрную, бесѣдущу съ тобой,
И подражаешь имъ, ихъ радуясь игрой.
Увы! симъ счастіемъ душа моя ласкалась!
Нѣжнѣйшей Фаннія супругой мнѣ казалась.
Ужъ я сладчайшія тѣ узы вображалъ,
Чрезъ коихъ бы союзъ я вѣчно счастливъ сталъ.
Достойна жертва слезъ! ахъ, тщетно симъ я льстился!
Чрезъ добродѣтели я прелесть проступился.
О радости небесъ, чтó прежде вображалъ,
Ты оны чувствуешь, а я лишенъ ихъ сталъ!
Вкушай ихъ много лѣтъ, ты стоишь ихъ вкушати!
Въ покоѣ тщись плоды невинности сбирати.

Тѣ бѣдства, коими злой рокъ тебя щадилъ,
Хочу чтобъ на меня онъ днесь ихъ обратилъ!
Да будетъ ввѣкъ душа твоя ихъ удаленна,
Напасть судьба моя, мздой виннымъ сотворенна.

Желанья тщетныя! чтó говоришь, Барнвель?
Ахъ! льзя ль счастливымъ быть, кто зналъ тебя досель?
Коль въ мерзостяхъ твоихъ участье принимати,
И воздухъ, чтó виной ты заразилъ, дышати?
Я добродѣтельнымъ умру, не рвись, мой другъ,
Очищенъ для небесъ мой по степенямъ духъ.
Я отъ Всевышняго Судьи все уповаю;
Предѣлъ священный Свой, чтó непремѣннымъ чаю,
Скрываетъ Онъ всегда завѣсою отъ насъ:
Мы Имъ наказаны и прощены тотчасъ.

Когда жъ минута, мной желанная, наступитъ,
Котора казнью смерть мнѣ сносную искупитъ,
Гдѣ я мучителямъ благимъ могу вручить
Достойно сердце мукъ, чтобъ вновь рожденну быть!
На васъ, хранители законовъ, уповаю!
Жизнь примирить чрезъ смерть ужасную желаю!
Ахъ! если кровь моя, котору будутъ лить,
Кровь Сорогонову могла бы искупить!
Пощада подлая во стыдъ вамъ обратится:
Тѣнь Сорогонова конечно да отмстится.
Месть быть должна громка, сердца чтобъ устрашать,
Сердца, могущія во злѣ мнѣ подражать.

Я близокъ дня сего: кровавое видѣнье
Не страхомъ будетъ мнѣ, но будетъ въ утѣшенье.
Я зрю гражданъ своихъ въ смятеньи предъ собой,
И на Барнвеля взоръ всякъ мещетъ жадно свой;
Вопросы слышу ихъ и о злодѣйствѣ рвенье,

И клятву жертвы сей, и купно сожалѣнье.
Днесь ночь скрываетъ всѣ мученія мои;
Но мерзости я всѣ дамъ свѣту зрѣть свои.
Чтó говорю? ту смерть поносную, ужасну,
Смерть всѣхъ преступниковъ, льзя учинить прекрасну.
Раскаянье сердца возможетъ всѣхъ смягчить.
О! сколькихъ нудили злодѣи слезы лить!
Хочу, чтобъ въ память день навѣки сей втвердился,
И чтобы день стыда днемъ славы учинился;
Чтобъ добродѣтели, за зло мя наказавъ,
Земля почла мои, гнѣвна по долгу ставъ.

Когда бъ наслѣдовать могла мое мученье,
О Труманъ, Фаннія, мя ввергнувъ въ преступленье!
Когда бы тайный лучъ могъ грудь ея пронзить
И злобу всю ея возмогъ бы истребить!
Тщись паче страшное сіе писанье скрыти.
Я удаленъ, чтобъ жаръ отмщенья не гасити;
Мнѣ жалость вопіетъ, я гласъ внемлю ея;
Одинъ лишь бремя несть хочу злодѣйства я;
Ея злодѣйство тьма превѣчна должна скрыти:
Любившему ее неможно сердцу мстити.
Великодушенъ будь, чувствителенъ во всемъ;
О семъ въ послѣдній другъ тя проситъ твой о семъ.
Когда жъ послѣдуетъ она мя казни ждущей,
Страшись тогда моей ты тѣни вопіющей;
Мгновенно къ новому мученью оживленъ,
Смерть чувствовать ея я буду принужденъ:
Не мни, чтобъ Фаннія чрезъ хитрости жестоки
Могла въ дняхъ юности ввести кого въ пороки;
Власть кончилась ея. Ты не страшись ея;
Одно лишь сердце есть такое какъ мое - - - -

Ея премѣнится. Ты, Боже, мой судитель,

И страхъ преступника, и купно покровитель,
Ты все возстановишь; законъ Твой лучшій есть
Сердцами обладать и въ чувство ихъ привесть.
Гласи ей, дѣйствуй въ ней, принудь ее рыдати;
Льзя ль столько прелестей для зла Тебѣ собрати?
Когда бъ вкушая казнь Барневель, вкушая месть,
Могъ плачемъ Фаннію въ раскаянье привесть!

Но что за шумъ сихъ мѣстъ вдругъ тихость прерываетъ?
Кто, отворивъ ко мнѣ темницу, поспѣшаетъ?
Ахъ! если бы пришли о смерти мнѣ вѣщать!
Ты, коего нельзя въ сей часъ мнѣ лобызать,
Любезный Труманъ мой! прими прощенье нѣжно,
Оставь, не плача, тѣнь мою ты безмятежно.
Да моему и твой равно скрѣпится духъ!
Счастливымъ я умру, когда умру твой другъ.

ПИСЬМО КЪ М. Ѳ. СОЙМОНОВУ

ПРИ ПОСВЯЩЕНІИ ЕМУ КНИГИ

КОВАЛЬТОСЛОВІЕ [1]).

1778.

Милостивый государь!

Лестно для патріота видѣть счастливые успѣхи, коими награждены труды вашего превосходительства, стремящіеся единственно къ доведенію въ совершенство горное въ Россіи производство: такую часть, которая составляетъ вещественнѣйшее каждаго государства богатство и первыя онаго силы въ войнѣ и въ мирѣ.

---

[1]) Вотъ полное заглавіе этой книги: «Ковальтословіе или описаніе красильнаго кобальта по званію, породамъ и мѣсторожденіямъ онаго и по добываемымъ при ономъ металламъ, ископаемымъ, рудамъ и камнямъ, также и о содержаніи онаго по опытному искусству, о употребленіи его и о другихъ случающихся при томъ обстоятельствахъ, съ приобщеніемъ нужныхъ для объясненія таблицъ. Сочинено докторомъ Іоганномъ Готлобомъ Леманомъ, прусскимъ королевскимъ горныхъ дѣлъ совѣтникомъ, королевской прусской и курмейнцской академій наукъ и англинскаго собранія, трудящагося о успѣхѣ художествъ, манифактуръ и торговли, членомъ. Переведено съ нѣмецкаго языка оберъ-бергмейстеромъ Иваномъ Хемнитцеромъ. Разсматривано учрежденнымъ при Горномъ училищѣ собраніемъ». (См. выше, стр. 304). Объ отношеніяхъ Хемницера къ Соймонову см. наши «Извѣстія» о баснописцѣ, стр. 8—10.

Къ доведенію сего производства до теперешняго степени, нужны были добрая воля, доброе начало и порядокъ.

Ваше превосходительство увидѣли не умедля, что люди, привыкшіе носить ружье, не искусны находить и добывать золото; что человѣкъ между указовъ и приказныхъ дѣлъ сидѣвшій, не удобенъ преподавать химическіе и физическіе уроки.

Заведеніемъ Горнаго корпуса и опредѣленіемъ искусныхъ учителей для наставленія воспитанниковъ его въ познаніи всѣхъ частей горнаго производства, перемѣнили дѣлá видъ свой: насталъ порядокъ, и польза засвидѣтельствовала намѣренія ваши.

Всякій другой воспользовался бы здѣсь правомъ превознесть дѣла ваши; но я, носящій милости вашего превосходительства, болѣе имъ удивляться, нежели объ нихъ говорить долженъ.

Непростительно однакожъ было бы не соотвѣтствовать симъ полезнымъ попеченіямъ; а въ семъ-то намѣреніи перевелъ я сіе подносимое вашему превосходительству сочиненіе. Важность онаго, какъ въ разсужденіи стекляннаго, такъ и фарфороваго дѣла, вамъ извѣстна, которую усугубите вы благосклоннымъ принятіемъ вашимъ.

Вашего превосходительства

милостиваго государя

покорнѣйшій слуга

Иванъ Хемнитцеръ.

Первоначальныя изданія двухъ напечатанныхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ стихотвореній составляютъ большую рѣдкость: «Ода» получена нами изъ Императорской публичной библіотеки, а «Письмо Барнвеля» — отъ Н. С. Тихонравова. О другихъ экземплярахъ мы не знаемъ.

ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ОПЫТОВЪ ХЕМНИЦЕРА.

САТИРА I[1]).

На худыхъ судей.

Дивятся всѣ тому и всѣ не понимаютъ,
Тѣ, кои о дѣлахъ судейскихъ разсуждаютъ,
Зачѣмъ и отчего въ судахъ порядка нѣтъ,
И что безпутно все въ судилищахъ течетъ:
Не знаю, такъ ли я объ этомъ разсуждаю,
Но вотъ причиной я сему чтó полагаю.
   Не удивляйтеся; я все вамъ раскажу
И неустройства всю причину покажу,
И сами вы тогда со мною въ томъ согласнó
Тожъ скажете, что я вамъ доказалъ все ясно.
Скажите, можно ли добра тамъ ожидать,
Гдѣ на безпутствахъ все пекутся основать?
Когда судья иль плутъ, или невѣжа сущій

---

[1]) Найденные въ бумагахъ Хемницера рукописные труды его остались большею частію въ первоначальныхъ редакціяхъ, гдѣ одни и тѣ же стихи нерѣдко повторяются въ разныхъ видахъ. Поэтому извлекаемъ изъ этихъ рукописей только то, чтó оказалось сравнительно болѣе обработаннымъ. — Не только въ содержаніи настоящей сатиры, но и въ языкѣ ея замѣтны слѣды чтенія сатиръ Сумарокова, изъ которыхъ одна также озаглавлена: *О худыхъ судьяхъ*. По внѣшней формѣ сатиръ Хемницера можно полагать, что онѣ писаны между 1774 и 1779 годами, т. е. послѣ напечатанныхъ выше двухъ стихотвореній его и прежде басенъ.

И тѣмъ или другимъ къ несчастью васъ ведущій,
Когда такой судья судити посаженъ
И быть хранителемъ законовъ нареченъ,
Такъ можно ли въ судѣ тутъ ждать чего другого,
Окромѣ только то, чтó вздумать льзя дурного?
Когда невѣжею онъ только будетъ врать
И въ свѣтѣ нѣтъ чего, онъ станетъ утверждать;
Когда, не знавъ мѣстамъ земли онъ положенье,
Противу истины взнесетъ онъ въ возраженье
И станетъ утверждать своею простотой:
Таганрогъ въ Франціи, а Пекинъ подъ Москвой;
Когда на картахъ лѣсъ онъ мушками считаетъ
Иль ручейкомъ рѣку рѣчищу называетъ;
Земной нашъ, скажетъ, шаръ не въ воздухѣ виситъ,
А на хребтахъ китовъ недвижимо лежитъ;
Что отъ Москвы въ Казань Архангельскъ по дорогѣ,
Нѣтъ въ пушкѣ разности и нѣтъ въ единорогѣ,
Или, по глупости своей сплетая бредъ,
Искуство горное кузнечествомъ зоветъ;
Съ подъячимъ за одно ученаго считаетъ,
Затѣмъ что грамотѣ и тотъ и этотъ знаетъ;
Иль если сталась рѣчь о язвѣ моровой,
Не знавъ естественной причины никакой,
Вскричитъ онъ: «Что за звѣрь та язва моровая,
Метлякъ[2] или сверчокъ, иль тварь кака иная?»
Иль, бывъ опредѣленъ театромъ управлять,
Не зная, инструментъ который какъ назвать,
Фаготъ дудой, кларнетъ пискулькой называетъ,
А коль анзацу нѣтъ, купити посылаетъ,
Даетъ дудѣ большой большой въ годъ и окладъ,
Хоть хуже дудочки сто разъ въ ней будетъ складъ.
Счастливъ, кто на дудѣ большой играть умѣетъ,
Хотя игры его никто не разумѣетъ!

[2]) Метлякъ = мотылекъ, по Далю сибирское слово.

Не должно ль хохотать преглупымъ толь судьямъ
И льзя ль ввѣрять дѣла судить такимъ вралямъ?
Вотъ отчего дѣла текутъ толь коловратно,
Теперь, я думаю, довольно всѣмъ понятно.
Вотъ отчего въ судахъ судьею секретарь,
Затѣмъ что президентъ незнающая тварь
И скудоуміемъ своимъ все одобряетъ,
Чтó секретарь его ему ни представляетъ.
Онъ только затвердилъ чтобъ *хорошо* сказать
И имя бы свое коё-какъ подмарать;
А секретарь рѣшитъ и дѣлаетъ чтó хочетъ,
А истецъ по суду вѣкъ цѣлый свой хлопочетъ.
Я глупаго судьи примѣръ здѣсь описалъ,
И должно чтобъ теперь я и о томъ сказалъ,
Который плутовствомъ своимъ судъ оскверняетъ,
И бичъ народный въ немъ собою составляетъ.
О тьма злодѣйствъ! о тьма неизреченныхъ бѣдъ,
Котору за собой судья такой влечетъ!
Чтó отъ глупца въ судѣ по глупости страдаетъ,
То здѣсь по плутовству отъ плута погибаетъ.
Тамъ хоть подъячіе и секретарь дерутъ,
А здѣсь судья и съ нимъ всѣ писчики берутъ,
И до послѣдняго съ судьею всѣ воруютъ,
И даже сторожа, и тѣ съ судьей плутуютъ.
Зайди въ такой приказъ: во фрунтѣ всѣ стоятъ
И съ челобитчиковъ лишь взятки драть глядятъ;
И посторонніе, которые случатся,
Такъ и у тѣхъ просить на водку не стыдятся;
Не смѣешь вѣдь въ карманъ и за платкомъ сходить,
Ужъ думаютъ тотчасъ на водку получить;
Какъ звѣри алчные, поводятъ всѣ глазами,
Обставъ кругомъ тебя съ готовыми руками,
И словомъ, не на судъ сей судъ,—на торгъ похожъ:
Кто былъ въ такихъ судахъ, конечно скажетъ то жъ.

Здѣсь скажутъ: не ужли жъ правленье въ то не входитъ
И поношенье, стыдъ и срамъ сей не отводитъ?
И неужель судья, мошенникъ бывъ такой,
Не опасается за плутни казни злой?
Правительству за всѣмъ вездѣ не угоняться;
Не станетъ и его всегда тѣмъ заниматься.
А сверхъ того уже указамъ нѣтъ числа,
Гдѣ лихоимственны заказаны дѣла,
И многи у столба и такъ уже стояли,
Чтобъ взятки гнусныя съ людей брать перестали;
Но видно, нужды нѣтъ и у столба стоять,
Коль продолжаютъ все понынѣ взятки брать.
А сверхъ того судья правленья не боится,
А хоть боится онъ, такъ вотъ судья чѣмъ льстится:
«Не скоро-де меня правленье обличитъ,
И въ взыскиваемой неправдѣ обвинитъ»,
Всѣ зная плутни скрыть свои съ своимъ причетомъ,
Чтобы не быть за нихъ въ уликѣ подъ отвѣтомъ
И мѣста своего чтобы не потерять,
А съ нимъ своихъ бы всѣхъ доходовъ не отстать.
А если да грѣхомъ съ нимъ это и случится,
Что въ плутняхъ по дѣламъ своимъ онъ обличится,
И на него доносъ какой да подадутъ,
Судящіе его ужъ дѣло такъ сведутъ,
Что правымъ по суду конечно онъ найдется,
А тотъ, кто доносилъ, въ бѣду самъ попадется.
Когда жъ никакъ его не можно оправдить
И истину вины его никакъ затмить,
И хитрости его судящихъ всѣ напрасны
И доказательства вины его ужъ ясны,
Такъ много что его отъ мѣста отрѣшатъ,
А онъ, накравшися, тому еще и радъ
И мыслитъ: «Пусть другой на мѣстѣ семъ хоть будетъ,
А у меня что́ есть, въ карманѣ не убудетъ.

Не будетъ мнѣ зачѣмъ впредь болѣе тужить;
Довольно, ужъ пора и про себя пожить;
Пора мнѣ по трудахъ къ покою пріютиться:
Мнѣ, слава Богу, есть теперь чѣмъ прокормиться»....
А *слава Богу*-то что значитъ у него?
Вѣдь не иное что какъ воровство его,
Чѣмъ такъ искусно онъ умѣлъ обогащаться
И, плутомъ первымъ бывъ, честнѣйшимъ называться
И даже говорить, что пользы сдѣлалъ онъ
Казнѣ, при бытности при мѣстѣ, милліонъ.
Да только онъ одинъ про тотъ прибытокъ знаетъ,
А болѣе никто, хоть какъ онъ ни считаетъ.
Я изъ числа судей такого самъ знавалъ,
Кой, воромъ первымъ бывъ, ворами всѣхъ считалъ
И, если строить чтó казеннаго случится,
Украсть съ подрядчикомъ онъ первый согласится:
Чтó строить было годъ, онъ строитъ десять лѣтъ,
А деньги въ ростъ межъ тѣмъ казенны отдаетъ.
«Изрядно», скажутъ мнѣ: «сатирствовать вѣдь можно,
Однако доказать, что прямо воръ онъ, должно».
И вѣрно докажу, и всякій скажетъ то жъ,
Что я не клевещу и что взношу не ложь.
Не воръ ли онъ, когда съ пятнадцатью душами
Онъ службу сталъ служить, а кончилъ съ пятью стами?
Сочтите, сколько онъ бралъ жалованья въ годъ,
Что онъ ни пилъ, ни ѣлъ и не держалъ въ расходъ,
А отдавалъ на ростъ, и ростъ сей умножая,
И всѣ рекамбіи на ростъ сей прилагая,
И тутъ возможности никакъ не можетъ быть,
Чтобъ онъ безъ воровства пятьсотъ могъ душъ нажить,
Да тысячъ сто имѣть еще рублей лежачихъ,
Не ассигнацієвъ, — червонцевъ все ходячихъ.
Да чуть было еще и то я позабылъ,
Что скажутъ: «Вѣдь де онъ за службу получилъ

Все, что имѣетъ онъ достатку, въ награжденье».
Великое мнѣ здѣсь встрѣчается сомнѣнье:
Награждену когда за службу быть хотѣть,
Потребно чтобъ друзей предстателей имѣть,
А онъ не могъ ни съ кѣмъ въ согласіи ужиться:
Съ кѣмъ ни сойдется онъ, со всякимъ побранится;
Иныхъ же онъ затѣмъ друзьями не имѣлъ,
Что съ ними въ воровствѣ дѣлиться не хотѣлъ;
Другихъ опять за то имѣлъ себѣ врагами,
Что вѣшать всѣхъ хотѣлъ, зовя ихъ всѣхъ ворами;
Еще иныхъ за то ругалъ и поносилъ,
Что въ лентахъ тѣ, а онъ одинъ безъ ленты былъ.
Да полно, словъ его всѣхъ описать не станетъ,
А онъ отъ воровства и плутней не отстанетъ:
Воръ прежде воровалъ и послѣ будетъ красть,
Врожденная ничѣмъ не истребима страсть.
Сатирствуй на него, его тѣмъ не исправишь
И на хорошій путь съ худого не направишь.
Хоть сколько про него ни станешь говорить,
Онъ будетъ все-таки по своему творить.

Оставимъ мы судью, мошенника и злого,
А скажемъ что-нибудь еще и про такого,
Который съ знаніемъ и съ честною душей —
Безъ пользы тожъ въ судѣ отъ лѣности своей.
При эдакомъ судьѣ секретари большими,
И всѣ дѣла въ судѣ лишь дѣлаются ими.
Секретарю лишь тутъ старайся быть знакомъ
И знай его одинъ, а не судейскій домъ, —
Ты все получишь то, что получить ты хочешь.
О мѣстѣ ль ты какомъ, о чинѣ ли хлопочешь,
Или въ тяжбѣ ли какой находишься ты съ кѣмъ,
Желаніе твое исполнится во всемъ.
Я самъ свидѣтель былъ, какъ нѣкто добивался,

Чтобъ мѣсто получить, и къ судіѣ таскался;
Но тщетно тотъ судью о мѣстѣ семъ просилъ.
Пошелъ къ секретарю, и мѣсто получилъ,
И только снесъ ему часы онъ золотые,
Но съ репетиціей часы, а не простые.
Онъ триста за часы рублей лишь только далъ,
А съ мѣста тысячу въ годъ жалованья бралъ.
И такъ во всѣхъ судахъ тьма злоупотребленья,
Гдѣ чести нѣтъ въ судьѣ, ума или раченья.

Теперь пора бы мнѣ сатиру и скончать;
Но нѣтъ нельзя никакъ того мнѣ миновать,
Чтобъ двухъ еще судей мнѣ здѣсь не описати
И подлинниковъ въ нихъ дурныхъ не показати.
Хоть скучу можетъ-быть читателямъ моимъ,
Но въ грѣхъ сочту чтобы не описать ихъ имъ.
Судья мой, коего я здѣсь изображаю,
Котораго я самъ въ глаза хотя не знаю,
Не инако дѣла судейскія рѣшилъ
И въ дѣлѣ истину узнать способенъ былъ,
Какъ тѣмъ, что ежели да дѣло чье не ясно
Или вину кладутъ на праваго напрасно,
То, подъ какую мысль судьи да кто чихнетъ,
Та справедлива мысль и въ ней сомнѣнья нѣтъ,
И дѣло иначе никакъ ужъ не рѣшится,
Вся дѣла истина чиханьемъ утвердится:
Счастливый истецъ тотъ, который въ часъ чихнетъ,
Когда онъ, тысячи теряя, споръ ведетъ.

Теперь безсовѣстный судья еще остался,
Который ежели въ судьи куды попался,
То въ томъ судѣ добра всѣхъ меньше жди себѣ,
А портить всѣ дѣла лишь будетъ онъ тебѣ:
Хоть всѣ судьи тебѣ на пользу согласятся,
Безсовѣстный судья какъ станетъ противляться,

Одинъ противъ тебя и всѣхъ судей пойдетъ,
Хоть цѣлый годъ въ судѣ глупцомъ онъ прослыветъ,
Какъ голосъ отъ себя ему подать прикажутъ
И глупость голосомъ его жъ ему докажутъ
И наконецъ его принудятъ подписать,
И будетъ принужденъ назадъ онъ голосъ взять.
Иль можно ли еще въ судахъ порядку быть,
Коль межъ собой судей не можно согласить?
Безсовѣстный судья одинъ испортилъ дѣло,
Которое конецъ счастливый ужъ имѣло;
Безсовѣстный душѣ въ угодность лишь своей
Пойдетъ противу правъ и противъ всѣхъ судей,
Оспаривать начнетъ чего ужъ всѣ рѣшили
И по законамъ быть подпиской утвердили,
А онъ одинъ изъ нихъ не хочетъ подписать,
Не могши оному причины показать.
Велятъ ему о томъ по формѣ отозваться:
Онъ вздумаетъ больнымъ на случай тотъ сказаться,
А дѣло между тѣмъ все окончанья ждетъ,
Хоть истецъ, чье оно, межъ тѣмъ и въ гробъ пойдетъ.
И счастіе еще, коль голосъ онъ подавши
И глупость въ поданномъ онъ голосѣ узнавши,
Свой голосъ написавъ, опомнясь скажетъ такъ:
«Отдайте голосъ мнѣ, пусть на годъ я дуракъ»,
Или судьи его къ подпискѣ той обяжутъ
И въ мнѣньи поданномъ невѣжество докажутъ.

Я бъ тьму еще судей худыхъ могъ описать,
Но нѣтъ возможности ихъ всѣхъ пересчитать.
И безъ того про нихъ гдѣ только ни сойдутся,
Бесѣды ими лишь одними всѣ займутся:
Толкуютъ ужъ и такъ довольно всѣ про нихъ;
Но кажется, ничто тронуть не можетъ ихъ.
Сатиры жъ пишутся какъ будто для забавы,
А не затѣмъ, чтобы исправить ими нравы...

САТИРА II.

На худое состояніе службы и что даже мѣста раздаваемы бываютъ въ удовольствіе лихоимства.

Нѣтъ, другъ мой, мочи нѣтъ, я городъ оставляю
И все намѣренье свое перемѣняю.
Чтобъ мѣсто гдѣ-нибудь служить себѣ сыскать,
Ужъ скучно стало мнѣ здѣсь больше хлопотать.
Годъ цѣлый жилъ я здѣсь, и жилъ лишь по пустому:
Пусть мѣсто то не мнѣ достанется, — другому,
Кто больше хлопотать умѣетъ моего;
А я благодарю всѣмъ сердцемъ за него.
Досады только въ томъ и столько огорченья,
Что бросить все пришло и вытти изъ терпѣнья.
Вѣдь для меня и то ужъ скукой мнится быть,
Чтобы по городу съ поклонами ходить
Иль, выпуча глаза, пѣшкомъ или въ каретѣ,
Поклоны развозить къ боярамъ на разсвѣтѣ
И время въ суетѣ столь гнусной провожать
И безпокоиться, досадовать, скучать;
Скучать, когда куды пріѣдешь ты раненько
Или пріѣдешь ты куды уже поздненько,
Или что принужденъ часовъ десятокъ ждать,
Пока бояринъ твой со сна изволитъ встать,
И между тѣмъ въ сѣняхъ съ лакеями толчися
И, на безчинства ихъ смотря, хотя взбѣсися;
И всякому давай лакею ты отчетъ
И будто на допросъ передъ судомъ отвѣтъ,
Кто ты таковъ и что за нужду ты имѣешь,
Коль прежде знать его ты чести не имѣешь,
И тотъ или другой изволитъ вопрошать:
«Какъ васъ зовутъ, сударь, и какъ про васъ сказать»,

А наконецъ, прождавъ все утро ты напрасно,
Услышишь для тебя извѣстіе прекрасно,
Что баринъ нынѣ де недомогаетъ твой
И ѣхать съ тѣмъ изволь на этотъ разъ домой;
А баринъ только тѣмъ однимъ недомогаетъ,
Что видѣть никого въ тотъ день онъ не желаетъ.
На утро ты опять къ нему пріѣдешь съ тѣмъ,
О дѣлѣ чтобъ ему напомянуть своемъ,
И обстоятельно объ немъ съ нимъ изъясниться,
Но то жъ, что́ было ужъ, опять съ тобой случится.
Такъ долженъ ѣздить ты къ нему не разъ, не пять,
И съ чѣмъ пріѣдешь ты, съ тѣмъ отъѣзжать опять.
А видѣть барина все счастье не имѣешь,
Хоть въ домѣ всѣхъ мышей его узнать успѣешь.
Когда жъ ты наконецъ его увидишь разъ,
Увидишь ты его лишь только что на часъ,
Увидишь лишь его совсѣмъ уже одѣта,
Бѣгущаго скорѣй чрезъ комнаты въ карету.
Въ карету онъ бѣжитъ, а ты за нимъ бѣжишь
И дѣло въ слѣдъ ему свое лишь прокричишь,
А онъ, чтобъ отъ тебя скорѣе отвязаться,
Кричитъ, бѣжа впередъ: «Я стану въ томъ стараться»,
И отъ тебя съ двора долой онъ съѣдетъ съ тѣмъ.
На слѣдующій день идешь ты въ упованьи
Услышать, что твои всѣ сбудутся желанья;
Но ты ошибся въ томъ...
Онъ спроситъ у тебя, не помня ничего:
Какое дѣло ты имѣешь до него?
А иногда и то еще съ тобой случится,
Что о себѣ самомъ вновь долженъ объясниться,
И кто ты именемъ и чиномъ объявить,
А онъ таки опять изволитъ то забыть!
Такъ долженъ иногда годъ цѣлый ты таскаться,
Когда чего-нибудь ты станешь домогаться,

Безъ всѣхъ однакоже успѣховъ и плода,
А сверхъ того и то случится иногда:
Къ приказной ежели пріѣдешь ты скотинѣ
Покорнѣйше просить о мѣстѣ или чинѣ, —
Коль нѣтъ съ тобой письма отъ тѣхъ, ему кто другъ,
Напрасно просишь ты, имѣй хоть тьму заслугъ,
Которыя бъ тебя предъ свѣтомъ отличили
И сами бъ за тебя предстателями были,
И благороденъ бывъ, коль душъ нѣтъ за тобой,
Хоть въ караульщикахъ, поди, у будки стой.
　Ну! каково тебѣ все это показалось?
Чего тебѣ сказать теперь на то осталось?
Не должно ли, скажи, отъ иску мнѣ отстать,
Чтобъ какъ-нибудь суетъ всѣхъ этихъ миновать?
Вотъ мѣста каково и службы добиваться,
Когда не по-міру захочетъ кто таскаться:
Иль должно взятками, коль ищешь что, успѣть,
Или знакомыми большихъ бояръ имѣть.
«Да взятковъ-то давать умѣть ты долженъ много,
И дѣло взыскивай съ подъячаго ужъ строго.
И въ истину пока не дашь ты ничего,
Не выйдетъ пути изъ дѣла твоего!»
Подъячій говоритъ, и говоритъ не ложно:
«Нѣтъ, сдѣлать этого, сударь, никакъ не можно;
Возможность дѣла вся лишь въ этомъ состоитъ,
Когда подъячаго чѣмъ истецъ подаритъ».
Ты взятокъ дашь ему, а онъ дастъ обѣщанье
По дѣлу твоему употребить старанье
И скажетъ: «Посмотрю, я постараюсь вамъ».
Чтожъ значитъ: *посмотрю*-то по его словамъ?
Посмотритъ, часто ли давать ему ты станешь.
И счастливъ ты, когда давать ты не устанешь:
То дѣло наконецъ твое ужъ какъ-нибудь
Стараніемъ его пойдетъ конечно въ путь.

А наконецъ, прождавъ все утро ты напрасно,
Услышишь для тебя извѣстіе прекрасно,
Что баринъ нынѣ де недомогаетъ твой
И ѣхать съ тѣмъ изволь на этотъ разъ домой;
А баринъ только тѣмъ однимъ недомогаетъ,
Что видѣть никого въ тотъ день онъ не желаетъ.
На утро ты опять къ нему пріѣдешь съ тѣмъ,
О дѣлѣ чтобъ ему напомянуть своемъ,
И обстоятельно объ немъ съ нимъ изъясниться,
Но то жъ, чтó было ужъ, опять съ тобой случится.
Такъ долженъ ѣздить ты къ нему не разъ, не пять,
И съ чѣмъ пріѣдешь ты, съ тѣмъ отъѣзжать опять.
А видѣть барина все счастье не имѣешь,
Хоть въ домѣ всѣхъ мышей его узнать успѣешь.
Когда жъ ты наконецъ его увидишь разъ,
Увидишь ты его лишь только что на часъ,
Увидишь лишь его совсѣмъ уже одѣта,
Бѣгущаго скорѣй чрезъ комнаты въ карету.
Въ карету онъ бѣжитъ, а ты за нимъ бѣжишь
И дѣло въ слѣдъ ему свое лишь прокричишь,
А онъ, чтобъ отъ тебя скорѣе отвязаться,
Кричитъ, бѣжа впередъ: «Я стану въ томъ стараться»,
И отъ тебя съ двора долой онъ съѣдетъ съ тѣмъ.
На слѣдующій день идешь ты въ упованьи
Услышать, что твои всѣ сбудутся желанья;
Но ты ошибся въ томъ...
Онъ спроситъ у тебя, не помня ничего:
Какое дѣло ты имѣешь до него?
А иногда и то еще съ тобой случится,
Что о себѣ самомъ вновь долженъ объясниться,
И кто ты именемъ и чиномъ объявить,
А онъ таки опять изволитъ то забыть!
Такъ долженъ иногда годъ цѣлый ты таскаться,
Когда чего-нибудь ты станешь домогаться,

Безъ всѣхъ однакоже успѣховъ и плода,
А сверхъ того и то случится иногда:
Къ приказной ежели пріѣдешь ты скотинѣ
Покорнѣйше просить о мѣстѣ или чинѣ, —
Коль нѣтъ съ тобой письма отъ тѣхъ, ему кто другъ,
Напрасно просишь ты, имѣй хоть тьму заслугъ,
Которыя бъ тебя предъ свѣтомъ отличили
И сами бъ за тебя предстателями были,
И благороденъ бывъ, коль душъ нѣтъ за тобой,
Хоть въ караульщикахъ, поди, у будки стой.
　　Ну! каково тебѣ все это показалось?
Чего тебѣ сказать теперь на то осталось?
Не должно ли, скажи, отъ иску мнѣ отстать,
Чтобъ какъ-нибудь суетъ всѣхъ этихъ миновать?
Вотъ мѣста каково и службы добиваться,
Когда не по-міру захочетъ кто таскаться:
Иль должно взятками, коль ищешь что, успѣть,
Или знакомыми большихъ бояръ имѣть.
«Да взятковъ-то давать умѣть ты долженъ много,
И дѣло взыскивай съ подъячаго ужъ строго.
И въ истину пока не дашь ты ничего,
Не выидетъ пути изъ дѣла твоего!»
Подъячій говоритъ, и говоритъ не ложно:
«Нѣтъ, сдѣлать этого, сударь, никакъ не можно;
Возможность дѣла вся лишь въ этомъ состоитъ,
Когда подъячаго чѣмъ истецъ подаритъ».
Ты взятокъ дашь ему, а онъ дастъ обѣщанье
По дѣлу твоему употребить старанье
И скажетъ: «Посмотрю, я постараюсь вамъ».
Чтожъ значитъ: *посмотрю*-то по его словамъ?
Посмотритъ, часто ли давать ему ты станешь.
И счастливъ ты, когда давать ты не устанешь:
То дѣло наконецъ твое ужъ какъ-нибудь
Стараніемъ его пойдетъ конечно въ путь.

Но взятки подкрѣплять коль взятками не знаешь, —
И то, что прежде далъ, и искъ свой потеряешь.

Вотъ такъ-то долженъ ты съ подъячимъ поступать!
Но вобрази тогда, чтó станешь начинать,
Коль съ дѣломъ попадешь къ кому, кто познатнѣе
И взятки кто беретъ подъячаго важнѣе:
Тутъ съ осторожностью ты долженъ поступить
И думать, чѣмъ и какъ пристойнѣй подарить,
Въ рукахъ котораго твой искъ тогда случится,
Чтобы за что-нибудь не могъ онъ прогнѣвиться,
Чтобъ за обиду онъ не могъ себѣ почесть,
Что хочешь взятковъ ты какихъ ему поднесть,
Которыхъ глупостью правленье почитаетъ
И въ видѣ взятковъ онъ и самъ пренебрегаетъ.
И для того дай видъ подарку своему,
Что будто ты даришь изъ дружбы то ему.
Иль прямо поступить коль хочешь ты искусно,
Чтобъ подкрѣпленіе твое не было гнусно,
То съ тѣмъ, кому ты свой подарокъ хочешь дать,
Старайся въ карты то ему ты проиграть.
И тутъ проигрывай однако осторожно,
Чтобъ видѣть съ стороны сего не было можно.
Не странно ль и смѣшно? убытокъ ты имѣй,
Да и имѣть его искусно разумѣй!
Не разъ, а часто мнѣ примѣтить удавалось,
Хотя со мной самимъ того и не случалось,
Что много истцевъ коль къ судьѣ когда найдетъ, —
Къ такому судіѣ, кой попросту беретъ
И коему поднесть безъ всѣхъ затѣевъ можно,
Не поступая такъ, какъ съ прежнимъ осторожно,
И истецъ тутъ тогда случится быть такой,
Который что-нибудь судьѣ принесъ съ собой, —
Кáкъ тотъ товарищей своихъ переживаетъ
И отъ судьи ихъ всѣхъ, тревожась, выживаетъ,

Чтобъ безъ свидѣтелей судьѣ подарокъ дать
(А при свидѣтеляхъ судья не будетъ брать)
И въ ленность тѣмъ себя судейскую продать.

Сатиру, правда, я тебѣ изображаю
И съ стороны смѣшной тѣ дѣйства представляю;
Но съ чувствомъ ежели въ тѣ дѣйствія входить,
Ужъ не смѣяться имъ, а слезы должно лить.
Добро, кому еще достатокъ позволяетъ,
Что отъ того судья подарки принимаетъ
И правосудіе тѣмъ долженъ получить,
Чтобъ напередъ судью чрезъ взятки подкупить.
Но бѣдныхъ зрѣть вдовицъ и сирыхъ безпризрѣнныхъ,
Иль истцевъ, своего имѣнія лишенныхъ
И не имѣющихъ себя чѣмъ пропитать, —
Судьѣ послѣднее имѣнье отдавать
И къ воротамъ его толпами приходящихъ
И правосудія его себѣ просящихъ?
Иной день цѣлый самъ безъ хлѣба долженъ быть,
Чтобъ только чѣмъ-нибудь судью лишь подарить
Или послѣднюю деревню заложити
И судіѣ на то подарковъ накупити,
Чтобъ къ помощи себѣ чрезъ то судью склонить
И правосудіе себѣ тѣмъ искупить.
О Боже! какъ престолъ Твой въ небѣ не трясется,
Что правосудіе за взятки продается,
И долго ли народъ объятъ твой будетъ зломъ,
И праведный всѣхъ злыхъ не сокрушитъ Твой громъ?

Но я оставлю то плачевно вображенье,
А поступлю съ тобой въ другое разсужденье:
Хочу теперь съ тобой про службу говорить.
Какою думаешь ее ты вобразить?
Съ которой стороны ты на нее взираешь?

И много ль ты найти хорошаго въ ней чаешь?
Не думаешь ли ты, что тоже и она
Неистовствъ и коварствъ и хитростей полна?
Ахъ! не ошибся ты, коль такъ ты воображаешь
И службу быть такой, къ несчастью, почитаешь.
Не думаешь ли ты по службѣ счастливъ быть,
Коль будешь ревностно и вѣрно ты служить,
Когда прямою ты, служа, пойдешь дорогой
И будешь истины ты наблюдатель строгой?
Никакъ; а вѣдай ты: чтобъ счастливо служить,
Не честный человѣкъ, бездѣльникъ долженъ быть
И всѣ коварныя искать стараться средства;
А ежели не такъ, то не минуешь слѣдства.
Возстанетъ всѣхъ противъ тебя плутовъ число,
Которыхъ въ службѣ все лишь въ плутняхъ ремесло:
Всѣ воры на тебя тогда вознегодуютъ,
Зачѣмъ и ты не воръ, коль въ службѣ всѣ воруютъ.
Всего же ненависть тѣмъ легче получить,
Коль будешь ревностно и прямо ты служить:
Когда лѣнивы всѣ, и ты лѣнивъ тожъ буди
И службу исправлять всѣ выдумки забуди,
Иль выскочкой тебя тотчасъ всѣ назовутъ,
А дѣло совершить при всемъ томъ не дадутъ,
А напротивъ того, мѣшать стараться станутъ
И дѣйствовать противъ тебя не перестанутъ,
Пока не станешь ты подъ ихъ же ладить ладъ;
А иначе — такъ ты не будешь жизни радъ.
Купецъ простой тебѣ въ томъ дѣлѣ помѣшаетъ,
Гдѣ пользой царской онъ прибытокъ свой теряетъ,
И твой проектъ, когда въ немъ частной пользы нѣтъ,
Не выйдетъ вѣчно въ свѣтъ, хоть подъ сукномъ сгніетъ.
Воруй, да такъ, чтобы съ другими подѣлиться,
Когда напасть тебѣ такая приключится,
Что будешь въ воровствѣ въ тюрьму ты посаженъ.

Ты будешь изъ тюрьмы конечно свобожденъ, —
Не только отъ тюрьмы: когда ты подѣлишься,
Отъ висѣлицы ты самой освобожденъ.
Судья къ тебѣ въ тюрьму день напередъ придетъ,
Когда ужъ срокъ тебя на висѣлицу ждетъ
И станетъ говорить въ цѣпяхъ сидящу вору
Безъ всякаго стыда, безъ всякаго задору,
Безъ вымышленія на то кудрявыхъ словъ,
Безъ околичностей и безъ обиняковъ:
«Ну вотъ, вѣдь по суду совсѣмъ ты обличился
Въ томъ дѣлѣ, въ чемъ доносъ сей на тебя случился,
И по суду совсѣмъ уже ты обвиненъ,
И къ наказанію по дѣлу осужденъ,
И средства нѣтъ тебѣ ужъ болѣе оправдиться.
Но слушай: хочешь ли со мной ты подѣлиться?---
Въ остаткѣ ль что-нибудь еще изъ денегъ тѣхъ?---
Такъ пополамъ уже, добро, пусть будетъ грѣхъ---
Мы говоримъ теперь съ тобою по пріязни,
Свидѣтелей здѣсь нѣтъ: и ты не бойся казни»....
Мой воръ не только правъ и казни свобожденъ:
Глядишь, еще и въ чинъ мой воръ произведенъ!
Да какъ же дѣло-то очистить будетъ можно?
Доносчикъ доносилъ, тогда напишутъ, ложно.
Вотъ путь одинъ, чтобы,—коль хочешь ты служить,—
Безбѣдно, безъ хлопотъ и счастливо прожить.

Не вымыслы я здѣсь читателю сплетаю,
А истинное я, къ несчастію, вѣщаю.
Когда способности въ тебѣ нѣтъ воровать,
Такъ должность сводника старайся отправлять.
Одно чего-нибудь ты долженъ научиться,
Коль людямъ и себѣ на что-нибудь годиться.
А быть льстецомъ, о томъ ужъ что и говорить?
Ужъ тѣмъ положено, какъ по закону, быть.
А больше будь знакомъ съ большими господами

И ихъ имѣть себѣ старайся ты друзьями,
Чтобъ ими и себя и мѣсто удержать
И отъ напастей чьихъ по службѣ не страдать.
Нѣтъ, нѣтъ, ужъ я сказалъ, и снова повторяю,
Что мѣсто я искать и городъ оставляю.

ВЪ САТИРУ НА ПОКЛОНЫ[1]).

Добро, другимъ такъ еще простительно, что ѣздятъ на поклоны, чтобы добиться какого-нибудь чина или мѣста, гдѣ бы на счетъ казны себя обогатить было можно. Но ты, который ужъ имѣешь милліоны и ужъ чины за тѣ жъ милліоны сверхъ того получилъ, ты для чего туда жъ несешься на поклоны? Скажи, дай въ томъ отчетъ! Или развѣ для того ты разъѣзжаешь, чтобы еще число милліоновъ своихъ умножить, или для того, что ты боишься, чтобы опять какими-нибудь коварными прицѣпками ихъ не потерять? Когда для того, такъ я тебѣ (*укажу*) другой способъ, изъ жалости къ тебѣ, чтобы тебѣ съ толстымъ своимъ брюхомъ, крехтя и проливая ручьи потовые, лазя по лѣстницамъ и выходя и садясь по сту разъ въ карету въ одинъ выѣздъ, не надсадить себя. Какой ты дуралей! развѣ ты, вмѣсто того чтобъ самому на поклоны разъѣзжать, самъ не умѣешь гостей назвать и сдѣлать обѣдъ и жирный и вкусный, такой, чтобъ ты на цѣлый годъ правъ былъ и, не боясь подводовъ никакихъ, годъ цѣлый въ покоѣ жилъ; а гостямъ твоимъ ставъ памятенъ обѣдъ твой на весь годъ, ты прожилъ бы тогда годъ цѣлый безъ хлопотъ? Простакъ, вотъ какъ учися жить. Не правда ли моя? Конечно, скажешь: такъ. Да только чуръ, смотри, чтобъ у тебя на столѣ куски были бы все жирные, все новая новинка, устерсы перваго при-

---

[1]) Помѣщаемъ здѣсь наброски двухъ сатиръ, задуманныхъ Хемницеромъ, но не отдѣланныхъ имъ.

возу, винá столько чтобы и лакеямъ твоихъ гостей дѣвать было некуда. Вѣдь если и они довольны будутъ, такъ вѣдь это подъчасъ поможетъ не мало: тогда отъ нихъ за докладомъ конечно не станетъ, если отъ тебя прикащикъ, не только самъ ты пріѣдешь. И не только ту пользу увидишь, что скоры будутъ на докладъ, но ты выиграешь еще и то, что онъ сказать тебѣ все радъ, чтó баринъ его про тебя говоритъ, и, какъ дѣло твое какое случится, въ какомъ оно положеньи и какъ оно идетъ. Вотъ какъ учися жить. И полно съ толстымъ брюхомъ тебѣ на поклоны ходить.

—

Вотъ каково служить: я напримѣръ расположенъ писать что-нибудь, а вдругъ встревоженный мой духъ какъ будто на ухо мнѣ скажетъ: «Нѣтъ, не до письма теперь: ты вотъ тамъ-то и тамъ-то давно на поклонѣ не былъ; ступай со двора туда, чтобъ на тебя за то нé осердились»...

САТИРА КЪ ДРУГУ.

Скажи пожалуй мнѣ, мой другъ, къ чему ты стараешься собрать свѣдѣнія и разумъ твой просвѣтить, и день и ночь надъ книгами сидишь? Какое тебѣ утѣшеніе въ томъ, когда тебя умнаго вдругъ толпа невѣждъ окружитъ, съ которыми ты неминуемымъ образомъ по должности или по службѣ, или по другимъ обстоятельствамъ дѣло имѣть долженъ? Тѣмъ досаднѣе, тѣмъ несноснѣе тебѣ и преимущество твоего ума, и ты самъ себѣ несносенъ быть долженъ. Если же думаешь тѣмъ отличиться передъ другими и дойти чести, почтенія, богатства и проч., то ты ошибаешься. Посмотри на того глупостію утучненнаго откупщика; загляни въ родословную его: кто онъ былъ и кто онъ теперь есть? Книгами ли, умомъ ли онъ нажилъ тѣ золотыя горы, подъ коими его кладовыя стонутъ; изъ за чего моты, имѣющіе у него кредитъ, пресмыкаются? Отчего предъ нимъ нерѣдкій изъ знатныхъ молчитъ и ему же кланяется? Посмотри на пированія его, къ ко-

торымъ приглашены однакожъ тѣ только, кои громадуего золотыхъ горъ поддерживать за пристойное отъ него награжденіе должны: гдѣ въ пиршества повара и съ поваренками должны были все свое искуство истощить, чтобы превосходительный желудокъ нагрузить, а на другой день лѣкаря всего города должны были столько же стараться всѣ труды повара изгнать вонъ изъ утучненной утробы для облегченія; а ты, надъ книгами своими сидя, бываешь ли хотя простымъ кускомъ хлѣба сытъ? Конечно, нѣтъ. Пускай, говоришь ты, я богатъ отъ ума не буду, такъ по крайней мѣрѣ чины и честь заслужу. Неправда и то. Голосъ откупщиковыхъ денегъ сильнѣе предстательствовать будетъ за него, нежели за тебя. Всѣ твои науки и разумъ, благородство, добродѣтели и всѣ достоинства, какія только ни придумай, — пустое! Ужъ будто чины продавать можно за деньги, какъ игрушки?

Того не знаю я, однако точно такъ. . .

ПОСЛАНІЕ [1]).

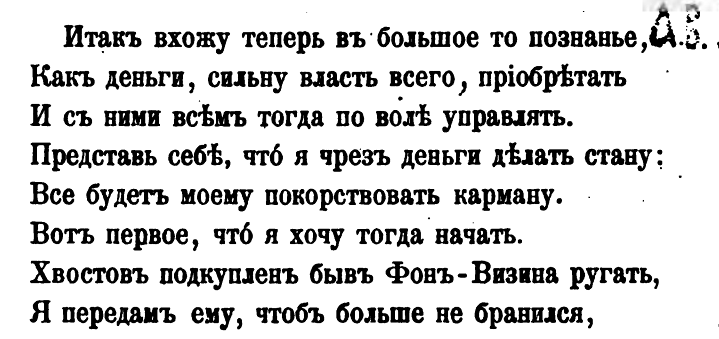
Вотъ какъ, мой другъ, судьба играть изволитъ нами:
Мы нехотя ея окованы цѣпями.
Я полагалъ-было себя опредѣлить,
Чтобъ сходно съ скромностью моею вѣкъ прожить,
Въ наукахъ напримѣръ пріятныхъ упражняться
И свѣтскихъ всѣхъ суетъ какъ можно удаляться,
То съ равнодушіемъ объ оныхъ размышлять,
А иногда перомъ ихъ тайно осмѣять.

---

[1]) Кажется, это посланіе содержитъ въ себѣ окончательное развитіе мыслей, которыя Хемницеръ, бывъ назначенъ консуломъ въ Смирну, сперва положилъ на бумагу въ слѣдующемъ видѣ, частью по-французски:

«Je pars, mon cher ami, pour occuper un poste qui, dit-on, me laisse espérer de me faire une fortune considérable, quoique d'une manière très-honnête et très-permise. Étant sans fortune, il faut que je pense à avoir de quoi vivre à l'avenir. Non que je voudrais employer mon bien à des choses non permises; non, le ciel m'en préserve. Car que ne peut-on à force d'argent? il fait taire la raison et parler le sot même. Mais quant à moi, voilà ce que je ferai à force d'argent: parmi plusieurs autres bonnes oeuvres que je tâcherai de faire, s'il y aura quelqu'un assez bas et

Да Львовъ мнѣ не далъ жить, какъ жить бы мнѣ желалось
(Отчасти онъ и правъ, мнѣ послѣ показалось).
«Послушай», онъ сказалъ, «совѣта моего:
Безъ денегъ умъ не умъ и знанье ничего,
А отъ наукъ однихъ ты не разбогатѣешь
И потеряешь то еще, что̀ ты имѣешь.
Стихамъ себя хотя утѣшно посвятить,
Да бойся по-міру ты отъ стиховъ ходить.
Нѣтъ, сдѣлай напередъ себѣ ты состоянье».

Итакъ вхожу теперь въ большое то познанье,
Какъ деньги, сильну власть всего, пріобрѣтать
И съ ними всѣмъ тогда по волѣ управлять.
Представь себѣ, что̀ я чрезъ деньги дѣлать стану:
Все будетъ моему покорствовать карману.
Вотъ первое, что̀ я хочу тогда начать.
Хвостовъ подкупленъ бывъ Фонъ-Визина ругать,
Я передамъ ему, чтобъ больше не бранился,

méchant qui voudra engager par exemple Хвостовъ, à force de lui bien payer, à faire des libelles contre quelque bon auteur, comme par exemple contre von Visin ou quelconque, moi je lui donnerai double qu'il ne le fasse pas... Et j'aurai le plaisir de voir par l'argent désarmé et celui qui a excité le libelliste et le libelliste même. — Письмо къ другу начать тѣмъ что: вотъ какъ судьба играетъ нами. Совсѣмъ не такъ дѣлается, какъ мы располагаемъ. Я думалъ-было опредѣлить себя совсѣмъ уединенной жизни и упражняться только въ наукахъ: то писать басни или сатиры. Теперь долженъ я заниматься знаніемъ коммерціи или какъ деньги наживать, потому что безъ нихъ быть не можно. Они... Однако я ихъ употреблять стану не на непозволительные расходы, на какіе ихъ многіе употребляютъ, и привесть примѣры.—Нѣтъ, я сдѣлаю.... См. предыдущее письмо; а ежели ихъ (денегъ) у меня будетъ сколько надобно, то я къ директору комедіи пошелъ бы и откупилъ бы партеры и ложи одинъ и роздалъ бы билеты для извѣстныхъ только мнѣ скромныхъ зрителей, а для недостойныхъ впуску бы не было и написалъ бы для нихъ, если бы старый карусель еще существовалъ, — смотри стихи къ зрителямъ театральнымъ: — Театръ вамъ говоритъ: Ступайте прочь отсель....»

Вотъ переводъ помѣщенныхъ выше, въ этомъ примѣчаніи, французскихъ строкъ: Я уѣзжаю, любезный другъ, для занятія поста, который, говорятъ, дастъ мнѣ возможность составить себѣ значительное состояніе, впрочемъ совершенно честнымъ и позволительнымъ образомъ. Не имѣя состоянія, я дол-

Стихи бы не срамилъ и самъ бы не срамился:
«Чѣмъ больше будешь ты Фонъ-Визина бранить,
Тѣмъ больше будешь ты его чрезъ брань хвалить.
Ты самъ его, скажу, хоть втайнѣ почитаешь,
Да въявь затѣмъ бранишь, что плату получаешь».
И мой Хвостовъ тогда не только замолчитъ,
Но брань подкупщику онъ тутъ же сочинитъ.

Въ театрахъ, напримѣръ, я сколько ихъ ни знаю,
Такъ неустройство въ нихъ большое примѣчаю;
А чтобъ порядокъ въ нихъ съ устройствомъ водворить,
Партеръ и ложи бъ я старался откупить
И впускъ позволилъ бы имѣть по разсмотрѣнью,
Сказавши, зрителямъ-невѣжамъ къ устыженью:

«Вы, кои Талію сбираетесь смотрѣть,
Ужъ полно вамъ предъ ней въ невѣжествѣ шумѣть,
Слова ея глушить разсказами своими
И зрителямъ скучать нелѣпостьми такими:
Тѣ, кои зная вкусъ въ іграхъ богини сей,
Приходятъ ей внимать, а не шумѣть предъ ней.
А вы, сюда вошедъ (зачѣмъ, не зная сами),
Ступайте тѣшиться вы съ прочими глупцами.
Театръ вамъ говоритъ: ступайте прочь отсель

женъ позаботиться, чѣмъ жить впослѣдствіи. Не то, чтобы я хотѣлъ употребить свои средства на дѣла непозволительныя; нѣтъ, Боже упаси меня отъ этого. Ибо чего нельзя сдѣлать съ деньгами? Они заставляютъ умныхъ молчать, а глупцовъ научаютъ говорить. Но что до меня, вотъ на что я буду употреблять свои деньги: въ числѣ другихъ добрыхъ дѣлъ, которыя я буду стараться исполнить, — если найдется довольно низкій и злой человѣкъ, который захочетъ подрядить напр. Хвостова за высокую плату писать пасквили на хорошаго писателя, положимъ на Фонъ-Визина или на кого-нибудь другого,— то я ему дамъ вдвое, чтобъ онъ этого не дѣлалъ. И я буду имѣть удовольствіе обезоружить деньгами какъ того, кто подстрекнулъ автора пасквиля, такъ и самого пасквилянта....

Замѣтимъ, что здѣсь подъ именемъ Хвостова должно разумѣть извѣстнаго острослова Александра Семеновича. Ср. ниже, стр. 360.

Смотрѣть на игрища въ опальный карусель![2]»
Вотъ такъ бы всяко зло, гдѣ только показалось,
Чрезъ выкупъ деньгами все больше уменьшалось.
Карману царскому, ты скажешь, должно быть,
Когда чрезъ деньги зло хотѣть все выкупить;
Нѣтъ, силамъ буду я своимъ собразоваться:
Иному злу ужъ зломъ и будетъ оставаться.
Когда бъ казна царей зло истреблять могла, —
Давно нигдѣ слѣдовъ не видѣли бы зла.

ОДА НА ПОДЬЯЧИХЪ.

Подьячихъ всякъ бранитъ, поноситъ 1
И родъ ехиднымъ ихъ зоветъ,
А въ нуждѣ всякій ихъ же проситъ
И помощи отъ нихъ же ждетъ,
Коль превратить законъ и правы
Иль обмануть въ судѣ судей
Для пользы собственной своей.

Когда подряды заключаютъ, 2
То изъ казны чтобы щечить,
Къ подьячимъ первымъ забѣгаютъ,
Чтобъ какъ-нибудь тѣ плутни скрыть:
Казна вѣдь тѣмъ не расточится,
Что нѣсколько поущечится:
Подрядчиковъ карманъ набитъ,
И тотъ, кто подряжаетъ, сытъ.

Когда деревни покупаютъ, 3
То пошлины въ казну берутъ,
И тутъ къ подьячимъ прибѣгаютъ
И имъ на колачи даютъ,

---

[2]) Т. е. въ зданіе, построенное для каруселя 1766-го года и послѣ служившее народнымъ театромъ.

Чтобъ всей цѣны не показать,
А только полцѣны сказать;
Подьячій радъ и въ томъ служить:
Изволь его лишь попросить.

Когда на конной торгъ бываетъ, 4
И если лошадь кто купилъ,
Указъ тогда повелѣваетъ,
Чтобъ пошлину тотъ заплатилъ;
Но если дорогъ конь случится,
Вѣдь пошлиною разориться.
Подьячій тотчасъ дастъ совѣтъ:
Конь въ сто рублевъ за рубль пойдетъ.

Когда кто въ плутняхъ обличится, 5
За кои самый кнутъ грозитъ,
Съ подьячимъ должно подружиться:
Онъ плутни въ честность превратитъ;
Онъ по указамъ обвиняетъ,
И по указамъ оправдаетъ;
Чтó криво, назоветъ прямымъ,
Чтó прямо, назоветъ кривымъ.

Указы взятки запрещаютъ 6
И строго взыскиваютъ ихъ;
Подьячіе и наблюдаютъ
Законовъ строгость точно сихъ:
Брать взятки взятками не можно,
Вотъ что заказано неложно;
Подарки же по дружбѣ брать,
На то указа не видать.

Подьячіе весьма полезны, 7
Хоть чтó про нихъ ни говорятъ:
Они бездѣльникамъ любезны;
Пусть честные ихъ всѣ бранятъ.

Давно бъ иной кнута отвѣдалъ,
Давно бъ законовъ власть извѣдалъ,
Въ бездѣльствахъ ставши обличенъ,
Не бывъ подьячимъ защищенъ.

Итакъ къ подьячимъ прибѣгайте, 3
Которымъ кнутъ и впредь грозитъ,
И благодарность имъ воздайте:
Они спасенье вамъ и щитъ;
Они вамъ вѣкъ защитой будутъ
И вашу дружбу не забудутъ,
Доколь ихъ не исчезнетъ родъ. . .

ПѢСНЬ ПОХОДНАЯ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ПОЛКУ.

Въ іюнѣ 1778 года.

Выступимъ, ребята, въ поле: 1
Полно намъ въ квартирахъ жить;
Хоть по волѣ иль неволѣ,
А ужъ знать въ походъ сходить.

Командирска съ нами воля 2
И его надъ нами власть:
Слушаться — солдатска доля,
Ужъ такая наша часть.

И о чемъ бы намъ встужиться, 3
Что въ походъ велятъ сходить?
Станемъ только веселиться
И исправно всѣ служить.

Ничего мы не теряемъ: 4
Все, что наше, то при насъ;
Мы домовъ не покидаемъ,
Ни помѣстья, ни запасъ.

Государь насъ одѣваетъ, 5
Насъ велитъ кормить, поить,
И за службу награждаетъ;
Такъ о чемъ же намъ тужить?

Что жъ съ сударками разстаться 6
Намъ придется, горевать:
Ужъ не въ первый разъ свыкаться
И опять ихъ покидать.

Только бъ до квартиръ добраться, — 7
Сыщемъ тамъ опять другихъ;
Станемъ съ новыми свыкаться
И полюбимъ также ихъ.

А теперь, ребята, полно 8
О сударкахъ горевать;
Потужили — и довольно:
Станемъ бодро выступать.

Если жъ намъ случится драться 9
Съ непріятелемъ когда,
Станемъ дружно защищаться:
Мы побьемъ его всегда.

Посреди войны кровавой 10
Станемъ, братцы, вспоминать,
Что насъ провожали съ славой,
Съ славой станутъ и встрѣчать.

Скажутъ: «Дѣтушки, подите! 11
Ужъ давно мы ждали васъ:
Благодарность получите,
Что дралися вы за насъ».

Такъ-то, други, всякій скажетъ 12
И насъ станутъ почитать;
Государь же намъ прикажетъ
По медали всѣмъ раздать.

И тогда мы друга мила 13
Станемъ, братцы, обнимать,
А кому своя постыла,
Станемъ мы чужой искать.

МОЛИТВА ВСЕМІРНАЯ.

Подьячій только лишь подьячимъ наречется,
И тѣломъ и душой клянется
Всѣмъ, сколько можно, зла творить,
Хотя бы самого себя не исключить.
О Боже! сохрани народъ свой отъ напасти
И злобу укроти подьяческія власти.

СТИХИ,

ПИСАННЫЕ ВЪ ПИСЬМѢ КЪ Н. А. ЛЬВОВУ ВЪ МОСКВУ 1775 ГОДА АПРѢЛЯ 3.

Пришествіе весны стараясь ускорить,
Палящій Фебъ лучи свои съ Олимпа мещетъ.
Борей въ суровости не хочетъ уступить
И власти Феба не трепещетъ:
Фебъ днемъ Борея трудъ губитъ,
Борей тó по ночамъ надъ Фебомъ же чинитъ,
И споръ сей долго ужъ межъ ими пребываетъ.
Итакъ отъ строгой распри сей
Весна намъ видъ красы своей

НА РУ́БАНА [1]).

1.

Всѣ говорятъ: «Стихи достойны всѣхъ похвалъ»,
Но сомнѣваются, чтобъ Рубанъ ихъ писалъ, —
И подлинно, что непонятно,
Да полно вотъ зачѣмъ быть-можетъ вѣроятно:
Хоть хуже Рубана еще стихи пиши,
Такъ съ именемъ Петра все будутъ хороши.

2.

Стихи на камень всѣхъ прельщаютъ
Тѣхъ, кои ихъ читаютъ.
Всѣ говорятъ: «Стихи достойны всѣхъ похвалъ;
Знать, Рубанъ ихъ теперь не на подрядъ писалъ».
Что Рубанъ за стихи подарки получаетъ,
Давно уже людей разумныхъ удивляетъ.
Чтожъ? онъ не съ тѣмъ подарки получалъ,
Чтобъ поощрить его чтобъ онъ и впредь писалъ;
Нѣтъ, чтобъ писать онъ пересталъ.

НАДПИСЬ.

Подъ этимъ камнемъ тотъ лежитъ,
О комъ молчитъ
Людская похвала.
Ни племени оставилъ онъ, ни роду:
Оставилъ по себѣ онъ только Богу оду [2]
Да добрыя дѣла.

---

[1]) По поводу извѣстныхъ его стиховъ на памятникъ Петру Великому.

[2]) Хемницеръ могъ разумѣть тутъ Державина, который началъ свою оду *Богъ* еще въ 1780, т. е. за два года до отъѣзда своего пріятеля въ Смирну; но утвердительно сказать этого нельзя, такъ какъ и другіе въ то время писали оды Богу.

О ПЕРЕМѢНѢ.

Все подвластно перемѣнѣ, что на свѣтѣ семъ ни есть:
Знатность, слава и богатство, жизнь, имѣніе и честь,
И на что мы ни взираемъ,
Перемѣну примѣчаемъ.
Все что есть, все исчезаетъ безвозвратно навсегда,
И что было, ужъ не будетъ къ намъ вовѣки никогда;
Но симъ самымъ пребываетъ
Сила та, что все рождаетъ.
Все что есть, одно другому должно мѣсто уступать
И безъ сей премѣны міру часу бы нельзя стоять.
Частной вещи разрушенье —
Всѣхъ вещей произведенье.

НА НЕИСТОВСТВА ЛЮДСКІЯ.

Воображая прямо свѣтъ, 1
Ужасенъ мнѣ онъ становится,
Что добродѣтели въ немъ нѣтъ,
Что всюду зло лишь только зрится.
Мы люди — и губимъ людей,
И зло отъ насъ и къ намъ стремится.

Кого сегодня мы бранимъ, 2
Кого сегодня унижаемъ,
Съ тѣмъ завтра дружно говоримъ,
Того же завтра возвышаемъ,
И ту же поврежденну честь,
Сплетая нову ложь и лесть,
Честей всѣхъ лучшей называемъ.

Въ обманахъ вѣчныхъ жизнь ведемъ, 3
Отъ лести къ лести переходимъ,

И только въ обращеньи семъ
Мы утѣшеніе находимъ.
Кого какъ лучше провести,
Другихъ столкнувъ себя взвести,
Вотъ въ чемъ мы вѣкъ свой весь проводимъ.

Воззря на тьму неистовствъ сихъ, 4
На страшны дѣйствія людскія,
На гнусность дѣлъ и мыслей ихъ,
На ихъ сердца и души злыя,
Я человѣчества страшусь;
Самъ человѣкъ, себя боюсь
И тѣни страшны мнѣ людскія...

ОПИСАНІЕ ЧАСТНОЙ СКУПОСТИ.

Кремневъ въ отчаяньи! Что сдѣлалось ему?
Поможемъ, братцы, мы несчастному сему.
Что сдѣлалось тебѣ, Кремневъ? всякъ вопрошаетъ,
Кремневъ лишь то твердитъ и только отвѣчаетъ:
«О горе мнѣ! бѣда! и злѣе всѣхъ мнѣ бѣдъ!
Часъ отъ часу ужъ день короче становится:
Такъ сколько должно свѣчъ сожечь, чтобъ освѣтиться!
Пришло имѣнье все мнѣ положить на свѣтъ.
Вотъ что меня теперь терзаетъ, мучитъ, рветъ.
Лишь вспомню — какъ ножомъ по горлу что черкаетъ
И всю мою во мнѣ утробу раздираетъ». —
Такъ помощи тебѣ не можно учинить,
Коль хочешь зимній день ты въ лѣтній претворить.

ВЪ САТИРУ.

Иной кудрямъ своимъ видъ полъ-луны даетъ,
Другой въ кольцо ихъ гнетъ,
И если кудри кто какъ онъ не подвиваетъ,
Безъ знанья человѣкъ и въ свѣтѣ жить не знаетъ.

ЭПИГРАММА.

На всѣхъ не угодишь: кому что повкуснѣе,
Кто тонко чувствуетъ, кто чувствуетъ грубѣе.
Я предъ *** конечно виноватъ,
Что вялымъ басней онъ моихъ находитъ складъ,
Хоть въ умной публикѣ ихъ съ похвалой читаютъ
И написать еще такія жъ поощряютъ.
*** любитъ все чтобы дубиной въ лобъ:
По немъ не говори: *слуга*, скажи: *холопъ*.

НАДПИСЬ КЪ КОМЕДІИ ПАЛИССО́: ФИЛОСОФЫ.

(Переводъ).

На четверенькахъ мнѣ способнѣе стоять,
Затѣмъ что, стоя такъ, глупцовъ мнѣ не видать [1].

ЭПИГРАММА НА ВОЛЬТЕРА.

Вольтера всѣ бранятъ, поносятъ
И гнусный на него такой поступокъ взносятъ,
Что много онъ въ своей Исторіи [2] налгалъ.
Ну, виноватъ ли онъ, когда его дарили
И просили,
Чтобъ вмѣсто правды ложь онъ иногда писалъ?

---

[1]) Sur ces quatre piliers mon corps se soutient mieux;
Je ne vois point les sots qui me blessent les yeux.

[2]) Т. е. въ Исторіи Петра Великаго.

М. А. ЛЬВОВОЙ.

Чувствительно вы похвалили
Того, сударыня, кто басни написалъ,
Сказавъ, что авторъ ихъ природѣ подражалъ;
Но больше похвалой своею научили,
Какъ надобно писать,
Когда хотѣть природѣ подражать.

НАДГРОБНАЯ НА МЕНЯ САМОГО.

Не мни, прохожій, ты читать: «Сей человѣкъ
Богатъ и знатенъ прожилъ вѣкъ».
Нѣтъ, этого со мной, прохожій, не бывало,
А все то отъ меня далеко убѣгало,
Затѣмъ что самъ того имѣть я не желалъ
И подлости всегда и знатныхъ убѣгалъ.

НАДГРОБНАЯ МОЯ [1]).

Живъ честнымъ образомъ, онъ весь свой вѣкъ трудился,
Но умеръ такъ же нагъ, какъ былъ, когда родился.

ЭПИГРАММА.

Что М(айковъ?) [2] никогда, писавъ, не упадалъ,
Ты правду точную сказалъ.
Я мнѣнья этого объ немъ всегда держался:
Онъ сколько ни писалъ, нигдѣ не возвышался.

---

[1]) До сихъ поръ эта эпитафія была намъ извѣстна только по исправленной Капнистомъ редакціи, какъ видно изъ его рукописей (см. выше стр. 27).

[2]) Извѣстный Василій Ивановичъ, между прочимъ издавшій также собраніе басенъ.

Вотъ каково быть судьею: кто виноватъ кругомъ, за того, какъ есть предстатели, просятъ чтобъ оправить, а праваго сдѣлать виноватымъ: законъ не законъ, когда сильные есть старатели; а если судьи по просьбѣ не сдѣлаютъ, бѣда имъ: ихъ же обвинятъ и мѣста лишатъ. Другой, подъ видомъ усердія къ казенному прибытку, жалованье не додаетъ кому слѣдуетъ полное, а самъ эти же деньги старается выщечить у казны себѣ въ награжденье за казенной суммы приращенье.

Переводъ стиховъ въ стихи есть то же самое какъ бы подлинникъ совершенной уже картины возвратить въ брульйонъ, да и то не въ точный. См. Энеиду несноснаго педанта Петрова.

Писатель, который написанный иной хотя прекрасный стихъ выкинуть жалѣетъ, когда нужда того требуетъ, великимъ никогда не будетъ. Иной прекрасный стихъ самъ собою цѣлому иногда больше вреденъ нежели полезенъ, когда онъ читателя отводитъ отъ цѣлаго и заставитъ устремиться за нимъ. Въ картинной группѣ, гдѣ всѣ лица, а иногда можетъ-быть эпизодическія еще, больше главнаго лица, для котораго картина писана, совершеннѣе или главному лицу равны, картина вся вообще весьма послабляется....

Pour faire une bonne traduction il ne faut que la connaissance parfaite des langues dans lesquelles on travaille; mais pour faire une fable de La Fontaine il faut être La Fontaine même [1]).

---

[1]) Т. е. чтобы сдѣлать хорошій переводъ. нужно только знать въ совершенствѣ оба языка, надъ которыми трудишься; но чтобъ написать басню Лафонтена, надобно самому быть Лафонтеномъ.

L'idée d'être père m'est souvent venue. Mais voilà une réflexion qui m'a toujours fait frémir: c'est de voir mon fils ou un illustre coquin, ou un malheureux honnête homme, et voilà les seules deux carrières à faire dans le siècle où nous sommes! Quel état alors que celui d'un père [1]).

Au sujet de la destruction de l'Empire Ottoman, s'il arrive un jour, il ne serait pas mal à propos de mettre cette inscription: Les destructeurs détruits, ou: *détruisant*, *ils furent détruits*, parce qu'ils ont tant détruit durant leur existence en fait de beaux arts &c [2]).

MON ÉPITAPHE [3]).

Il est vrai que toujours je me suis vu sans bien;
Mais aussi je vécus ne craignant jamais rien.

AUTRE.

Il est vrai, j'ai vécu et je suis mort sans bien,
Mais ni je ne craignis, ni je ne craindrai rien.

---

[1]) Мысль быть отцомъ часто приходила мнѣ въ голову. Но вотъ размышленіе, которое всегда пугало меня: это боязнь, что я увижу своего сына либо знаменитымъ плутомъ, либо честнымъ, но несчастнымъ человѣкомъ: вотъ двѣ единственныя карьеры, какія можно сдѣлать въ нашъ вѣкъ! Каково же тогда положеніе отца!

[2]) На счетъ разрушенія Оттоманской имперіи, если оно когда-нибудь случится, было бы кстати сдѣлать такую надпись: Истребленные истребители, или: *истребляя*, *они были истреблены*, потому что они, пока существовали, истребили такое множество произведеній изящныхъ искуствъ и проч.

[3]) Вотъ переводъ этой эпитафіи и слѣдующаго за ней варіянта ея: Правда, что я всегда жилъ безъ состоянія; но за то я въ жизни ничего и не боялся. — Правда, я жилъ и умеръ безъ состоянія; но за то я ничего не боялся и не буду бояться.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ХЕМНИЦЕРА.

ДНЕВНИКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ [1]).

1777.

23 января н. ст. выѣхали мы изъ Дрездена въ Лейпцигъ и проѣхали чрезъ слѣдующія мѣста.

Въ Лейпцигъ прибыли мы 24 января; обѣдали и тотчасъ уѣхали. Я видѣлъ здѣсь памятникъ Геллерта въ церкви св. Іоанна и другой, также изъ мрамора, у книгопродавца Вендлера въ саду. Остановились мы у Циммермана.

Во Франкфуртъ на Майнѣ пріѣхали мы 27 января н. ст., а выѣхали 29-го. Здѣсь посылали за городскимъ хирургомъ Бухеромъ, чтобы пустить кровь, но онъ не нашелъ въ томъ надобности. Мы жили въ «Красномъ домѣ». Хозяинъ былъ одинъ изъ честнѣйшихъ; его зовутъ Д.

(Вотъ въ подлинникѣ начало дневника:)

D. 23 Januar neuen Styls reiseten wir aus Dresden nach Leipzig und passirten folgende Orte.

In Leipzig kamen wir d. 24 Jan. n. St. an, speisten und fuhren sogleich weg. Ich habe hier das Monument des Herrn Gellerts in der Johannis-Kirche und ein zweytes bey dem Buchhändler Wendler im Garten, auch von Marmor, gesehen. Log. bei Zimmermann.

In Frankfurt am Mayn kamen wir an d. 27 Jan. n. St. und reisten ab d. 29. Hier wurde der Stadt-Chirurgus Bucher geholt, um Ader zu lassen, der aber keine Nothwendigkeit darin fand. Wir haben logirt im Rothen Hause. Der Wirth ist einer der Redligsten gewesen und heisst D...

[1]) О содержаніи этой книжки подробно говорено уже выше, на стр. 93—98. Нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ ней отрывочныхъ замѣтокъ напечатаны въ предыдущемъ отдѣлѣ. Здѣсь сообщается дневникъ путешествія нашего автора. Этотъ дневникъ начинается нѣсколькими нѣмецкими замѣтками, которыя помѣщаемъ здѣсь въ переводѣ, отличая его особымъ шрифтомъ.

Изъ Франкфурта въ Кельнъ, Дюссельдорфъ, Клеве, Нимвегенъ.

Въ Нимвегенъ прибыли мы 1 февраля и ночевали тамъ. Это былъ первый городъ въ Голландіи: укрѣпленія превосходны и очень хорошо содержатся.

Изъ Нимвегена 2-го числа въ Утрехтъ. Изъ Утр. въ Лейденъ. Въ Лейденъ прибыли 3-го февраля н. ст. утромъ въ 9 часовъ и видѣлись еще въ тотъ же день съ профессоромъ Гаубіусомъ. 6-го поѣхали изъ Лейдена въ Амстердамъ въ 11 часовъ до полудня и, прибывъ туда въ 4 часа, остановились въ «Амстердамскомъ домѣ» у хозяина Тейбана. Въ тотъ же вечеръ были въ этомъ же домѣ на концертѣ; 7-го были на публичномъ концертѣ у музыканта Шрётера, гдѣ сынъ его игралъ на скрыпкѣ, а дочь пѣла. 8-го комиссіонеръ Пайэ Рихъ доставилъ намъ случай осмотрѣть Остъ-индскій домъ, адмиралтейство, ратушу и биржу. Вечеромъ мы были въ голландскомъ театрѣ, гдѣ давали комедію «Зама»; потомъ отправились мы въ концертъ, который, какъ и прежніе, состоялъ изъ кружковъ любителей: женщины, такъ же какъ и chapeaux (шляпы), поютъ здѣсь попеременно.

Изъ Амстердама 9-го февраля поѣхали мы обратно въ Лейденъ. Изъ Лейдена мы отправились утромъ въ 8 часовъ 13 февраля н. ст.

14-го изъ Роттердама въ Мейрдейкъ, гдѣ мы ночевали, чтобы переправиться черезъ рѣку, что и исполнили 15-го поутру въ 9 часовъ.

Von Frankf. nach Köln — Düsseldorff — Cleve — Nimegen.

In Nimegen kamen wir an d. 1 Febr. und übernachteten daselbst. Es war die erste Stadt in Holland: die Festungs-Werke sind vortrefflich und in sehr gutem Stande.

Von Nim. den 2 nach Utrecht. Von Ut. nach Leyden. In Leyden kamen wir an d. 3 Febr. n. St. des Morgens um 9 Uhr u. sprachen den Hrn Professor Gaubius noch denselben Tag. D. 6 reiseten wir nach Amsterdam von Leyden um 11 Uhr vormittags ab, u. kamen daselbst an um 4 Uhr in den Hof von Amsterdam bey dem Wirth Tyban. Denselbigen Abend waren wir in demselben Hause unserer Wohnung im Concert, den 7 waren im Concert bey einem Musico in öffentlicher Versammlung nahmens Schröter, woselbst sich sein Sohn auf der Violine und die Tochter im Singen hören liessen. D. 8 verschaffte der Commissionaire Pye Rich et Wilkesons uns die Gelengenheit das Ostindische Haus, die Admiralität und das Rathhaus nebst der Börse zu besehen. Den Abend waren wir im holländischen Theater, woselbst ein Schauspiel Zama genannt aufgeführt wurde: nach diesem begaben wir uns in's Concert welches, so wie die vorigen, aus geschlossenen Gesellschaften der Liebhaber bestand: die Frauenzimmer lassen sich ebenfalls wie die Chapeaux mit ihren Stimmen welchselweise hören.

Von Amst. d. 9 Febr. reiseten wir zurück nach Leyden. Von Leyd. reisten wir des Morgens um 8 Uhr d. 13 Febr. n. St. 1777.

D. 14 von Rotterdam nah Myrdyk, wo wir denselben Tag übernachteten um das grosse Wasser zu passiren, welches den 15 des Morgens um 9 Uhr geschahe.

16-го изъ Вестервизеля въ Антверпенъ. Изъ Мехельна въ Брюссель, куда прибыли подъ вечеръ въ 4 часа и увидѣли на улицахъ толпы людей, между которыми многіе были въ маскахъ; въ тотъ же вечеръ, для окончанія карнавала, былъ въ оперномъ домѣ балъ до 12 часовъ, а съ 12 до утра bal masqué.

Изъ Брюсселя мы поѣхали 17-го въ Монсъ, изъ Монса въ Валансьенъ, гдѣ начинается французская граница.

Въ Парижъ прибыли. . . .

19. Нигдѣ не были.

20. Были въ французской оперѣ Iphigénie, послѣ которой была играна опера комическая Le devin du village, par J. J. Rousseau.

23. Были у князя Ивана Сергѣевича[1] на обѣдѣ, отъ него поѣхали во французскую комедію, но не заставъ уже мѣстъ, возвратились домой и поѣхали à la foire St. Germain, и тѣмъ кончили.

24. До обѣда прогуливались въ саду Palais Royal; послѣ обѣда поѣхали въ трагедію Zuma, которую играли M-me St. Vall — Zuma, mr la Rive, второй по Lekain.

Послѣ трагедіи играли Le Mercure galant, гдѣ игралъ mr Préville Меркурія самого, пьянаго канонера, прокурора и Абаза въ совершенствѣ; онъ первый комическій актеръ, а другой Du Gazon.

25. Поѣхали на ристалище до обѣда, на мѣсто, называемое Bois de Boulogne, гдѣ присутствовала сама королева. Партіи были comte d'Artois et le comte de Flandre, le duc de Chartres,

---

D. 16 von Westerwiesel nach Antwerpen. Von Mecheln nach Brüssel, wo wir gegen Abend um 4 Uhr ankamen u. die Strassen voller Menschen, unter denen einige verkappt waren, antrafen: denselben Abend war zum Schluss des Carnavals im Opernhause Bal bis 12 Uhr und von 12 bis morgens Bal Masqué.

Von Brüssel reiseten wir den 17 nach Mons, von Mons nach Valenciennes, woselbst die französische Gränze anfängt.

[1]) Барятинскаго, посланника. Въ подл. ркп. послѣ слова на обѣдѣ зачеркнуто: «гдѣ былъ Фитингофъ, съ женою котораго графъ Скавронскій». . .

изъ коихъ графъ d'Artois въ обакратные бѣги проигрывалъ. Закладъ былъ о 200 луидоровъ. Съ ристалища возвратились къ обѣду въ 4-мъ часу, и потомъ поѣхали въ французскую оперу Ифигенію въ Авлидѣ. Ахиллеса игралъ Le Gros, первый оперный актеръ.

Плясали Mme Enelle, M. Vestris, le père, et son fils, которые первые въ своей роли.

26. Прогуливались въ саду Palais Royal до обѣда; послѣ обѣда были въ комедіи итальянской, гдѣ играли L'ami de la maison, comédie en 3 actes, mêl.: d'ariettes. Актриса славная была Mme la Rouette, которая играла дѣвушку.

27. Прогуливались до обѣда въ саду Palais Royal, потомъ въ саду Тюльерійскомъ; оттуда поѣхали къ посланнику обѣдать, а потомъ въ театръ, гдѣ были играны Masette, а по немъ L'amoureux de 15 ans, коей оригиналъ duc de Chartres: любовницу или невѣсту duc de Chartres играла Mademoiselle La Rouette, первая въ комич. операхъ; отца duc de Chartres игралъ M. Clairval; а молодаго дюка играетъ обыкновенно Mme Trial, но въ этотъ разъ она не играла.

28. Были во французскомъ театрѣ; давали трагедію Танкреда, играли: Танкреда Lekain, — Mad. Vestris...

1 марта былъ во французскомъ театрѣ: играли Синну: Синну игралъ La Rive, дочь Августову Mad. Vestris.

Марта 2 были у Audenot въ театрѣ. Марта 3 были въ итальянской оперѣ. Марта 4 были въ итальянскомъ театрѣ; играли L'amoureux de 15 ans.

Марта 5 были въ итальянскомъ театрѣ, гдѣ играли le Roi et son fermier, а потомъ La Colonie, гдѣ была M-elle Colombe, первая пѣвица на этомъ театрѣ.

Марта 6 были въ оперѣ.

Марта 10 обѣдали у Ивана Ивановича Шувалова; а потомъ поѣхали въ оперу: давали Алцеста и Евридису.

Марта 20 были въ Луврѣ въ медальномъ кабинетѣ, гдѣ медалей собраніе, какъ и въ палатахъ, гдѣ ихъ тиснятъ. Это

происходитъ такимъ же образомъ какъ и у насъ, только что къ вагамъ привязали веревки и люди ихъ взадъ и впередъ раскачиваютъ, а не вертятъ, обходя кругомъ.

Марта 22 поѣхали было смотрѣть въ Люксембургскомъ дворцѣ галлерею славнаго Рубенса, но она была въ тотъ день закрыта.

Марта 23 были въ Сорбоннѣ, богословской академіи, которая основана Сорбономъ, духовникомъ, и возобновлена кардиналомъ Ришелье, которому въ честь и сдѣланъ мозолé въ церкви Сорбонской, славнымъ скульпторомъ Girardon. Ришелье представленъ умирающимъ на одрѣ смертномъ: въ головахъ стоитъ родная его племянница, изображающая законъ, подкрѣплявшій его, а въ ногахъ наука, плачущая о своемъ покровителѣ: мраморъ употребленъ карарскій. Петръ I, будучи въ Парижѣ въ 1717 году, видя этотъ мозолé, сказалъ, обнявъ сего мужа: «О великій мужъ! для чего ты жилъ не въ мой вѣкъ? я бы тебѣ отдалъ половину моего государства управлять имъ, чтобы научиться владѣть другою.»

Марта 24 были въ концертѣ, который даютъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ; славный въ Парижѣ скрипачъ Жерновинъ игралъ концертъ: дѣвица Danzi пѣла; Безуци игралъ концертъ на гобоѣ, Бейеръ на кларнетѣ. До обѣда я былъ въ церкви St. Roch, гдѣ видѣлъ благовѣщеніе изъ мрамора, работы Фалконетовой: картину Віенна писанную, изображающую проповѣдника народу, святаго Діонисія, а другую, изображающую Miracle des Ardens, гдѣ просящимъ явился въ облакахъ покровитель того города: писана par M. Doyen.

26 были въ Hôtel des Invalides. Комплектъ ихъ 1500; построилъ Людвигъ XIV. Церковь лучшая, которую видѣть можно. См. описаніе въ Almanach parisien; послѣ обѣда были въ Лоншанѣ, мѣсто, куда ѣздятъ прогуливаться три дня послѣднихъ на Страшно́й недѣлѣ; оттуда поѣхали въ концертъ, гдѣ пѣли между прочимъ Stabat mater, славнаго Итальянскаго соч. Перголезе.

27. Гуляли въ Тюльери и въ Пале-роялѣ, въ Champs Elisées.

28. Были поутру у живописца Picot, который чинитъ старыя картины удивительнымъ образомъ: снимаетъ съ плафона и съ другихъ картинъ и возвращаетъ письмо на новую картину или на плафоны, какъ бы то писано ни было, масляными ли красками или en fresco: тожъ снимаетъ съ картины письмо, которое на примѣръ на старую картину въ дополненіе написано было, и останется только прежнее письмо, а вновь приписанное снимаетъ долой. Такимъ образомъ снялъ онъ рубашку съ картины, женщину голую представляющей, которой дали на картинѣ рубашку; а кому она послѣ досталась, желалъ ее снять, знавъ что она послѣ была приписана, и онъ ее снялъ, и всю массу красокъ, которая составила рубашку, послалъ вмѣстѣ съ картиною тому, чья она была. Оттуда поѣхали въ домъ принца Conti, гдѣ смотрѣли кабинетъ его картинъ, которыя послѣ смерти его назначены къ продажѣ; между ними находятся славныхъ мастеровъ, какъ то Рафаэля Богородица, подводящая Христа къ Ивану Крестителю, представленные оба младенцами, и Христова радость изображена, увидя подобнаго себѣ младенца; и множество другихъ славныхъ мастеровъ. Послѣ обѣда были въ Longchamps. Примѣчанія достойно, что всѣ три дня, которые занимали Страшные дни, въ кои ѣздятъ въ Longchamps, была совершенно лѣтняя погода.

Апрѣля 2 были у славнаго живописца историческаго Грёза, который показывалъ намъ: 1) картину отдѣланную, представляющую больного добродѣтельнаго дворянина съ женою своею, но бѣднаго, къ коему пришла благодѣтельствующая ему особа посѣтить его въ болѣзни, съ благодарностію давая ему кошелекъ съ деньгами черезъ дочь свою, дѣвочку лѣтъ 9 или 8, сказывая ей, что добродѣтель и благодѣянія, доходившія ей прежде отъ сего въ бѣдность пришедшаго дворянина, заставляютъ ее и призываютъ къ долгу воздать ему теперь равнымъ образомъ, сколько въ ея силахъ, и дѣлаетъ тѣмъ поученіе своей дечери быть признательною и благодарною. 2) Проклятіе отца сыну. 3) Слѣдствіе сего проклятія производя въ отцѣ, принужденномъ до того дой-

ти, оскорбленіе и печаль, кои его доводятъ до гроба, и въ самые тѣ, часы когда отецъ умираетъ, приходитъ сынъ, коему мать представляетъ ужасныя распутной его жизни слѣдствія. 4) Начерталъ онъ воображеніе двухъ картинъ: первая представляетъ жизнь человѣческую, въ супружествѣ благополучную; изображена рѣка, на которой ѣдутъ въ лодкѣ мужъ съ женою и помогаютъ другъ другу грести; любовь въ видѣ Купидона на воздухѣ держится за весла и помогаетъ имъ также, и такимъ образомъ совершаютъ они путь свой счастливо: дѣти ихъ въ суднѣ спятъ спокойно и въ изобиліи. Другая картина изображаетъ тоже жизнь человѣческую; и представлена рѣка, на коей вертепы и пороги: мужъ съ женой сидятъ въ лодкѣ: мужъ гребетъ только одинъ съ одной стороны, а жена весло свое бросила съ другой: любовь отъ нихъ отлетаетъ; дѣти дерутся за кусокъ хлѣба, и лодку несетъ на порогъ [1]).

Апрѣля 6-го поѣхали поутру въ 8 часовъ въ замокъ королевскій увеселительный, Meudon, который осмотрѣвъ, но не найдя въ немъ ничего однакожъ примѣчанія достойнаго, окромѣ одинъ сводъ слуховой, поѣхали въ St. Cloud, гдѣ и обѣдали: садъ при этомъ замкѣ изрядный; воды не чрезвычайны; картинъ въ замкѣ великое множество хорошихъ. Плафонъ чрезвычайно хорошъ въ галереѣ одного славнаго мастера Meniar: между прочимъ видѣли портретъ Мишеля Ангело, писанный имъ самимъ, и работы Рослейновой портретъ Людвига XV на бѣломъ конѣ. Изъ St. Cloud поѣхали по полудни въ 6 часовъ въ Версаль, и поѣхали тотчасъ во дворецъ видѣть ужинный столъ королевскій, который во всякое воскресенье бываетъ открытый. Мѣста сдѣланы по обѣимъ сторонамъ въ той комнатѣ за балясами: король и оба его братья, графъ Артоа и дюкъ de Chartres, были за столомъ, королева съ супругами обоихъ братьевъ королевскихъ. Сервисъ былъ золотой: впрочемъ столъ совсѣмъ просто убранъ и нѣтъ никакой пышности, и музыка была весьма простая: столъ

---

[1]) Вотъ настоящій источникъ разсказа *Два семейства*, написаннаго Хемницеромъ по примѣру Обера (см. выше, стр. 130).

отошелъ, мы возвратились домой въ auberge. Король былъ въ фіолетовомъ платьѣ, которое онъ всегда носитъ этого цвѣта, когда трауръ: а тогда трауръ былъ по португальскомъ королѣ. Въ слѣдующій день поутру, какъ то апрѣля 7, поѣхали въ картинный версальскій магазинъ, гдѣ видѣли множество картинъ версальскихъ славныхъ мастеровъ: между прочимъ примѣчанія достойная вещь тутъ была, статуя Людвига XIV, сдѣланная изъ кованнаго желѣза и поставленная на мраморной піедесталѣ; мѣрою въ длину конное литье съ небольшимъ въ футъ, и весьма хорошо выдѣлано, сходно съ литьемъ большимъ статуи Людвига XIV, place Vendôme. Отсюда пошли во дворецъ смотрѣть большой театръ, который есть совершенство въ своемъ родѣ. Отсюда пошли во дворецъ видѣть славный большой театръ, зданіе чрезвычайно великолѣпное; ложи въ шесть рядовъ: коридоры ложъ забраны зеркалами сверху до низу чрезвычайной величины, такъ что театръ весь, обратясь къ стѣнѣ, виденъ въ зеркалахъ. Расположеніе амфитеатра толь искусно сдѣлано, составляя нѣсколько продолговатый полуциркуль, что изъ всѣхъ ложъ и даже въ заднихъ мѣстахъ сидящимъ весь театръ совершенно виденъ. Сверхъ того великолѣпіе его придаетъ ему немалую знатность. Между прочимъ примѣчанія достойно и то, что когда потребуется быть при дворѣ маскараду, тогда служитъ маскарадною залою сей самый театръ; а приготовляютъ его къ тому слѣдующимъ образомъ: театръ собственно забирается весь ложами совершенно сходно противу амфитеатра, такъ что продолговатый цыркуль выйдетъ, партеръ намащиваютъ досками для танцующихъ, а зрители сидятъ въ ложахъ; и вся сія декорація дѣлается въ 6 часовъ. Осмотрѣвъ театръ, поѣхали въ увеселительной домикъ Королевской Petit Trianon, который построенъ довольно хорошо и нынѣшняго вкусу: однако великолѣпнаго ничего не имѣетъ. Отсюда поѣхали въ большой Тріанонъ, также въ паркѣ версальскомъ построенный весь на подобіе галереи изъ мрамора полуциркулемъ; но какъ сей дворецъ еще не весьма отдѣланъ и внутренняго строенія ничего не сдѣлано, то окромѣ видимаго великолѣ-

піи въ мраморѣ, судить о немъ еще не можно. Отсюда поѣхали опять ко дворцу версальскому и пошли въ комнаты. Галерея сдѣлана вся изъ мрамора; плафонъ, писанный славнымъ Le Brun, изображаетъ всѣ дѣла вѣка Людвига XIV. Потомъ пошли въ придворную церковь, гдѣ былъ король съ королевою и съ братьями графомъ d'Artois и duc de Chartres. Потомъ пошли опять въ комнаты и дождались возвращавшагося изъ церкви короля, королеву и братьевъ короля. Потомъ пошли осматривать садъ: паркъ весь нашли порубленнымъ, а на мѣсто старыхъ деревъ насажены новые. Оранжерея построена вся изъ тесанаго камня Людвигомъ XIV, гдѣ и статуя его поставлена, сводами, въ которыхъ оранжевые деревья хранятся, коихъ число до 1500, и всѣ чрезвычайной величины; одному дереву между прочими считаютъ около 500 лѣтъ и названо Людвигомъ великимъ. Отсюда возратились въ квартиру обѣдать.

Отобѣдавъ, поѣхали въ коллегію иностранную, которая, какъ и прочія части коллегіи, при дворѣ въ Версаліи: въ ней видѣли портреты всѣхъ державственныхъ лицъ европейскихъ; убранство сей коллегіи довольно превосходно. Дѣла всѣ хранятся въ шкафахъ, вдѣланныхъ въ стѣны за красными, позади проволочныхъ сѣтокъ, завѣсами шелковыми. Отсюда поѣхали въ звѣринецъ, гдѣ видѣли множество рѣдкихъ звѣрей; а болѣе всего примѣчанія достоинъ риноцеръ. Отсюда поѣхали опять во дворецъ версальскій и проходили комнаты внутреннія королевы, которыя убранствомъ, по богатству и знатности картинъ, примѣчанія достойны. Отсюда поѣхали въ публичный версальскій театръ, гдѣ играли...

Послѣ чего поѣхали ночевать по приглашенію къ одному директору entrepreneur des bâtiments du roi.

На утро апрѣля 8 поѣхали въ Марли, который на одну милю отъ Версаліи. Сей замокъ послѣ Версаліи первый какъ паркомъ, такъ и великолѣпіемъ комнатъ: король во всякое лѣто провожаетъ тутъ по мѣсяцу. Изъ Марли поѣхали въ *Люсіенъ*, мѣсто и замокъ, графинѣ Du Barry принадлежащіе, на рѣкѣ Сейнѣ возлѣ самой водяной машины, $1\frac{1}{2}$ мили отъ Версаліи, доставляющей

въ Версалію фонтанныя воды, также и въ Марли и въ St. Cloud. Извѣстно, что графиня Дю Барри была любовница Людвига XV. Она построила въ Люсіенѣ у себя павиліонъ о 6 комнатахъ, который вкусомъ своимъ совершенно единственъ изъ всѣхъ увеселительныхъ замковъ и домиковъ сего рода королей французскихъ. Тутъ нѣтъ ни единой вещи ни въ архитектурѣ, рѣзьбѣ, живописи, украшенія, которая бы по наистрожайшимъ правиламъ и по вкусу расположена не была: тонкость работы такая, что рѣзьба деревянная соотвѣтствуетъ мелкостію наимельчайшей работѣ бронзовой, а бронзовая золотой обронной, какую только въ разсужденіи мелкости и тонкости во вкусѣ вообразить можно: чужестранцы, пріѣзжающіе осматривать знатныя мѣста, дивятся съ восхищеніемъ сему зданію какъ вещи, не имѣющей себѣ другой равной; и если хотѣть вообразить себѣ храмъ любви и роскоши, то должно представить павиліонъ графини Дю Барри. Словомъ, сіе зданіе отвѣчаетъ совершенно намѣренію, съ какимъ оное строено, то есть чтобъ представить храмъ любви и красоты. Послѣ смерти Людвига XV парламентъ взялъ-было въ казну этотъ домикъ, полагая, что онъ строенъ былъ королевскими деньгами; но нынѣшній король возвратилъ ей его опять назадъ.

Отсюда пошли осматривать машину. Она построена на берегу рѣки Сейны, тому назадъ 105 лѣтъ: машинистъ сей назывался Ренкенъ; и объявляютъ объ немъ, что ему,—слыша что онъ хвалился построить лучше сей машины (по причинѣ что эта была первая толикаго пространства), слѣдовательно, при многихъ еще несовершенствахъ ея, лучшую гдѣ потребуется, — выкололи глаза изъ зависти, чтобы въ другихъ мѣстахъ подобной машины не было. На рѣкѣ находятся 4 колеса, которыя, воду черпая изъ рѣки, выливаютъ ее въ первый на рѣкѣ бассейнъ, и нажимаютъ ее вверхъ сквозь трубы въ другіе бассейны, коихъ всѣхъ отъ рѣки до Версаліи 3. Въ томъ бассейнѣ, гдѣ мы были, 65 насосовъ, кои эту воду нажимаютъ вверхъ къ Версаліи и прочимъ мѣстамъ.

Отсюда возвратились въ Парижъ въ 2 часа по полудни.

NB. Король во всякій разъ, приходя въ церковь придворную, встрѣчаемъ трубами и литаврами, чтó служитъ возвѣщеніемъ его прихода.

Въ версальскомъ саду одна часть парка обставлена вся группами бронзовыми и урнами по моделямъ славнѣйшихъ скульпторовъ, какъ-то Жирардона, Пигалля и пр.; а другая часть мраморными фигурами и группами, тожъ работы славныхъ сихъ и другихъ мастеровъ.

Апрѣля 11 былъ въ королевскомъ саду, который есть ботаническій; въ ономъ сдѣланъ павиліонъ, съ высоты котораго видѣли большую часть Парижа. Въ семъ самомъ саду кабинетъ натуральной исторіи королевскій, въ коемъ по комнатамъ расположены въ порядкѣ всѣ царства природы. Первую комнату и вторую занимаютъ растенія, какъ сухія, такъ и въ спиртахъ, съ ихъ сѣмянами и съ видомъ каждаго дерева, каторый показывается въ распиленныхъ дощечкахъ. Вторая комната занята ископаемыми разнаго рода, между коими казовыя руды чрезвычайно богатыя и рѣдкія, какъ саксонскія, такъ и россійскія, богемскія, венгерскія и проч. Третья комната занята раковинами и насѣкомыми. Четвертая и прочія животными какъ въ спиртахъ, такъ и сухими, между коими примѣчанія достойный оселъ полосатый, смѣсь изъ темнокофейныхъ полосъ съ бѣлыми, кои какъ на одной сторонѣ, такъ и на другой, и словомъ по всему тѣлу простирается равно въ точномъ противоположеніи.

Апрѣля 14 былъ въ Люксенбургской галереѣ. Картина примѣчанія достойная между великимъ множествомъ славнѣйшихъ мастеровъ картинъ, — распятіе, писанное Рубенсомъ во весь ростъ: Богоматерь въ сокрушенномъ отчаяніи по правую сторону, а Марія Магдалина по другую. Лица ихъ изображены совершенными въ семъ страданіи и такими, какими видится лицо совершенно расплаканное и коего черты совсѣмъ тогда измѣнены бываютъ. Картина Іорданова такой величины, гдѣ представлены лица въ совершенный ростъ, изображая изгнаніе изъ храма торгующихъ въ немъ, чтó взято изъ Евангелія: страсти всѣхъ лицъ и

дѣйствіе совершенныя. Отсюда пошли въ комнаты, ведущія къ галереѣ Рубенсовой, изображающей всю исторію Генриха четвертаго.

Апрѣля 15 были въ королевской библіотекѣ, которая изъ всѣхъ въ Парижѣ первая. Тутъ видѣли печать французскую, когда употребляемы у Французовъ были еще нѣмецкія литеры вмѣсто латинскихъ, да и такія сочиненія, кои еще писаны ихъ языкомъ, однакожъ все нѣмецкими литерами, когда еще печати не было. Видѣли манускрипты индѣйскіе, писанные на камышѣ распластанномъ на листики и коихъ множество, сложенные вмѣстѣ, составляютъ цѣлую книгу. Видѣли россійскія книги церковныя, какъ то библію и проч., также и до правленія, исторіи и политики касавшіяся; видѣли въ рисункахъ царство растеній: сей трудъ начало свое возымѣлъ отъ времянъ Людвига XIV, и все продолжаются листы большіе пергаментовые; царство птицъ также далеко уже успѣло по системѣ Буффоновой; царство рудъ и черепокожныхъ до половины отдѣланы. Подражаніе натурѣ въ семъ рисованіи толь совершенно, что едва ли натуру съ искуствомъ различить можно; а иногда искуство яркостію и живостію красокъ натуру еще превосходитъ. Видѣли Парнассъ французскій, который представляетъ самую гору Парнассъ, сдѣланную изъ бронзы, на которой по старшинству времени помѣщены всѣ славные французскіе писатели. На верху горы предсѣдаетъ Аполлонъ. Тамъ же видѣли хранимую карту Каспійскому морю, которую дѣлалъ г. Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ.

Апрѣля 16 были въ церкви St. Sulpice.

Апрѣля 17 были въ Palais Royal, гдѣ видѣли картинную галерею, писанную par Antoine Coypel и изображающую въ 14 картинахъ приключенія Энеевы. Снятіе со креста Рафаэлево. Явленіе — Apparition du Seigneur à la Madeleine, par Augustin Carrache. Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи p. Vouet и множество другихъ; а дворецъ принадлежитъ дюку Орлеанскому и былъ построенъ кардиналомъ Ришелье. Картины въ этомъ дворцѣ не уступаютъ, какъ по славѣ мастеровъ, такъ и множествомъ,

никакимъ славнѣйшимъ въ Парижѣ картиннымъ собраніямъ, и суть изъ числа первыхъ.

Апрѣля 20 проѣзжались по бульвару.

Апрѣля 25 были въ гошпиталѣ des orphelins et des enfants trouvés, куда сажаютъ также и дѣвокъ для исправленія. Число ихъ было до 5500. Время ихъ пробытія въ семъ мѣстѣ до 25 лѣтъ, и тогда ей позволено выходить по два раза на недѣлѣ въ городъ; и если она сыщетъ партію, которая гошпитальнымъ начальствомъ одобрена будетъ, позволятъ ей выгти; кромѣ сего остаются въ гошпиталѣ и помѣщаются къ должностямъ того мѣста. Въ семъ гошпиталѣ занимаютъ воспитанницъ вышиваніемъ шелками, шитьемъ бѣлья, плетеніемъ кружевъ и тому подобнымъ; и всякій имѣетъ право заказать по желанію своему что́ хочетъ. Гошпиталь сей имѣетъ свою церковь внутри зданія. Алтарь въ ней построенъ въ серединѣ, такъ что во всѣ стороны церковь съ него видно.

Апрѣля 26 были на ристаніи au bois de Boulogne, гдѣ былъ императоръ[1], королева, duc de Chartres, comte d'Artois, Monsieur[2]. Я, поѣхавъ оттуда, имѣлъ несчастіе что за карету нашу зацѣпили роспуски и ее опрокинули.

28 апрѣля я съ Николаемъ Александровичемъ были въ французскомъ театрѣ, и давали Сироту Китайскую[3]. Эдамею играла Вестриса, Жанжисхана Лекень.

NB. Апрѣля 13 давали Аталію, которую я одинъ видѣлъ. Аталію играла младшая Сельваль, а перваго жреца Бриссаръ.

NB. Апрѣля 9 давали Заиру, гдѣ игралъ Оросмана La Rive; Люзиньяна Бриссаръ, Заиру младшая Сельваль. Надлежитъ знать, что съ 15 мѣсяцевъ тому назадъ какъ Duménil отошла отъ театра, Меропу еще никто изъ актрисъ нынѣшнихъ играть не осмѣливается. Изъ сего судить остается, коль великая актриса она была, а особливо въ роли Меропы или въ подобномъ ей лицѣ.

---

1) Т. е. Римскій императоръ Іосифъ II, носившій этотъ титулъ съ 1765 г.

2) Титулъ старшаго брата короля.

3) L'orphelin de la Chine, трагедію Вольтера.

Апрѣля 30 были мы всѣ въ французскомъ театрѣ: давали Федру; Ипполита игралъ La Rive, Тезея Бриссаръ, Федру Вестриса, Арисію младшая Сельваль.

Мая 4 были въ Колизé, мѣсто гдѣ бываетъ лѣтомъ въ среду и въ воскресеніе собраніе людей, гдѣ дѣти содержимыя компаніею этого дома танцуютъ, и фейерверкъ даютъ. Домъ сей построенъ въ поляхъ Елисейскихъ; онъ составляетъ въ срединѣ круглую залу и имѣетъ четыре хода: въ срединѣ залы танцуютъ, а около обведена галерея и ложи въ два ряда; освѣщеніе весьма богатое, тѣмъ болѣе что въ стѣнахъ все вдѣланы сплошь зеркала.

Мая 5 была въ Версаліи опера Castor et Pollux, куда ѣздилъ Николай Александровичъ, а Михаилъ Ѳедоровичъ и я были въ италіянской ком.; давали Le roi et son fermier, а потомъ Tom Jones.

Мая 6 былъ смотръ королевскій полкамъ гвардіи французской и швейцарской на мѣстѣ называемомъ Bois de Boulogne. Король со всѣмъ дворомъ и императоръ были. Смотръ состоялъ только въ томъ, что отдавъ честь, начали но-плутоножно палить на мѣстѣ безъ пороха, а потомъ маршировать. Отсюда поѣхали смотрѣть церковь Св. Женевьевы, которую строятъ ужъ 22-й годъ, зданіе въ семъ родѣ совершеннѣйшее въ Парижѣ: оно будетъ о пяти куполахъ. Штукатурная работа вся изъ того жъ камня изсѣчена и совершеннѣйшая.

Мая 7 были въ саду герцога де Шартра. Садъ сей весь сдѣланъ англинскимъ: домъ, въ которомъ онъ тутъ живетъ, не огромный, но со вкусомъ построенный: въ домѣ самомъ примѣчанія достойна писанная по филенгамъ въ одной комнатѣ рѣзьба, которая такъ обманчива, что за рѣзанную, не ощупавъ, счесть ее можно; камины и мраморъ вырѣзаны весьма мелко. Въ комнатѣ одной кровать выходитъ изъ земли вверхъ, и зеркало, вдѣланное въ стѣну, отдвигаютъ прочь машиною же, и вдругъ сдѣлается виденъ за нимъ прекрасный въ садѣ проспектъ: вся эта комната сплошная изъ оконъ. Въ саду же представлены руины греческія, римскихъ зданій, египетскія пирамиды и гроб-

ницы, олимпійскія игры, и всѣ довольно пространны и огромны; разныя пещеры и другія руины. Скотный дворъ, внутри котораго наставлена сплошь фарфоровая посуда бѣлая съ золотомъ, служащая для сбиранія молока, дѣланія сыра, и т. п. Отсюда поѣхали въ Колизé, но не было за худою погодою ни людей, ни фейерверка.

Мая 8 ѣздили прощаться, обѣдали у князя[1] и проѣзжались по бульвару, были въ поляхъ Елисейскихъ, гдѣ гуляло множество народу, и видѣли садъ подземельный madame de Brunoi съ павиліономъ, который при поляхъ Елисейскихъ.

Мая 7 были у Mr. Picault, который показывалъ намъ снятую имъ съ картины рубашку и прочія работы его картины.

9-го были въ Севрѣ на фарфоровой королевской фабрикѣ, которая по ту сторону St. Cloud, возлѣ самого его: ѣхавъ туда, шли черезъ паркъ St. Cloud, гдѣ видѣли каскаду пущенную. Въ фабрикѣ работниковъ 500 человѣкъ; фабрика, не могши сама себя содержать, получаетъ отъ короля ежегодно 100,000 фр. добавки.

10-го были въ италіянской ком. я и Николай Александровичъ; давали пародію на Кастора и Поллукса, опера, которая въ Версаліи играна была для императора Римскаго. Пародія сія давана была въ первый разъ. Сцены, декорація и музыка были прямо сходны съ прямою оперою, такъ что увертюра и нѣкоторыя аріи музыки серьезной оперы смѣшаны съ пародіей.

Мая 11 поутру въ 8 часовъ поѣхали изъ Парижа въ Лейденъ; ѣхали возвратно старою дорогою, какъ то чрезъ Валенсьенъ, Антверпенъ, Мехельнъ и пр. мѣста, и пріѣхали въ Лейденъ 14-го. Выѣхавъ изъ Валенсьена съ полверсты, переломилась задняя ось, и затѣмъ возвратились въ Валенсьенъ, гдѣ ее починили. Ѣхавъ изъ Парижа, заѣзжали, своротивъ съ дороги съ полмили, въ замокъ называемый Chantilly, принадлежащій принцу Condé. Садъ довольно изрядный и просторный; мѣстоположе-

---

[1]) И. С. Барятинскаго.

ніе хорошее, фонтановъ довольно, садикъ англинскій недавно еще разведенъ. Селенія крестьянскія въ саду скрываютъ въ хижинахъ своихъ разныя игры и забавы, также и бесѣдки, но не столь великолѣпны внутри, какимъ бы имъ быть надлежало. Между прочимъ поставлено передъ домомъ конное литье принца Монморансія, которому доселѣ замокъ и мѣсто сіе принадлежали. Конное сіе литье соотвѣтствуетъ мастерствомъ своимъ несовершенству искуства сего рода тогдашнихъ временъ; и словомъ, всѣ части имѣютъ видъ уродливой натуры.

Пріѣхавъ въ Лейденъ мая 14-го по полудни въ 6 часовъ, стали у стараго хозяина въ *домѣ Голландіи*. 22 числа ходили Николай Александровичъ и я въ ботаническій садъ и видѣли, какъ его, такъ и натуральный въ ономъ кабинетъ. Садъ самъ собою хотя и не виденъ, но трáвы въ немъ и произрастенія больше рѣдкостію какъ числомъ изобилуютъ. Въ кабинетѣ видѣли между прочимъ модель съ коломенскаго дворца, мѣсторожденія государя Петра I, сдѣланную точно противъ сего бывшаго дворца, весь изъ меленькихъ брусковъ и съ волоковыми окнами. Видѣли лодку (лодка эта называется байдара) дикихъ людей, которая обтянута по кокорамъ кожею сверху и снизу, и оставлено въ серединѣ пустое мѣсто, въ которое одинъ только человѣкъ садится и обвяжетъ себя кожею, которая кругомъ этого пустого мѣста на подобіе мѣшка обходитъ, такъ что лодка подъ водою нырять можетъ и не потонетъ, затѣмъ что вода попасть въ нее никакъ не можетъ.

Мая 22. Ѣздилъ я съ г. Писаревымъ на шойтѣ, то есть на голландской баркѣ, въ Гарлемъ слушать оргáны, почитаемые первыми. Они находятся въ соборной церкви гарлемской. Церковь весьма пространная, строена тогда, когда Голландцы были еще католиками. Внутри церкви кругомъ колоннады съ сводами, которые и вверху въ смычкѣ каменные; средній же церкви сводъ, вмѣсто каменнаго, деревянный. Органы построены лѣтъ за 40. Мастеръ называется Миллеръ. Трубокъ въ сихъ органахъ 5555, реэстровъ или перемѣнъ 68, мѣховъ 12. Отличность ихъ и пре-

восходство состоитъ въ томъ, что они подражаютъ какъ всѣмъ духовымъ и струннымъ инструментамъ, такъ и человѣческому голосу и даже пѣнію птицъ; органщикъ называется Ридигеръ, который былъ первый игравшій на сихъ органахъ, а нынѣ по праву играетъ сынъ его. Также сынъ мастера содержитъ ихъ и въ починкѣ.

Впрочемъ примѣчанія достойно въ церкви, что видна модель съ того корабля, который взялъ крѣпость Амьетъ въ то время, когда Голландцы брали Вестъ-Индію: чтобъ крѣпость взять, надобно было въѣзжать въ устье, какое напримѣръ при Дарданеляхъ, и была протянута цѣпь отъ одной башни до другой; Голландцы пустили сей корабль, подковавъ киль желѣзомъ на подобіе пилы, съ полнымъ вѣтромъ на эту цѣпь, и имѣли успѣхъ, что цѣпь порвалась, и корабль, а потомъ и флотъ, въѣхалъ въ устье и взяли крѣпость. Сверхъ того видно въ церкви пушечное ядро, влѣпившееся въ стѣну, пролетѣвъ окно тогда, когда Гишпанцы наступали на Голландію. Въ тотъ день возвратился я въ Лейденъ.

Мая 24-го 1777 года я и Николай Александровичъ ходили пѣшкомъ изъ Лейдена въ Гагу на смотръ войскъ голландскихъ, коихъ были полкъ гвардіи и швейцарскій. Принцъ Оранжскій командовалъ гвардіею, а герцогъ Брауншвейгскій швейцарами. Маневръ состоялъ въ атакѣ крѣпости или ретраншамента, который взялъ принцъ Оранжскій, гдѣ былъ сдѣланъ и подкопъ, который взорвали тогда уже, когда войско взявшее крѣпость принуждено было ее оставить. Послѣ смотра прошли въ Гагу, а оттуда, сѣвъ на барку, пріѣхали ввечеру въ Лейденъ.

Мая 27 поѣхали поутру на баркѣ Михаилъ Ѳедоровичъ, Николай Александровичъ, г. Писаревъ и я въ Гарлемъ: тамъ слушали орга́ны, а потомъ поѣхали въ тотъ же день въ Амстердамъ. Пріѣхавъ туда, были тѣмъ же вечеромъ приглашены ужинать къ г. Ритшу, банкиру, гдѣ и ужинали. На другой день, 28-го, ѣздили смотрѣть домъ найденышей, коихъ содержалось тогда до 1200 мальчиковъ и дѣвочекъ. Они содержаны весьма умѣренно, и не столько щедро, какъ у насъ. Строеніе простое. Они тамъ

остаются до 22-хъ лѣтъ, и при выпускѣ получаютъ по два раза по 25 гульденовъ. Учиться могутъ всему внѣ дома у мастеровыхъ и у художниковъ, коимъ домъ платитъ: запрещено только учиться кузнечному и слесарному во время ихъ пребыванія въ воспитательномъ домѣ. Осмотрѣвъ домъ, поѣхали смотрѣть домъ городской или ратушу. Сіе великолѣпное зданіе построено изъ бѣлаго песчанаго камня снаружи, а внутри изъ бѣлаго мрамора, который весь изукрашенъ рѣзною работою въ трофеяхъ и историческихъ изображеніяхъ чрезвычайнаго искуства: рѣзьба мѣстами толь мелкая, что остаться бы въ семъ родѣ ей надлежало для дерева, а не для камня. Картины въ комнатахъ первѣйшихъ мастеровъ голландскихъ, какъ то Ван-Дика, Jacques de Wit и Рембрандта; писаны всѣ лица на картинахъ съ натуры, и всѣ чрезвычайной величины, такъ что нѣкоторыя всю стѣну занимаютъ, какъ то картина, изображающая Моисея въ Палестинѣ, писанная par Jacques Wit, гдѣ Моисей по слову Божьему избираетъ изъ 70 Израильтянъ старѣйшихъ для правительства. Домъ сей началъ строиться въ 1648, а окончепъ въ 1655 совершенно, такъ что и засѣданіе началось. Архитектура Іоническая, Кориноская и Римская. Другая картина примѣчанія достойная, гдѣ изображенъ Моисей, давшій законъ народу: онъ снисходитъ тутъ съ горы съ скрыжалями.

Осмотрѣвъ домъ городской, поѣхали по берегу Амстердамскаго моря, гдѣ видѣли кораблей военныхъ и купеческихъ — для того только чтобъ видѣть — несчетное число, какъ сказываютъ, что̀ и правда: смотря на корабли мѣстами сквозь мачты, свѣту, подобно какъ сквозь густой лѣсъ, напрасно бы было видѣть хотѣть.

29-го поутру поѣхали изъ Амстердама опять въ Гарлемъ и слушали еще вторично орга̀ны, и отобѣдавъ въ Гарлемѣ, — въ тотъ же день въ Лейденъ.

30 —

31 —

4 числа были въ саду медицинскомъ и видѣли кабинетъ про-

фессора Аллемана Фид...; кабинетъ собственный его и во всѣхъ частяхъ довольно богатый; особливо рѣдкое тамъ насѣкомое, наз. ponte lanterne, американское: другой морской звѣрокъ armadillo, похожій на сурка и совсѣмъ черепокожный; видѣли въ аудиторіи пр. Аллемана огненную машину, служащую для подниманія воды способомъ паровъ.

5 числа были въ собственномъ домѣ у профессора, гдѣ показывалъ онъ намъ множество физическихъ опытовъ: между прочимъ всѣ роды насосовъ, изъ коихъ одинъ поршень совсѣмъ безъ тренія.

6 числа были смотрѣть машину новаго изобрѣтенія огненную, служащую для подниманія воды; которая не имѣетъ поршней, а основана на теоріи о давленіи воздуха надъ водою и угнаніи ея вверхъ, какъ скоро воздухъ теплотою разжиженъ будетъ въ томъ сосудѣ, въ которомъ она вверхъ подыматься должна.

7 число поѣхали поутру изъ Лейдена черезъ Мастрихтъ.

Прибыли въ Езъ-Лашапель 9 по полудни въ 4 часа. 10 числа были въ соборной церкви, построенной Карломъ Великимъ, основателемъ Римской Имперіи. Въ сей церкви видѣли: 1) Престолъ, обитый золотою жестію и каменьями украшенный. 2) Каѳедру, золотою жестію обитую и каменьями украшенную. 3) Черепъ Карла Великаго, обдѣланный золотомъ и каменьями украшенный: подарокъ короля французскаго, въ знакъ почтенія къ сему мужу. 4) Руку или лучше кость руки, обдѣланную въ серебрѣ позолоченомъ, на подобіе руки: также подарокъ французкаго короля Карлу въ знакъ почтенія. 5) Мечъ Карла Великаго, сдѣланный по тогдашнему вкусу на подобіе небольшой сабли гусарской, насѣченной золотомъ, и ножны обложены золотыми листами; ручка также золотая: сію саблю императоры Римскіе должны носить три дня по коронаціи. 6) Евангеліе, писанное золотыми литерами по древесной коркѣ, тонкостью въ листокъ совершенно бумагѣ подобной, которая при коронаціи императоровъ употребляется дѣлать имъ присягу. 7) Тронъ, на которомъ короновали императоровъ Римскихъ, сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора на подобіе лавки, будучи

изъ гладкихъ мраморныхъ плитъ сложенъ, и всходятъ на него по 3 ступенямъ; доску, на которой сидятъ, объявляютъ быть отъ ковчега Ноева. Первый коронованъ на семъ тронѣ Карлъ Великій, который тронъ сей и построилъ, а по немъ 33 царя короновались. 8) Видѣли ризы богатыя: между прочимъ одну, которой уже съ 800 лѣтъ, въ которой служилъ одинъ архіебискупъ, который послѣ причтенъ въ святые. 9) Видѣли часть цѣпи, которою прикованъ былъ Петръ апостолъ. 10) Гвоздь, которымъ былъ распятъ Іисусъ Христосъ. 11) Вервіе или ремень, коимъ бичеванъ былъ Христосъ, и запечатанный Константиномъ царемъ, чтобы никто онаго не урѣзалъ. 12) Осматривали теплые колодези: вода въ нихъ толь горячая что варить можетъ.

Въ тотъ же день, осмотрѣвъ все въ церкви, пошли въ тамошній театръ, гдѣ играли Le Célibataire etc. par Dorat et par Silvain.

На другой день, 11-го, поѣхали въ Спа, куда и прибыли въ тотъ же день, гдѣ весьма еще немного нашли пріѣхавшихъ.

16-го былъ балъ въ асамблейной залѣ, гдѣ мы и были.

10 іюля ѣздили съ барономъ Гейницомъ на желѣзный заводъ, доктору Лимбургу принадлежащій. Тамъ дѣлаютъ и пушки и снаряды.

Отсюда до конца подлинникъ писанъ опять на нѣмецкомъ языкѣ, и притомъ карандашемъ, который отъ времени почти стерся, такъ что нѣкоторыхъ словъ разобрать уже невозможно. Помѣщаемъ здѣсь сдѣланный нами переводъ, а внизу печатаемъ и нѣмецкій подлинникъ.

10 сентября выѣхали мы въ 10 часовъ утра изъ Спа, и прибыли вечеромъ въ 9 часовъ въ Эксъ (Aix la Chapelle), пообѣдавъ въ Вервье. 11 пріѣхали мы въ Дюссельдорфъ, городъ принадлежащій курфирсту пфальцскому. Утромъ 12-го осмотрѣли мы знаменитую картинную галерею. Она возникла при Іоаннѣ Вильгельмѣ лѣтъ за 90 предъ симъ. Началомъ

Den 10 September reisten wir des Morgens um 10 Uhr von Spa, und kamen des Abends um 9 Uhr in Aix an, nachdem wir in Vervier Mittag gespeist hatte. Den 11 kamen wir in Düsseldorff an, eine Stadt dem Churfürsten von der Pfalz gehörig. Den Morgen 12 besahen wir die berühmte Bilder-Gallerie. Diese hat ihren Anfang

этого собранія послужила большая картина Павла Рубенса, изображающая Страшный судъ, по поводу которой и была выстроена вся галерея. Число картинъ приближается теперь къ 400. Великій мастеръ Павелъ Рубенсъ одинъ занимаетъ цѣлую залу; остальныя картины принадлежатъ Фанъ-деръ-Веру, Жаку Іордану, между прочимъ одна подъ названіемъ Le roi boit. На ней впереди король пьетъ за столомъ, а вокругъ нѣсколько человѣкъ пьяныхъ, другіе играютъ на волынкѣ. Страсти изображены тутъ сильною кистью. Работы Шалькена замѣчательны по искуству изображать предметы, освѣщенные свѣчами или другимъ какимъ нибудь огнемъ. Освѣщеніе ихъ такъ ярко, что они, можно сказать, ослѣпляютъ того, кто смотритъ на картину. Одна представляетъ дѣвъ со свѣточами, другая Христа въ терновомъ вѣнцѣ, когда къ нему въ темницу входятъ два воина съ факелами; третья — женщину, держащую въ рукѣ свѣчу, и молодаго человѣка, который хочетъ погасить огонь, чтобы тихонько унести свѣчу. Рубенсъ написалъ всего 400 картинъ. Въ бытность свою посланникомъ при испанскомъ дворѣ онъ велъ переговоры, кончившіеся миромъ между Испаніей и Англіей. Въ этой галереѣ являются также его двѣ жены и любовница. Послѣ галереи мы осмотрѣли конюшню курфирста, гдѣ намъ показывали дикихъ будто бы лошадей, которыя однакожъ были не дикія. Потомъ мы были на разводѣ. Пообѣдавъ, мы поѣхали далѣе: дорогой посѣтили мы замокъ Конраде, принадлежащій

---

genommen zu Iohann Wilhelms Zeiten, vor etwa 90 Jahren. Der Ursprung zu dieser Bilder-Sammlung ist ein grosses Gemälde von Paul Rubens, das jüngste Gericht gewesen, wesfalls auch die ganze Gallerie gebaut worden ist. Die Anzahl der Gemälde erstreckt sich jetzt bis gegen 400. Der grosse Meister Paul Rubens nimmt einen ganzen Saal allein ein; die übrigen sind von Van der Wer, ein Flamander, von Jacques Iordaens, unter andern ein Gemälde genannt Le Roi boit. Man sieht den König am Tische trinken und einige Personen herum tanzen, und einen Menschen auf der Sackpfeiffe spielen. Die Leidenschaften sind mit der grössten Kraft ausgedrückt Schalken seine Arbeit ist gross in der Kunst Gemälde vorzustellen, welche von Lichten oder einem andern Feuer erleuchtet werden. Der Schein ist so stark, dass man, so zu sagen, geblendet wird indem man das Gemälde betrachtet. Ein Gemälde davon sind die Jungfrauen mit ihren Lampen, das 2. Christus in der Dornen-Krone im Gefängnisse wo 2 Kriegsknechte mit Fakeln zu ihm kommen. 3) ein Frauenzimmer, welches ein Licht in der Hand hat, und ein junger Mensch es ihr ausblasen will um es ihr sacht zu verführen. Rubens hat überhaupt 400 Gemälde verfertigt. Wahrend der Zeit dass er Ambassadeur am Spanischen Hofe gewesen, so ist er derjenige, der zwischen Spanien und Engelland den Frieden vermittelte. Man siehet seine zwei Frauen ebenfalls in dieser Gallerie und seine Maitresse. Nach der Gallerie besahen wir den churfürstlichen Stall, wo man uns wilde Pferde zeigte, die es aber nicht waren. Weiter besahen wir die Wachtparade. Nachdem wir Mittag gespeiset, so fuhren wir weg: unterwegens besuchten wir das

курфирсту пфальцскому; его начали строить 21 годъ тому назадъ и теперь онъ готовъ; мы осмотрѣли его, но не нашли въ немъ ничего замѣчательнаго. Полъ весь изъ мрамора....

Вечеромъ прибыли мы въ Кельнъ и переѣхали черезъ Рейнъ, чтобы попасть въ городъ.

13 утромъ мы разсматривали въ церкви Св. Петра картину Рубенса, составляющую запрестольный образъ: это апостолъ Павелъ на крестѣ. Эту работу Рубенсъ принесъ въ даръ церкви, потому что тамъ онъ вѣнчался. Онъ писалъ ее въ Римѣ и оттуда отправилъ въ Кельнъ. Курфирстъ пфальцскій предлагалъ уже за эти картину 18,000 т. и въ придачу копію самаго лучшаго мастера, но тщетно. Потомъ мы были въ церкви, построенной по повелѣнію Пепиніаніи или Агриппины. Въ Кобленцъ ѣхали мы вдоль Рейна дорогою древнихъ римскихъ императоровъ, гдѣ на одной колоннѣ надпись: «Сей путь возстановленъ Маркомъ Авреліемъ»..

Вечеромъ прибыли мы въ Кобленцъ.

— числа утромъ изъ Кобленца въ Лимбургъ.

— числа изъ Лимбурга во Франкфуртъ на Майнѣ; дорогой по сю сторону Лимбурга, мы ѣхали мимо зельцерскаго источника, тамъ остановились и отвѣдывали воду; намъ сказали, что нынѣшнее лѣто тамъ было только 8 человѣкъ для пользованія цѣлебной водою. Мы застали множество людей, занятыхъ разливаніемъ воды въ тысячи кружекъ. Кругомъ

Schloss Conrade dem Churfürsten von der Pfalz gehörig, angefangen zu bauen seit 21 Jahren, nunmehr fertig; dieses besahen wir, aber fanden nichts besonderes. Der Fussboden ist ganz von Marmor.

Des Abends kamen wir in Kölln an und passirten den Rhein um in die Stadt zu kommen.

Den 13 des Morgens besahen wir in der St. Peters Kirche ein Gemälde von Rubens, welches das Gemälde des Altars ausmacht: es ist der Apostel Paulus am Kreuz. Dieses Stück hat Rubens dieser Kirche als eine Donation verehrt, weil er in dieser Kirche getraut worden. Er war zu Rom da er es verfertigte und von da nach Köln überschickte. Der Churfürst von der Pfalz hat für dieses Stück schon 18,000 Rthl. bieten lassen, nnd überdem eine Copie vom besten Meister; allein umsonst. Ferner waren wir in der Kirche die Pepiniania oder Agrippina hat erbauen lassen. Unterwegens nach Coblenz sind wir längs dem Rhein den Weg der alten römischen Kaiser passirt, wo die Aufschrift auf einer Säule stand Hanc viam Marcus Aurelius restituit...

Des Abends kamen wir in Coblenz an.

Den des Morgens von Coblenz bis Limburg.

Den von Limburg nach Frankfurt am Mayn, unterwegens diesseit Limburg gingen wir den Selzer Brunnen vorbey; woselbst wir abstiegen und das Wasser kosteten: man sagte uns dass diesen Sommer nur 8 Personen da gewesen seyn sollen, den Brunnen zu trinken. Wir trafen eine Menge Menschen daselbst an

устроены аллеи для гуляющихъ, и по видимому стараются искуствомъ сдѣлать этотъ край для пріѣзжихъ пріятнѣе нежели какова мѣстность около Спа по самой природѣ,-- если только искуство въ состояніи это выполнить. Все это путешествіе совершили мы въ обществѣ генерала Петерсона, графа Скавронскаго и маіора Мейера. Во Франкфуртъ прибыли мы какъ разъ ко времени ярмарки.

Мы во Франкфуртѣ были нѣсколько разъ въ театрѣ, видѣли Минну фонъ Барнгельмъ, оперу Альцесту, Роберта и Каллисту...

Г-жа Гельмутъ пѣвица пѣла превосходно.

20-го выѣхали мы и ночевали въ Ганау.

21-го ночевали въ Фульдѣ.

22-го ночевали въ Эйзенахѣ.

23-го мы проѣхали черезъ Эрфуртъ, какъ мѣсто, гдѣ Лютеръ, бывъ августинскимъ монахомъ, бѣжалъ изъ монастыря. Здѣсь мы отдыхали и ночевали.

24-го мы ночевали въ Риппахѣ.

25-го мы обѣдали въ Лейпцигѣ, ночевали въ Дибенѣ по дорогѣ изъ Риппаха; около мили оттуда проѣхали мы мѣсто, гдѣ Густавъ Адольфъ былъ убитъ. На самой дорогѣ поставленъ камень, — плохой, неотесанный булыжникъ.

26-го изъ Дибена въ Берлинъ, 27-го.

---

beschäftigt die tausenden von Krügen mit Wasser zu füllen. Die Gegenden herum sind mit Spaziergängen besetzt; und es scheinet als will man die Gegenden für Fremde anmuthiger machen durch die Kunst als sie in Spa schon von der Natur selbst sind, wenn die Kunst nur mit dazu beytragen wollte. Diese ganze Reise haben wir in der Gesellschaft des General Peterson, des Grafen Scavronsky und des Major Meyer gethan. In Frankfurt kamen wir eben zur Messzeit an.

Wir waren in Frankfurt in mehreren Schauspielen: Minna von Barnhelm; Alcest, Opera; Robert und Kalliste...

Mad. Helmuth, eine Sängerin, sang auch vortrefflich.

Den 20 reiseten wir ab und schliefen in Hanau.

Den 21 schliefen wir in Fulda.

Den 22 schliefen wir in Eisenach.

Den 22 gingen wir durch Erfurt, als den Ort, wo Luther, als Augustiner Mönch, aus dem Kloster entwischt. Hier speiseten wir Mittag und schliefen in Baaderstädt.

Den 24 schliefen wir in Rippach.

Den 25 speisten wir in Leipzig, schliefen in Dieben auf dem Wege von Rippach; etwa eine Meile davon passirten wir den Ort wo Gustaf Adolf erschossen wurde. Es ist auf dem Wege selbst ein Stein aufgestellt, ein schlechter unbehauener Feldstein.

Den 26 von Dieben nach Berlin, den 27.

29-го изъ Берлина черезъ Торунъ, Кюстринъ, Старгардъ, Стольпе и проч. въ Данцигъ 4 октября. Въ Данцигѣ мы были въ театрѣ...

Театръ за городомъ въ предмѣстьи... Строеніе — сколоченный изъ досокъ, со всѣхъ сторонъ прозрачный сарай и актеры до нельзя плохіе. 7-го прибыли въ Кенигсбергъ, обѣдали, отдали экипажъ въ починку, такъ какъ уже въ Гейлихлебенѣ ось сломалась и ее тамъ чинили; уѣхали вечеромъ въ 10 часовъ.

10-го пріѣхали въ Мемель, обѣдали и уѣхали.

9-го октября стараго стиля 1777 прибылъ я въ Петербургъ.

КОММИССІИ И ИСПОЛНЕНІЯ.

(Сказать Як. Ив. Булгакову отъ сестрицы его о сафьянахъ чтобъ ихъ прислать разнаго рода — что дѣти учатся теперь у учителя—что писемъ отъ него не имѣютъ, что Павлушкинъ отецъ здоровъ) [1]. — Спросить кому изъ консуловъ въ Смирнѣ визитами мнѣ начать. Не лучше ли безъ порядка или съ младшихъ.—Пріѣхавъ въ Смирну разослать увѣдомительныя письма по всѣмъ ближнимъ мѣстамъ.—Форму у министра спросить о пашпортахъ и о доношеніяхъ.—Взять уставъ тарифамъ и пошлинамъ.—Пашпорты пропускные могу я давать не только своимъ, но и иностраннымъ—отписываясь о томъ къ министру, то есть реляціонное писать о томъ же и въ коллегію. А секретное, естьли quelques turcs ou grecs voudront quitter leur pays et s'établir chez nous, писать цифрами. — Ганнибала, или отъ кого зависитъ,

---

Den 29 von Berlin über Torn, Köstrin, Stargard, Stolpe etc. nach Danzig den 4 October. In Danzig waren wir im Schauspiele...

Das Theater ist ausserhalb der Stadt auf der Vorstadt. Das Gebäude ist ein verschlagenes grosses Schauer. Laden gedeckt. Allenthalben durchsichtig und so elend als möglich die Acteurs. Den 7 kamen wir in Königsberg an, speiseten Mittag, liessen den Wagen zurecht machen da schon in Heilgleben die Achse gebrochen und zurechtgemacht worden, uud fuhren des Abends um 10 Uhr weg.

Den 10. kamen wir in Memel an, speisten Mittag und fuhren weg.

Den 9 October alten Stils 1777 kam ich in Petersburg an.

[1] Скобками ( ) означены мѣста, зачеркнутыя самимъ Хемницеромъ въ записной книжкѣ его. Рѣчь идетъ о домѣ посланника Булгакова.

просить о извѣщеніи коллегіи тѣмъ что я отправился за границу, дабы коллегія знать могла о томъ, а потому и наддачу жалованья производить. Кланяться Северину отъ Брайко и министру.— Также и отъ Григорья Павловича Кондоиди. (Сказать Матюшкину что родные его на Острову Васильевскомъ всѣ здоровы. Северину поклонъ отъ сестры). Архивъ иностранныхъ дѣлъ кол. въ Москвѣ у Покровскихъ воротъ.

Имена разныхъ мнѣ знакомыхъ:

Василій Григорьев. Приклонской, прокуроръ въ Твери, жена его Мавра Ивановна. Друковцовъ живетъ въ Москвѣ подлѣ Покровскихъ воротъ у Введенія въ Борашахъ въ дегтярномъ переулкѣ въ домѣ Анфимовой, а въ деревнѣ за городомъ Можайскимъ въ 30 верстахъ, деревня Желоменна.

Павиліоны давать только тѣмъ, кои точно доказать могутъ что они россійскіе подданные.

Спросить у министра, рапорты ли или доношенія въ коммерцъ-коллегію посылать мнѣ должно... Для И. А. Ганнибала выслать хорошія вина... Для двора прислать также сѣмена разныя. Собрать въ Смирнѣ разное анатольское дерево, лавы, мраморы, кораллы, изъ коихъ не худо и ко двору посылать. Драгогомана взять въ Смирну стараться Равича. О Таинѣ (?) спросить министра и стараться его получить. Сказать Якову Ивановичу отъ Ивана Абрамовича, что теперь ожидаетъ онъ только его извѣстія въ разсужденіи здѣшнихъ обстоятельствъ. Что Ив. Абрамовичъ пропускаетъ теперь еще безъ вида изъ Царяграда, потому что тамъ благополучно; но что впредь отпускалъ бы Як. Ив. съ видами пріѣзжающихъ кораблей въ Херсонъ. Да и вездѣ, гдѣ консулы есть, чтобъ имъ право дано было давать виды.

Получающіе въ Смирнѣ Турки право вольности и протекціи Рос: называются Баратлы. Къ пріятелямъ моимъ отписать чтобъ больше старались торговлю вести пенькою нежели канатами черезъ Черное море. Въ коммерцъ-коллегію писать же доношеніями, равно какъ и въ иностранную. Чтобы купцы нагружающіе товары въ вѣсѣ не теряли, потому что фунтъ напр. въ одной

Польши дубовый, а изъ Брянска сосновый и словый водою и сухимъ путемъ.

21-го числа, іюля по полудни въ 6 часовъ, поѣхалъ я шлюбкою на яхту, назначенную для отвезенія меня въ Смирну, которая дожидалась меня подъ Глубокимъ[1], въ 35 верстахъ отъ Херсона. Мѣсто сіе слобода, гдѣ снаряжаютъ корабли, приведенные изъ Херсона на камеляхъ за мелкостію Днѣпра въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Иныя мѣста глубиною только въ 6 футовъ. Тутъ же и брандвахта. Камандиръ на моей яхтѣ былъ капитанъ лейтенантъ Яковъ Ивановичь Лавровъ. 23 числа въ 9 часу поутру снялась яхта съ якоря противъ Глубокаго и прошла вѣтромъ до слободы называемой Станиславъ, разстояніемъ отъ Херсона 42 версты, гдѣ за противностію вѣтра стали на якорь, и переночевали. 24 поутру, въ 4 часа по полуночи, снялись съ якоря и дошли боковымъ вѣтромъ до Очакова въ 12 часовъ по полуночи, останови лись за противною погодою противъ самаго города въ устьи между Очаковымъ и Кинбурномъ: вѣтръ сей затѣмъ служить не могъ, что надлежало отъ Очакова поворотить влѣво а вѣтеръ былъ сюдовой.

Отъ Станислава до Очакова моремъ 45 верстъ. 25 шли отъ Очакова завозомъ во весь день чтобы пройти мысы. 26 поутру въ 4 часа благополучнымъ вѣтромъ снявшись съ якоря, пошли въ путь; но вѣтръ сей продолжался только до полденъ; потомъ сдѣлалось тихо, а подъ вечеръ былъ опять противный, такъ что должно было итти реями. Наконецъ 4 числа Августа прибыли въ 12 часовъ по полуночи въ предмѣстіе цареградское называемое Буюкъ-дире, мѣсто, гдѣ лѣтомъ всѣ министры иностранные въ загородныхъ дачахъ живутъ. Здѣсь должно о каналѣ, соединяющемъ Черное море съ Мраморнымъ и Мраморное съ Средиземнымъ, упомянуть, какъ о вещи, которую природа дѣйствительно для удивленія и пораженія произвела: величественнѣе сего вида, какой каналъ сей

[1] (Примѣч. Хемницера:) Городу Херсону назначено было быть тутъ, гдѣ пристань Глубокая, и разбитъ уже былъ; но послѣ отмѣнено то мѣсто.

октябрѣ, нашелъ я уже въ большомъ успѣхѣ хотя онъ третій только годъ какъ заложенъ генераломъ Иваномъ Авpамовичемъ Ганнибаломъ, на степи бывшей Запорожской Сѣчи, коей слѣды, по необитаемости людей отъ Кременчуга до Херсона, еще и теперь видны; но городъ Херсонъ успѣхами своими, какъ крѣпостью, такъ и строеніемъ въ самой крѣпости и въ предмѣстіяхъ, что̀ все съ конца въ конецъ вдоль Днѣпра считается на семь верстъ, заставляетъ о степи этой забыть. Домовъ каменныхъ изъ тесанаго бѣлаго камня, который изъ-за нѣсколько верстъ въ верхъ по Днѣпру достаютъ, построено множество и довольно большіе. Магазейны всѣ также, какъ для крѣпости, такъ и для флота, построены изъ того же камня, а иные изъ кирпича. На штапелѣ было 6 кораблей линейныхъ больше и меньше готовыми. Нѣсколько фрегатовъ было уже на водѣ. Въ 1781 г. спущенъ первый на Херсонскомъ штапелѣ построенный линейный 60 пушекъ корабль Бористенъ, но отправленный въ море и доходившій до Марсели, будучи Фалѣеву препорученъ подъ именемъ купеческаго корабля, затѣмъ что въ трактатѣ съ Турками военнымъ проходить каналъ не позволено. Садовъ какъ подъ городомъ, такъ и при загородныхъ дворахъ разводится много, и деревья, даже и виноградъ, кажется довольно хорошо принимаются. Карантинный домъ, подъ самымъ городомъ построенный, требуетъ по хорошему своему расположенію вниманіе. Въ 15 верстахъ отъ города дача генерала Ганнибала, Бѣлозерки, мѣстоположеніе имѣетъ чрезвычайное въ разсужденіи воды. Строеніе еще не окончено. Между прочимъ сдѣлана тутъ машина водяная для поливанія сада, весьма хорошей выдумки. Воду подымаютъ въ бассейнъ насосами, а оттуда уже пускаютъ ее въ каменные жолобы, наружи вдоль кварталовъ сада расположенные, изъ коихъ вода, будучи въ боковыя въ нихъ проверченныя скважины въ садъ пущена, понимаетъ кварталы сада. Сверхъ того сдѣлать назначено фонтанъ изъ того же бассейна, который, какъ сказывалъ мнѣ генералъ, бить будетъ на двѣ сажени. Мѣстоположеніе сего увеселительнаго дома и сада на горѣ. Лѣсъ для корабельнаго строенія и проч. привозятъ изъ

Польши дубовый, а изъ Брянска сосновый и еловый водою и сухимъ путемъ.

21-го числа, іюля по полудни въ 6 часовъ, поѣхалъ я шлюбкою на яхту, назначенную для отвезенія меня въ Смирну, которая дожидалась меня подъ Глубокимъ[1], въ 35 верстахъ отъ Херсона. Мѣсто сіе слобода, гдѣ снаряжаютъ корабли, приведенные изъ Херсона на камеляхъ за мелкостію Днѣпра въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Иныя мѣста глубиною только въ 6 футовъ. Тутъ же и брандвахта. Камандиръ на моей яхтѣ былъ капитанъ лейтенантъ Яковъ Ивановичь Лавровъ. 23 числа въ 9 часу поутру снялась яхта съ якоря противъ Глубокаго и прошла вѣтромъ до слободы называемой Станиславъ, разстояніемъ отъ Херсона 42 версты, гдѣ за противностію вѣтра стали на якорь, и переночевали. 24 поутру, въ 4 часа по полуночи, снялись съ якоря и дошли боковымъ вѣтромъ до Очакова въ 12 часовъ по полуночи, остановились за противною погодою противъ самаго города въ устьи между Очаковымъ и Кинбурномъ: вѣтръ сей затѣмъ служить не могъ, что надлежало отъ Очакова поворотить влѣво а вѣтеръ былъ сюдовой.

Отъ Станислава до Очакова моремъ 45 верстъ. 25 шли отъ Очакова завозомъ во весь день чтобы пройти мысы. 26 поутру въ 4 часа благополучнымъ вѣтромъ снявшись съ якоря, пошли въ путь; но вѣтръ сей продолжался только до полденъ; потомъ сдѣлалось тихо, а подъ вечеръ былъ опять противный, такъ что должно было итти реями. Наконецъ 4 числа Августа прибыли въ 12 часовъ по полуночи въ предмѣстіе цареградское называемое Буюкъ-дире, мѣсто, гдѣ лѣтомъ всѣ министры иностранные въ загородныхъ дачахъ живутъ. Здѣсь должно о каналѣ, соединяющемъ Черное море съ Мраморнымъ и Мраморное съ Средиземнымъ, упомянуть, какъ о вещи, которую природа дѣйствительно для удивленія и пораженія произвела: величественнѣе сего вида, какой каналъ сей

[1] (Примѣч. Хемницера:) Городу Херсону назначено было быть тутъ, гдѣ пристань Глубокая, и разбитъ уже былъ; но послѣ отмѣнено то мѣсто.

имѣетъ, едва ли гдѣ на земномъ шарѣ найти можно. Подъѣзжая моремъ верстъ за сто начинаютъ уже показываться страшныя тѣ возвышенія и горы, съ обѣихъ сторонъ его вмѣщающія. Чѣмъ ближе, тѣмъ явственнѣе открываясь, встрѣтятся во-первыхъ крѣпости, или такъ-называемыя Дарданеллы, на устьѣ канала съ обѣихъ сторонъ построенныя съ ихъ маяками. Потомъ, въѣзжая уже въ самый каналъ по обѣимъ сторонамъ, при встрѣчѣ новыхъ крѣпостей, коихъ всего шесть до Буюкъ-дире и каждая иначе построена (надобно знать, что на турецкую стать, каковы напримѣръ старинныя русскія или готическія крѣпости бывали, то-есть, каменныя стѣны, выведенныя вверхъ по горѣ амфитеатромъ, въ два и въ три яруса пушки, коихъ лафеты совершенно съ ихъ пушками неподвижные) — представляются вдоль всего канала, который идетъ колѣнами, отъ колѣна до другого версты по двѣ, по три, и больше, и меньше, увеселительные домы съ цѣлыми селеніями и садами по досягающимъ почти до облаковъ возвышеніямъ, ниже и выше по нихъ разсѣяннымъ. При каждомъ поворотѣ канала сцена вообще перемѣняется и все величественнѣе становится. Горы, изъ-за горъ видимыя, больше и меньше ясны за воздухомъ, по мѣрѣ большей или меньшей отдаленности, кажутся безпрерывно продолжающимися. Словомъ, кажется, что природа въ разсужденіи величественнаго и разнообразіемъ поражающаго вида, всѣ свои силы истощила на сіе мѣсто. Сады, по чрезвычайной величинѣ кедровыхъ, а особливо кипарисныхъ деревъ и даже лавровыхъ, кажется, существованіемъ своимъ напоминаютъ о перваначальныхъ временахъ міросозданія. Широта канала при устьѣ съ черноморской стороны около четырехъ верстъ, а потомъ далѣе $1/_3$, $1/_2$ версты и около; глубина на серединѣ въ 40, 50 и 60 саженъ. Принадлежащій домъ и садъ россійскому министру превосходитъ всѣхъ прочихъ огромностію и великолѣпіемъ; мѣста подъ садомъ и домомъ считается 52,700 квадратныхъ пиковъ, а въ каждомъ полагается 1 съ $1/_4$ аршинъ. Садъ весь и сей простирается по возвышеніямъ, дѣлая разные по всѣмъ высотамъ повороты, или, лучше сказать, амфитеатромъ

расположенъ; каждый уступъ поддерживается каменнымъ контрафорсомъ. Въ семъ-то саду, въ одномъ мѣстѣ, четырнадцать вмѣстѣ выросшихъ лавръ, которые около корня обложены кругомъ каменною лавочкою, величины такой, что на строевой лѣсъ годны быть могли бы, если бы кто Геростратовъ поступокъ повторить хотѣлъ. Мнѣ кажется что россійскимъ словомъ Царьградъ все сказано, что только сказать о такомъ мѣстѣ можно: но, по нынѣшнему строенію и образу жизни людей, можно справедливѣе сказать Царь-мѣсто.

Яковъ Ивановичъ сказывалъ мнѣ что процентовъ съ капитала у Турокъ брать въ обыкновеніи нѣтъ. Естьли домъ сгоритъ отъ постояльца, постоялецъ за него не платитъ. Il 7 ho pranzato da il signor ambasciadore di Venezia Garzoni. Il 8 sono stato di fare un giro col sign. Severin, secretario di nostro ambasciadore, per veder le aquedotte presso di Boujoucdyre fatte delle Grecque, che conduron le aque per Const. da un luogo il quale si chiama Pirgos. Questo acquedotto est sostenuto per 20 archi alti di 5 ovvero 6 pertice[1]. — числа поѣхалъ я изъ Буюкъ-дере съ Ив. Ив. Севериным, секретаремъ посольства и съ однимъ алмазныхъ дѣлъ мастеромъ, итальянцемъ г. Виченціемъ на турецкой лодкѣ въ городъ подъ вечеръ, чтобы по причинѣ рамазана видѣть городъ или, лучше сказать мечети освѣщенными плошками или фонариками. См. о семъ письмо къ Н. А. Львову писанное.

4-го числа сентября ѣздилъ я верхомъ съ Ив. Ив. Севериным къ англинскому купцу Gimes въ Бѣлградъ а оттуда всѣ поѣхали въ деревню Пиргосъ въ 20 верстахъ отъ Буюкъдере, чтобы видѣть тамъ Римлянами при царѣ Юстиніанѣ построенные водоводы, коимъ я имѣю рисунокъ отъ Ив. Ив. Северина.

[1]) Эти строки, показывающія порядочное, ходя и неполное знакомство съ итальянскимъ языкомъ, въ переводѣ значатъ: 7-го обѣдалъ я у г. венеціанскаго посланника Гарцони. 8-го сдѣлалъ прогулку съ г. Севереным, секретаремъ нашего посланника, чтобъ взглянуть на водопроводы, построенные Греками и доставляющіе въ Константинополѣ воду изъ мѣста, называемаго Пиргосъ. Этотъ водопроводъ поддерживается 20-ю арками вышиною въ 5 или 6 пертикъ.

Сіи водоводы отмѣнны отъ прочихъ, коихъ около Пиргоса еще больше и пространнѣе сего, такъ что арковъ до шестидесяти имѣютъ, однако въ одинъ только рядъ, а римскіе и въ три ряда: къ тому же въ римскихъ ходить можно помощію лѣстницъ, внутри изъ одного ряда сводовъ въ другой провождающихъ; а въ другихъ нѣтъ. Водоводы сіи существованіемъ своимъ, почти невѣроятнымъ, одолжены римскому имени, ибо ихъ съ тѣхъ поръ почти не починивали. Вода, по верху ихъ текущая и капающая по стѣнамъ, и между камней по сводамъ пробивающаяся, составила во многихъ мѣстахъ цѣлыя глыбы stalactita или капельника, коего я глыбу съ собою взялъ. Прочіе дни былъ я званъ съ министромъ нашимъ на обѣды къ иностраннымъ министрамъ.

Наконецъ 9 числа сентября, по полудни въ 6 часовъ, снялись мы съ якоря, отдавъ министру честь 7-ю выстрѣлами пушечными съ яхты, коей по имянному повелѣнію изъ Херсона въ Смирну меня довесть должно было. Пошли въ путь; но вѣтеръ не долго продолжился, и мы, дошедъ до половины дороги отъ Буюкъ-дере къ Цареграду, остановились. 10-го поутру, снявшись съ якоря, дошли до Царяграда и остановились противъ Перы, гдѣ и переночевали. Будучи обеспокоенъ моремъ, сошелъ я поутру 11 числа съ яхты въ министерскій домъ, и къ вечеру возвратился опять на яхту. 12-го поутру пошли мы опять въ путь и прошли уже столько Бѣлымъ моремъ[1], что Царьградъ почти изъ виду потеряли, но сдѣлавшаяся съ полденъ противная погода возвратила насъ опять къ Семи башнямъ, куда дошедъ подъ вечеръ, остановились, и простояли 13 число. Съ 14 поутру, рано снявшись съ якоря, шли все однимъ вѣтромъ, пока 15 ввечеру въ 8 часовъ пришли къ предпослѣднимъ Дарданеламъ, гдѣ и остановились, потому что надлежало дождаться осмотру отъ Турокъ, которые на другой день утромъ пріѣхали: тутъ же забрали свѣжую воду и запаслись хлѣбомъ, виноградомъ и пр., и въ 12 часовъ по полуночи того 16 пошли далѣе. По полудни въ 5 часовъ дошли до берега славной Трои,

[1] Т. е. Архипелагомъ; см. прим. на стр. 57.

противъ которой на другой сторонѣ островъ Тенедосъ. Признаться что, поравнявшись противъ мѣста, гдѣ Троя стояла, хотя нынѣ и слѣдовъ ея нѣтъ, исключая части стѣны съ воротами и 2-хъ или 3-хъ при ней башенъ (что считаютъ не остаткомъ Трои, а построеннымъ послѣ), не безъ движенія я остался. Того же числа ввечеру въ 7 часовъ дошли до мыса Бабы, гдѣ и цитадель небольшой построенъ противъ острова Митилены, и легли на якорь. 17 поутру снялись съ якоря; и хотя намѣреніе было пройти о. Митилене съ лѣвой стороны, считая отъ мыса Бабы; но вѣтеръ не позволилъ, и должно было итти вправо. Наконецъ, 20 числа того же сентября, прибыли въ 2 часа въ Смирну. Первый корабль цесарскій купеческій выпалилъ 5 выстрѣловъ, и мы отвѣчали 3-мя, потому что онъ только купеческій, а естьли бы онъ былъ военный, то бы тѣмъ же числомъ. Потомъ салютацію дѣлали и всѣ прочіе.

NB. 9-го числа родился у султана сынъ, и была во время нашей стоянки противъ Царяграда съ крѣпостей, и съ литейной части пальба.

NB. Видѣлъ я въ Царѣградѣ домъ, гдѣ жилъ графъ Бонневаль[1], а погребенъ онъ въ саду другого дома и надъ гробомъ его выросли 4 кипариса.

ЗАПИСКИ СМИРНСКІЯ.

При началѣ прошедшей съ Турками войны, Турки столько заражены собою были, что между прочимъ старики при костыляхъ съ однимъ только пистолетомъ бѣжали на войну противъ Русскихъ, съ тѣмъ чтобъ ихъ побрать живыхъ, какъ куръ на гнѣздѣ. Дру-

[1] Bonneval, родственникъ Бурбоновъ (р. 1675), служилъ сперва съ отличіемъ во французской арміи, но бывъ приговоренъ къ смертной казни за оскорбленіе начальника, бѣжалъ въ Австрію, гдѣ въ войнѣ съ Франціею достигъ высшихъ чиновъ; однакожъ по новымъ служебнымъ неудовольствіямъ онъ былъ изгнанъ и удалился въ Константинополь; тамъ онъ принялъ исламъ и подъ именемъ Ахметъ-паши участвовалъ въ войнѣ съ Россіей и съ Персіей, но опять подвергся ссылкѣ; умеръ въ Константинополѣ въ 1747 году.

гіе брали съ собой даже веревки, чтобы всѣхъ перевязавъ, заживо привесть какъ невольниковъ, спрашивая образомъ договора смирнскихъ жителей, сколько кто привесть велитъ. Когда флотъ нашъ истребилъ турецкій, тогда затопили европейскія націи корабли передъ заливомъ смирнскимъ, числомъ до 12, чтобъ воспрепятствовать входъ нашему флоту, думая что онъ и до Смирны дойдетъ. Въ 1783 году, когда въ Смирнѣ перепись всѣмъ янычарамъ была, то нѣкоторые, боясь войны съ Русскими (изъ янычаръ даже), уходили изъ Смирны тихонько въ другія мѣста, дабы въ случаѣ войны не итти въ походъ. Вотъ какая перемѣна въ Туркахъ сдѣлалась!

Секретарь посольства венеціанской республики въ Царѣградѣ имѣетъ, служа, ту выгоду что каждый годъ его пребыванія въ Царѣградѣ замѣняется ему за три. Вотъ каково Венеціане о житьѣ турецкомъ думаютъ!

Anecdote sur la peste du Levant, comme on me l'a racontée à Smyrne.

La peste de Constantinople ne prend pas à Smyrne, comme celle de Smyrne ne prend pas non plus dans des pays plus chauds. On veut donc avoir abservé que la peste des pays chauds prend toujours sur les pays plus froids. Encore croit-on avoir observé que plus on est du nord, moins on est sujet d'être affecté par la peste, excepté quand on est déjà acclimaté, pour ainsi dire, après un séjour de 10 à 20 années: les Français sont quelquefois attaqués, aulieu qu'on ne se souvient pas avoir vu un Hollandais ou un Anglais dans le cas[1]!

[1] Переводъ:

Анекдотъ о левантской чумѣ, слышанный мною въ Смирнѣ.

Константинопольская чума не заразительна въ Смирнѣ, какъ и смирнская не заразительна въ странахъ болѣе теплыхъ. Увѣряютъ, будто чума теплой мѣстности всегда заражаетъ мѣста болѣе холодныя. Еще утверждаютъ, что чѣмъ кто далѣе съ сѣвера, тѣмъ онъ менѣе подвергается заразѣ, исключая когда онъ уже успѣлъ акклиматизироваться, послѣ 20-ти или 30-ти лѣтняго пребыванія въ чумномъ краѣ: Французы иногда зачумляются, тогда какъ никто не помнитъ, чтобы то же самое когда-либо случилось съ Голландцемъ или Англичаниномъ.

Sur l'insensibilité.

Un quelqu'un français à qui je propove de faire voir le plan de la capitale de sa patrie, laquelle il ne connaissait pas, au lieu d'être ravi de plaisir de la voir, me répond, pour tout autre sentiment, par un demandant «oui?» Jugez par ceci de la complexion des habitants de Smyrne sur le reste. Est-il possible de ne pas mourir sur la place par la seule colère de voir tant de figures animales, bêtes, insensibles et stupides? Voilà un seul cas, mais applicable par sa nature sur tout le reste. Moi, si ce n'est pas par curiosité, au moins par attachement pour ma patrie, j'aurais tressailli de joie; je serais devenu à mi-fou pour la seule chose de l'homme qui m'aurait procuré un plaisir semblable. Moi qui vois le plan de la ville de Paris, outre le motif d'intérêt pour cette ville, la connaissant, encore par celui de faire plaisir à d'autres à qui je la ferais voir; voilà comme je raisonnais d'avance, étant encore à quelques mille de lieues de l'endroit où je devais faire ce plaisir; mais mon raisonnement, cause de ma sensibilité et sentiments pour toutes choses, le voilà fort mal recompensé. Je crus d'abord que cet homme automate ne m'avait pas bien compris: je répète ce que je venais de lui dire, il m'entend très-bien, mais il ne me répond pas mieux pour la seconde fois qu'il n'avait fait pour la premièrè[1].

---

[1] **О безчувственности.**

Я предложилъ одному французу показать ему планъ столицы его отечества, которой онъ не зналъ; вмѣсто того чтобъ быть въ восхищеніи отъ удовольствія увидѣть ее, онъ отвѣчалъ мнѣ, въ замѣнъ всякаго другого чувства, вопросительнымъ *да?* Судите же по этому о настроеніи смирнскихъ жителей во всякомъ другомъ дѣлѣ. Можно ли не умереть на мѣстѣ отъ одной досады видѣть столько фигуръ животненныхъ, глупыхъ, безчувственныхъ и тупыхъ? Это одинъ только случай, но примѣнимый, во своей сущности, ко всему остальному. Я, еслибъ не изъ любопытства, то по крайней мѣрѣ по привязанности къ своему отечеству, я бы затрепеталъ отъ радости; я чуть не сошелъ бы съ ума отъ одной встрѣчи съ человѣкомъ, который бы доставилъ мнѣ такое удовольствіе. Я, видя планъ Парижа, — не только по интересу къ этому городу, который я знаю, но и по возможности сдѣлать удовольствіе тѣмъ, кому покажу его, — я размышлялъ такъ заранѣе, когда былъ еще за нѣсколько тысячъ миль отъ мѣста, гдѣ долженъ былъ сдѣлать это удовольствіе; но мое размышленіе, слѣдствіе моей чувствительности и сочувствія ко всему, плохо было вознаграждено. Я сначала думалъ, что этотъ человѣкъ-автоматъ меня не понялъ: я повторилъ то, что сказалъ ему, но онъ и во второй разъ отвѣчалъ мнѣ не лучше перваго...

КЪ ИСТОРІИ КРИТИЧЕСКОЙ ОЦѢНКИ ХЕМНИЦЕРА.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ О БАСНЯХЪ И СКАЗКАХЪ ХЕМНИЦЕРА.

С.-Петербургскій Вѣстникъ 1780 г., сентябрь, стр. 223. Передаемъ по поводу 1-го изданія басенъ Хемницера цѣликомъ помѣщенную здѣсь краткую замѣтку: «Хотя мы и имѣемъ нѣкоторыя уже сего рода на нашемъ языкѣ сочиненія, но сколь иныя изъ нихъ, кромѣ С... (*Сумарокова*) въ сравненіи съ настоящимъ посредственны: одни изубилуя лишь вялымъ слогомъ не довольно въ себѣ того имѣютъ, что должны имѣть, а другія кромѣ названія ничего; сіе напротивъ того, кажется намъ, изобилуетъ всѣмъ тѣмъ, что достоинство и пріятность басень и сказокъ составляетъ». Затѣмъ въ видѣ образцовъ приведены двѣ басни: *Крестьянинъ съ ношею* и *Баронъ*.

Благонамѣренный 1818 г., январь, стр. 118 — 128. Разборъ басни *Воля и Неволя*, которую рецензентъ (А. Измайловъ) считаетъ лучшею изъ басенъ Хемницера. Въ концѣ статьи общій отзывъ о его басняхъ: «Многіе обвиняютъ его въ томъ, что большая часть стиховъ въ Басняхъ его и Сказкахъ оканчиваются глаголами; что онъ по примѣру Сумарокова и прочихъ прежнихъ нашихъ баснописцевъ употреблялъ часто безъ нужды непріятные для слуха одно-

стопные стихи и что наконецъ нѣтъ у него той возвышенной поэзіи или стихотворной живописи, какою плѣняетъ насъ Лафонтень, Дмитріевъ и Крыловъ. Все это справедливо; но Хемницеръ имѣетъ самое главное и существенное достоинство баснописца-поэта: *простодушіе* (la naïveté). Если бы онъ при своемъ плѣнительномъ простодушіи одаренъ былъ столь же сильнымъ и пламеннымъ чувствомъ какъ Дмитріевъ; если бы владѣлъ подобно ему животворною кистью поэзіи и съ такимъ же тщаніемъ и вкусомъ обработывалъ свои стихи: то я не усумнился бы назвать его вторымъ Лафонтеномъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что Хемницеръ первый началъ у насъ писать въ стихахъ настоящимъ простымъ слогомъ въ то время, когда языкъ не былъ еще очищенъ и когда не имѣли понятія о хорошей версификаціи. Удивительно, какъ онъ могъ, безъ основательнаго ученія словесности и безъ образцовъ на отечественномъ языкѣ, достигнуть совершенства въ столь трудномъ родѣ стихотвореній, какимъ признается басня, получившая отъ Лафонтена новую форму. Разсказъ у Хемницера безподобенъ: нигдѣ почти у него не видно принужденія; кажется, что онъ писалъ безъ всякаго труда и невольно забавлялъ читателей своею простотою; но сія-то мнимая простота (bonhomie) или правильнѣе *простодушіе* есть въ Баснѣ и Сказкѣ верхъ дарованія и искуства».

Благонамѣренный 1820, мартъ, № 5 стр. 345—350. По поводу 5-го изданія, 1820 года. Статья, написанная издателемъ журнала, Измайловымъ, начинается краткимъ обозрѣніемъ прежнихъ четырехъ изданій басенъ. Упомянувъ о третьемъ (1799 г.), авторъ говоритъ: «Съ сего только времени Хемницеръ сдѣлался извѣстнымъ публикѣ: прежніе наши *словесники* превозносили похвалами нескладныя и отвратительныя притчи Сумарокова, а никто изъ нихъ не написалъ ни слова о Хемницерѣ, который простодушіемъ своимъ (naïveté) ближе всѣхъ прочихъ подошелъ къ Лафон-

тену... Сіе третіе изданіе дополнено и исправлено, какъ я слышалъ, по собственной рукописи сочинителя[1], найденной уже по смерти въ его бумагахъ». Относительно новаго изданія Измайловъ между прочимъ замѣчаетъ: «По просьбѣ издателей и изъ почтенія къ памяти Хемницера, принялъ я на себя обязанность просматривать корректуру сего новаго пятаго изданія и осмѣлился поправить нѣкоторыя очевидныя ошибки въ стихахъ любезнаго нашего баснописца[2]. Надѣюсь, что умные люди и тѣнь добродушнаго Хемницера не поставятъ мнѣ сего въ вину: маловажныя перемѣны, сдѣланныя мною въ стихахъ его, означены при концѣ книжки.» Послѣ нѣсколькихъ словъ о приложенныхъ къ изданію портретѣ и виньетахъ, помѣщенъ почти слово въ слово тотъ же отзывъ о Хемницерѣ, который уже былъ напечатанъ въ *Благонамѣренномъ* 1818 года (см. выше).

Литературная Газета 1830, № 45, стр. 71. Краткое заявленіе объ изданіи 1830, М. тип. Степанова: «Одна отмѣтка въ заглавіи требуетъ поясненія для тѣхъ читателей, коимъ не извѣстны всѣ уловки и замашки нѣкоторыхъ *продавцовъ книжнаго ума*. «Печатано съ изданія 1820 года безъ исправленій» значитъ, что одинъ изъ сихъ господъ взумалъ когда-то издавать умершихъ поэтовъ нашихъ, въ томъ числѣ Хемницера, съ чужими поправками[3]. Пожелаемъ, чтобы впредь не было подобныхъ предпріятій, или, лучше сказать, покушеній.»

Библіотека для Чтенія 1836, т. XVI, отд. VI, стр. 19. По поводу изд. 1836, М. тип. Пономарева: «Добрый, умный Хемницеръ! между тѣмъ какъ нашъ современный сорь печатается на веленевой бумагѣ и крадется въ кабинеты и гостиныя, тебя печатаютъ за угломъ, на оберточной бума-

---

[1] Выше уже показано, что этотъ слухъ былъ несправедливъ.

[2] Объ этомъ ср. выше, стр. 299, замѣчаніе Сахарова. Главныя изъ поправокъ Измайлова указаны въ нашемъ изданіи.

[3] Намекъ на Измайлова, см. выше.

женкѣ, уродливо, съ ошибками, и продаютъ по толкучимъ рынкамъ. Не жалуйся, добрый Хемницеръ! Учи, пока, русское простонародье: ума у тебя не отнимутъ и дурацкимъ колпакомъ, а мы ручаемся, что твоя череда на славу еще придетъ: когда нибудь растолкуютъ тебя порядочнымъ людямъ; когда-нибудь докажутъ, что твои басни безсмертны,— и тебя напечатаютъ великолѣпно, и тебя поставятъ рядомъ съ лучшими изданіями русскихъ писателей. Это непремѣнно сбудется. Покамѣстъ терпи, Хемницеръ,—атаманъ будешь».

Библіотека для Чтенія 1837, т. XXIV, отд. V, стр. 25—52. По поводу изданія 1837, М. съ порт. авт. Статья Н. Полеваго съ подробной оцѣнкой Хемницера, впослѣдствіи перепечатанная авторомъ въ *Очеркахъ русской литературы*, Спб. 1839, ч. 1, стр. 383—412. По мнѣнію Полеваго, Хемницеръ еще «не оцѣненъ надлежащимъ образомъ; это былъ проблескъ дарованія необыкновеннаго, которое къ несчастію не успѣло развиться вполнѣ», между тѣмъ какъ «по таланту, должно поставить Хемницера рядомъ съ Дмитріевымъ и Крыловымъ и причислить къ разряду немногихъ, прекрасныхъ и утѣшительныхъ феноменовъ въ нашей словесности». Послѣ разсужденія о сущности и исторіи аполога у всѣхъ народовъ, слѣдуетъ характеристика Крылова, а затѣмъ переходъ къ Хемницеру: «Былъ на Руси человѣкъ, также мудрецъ и поэтъ, забытый всѣми, неоцѣненный, который можетъ почесться достойнымъ соперникомъ Крылова и быть смѣло поставленъ на ряду съ нимъ: этотъ человѣкъ былъ Хемницеръ». Далѣе замѣчено, что его басни «должны быть такою же народною книгою какъ басни Крылова: онѣ могутъ выдержать судъ самый строгій, особливо если сообразить, что Хемницеръ принадлежалъ еще ко временамъ Ломоносовскимъ... Уже въ 70-хъ годахъ онъ постигъ тайну настоящаго перевода апологовъ. Читая его *Зеленаго осла*, его *Медвѣдя-плясуна*, не вѣрится, чтобы это былъ переводъ, и переводъ, которому 60 лѣтъ. Вообще нельзя не уди-

вляться языку и легкости стиховъ Хемницера, живости его разговора, искуству его въ описаніяхъ. Весьма многія басни, съ начала до конца, выдержаны мастерски, изумительно. Прочтите: *Два сосѣда*, *Лжецъ*, *Медвѣдь-плясунъ*, *Орлы*, *Богачъ и бѣднякъ*, *Львиный совѣтъ*, *Хитрецъ*, *Домовой*, *Зеленый осель*, *Воля и неволя*, *Лисица и сорока*, *Левъ*, *Поборъ львиный*, *Привилегія*, *Метафизикъ*, *Мартышка*». Для примѣра выписаны басни: *Хитрецъ* и *Львиный совѣтъ*. «Но Хемницеръ превосходитъ даже самого Крылова въ этомъ зломъ простодушіи, въ этой зацѣпкѣ мимоходомъ, которую онъ бросаетъ такъ легко, нечаянно, добродушно, что не возможно не подивиться чудному искуству поэта. Примѣры этому находятся почти въ каждой баснѣ», и за тѣмъ приведено большое число такихъ примѣровъ. «Рѣшительно, басни Хемницера являютъ образецъ истинно народнаго русскаго аполога до Крылова; до Крылова этотъ чудесный поэтъ уже превосходно постигалъ тайну руссизмовъ... Хемницера можно упрекнуть въ одномъ только: у него не было еще того полнаго, веселаго русскаго разгула, той русской беззаботности, въ которыхъ такъ неподражаемъ Крыловъ... На немъ примѣтны мѣстами слѣды оковъ классическихъ... Слухъ нашъ оскорбляется еще иногда словами, уже вышедшими изъ употребленія и изрѣдка старинною манерою стиха; но вспомните жизнь Хемницера, вспомните время, когда онъ жилъ, и то что у него не было образцовъ! Крыловъ уже не могъ не знать басенъ Хемницера. Русскій народъ, кажется, отгадалъ наконецъ Хемницера, и если молчатъ судьи словесности, за то лучшій критикъ басенъ, народъ, начинаетъ цѣнить ихъ по достоинству. Онъ уже усвоилъ ихъ себѣ. Между тѣмъ какъ басни Крылова не могутъ довольно напечататься великолѣпными и разнообразными изданіями, Хемницера также стали печатать безпрестанно, покамѣстъ для простонародья. Въ три послѣдніе года мы видѣли съ полдюжины изданій его басенъ. Къ сожалѣнію, эти

изданія очень плохи, съ ошибками, на сѣрой бумагѣ. Бѣдный Хемницеръ! Неужели не найдется никого между русскими книгопродавцами, кто бы поклонился тѣни поэта изданіемъ, достойнымъ его высокаго, удивительнаго таланта?»

Библіотека для Чтенія 1838, т. XXVIII, отд. VI, стр. 37—39. По поводу изд. Кузнецова 1838, М. тип. Смирнова: «Басни Ивана Хемницера съ портретомъ автора: издатель называетъ это портретомъ! Но несправедливо было бы, упомянувъ о портретѣ, умолчать о біографіи Хемницера, которою г. Кузнецовъ обогатилъ свое изданіе, и безъ того уже богатое типографическими красотами». Затѣмъ слѣдуетъ шуточное изложеніе фактовъ этой біографіи, пересказанныхъ, съ измѣненіемъ выраженій, по первоначальному очерку 1-го посмертнаго изданія.

Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду 1837, № 48, стр. 475. По поводу трехъ изданій басенъ Хемницера, напечатанныхъ въ Москвѣ въ 1836 году («но всѣ съ ошибками») выражено желаніе, чтобы онѣ вновь изданы были «съ примѣчаніями, объясненіями, варіантами и критическою оцѣнкою писателя»....

— 1838, № 28, стр. 549. По поводу изд. Сахарова, Спб. 1838, критическая замѣтка: «Мы не много можемъ насчитать примѣровъ въ нашей литературѣ, чтобы сочиненія писателей *доживали* до двѣнадцатаго изданія. По большей части у насъ достигаютъ многихъ изданій однѣ только учебныя книги; но авторитетъ чисто-литературныхъ сочиненій зависитъ отъ собственнаго ихъ достоинства, отъ оцѣнки публики... Хемницеръ началъ писать свои басни, когда русскій языкъ находился въ странномъ положеніи. Имѣя предъ собою сочиненія своихъ современниковъ, онъ видѣлъ, что для него нѣтъ указателя на Руси и обратился къ чужеземцамъ, Геллерту и Лафонтену. Заимствуя у нихъ однѣ мысли, онъ выражалъ ихъ русскимъ народнымъ языкомъ, и тѣмъ самымъ поставилъ себя выше своихъ современни-

ковъ... Хемницеръ владѣлъ русскимъ языкомъ, какъ природнымъ, зналъ русскіе нравы лучше всякаго туземца и вникалъ въ характеристическія русскія черты тогда еще, когда никто не думалъ о народности... Въ басняхъ Хемницера видите его вѣкъ, видите предъ глазами его современниковъ со всѣми ихъ причудами и страстями. Прочтите его «Метафизика», «Лжеца», «Домоваго», «Львиный поборъ»—и вы увидите всѣ современныя черты. Посмотрите на басню, гдѣ мужикъ ѣдетъ съ возомъ по льду — и сколько найдете тутъ народности. Несмотря на продолжительное забвеніе, которому обреченъ былъ Хемницеръ, онъ является нынѣ передъ нами какъ драгоцѣнный алмазъ, заброшенный и забытый... Было повѣрье, кажется не такъ еще давно, что басни Хемницера годятся только для простонародья, что онѣ не имѣютъ ничего интереснаго; забудемъ эту непростительную холодность, съ какою долго смотрѣли на его басни, и отдадимъ полную справедливость дарованіямъ Хемницера и вниманію русской публики къ его сочиненіямъ. Новое изданіе басенъ Хемницера напечатано самымъ великолѣпнымъ образомъ — на англійской бумагѣ, въ миньятюрномъ видѣ. При книжкѣ приложенъ портретъ Хемницера и картинка къ баснѣ, «Метафизикъ»; оба эти рисунка сдѣланы превосходно г. Селезневымъ».

Сѣверная Пчела 1838, № 176. Краткое порицаніе дурного изданія Кузнецова, М. 1838, тип. Смирнова.

— 1839, № 25. По поводу изданія 1838, Спб. Военная тип., изд. 13-е съ біографіею, написанною К. Полевымъ. Авторъ краткой рецензіи сперва отвергаетъ сравненіе между Хемницеромъ и Крыловымъ, замѣчая: «И Хемницеръ и Крыловъ равно писатели народные, съ самостоятельными дарованіями, съ оригинальнымъ взглядомъ на предметы; каждый изъ нихъ имѣетъ свои высокія достоинства и свои недостатки, и русская литература только и можетъ назвать представителями русской басни сихъ двухъ писателей. Дми-

тріевъ замѣчателенъ совсѣмъ въ другомъ отношеніи... Мы имѣемъ теперь 13-е изданіе Басенъ и Сказокъ милаго, простодушнаго остряка, въ полномъ смыслѣ русскаго, котораго читаешь, не начитаешься. Въ самомъ дѣлѣ, Хемницеръ неподражаемъ по своей наивности и высокъ какъ писатель народный. За нынѣшнее изданіе мы сказываемъ превеликое спасибо книгопродавцу Фарикову, который не пожалѣлъ издержекъ на напечатаніе чрезвычайно красивой книжки съ хорошими картинками и, что всего важнѣе, назначилъ ей самую умѣренную цѣну. К. А. Полеваго душевно благодаримъ за біографію, написанную умно, увлекательно и съ чувствомъ. Эта біографія, по нашему мнѣнію, лучше всѣхъ другихъ знакомитъ читателя съ достоинствомъ Хемницера, какъ поэта. Что касается до его жизни, то ничего не прибавишь новаго къ оставшимся матеріаламъ».

Сынъ Отечества 1838, т. IV, стр. 121. Нѣсколько незначительныхъ словъ по поводу изданій Сахарова и Кузнецова.

— 1838, т. VI, отд. IV, стр. 57. Нѣсколько такихъ же словъ по поводу изданія Фарикова.

— 1839, т. VIII, отд. IV, стр. 87. Тоже по поводу изданія 1839, М. тип. Института Лазаревыхъ.

— 1840, т. III, кн. I, Отд. VI, стр. 167—169. По поводу изданія 1840, М. типогр. Кирилова... «Чѣмъ другимъ, если не внутреннимъ достоинствомъ произведеній автора, заброшеннаго современниками, объяснить благосклонность къ нему потомства? Этотъ цвѣтъ, приданный Хемницеромъ его твореніямъ, не потускнѣлъ и въ наше время, при Крыловѣ, послѣ котораго уже мы болѣе не смѣемъ писать басенъ. Безъ сомнѣнія, у перваго нѣтъ той вѣрности въ аллегоріи, остроумія, той роскоши и картинности въ описаніяхъ, той силы и народности въ разсказѣ—достоинствъ, которыми въ высшей степени отличается послѣдній. Правда и то, что нѣкоторыя басни Хемницера (напр. *Умирающій отецъ*, *Гадатель*, *Отецъ и сынъ*, *Тѣнь мужа и Харонъ*) суть не иное

что какъ болѣе или менѣе остроумныя эпиграммы на счетъ воображаемаго счастія дураковъ и мнимой невозможности супружескаго счастія. Но мы беремся насчитать у него болѣе сорока басенъ (изъ 84-хъ), которыми будетъ довольна самая привязчивая критика. Перечитавъ внимательно Хемницера, она вѣроятно согласится, что языкъ его гораздо чище и легче нежели у всѣхъ прочихъ его современниковъ, писавшихъ въ легкомъ родѣ, всѣхъ, не исключая и Богдановича». Затѣмъ высказана рѣзкая хула московскому изданію за опечатки, безобразіе портрета и картинки.

Литературная газета 1840, № 40. По поводу того же изданія: «Мы не успѣваемъ извѣщать о новыхъ изданіяхъ басенъ Хемницера, которыя появляются если не еженедѣльно, то по крайней мѣрѣ ежемѣсячно въ Москвѣ, и печатаются съ постоянно-неопрятною наружностію въ чудовищной типографіи г. Кирилова. Стало быть, на нихъ есть требованіе, есть расходъ. Гдѣ же эти басни расходятся? Нѣтъ сомнѣнія, между читателями низшаго класса, въ простомъ народѣ. Противъ этого ни слова, и типографія г. Кирилова, въ этомъ отношеніи, вещь не безполезная. Мы бы желали даже, чтобъ и басни Крылова печатались въ этой же типографіи и продавались, такъ же какъ басни Хемницера, по 20 до 40 копеекъ на ассигнаціи: лишь бы читалъ русскій народъ и читалъ хорошее! На этомъ условіи мы готовы помириться даже съ типографіей г. Кирилова».

— 1840, № 18. По поводу изданія 1840 года, М. типографія Н. Смирнова: «Еще изданіе басенъ Хемницера! Сколько же ихъ всѣхъ было? Мы и счетъ потеряли. Впрочемъ, намъ очень нравится, что истинно талантливые наши писатели идутъ болѣе и болѣе въ ходъ: это знакъ добрый. Плохо здѣсь одно: что при всемъ уваженіи къ дарованіямъ, гг. издатели—будь они книгопродавцы, или не книгопродавцы—никакъ не умѣютъ издать хорошей книги добропорядочно и опрятно. Если хороша бумага, печать скверная; хороша

печать, бумага гнусная; то и другое хорошо — нѣтъ ореографіи; нерѣдко случается, что и бумага, и печать, и ореографія рѣшительно никуда не годятся. Вотъ напримѣръ въ новомъ изданіи басенъ Хемницера, почему бы корректору не позаботиться о знакахъ препинанія? » и т. д.

Отечественныя записки 1840, т. X, № 5, Отд. VI, стр. 2—7. По поводу изданій: басенъ Крылова 1840, Спб. тип. Плюшара, и Хемницера 1840, М. тип. Кирилова. Въ обзорѣ исторіи русской басни критикъ говоритъ между прочимъ: «Наконецъ явился талантливый Хемницеръ и написалъ своего превосходнаго *Метафизика*, который и донынѣ и всегда будетъ превосходенъ, какъ ловко написанная эпиграмма; но мы не знаемъ, можно ли одною эпиграммою, хотя бы и отличною, составить себѣ безсмертіе. Кромѣ *Метафизика* Хемницеръ написалъ еще басни двѣ или три, отличающіяся хорошимъ, по тогдашнему, языкомъ и какою-то наивною игривостію ума; потомъ сочинилъ еще басни двѣ или три, примѣчательныя тѣми же достоинствами, но уже съ грѣхомъ пополамъ; потомъ еще десятка два или три басень, въ которыхъ, кромѣ дурнаго языка и отсутствія таланта, ничего не имѣется. Недавно Хемницеръ какъ-то попалъ въ моду; его стали издавать въ Москвѣ и въ Петербургѣ». Затѣмъ говорится съ заслуженною хулою о большей части изданій Хемницера, при чемъ задѣты Сахаровъ и братья Полевые за ихъ біографическія и критическія статьи о баснописцѣ: «Разумѣется, порядочныхъ изданій было по одному въ обѣихъ столицахъ, и потомъ вышло еще нѣсколько площадныхъ, на оберточной бумагѣ, съ лубочными картинками, изъ типографій гг. Кузнецовыхъ и Кирилова. Не помнимъ, къ которому изъ нихъ, впрочемъ кажется къ обоимъ, старые и почтенные литераторы[1], приписали по пре-

---

[1] Здѣсь разумѣются статьи Сахарова и Кс. Полеваго (см. выше, стр. 301 и 414), но онѣ были приложены не къ изданіямъ Кузнецова и Кирилова, а первая — къ изданію самого Сахарова; вторая къ Фариковскому.

дисловію, гдѣ изложили кстати біографію Хемницера и вообще разсуждали о немъ съ приличною важностію, словно о какомъ-нибудь Гомерѣ или Шекспирѣ. Тоже самое учинилъ другой кто-то въ одномъ отставшемъ и мнѣніями и книжками журналѣ [1], помѣстивъ цѣлую статью о Хемницерѣ, которую, для пущей важности, назвалъ «критикою». Что дѣлать? — у взякаго свой герой: Гомеръ пѣлъ героя Ахиллеса, а Виргилій ханжу Энея». Наконецъ замѣчено: «Но какъ бы то ни было, а Хемницеръ все таки удержится въ исторіи нашей литературы, и дѣти никогда не перестанутъ смѣяться отъ его Метафизика. Ужъ за одно тó большая ему честь, что съ него началась русская басня». Статья эта перепечатана въ собраніи сочиненій Бѣлинскаго, ч. IV, М. 1859, стр. 90 и 91.

Отечественныя Записки 1840, т. XIII, № 12, Отд. VI, стр. 27. По поводу изд. 1840, М. тип. университ. «Неужели у него (Хемницера) столько читателей и почитателей, что почти каждый мѣсяцъ надобно готовить новое изданіе?... О нѣтъ. — Тутъ разсчетъ совершенно другой: не требованіе предшествуетъ книгѣ, но книга возбуждаетъ требованія, и притомъ не столько содержаніемъ, сколько дешевою цѣною, которая за нее назначается»... и т. д. «Впрочемъ все это мы говоримъ отнюдь не въ укоръ Хемницеру, а обращаемся къ тѣмъ, которые своимъ неумѣстнымъ усердіемъ низводятъ сочиненія даровитаго писателя на одну доску съ какимъ-нибудь *Георгомъ, милордомъ Англинскимъ*, или подобными ему твореніями бездарныхъ писакъ.»

— 1841, т. XIX, Отд. VI, стр. 37. По поводу изданія 1841 года, Спб. типографія И. Глазунова. Рецензентъ, повторяя другими словами прежнее свое сужденіе о Хемницерѣ, въ примѣръ плохой басни выписываетъ цѣликомъ *Дерево*, гдѣ подчеркиваетъ устарѣлыя выраженія. Потомъ рас-

[1] Т. е. Ник. Полевой въ *Библіотекѣ для Чтенія* (см. выше, стр. 410).

пространеніе этого писателя въ народѣ объясняется слѣдующимъ образомъ: «По закону, черезъ 25 лѣтъ послѣ смерти автора, сочиненіе его дѣлается общимъ достояніемъ; а Хемницеръ умеръ назадъ тому 57 лѣтъ: вотъ причина, почему такъ часто печатаются у насъ басни Хемницера. Книгопродавцу не нужно платить за рукопись... Благодаря же извѣстному кругу тѣхъ покупателей книгъ, которые, идучи въ книжную лавку, никогда не знаютъ, что̀ имъ купить, а предоставляютъ выборъ книги судьбѣ и рекомендаціи образованнаго торговца книжнымъ товаромъ, — нельзя опасаться, чтобъ перепечатка залежалась». Въ концѣ статейки замѣчено, что книжка издана опрятно, на хорошей бумагѣ и сто̀итъ только 30 коп. сер.

Современникъ 1849, т. XVII, Отд. III, стр. 97. По поводу изд. 1849, Спб. — Рецензентъ повторяетъ сужденіе о Хемницерѣ критика Отеч. Записокъ, но еще въ болѣе рѣзкой формѣ: «Не весьма давно Хемницеръ почитался хорошимъ баснописцемъ, а теперь попробуйте читать его: стихъ, лишенный всякой энергіи, постоянно вялый, мысль бѣдная, иронія просто жалкая!» и проч. Въ примѣръ неудачныхъ басенъ приведены цѣликомъ: *Строитель* и *Богачъ и бѣднякъ*. О самомъ изданіи сказано, что оно «сдѣлано на такой грубой бумагѣ и такъ плохо, что 1849 годъ, украшающій его обертку, не признаетъ его своимъ дѣтищемъ».

Семейные вечера младшаго возраста 1866, № 4, стр. 181—182. Издательница этого дѣтскаго журнала М. Ѳ. Ростовская, внучка М. А. Дьяковой, разсказываетъ два анекдота о разсѣянности Хемницера, но при этомъ впадаетъ въ явныя ошибки относительно фактовъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Стр.

8. Самое имя Хемницера указываетъ на происхожденіе предковъ его изъ богатыхъ горными породами мѣстностей Саксоніи: въ окрестностяхъ значительнаго города *Хемница* (нынѣ около 40.000 жителей) находятся извѣстныя еще въ 15-мъ столѣтіи каменоломни. Хемницъ весьма древній городъ, нѣкогда построенный славянскимъ племенемъ (Сербами), какъ показываетъ и названіе его, первоначально *Каменецъ*. Въ извѣстномъ Брюсовомъ календарѣ есть между прочимъ такая замѣтка: «Таблица или правило сіе изыскано чрезъ Мартына Альберта Θеофрастическаго, медика и рудоискателя отъ *Хемницъ*» (Пекарскаго *Наука и литература въ Р. при П. В.*, т. I, стр. 308).

37. О родѣ Ганнибаловъ см. статью М. Н. Лонгинова въ *Русскомъ Архивѣ* 1864 г., стр. 180—191. Иванъ Абрамовичъ, сказано тамъ, былъ генералъ-аншефомъ и владимірскимъ 1-й ст. кавалеромъ; онъ умеръ 12 октября 1801 года въ Петербургѣ.

131. Указаніе на болѣе непосредственный источникъ басни *Два семейства* можно найти въ дорожномъ дневникѣ Хемницера; см. тамъ стр. 377.

297. Уже послѣ отпечатанія нашего «Библіографическаго перечня изданій басенъ Хемницера» Г. Н. Геннади любезно сообщилъ намъ составленный имъ списокъ извѣстныхъ ему изданій этого писателя. При сличеніи обоихъ списковъ оказалось, что нашъ, по числу показанныхъ изданій, нѣсколько полнѣе; въ немъ недостаетъ только слѣдующихъ подробностей: къ № 18, — изданіе книгопродавца Фарикова; XXXIII и 183 стр.; къ № 27, — въ типографіи Н. Смирнова; къ № 36, — въ типографіи А. Фридрихсона.

Стр.

303. Къ исторіи изданій Хемницера можно прибавить еще свѣдѣніе, что Россійская Академія, въ послѣдній періодъ своего существованія, имѣла намѣреніе издать со временемъ его басни (*Труды* Императорской Россійской Академіи, ч. I, стр. 65).

304. Ипполитъ Петровичъ Масклѐ, камергеръ и почетный членъ Общества любителей россійской словесности, былъ женатъ на вдовѣ извѣстнаго Алексѣя Андреевича Ржевскаго, рожденной Алымовой (Глафирѣ Ивановнѣ): см. замѣтку М. Н. Лонгинова въ *Русск. Архивѣ* 1870, стр. 689, гдѣ Масклѐ названъ переводчикомъ Крылова. Дѣйствительно, кромѣ басенъ этого писателя, помѣщенныхъ имъ на французскомъ языкѣ въ слѣдъ за переводомъ Хемницера, онъ издалъ въ 1828 году и полный переводъ извѣстныхъ тогда басенъ Крылова, а въ 1831 г. напечаталъ еще особый переводъ появившейся между тѣмъ 8-й книги собранія ихъ (см. статью А. Ѳ. Бычкова о переводахъ Крылова въ *Сборникѣ Отд. р. яз. и сл.* т. VI, стр. 92).

Въ отрывкѣ изъ Записокъ С. Глинки, напечатанномъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1863 г., № 4, стр. 810) сказано: «Хемницеръ оставилъ рукописныя сказки въ духѣ вольныхъ Лафонтеновскихъ сказокъ». Такъ такъ въ рукописяхъ баснописца не осталось никакихъ слѣдовъ подобныхъ сказокъ, то по всей вѣроятности извѣстіе это принадлежитъ къ числу тѣхъ вымысловъ или ложныхъ слуховъ, которыхъ встрѣчается не мало въ сказаніяхъ С. Глинки.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ И ПИСЬМАМЪ ХЕМНИЦЕРА.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ
БАСЕНЪ и СКАЗОКЪ
ХЕМНИЦЕРА.

Басни, въ первый разъ напечатанныя въ настоящемъ изданіи, отмѣчены здѣсь звѣздочкою.

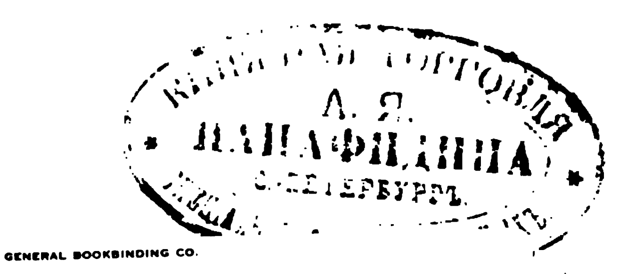
Снимокъ съ почерка.

правленная имъ басня Хеп

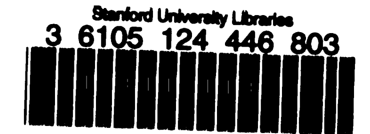
Бас

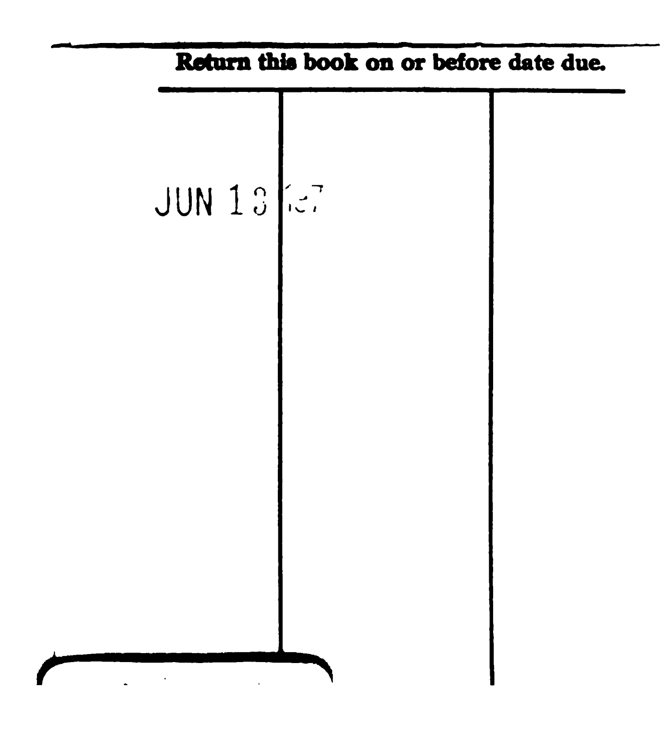
ри и Салк

мальчикъ

А. Я.
ПАНАФИДИНА

Stanford University Libraries
3 6105 124 446 803

Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
JUN 1

